

Анна Мария Зигмунд

ЖЕНЩИНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Мария Рейтер, Илзе Гесс,
Аннелиз фон Риббентроп,
Теа фон Харбоу, Зара
Леандер, Элеонора Баур

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Анна Мария
ЗИГМУНД

**Женщины
Третьего рейха**

М. Рейтер, И. Гесс, А. фон Риббентроп,
Т. фон Харбоу, З. Леандер, Э. Баур

ACT • Астрель
Москва
2005

УДК 94(430) (092)
ББК 63.3 (4Гем)-8
3-59

Настоящее издание представляет собой перевод
с немецкого оригинального издания
«Die Frauen der Nazis III», опубликованного в 2002 г. Wilhelm Heyne
Verlag GmbH & Co. KG, München.

Перевод с немецкого Н.Н. Нестеровой.
Научный редактор К.А. Залесский.

Зигмунд, А.М.

- 3-59 Женщины Третьего рейха : М. Рейтер, И. Гесс, А. фон Риббентроп, Т. фон Харбоу, З. Леандер, Э. Баур / Анна Мария Зигмунд; пер. с нем. Н.Н. Нестеровой. — М.: ACT: Астрель, 2005. — 351, [1] с. — (Неизвестные знаменитости)
ISBN 5-17-031598-8 (ООО «Издательство ACT»)
ISBN 5-271-11913-0 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-453-86152-3 (нем.)

Книга рассказывает о шести женщинах, занимавших видное место в Третьем рейхе: женах заместителя Гитлера Р. Гесса и министра иностранных дел И. фон Риббентропа, любовнице Гитлера М. Рейтер, сценаристке Т. фон Харбоу, кинодиве З. Леандер и одной из первых членов нацистской партии Э. Браун. Эти яркие биографии помогают не только лучше узнать происходившее в Третьем рейхе, но и отображают историю не зависящего от национал-социализма процесса эмансипации в первой половине прошлого столетия.

УДК 94(430) (092)
ББК 63.3 (4Гем)-8

Подписано в печать 01.05.2005. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 18,68. Тираж 5000 экз. Заказ № 1814

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ISBN 5-17-031598-8
(ООО «Издательство ACT»)
ISBN 5-271-11913-0
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-453-86152-3 (нем.)

© «Издательство Астрель», 2005
© Wilhelm Heyne Verlag, a division of
Verlagsgruppe Random House GmbH,
München, Germany, 2002

Предисловие к немецкому изданию

Это новая книга из серии биографий известных женщин Третьего рейха, начатой в 1998 году. За это время в свет вышло огромное количество книг, статей и телевизионных фильмов на эту тему. Женщины, поддержавшие нацистский режим, вызвали огромный интерес, дали толчок дискуссиям, их имена стали известными. Я не могла даже предположить, что данная тема будет иметь такой резонанс.

В начале своей работы я все же, конечно, надеялась, что ряд этих отдельных женских судеб поможет воссоздать портрет гитлеровской Германии с момента возникновения политического движения нацистов и до падения Третьего рейха.

Ильзе Гесс стояла у самых истоков нацистского движения. Молоденькая мюнхенская студентка, влюбленная в человека, впоследствии ставшего заместителем фюрера, была, по сути, бесплатным секретарем в этой непонятной «партии отщепенцев». Письма, написанные ею в 1944 году Генриху Гиммлеру с настойчивыми просьбами вызволить ее мужа из английского плена, являются призрачными свидетельствами тех безумных представлений, в плена которых находились национал-социалисты в последние годы войны.

Элеонора Баур, более известная как «сестра Пиа», с первой минуты своего знакомства с господами по имени Гитлер и Дrexслер в городском трамвае настолько заинтересовалась их идеями, что немедленно вступила в их партию. Во время «Пивного путча» она была ранена. За свое героическое поведение она была награждена орденом Крови и стала первой женщиной-кавалером этой награды. Она была единственной женщиной, имевшей доступ в концентрационный лагерь Дахау, где терроризировала заключенных. Из своей известности, которую она приобрела в годы войны, она сумела извлечь большие преимущества и после ее окончания — она долгое время жила в доме, построенном для «коммандос Пиа», как ее называли, заключенными концлагеря.

Актриса Зара Леандер понимала выгоду от своей славы звезды режима национал-социалистов совсем по-другому. Сразу после Сталинградской битвы, когда ситуация стала критической, она выиграла спор, «кто больше выпьет», с имперским министром экономики и, когда министр был уже изрядно пьян, потребовала у побежденного разрешения на вывоз собственного имущества из страны. Получив такое разрешение, она исчезла без следа, уехав на родину, в Швецию — страну во время Второй мировой войны придерживавшуюся нейтралитета. В то время как министр пропаганды Геббельс с помощью песен и фильмов Зары продолжал довольно безуспешные попытки подбодрить немцев, фанатики из СС кипели от возмущения, видя такое вероломство «дивы Третьего рейха».

Уникальную ценность представляют собой протоколы, которые вела Аннелиза фон Риббентроп в январе 1933 года, незадолго до захвата власти нацистами, когда Адольф Гитлер и Франц фон Папен проводили на берлинской вилле Риббентропов тайные переговоры. Уже тогда она пыталась воздействовать через своего мужа на

принятие политических решений. Впоследствии «железная леди» оказывала влияние на решения имперского министра иностранных дел, которые, в свою очередь, привели к развязыванию войны. После 1945 года ее усилия очистить имя Иоахима фон Риббентропа частично удались, хотя и не в той мере, какой она ожидала, но благодаря информации, предоставленной ею, союзниками были получены важнейшие материалы по внешней политике национал-социалистов.

Мария Рейтер, которую Гитлер ласково называл «Мицци» (Киска), также пыталась по окончании войны обернуть себе во благо историческую правду: ей удалось получить заверенное нотариально свидетельство о том, что Гитлер был «настоящим мужчиной». И в самом деле, несколько «неуклюжие» отношения, которые у нее были с фюрером, бросают довольно значительный свет на личную жизнь тогда еще начинающего, но уже стремительно набирающего известность политика. Но намного больше о реальности Третьего рейха может рассказать бесконечная, полная раздражения и придирок со стороны Марии переписка с национал-социалистическими бюрократическими органами, целью которых было выяснить, была ли она пригодна для брака со служащим СС, она, которая считала себя настоящей любовью Гитлера!

Эти яркие биографии помогают не только лучше узнать происходившее в Третьем рейхе, но и отображают историю не зависящего от национал-социализма процесса эмансипации в первой половине прошлого столетия. Удивительно, но женщины, приближенные к Гитлеру, лишь очень отдаленно соответствовали образу женщины, который пропагандировали национал-социалисты — этакого «сверчка у печки». Хотя одно исключение все же есть — Ева Гитлер, урожденная Браун, любовница Гитлера.

Аннелиз фон Риббентроп стояла за всеми решениями мужа, и это был общеизвестный факт. Мать Аннелизы, аристократка, как-то с удивлением заметила о министре иностранных дел: «Он самый глупый зять на свете». Но женщины склада, подобного леди Макбет, существовали, конечно, всегда. Потому намного более интересен феномен Теа фон Харбоу, чрезвычайно успешной писательницы, которая уже в ранней юности доказала, что умеет крепко стоять на ногах, а позже стала эталоном эмансипированной женщины, сделавшей успешную карьеру. Ее творческий и брачный союз с Фрицем Лангом стал легендарным. Оба автора-создателя «Метрополиса» и «Доктора Мабузе» считались чуть ли не самыми модными берлинцами 20-х годов. Но в год захвата власти Гитлером их пути разошлись: в то время как Фриц Ланг снимал антифашистские фильмы в Голливуде, Теа фон Харбоу писала сценарии для пропагандистских фильмов Геббельса.

Такие талантливые, яркие, волевые женщины, как Теа фон Харбоу, Зара Леандер или Аннелиз фон Риббентроп, безропотно покорились режиму, который провозгласил главенство мужчины в обществе, который лишал женщин малейшего шанса на участие в политике и даже запретил «Союзу немецких девушек» пройти торжественным маршем перед любимым фюрером. Это исторический курьез — мистическая психологическая загадка, до сих пор не разрешенная и которая существует намного дольше, чем просуществовал сам Тысячелетний рейх.

*Анна Мария Зигмунд
Вена, июль 2002*

МАРИЯ РЕЙТЕР

«Мицци» (Киска) –
неизвестная возлюбленная Гитлера
23 декабря 1909 – 28 июля 1992

«Он был настоящим мужчиной», – считала Мария Циран, в первом браке Волдрих, во втором Кушиб, урожденная Рейтер, когда она впервые рассказала в средствах массовой информации о своей большой юношеской любви – Адольфе Гитлеру. Она раскрыла свою тайну, которую хранила десятилетиями, объяснив это тем, что «по прошествии времени можно спокойно говорить об этом»¹. Но в своих мемуарах, опубликованных в 1959 году, она прежде всего хотела публично вступиться за единственного мужчину, которого она по-настоящему любила, сексуальная жизнь которого являлась предметом самых невероятных спекуляций. Но ей не удалось полностью обелить имя Гитлера в этом отношении. И по сей день существует множество публикаций, которые приписывают Гитлеру гомосексуализм, извращенное сексуальное поведение или импотенцию. Но Мария Рейтер умерла в твердой убежденности, что была самой большой любовью Гитлера.

¹Laut «Drittes Reich pruvat» – репортаж Spiegel-TV, 24.1.1999, с использованием заявления Рейтер от 1959 года.

Мария Йозефа Рейтер, которую в семье называли «Мими», родилась 23 декабря 1909 года в Берхтесгадене². Она была младшим ребенком в семье, в которой уже были сыновья Карл, Рихард и дочь Анна. Семья относилась к сословию мелких буржуа. Отец Карл – по профессии портной – все свое свободное время проводил в ка-бачке, рассуждая о большой политике. Будучи убежденным сторонником социал-демократов, он был одним из основателей социал-демократической ячейки СДПГ в Берхтесгадене. Мать – Анна Рейтер, в девичестве Венгер, – была модисткой и содержала на Максимилианштрассе, недалеко от отеля «Deutsche Haus»³, маленький магазинчик текстильных товаров и одежды под названием «Modewaren Reiter»⁴.

Как и старшие дети в семье, Мария ходила в семилетнюю школу в своем родном городке. Учителя считали ее умной ученицей, способной схватывать все на лету, и к тому же совершенно «беспроблемной» в отношении дисциплины⁵. Родители позаботились о том, чтобы их способная дочь смогла продолжить свое обучение. Наведя справки, они остановили свой выбор на уважаемом учебном заведении – лицее для девочек «Английские фрейлейн» (Englischer Fräulein) в Альтёйтинге, в самом знаменитом паломническом местечке Германии в 60 километрах к северу от Берхтесгадена.

В то время как Мария Рейтер под присмотром монахинь изучала французский язык, постигала сложности

²Справка городского управления Берхтесгадена от 17.7.2001.

³Отель не сохранился. На его месте сегодня находится «Sparkasse Berchtesgaden».

⁴Derzeit Modegeschäft Winkler. Davor Anzengruber, davor Reiter. Сведения Роберта Бранднера, Берхтесгаден, август 2001.

⁵Angabe von Maria Reiter im Fragebogen zur Aufnahme in die NSDAP, 1938, Bundesarchiv Berlin.

игры на пианино и правила хорошего тона, в Берхтесгадене в апреле 1923 года⁶ впервые появился Адольф Гитлер, фюрер НСДАП. Тогда он еще не ездил в большом «Мерседесе» с шофером и свитой, а наоборот, всячески старался не привлекать излишнего внимания к своей персоне. Для того чтобы ввести в заблуждение полицию, которая считала его членом партии, враждебной к существующей власти в стране, и потому следила за ним в его передвижениях, он с помощью своей ничего не подозревавшей сестры Паулы⁷ имитировал обычный безобидный дружеский визит в город. На самом же деле целью его поездки была встреча с объявленным в розыск товарищем по партии Дитрихом Эккартом⁸. Эккарт выпускал антисемитскую газету «Auf gut deutsch», в которой активно выступал против рейхспрезидента и рейхсканцлера⁹. Это послужило причиной того, что Лейпцигский суд выдал ордер на его арест по обвинению в государственной измене. Эккарт вынужден был скрываться в Баварских Альпах. При содействии людей, симпатизирующих НСДАП, он под чужим именем снял комнату в находившемся несколько севернее Берхтесгадена пансионе «Moritz»¹⁰.

⁶ Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, hrsg. von Werner Jochmann, Hamburg 1980, S. 203.

⁷ Паула (1896–1960) – младшая сестра Адольфа Гитлера, пятый, и последний, ребенок Алоиза Гитлера и Клары Пёльцль. После окончания войны жила в пригороде Гамбурга. – Прим. науч. ред.

⁸ Дитрих Эккарт (1868–1923), поэт и журналист, один из основателей нацистской партии – он стал ее членом раньше Гитлера. Сразу же признал в Гитлере «будущее партии», ввел его в круг своих знакомых, среди которых были состоятельные люди, дававшие деньги партии. Один из близких друзей Гитлера, бывших с ним на «ты». – Прим. науч. ред.

⁹ На этот момент пост рейхспрезидента занимал Фридрих Эберт, а рейхсканцлера – Вильгельм Кун.

¹⁰ Werner Maser, Die Fühgeschichte der NSDAP, Bonn; 1965; S. 379 ff.

Сам Гитлер в подробностях описал свой первый визит в Берхтесгаден, который впоследствии стал его любимым убежищем: «Вообще-то я поехал туда ради Дитриха Эккарта. Мы хотели найти ему жилье. Был выдан ордер на его арест, потому ему пришлось бежать... Меня сопровождала моя младшая сестра (Паула)... Я сказал им, что у меня там назначена деловая встреча, и оставил их внизу в Берхтесгадене, чтобы совершить пешую прогулку в горы с Вебером [предпринимателем и партийным деятелем Кристианом Вебером]¹¹. Склон дорожки был очень крутой, мне показалось, что мы шли бесконечно! Узкая дорожка, засыпанная снегом. «Слушай, — сказал я, — ты что, с ума сошел? Долго нам еще идти? Ты что думаешь, что я в состоянии взобраться на Гималаи, я же не горная серна!»... И вдруг я увидел впереди дом — пансион «Мориц»¹². Гитлер постучал и сказал: «Диди [Дитрих], это Вольф», так как в то время он опасался предателей и, как многие национал-социалисты, придавал огромное значение анонимности, называя себя «господин Вольф». «Никто [там] не догадывался, что пресловутый Адольф Гитлер — это я», — рассказывал он годы спустя.

На следующий день после утомительного восхождения у Гитлера появилась чудесная возможность полюбоваться замечательной панорамой. «Когда я проснулся на следующее утро, было уже совсем светло. Я пошел на веранду и взглянул вниз: чудесный вид! Вид на предгорья, неописуемая красота!.. В полдень Эккарт мне ска-

¹¹ Кристиан Вебер (1883—1945) был одним из первых членов НСДАП, а в 1922 году сформировал небольшой отряд СА, оснащенный мотоциклами, автомобилями и грузовиками, использовавшийся для переброски штурмовиков, перевозки агитационной литературы, для курьерской службы и т. д. Один из ближайших к Гитлеру людей. С 1933 года президент ландтага Верхней Баварии, с 1936 года — депутат Рейхстага. — Прим. науч. ред.

¹² Hitler, Monologe, a.a.O., S. 202 f.

зал: “Давай пойдем в турецкий ресторанчик! Ты же австриец, а австрийцы должны ценить настоящий гуляш!”¹³

Вскоре после этого Гитлер возвратился в Мюнхен. «Но когда у меня появлялось свободное время, я всегда ездил в горы, мы совершали чудесные прогулки... Для меня Оберзальцберг стал прекрасным эпизодом в жизни. Я влюбился в этот ландшафт всем сердцем»¹⁴. Впоследствии Гитлер проанализировал свою исключительную симпатию к Берхтесгадену и его окрестностям: «Мне было важно, что оттуда открывался также вид на горы, где находился Зальцбург, то есть существовала определенная связь с моей родиной»¹⁵.

Период с 1923 по 1925 год Мария Рейтер провела в Альттинге, ей очень нравилась учеба в интернате. Внезапная трагедия в семье нарушила ее учебные планы. У матери Марии обнаружили злокачественную опухоль горлани, потому она нуждалась в постоянном уходе и, конечно, уже не могла вести дела в своем магазине. Отец был вынужден забрать младшую дочь из интерната. Шестнадцатилетней девушки пришлось примириться со сложившейся ситуацией, полностью посвятив себя домашним делам, уходу за безнадежно больной матерью, состояние которой стремительно ухудшалось. В то же время она начала учебу на курсах модисток, посещая несколько раз в неделю учебное заведение в Берхтесгадене¹⁶. Старшая сестра Марии, Анна, которая была замужем за служащим органов юстиции Готтфридом Гелем, взяла на себя обязанности по ведению дел магазина тек-

¹³ Ebd., S. 203 ff.

¹⁴ Ebd.

¹⁵ Ebd., S. 204.

¹⁶ Maria Wöldrich, geb. Reiter. Eigenhändiger Lebenslauf. Beilage zum Heiratsgesuch an das Rasse- und Siedlungamt Berlin. März 1935. BDC, RS, Bundesarchiv Berlin.

стильных товаров. 11 сентября 1926 года мать Марии умерла¹⁷. На похороны собралась вся семья.

Рихард Рейтер, второй сын в семье, который жил в Мюнхене и работал служащим, взял отпуск и остался в семье на значительное время после траурных мероприятий, чтобы поддержать своего отца. 25 сентября он находился в магазине со своими сестрами и занимал их, рассказывая во всех подробностях о новостях большой политики в Мюнхене, о жестоких столкновениях на улицах, о выступлениях добровольческого корпуса, драках на политических собраниях, демонстрациях, о кровавой жестокости, которая стала обыденностью в Веймарской республике. Рихард Рейтер симпатизировал Гитлеру и НСДАП и был хорошо информирован о мероприятиях, проводимых НСДАП, что не могло не сердить его отца — убежденного социал-демократа. Рихард сообщил своим слушательницам, внимавшим его рассказам с довольно слабым интересом, что нацисты довольно быстро опправились после подавления ноябрьского путча 1923 года, что число приверженцев национал-социалистов постоянно увеличивается, что заключение в Ландсберге¹⁸ совсем не повредил фюреру НСДАП, а наоборот, придало ему нимб мученика, подвергающегося преследованиям.

И в самом деле, Гитлер благодаря процессу по делу о государственной измене, в котором он взял всю вину на себя, приобрел всегерманскую известность. Но воссозданная НСДАП не сразу стала столь популярной. Несмотря на то что фюрер, одержимый своей великой политической миссией, убеждал своих сторонников в скоп-

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Гитлер был арестован 11 ноября 1923 года, 1 апреля 1924 года он был приговорен к пяти годам тюремного заключения, которое отбывал в тюрьме в городе Ландсберг-на-Лехе (близ Мюнхена). 20 декабря 1924 года его освободили. — Прим. науч. ред.

ром успехе, его партия набирала на выборах с 1925 по 1928 год в среднем не более 2,6% голосов избирателей¹⁹. В завершение своего рассказа о политической обстановке в Мюнхене Рихард Рейтер сообщил сестрам, что ходят слухи о том, что этот самый Гитлер часто бывает в Берхтесгадене!

В этот день шестнадцатилетняя Мария Рейтер, которая мирно занималась своими делами в магазине, впервые услышала о человеке, который должен был перевернуть ее жизнь. «Рихард рассказал моей сестре и мне, — вспоминала она, — что здесь должен был находиться тот самый Гитлер, который отбывал свой срок в тюрьме Ландсберге. Мы, конечно, тогда не придали этому известию особого значения». Несмотря на то что Мария слушала рассказ брата без особого интереса, она все же осознавала, что «этот человек, если судить по рассказам моего брата, должен был быть интересной личностью». Во время разговора со своими сестрами Рихард поглядывал в окно. Вдруг он вскочил, закричав: «Смотрите, вот он идет по улице, это же он — Гитлер!» Эти слова, как позже с грустью замечала Мария, предопределили ее «судьбу». Анна и Мария бросились к окну и с любопытством разглядывали мужчину с большой красивой овчаркой, который шел по площади, на которой находился их магазин. Одет он был в бриджи, куртку-ветровку с кожаным ремнем, на голове светлая бархатная шляпа. Такой наряд бросался в глаза в маленьком городке, основная масса жителей которого одевалась в традиционные одежды в национальном стиле. Но сильнее всего бросалась в глаза его кожаная плетка, которую он держал в руке. Это был подарок — как позже узнала Мария — одного местного владельца трактира в

¹⁹ Heinrich Bennecke, Die Bedeutung des Hitlerputsches für Hitler. In: Politische Studien 13 (1962), S. 685–692.

Платтнергофе²⁰, а вовсе не эксцентричный каприз. Плетка скорее была простым сувениром — трактирщик из Платтнергофа привез ее из Африки, — хотя и могла в жестоких политических условиях Германии того времени применяться в практических целях. Если бы кто-либо из политических противников Гитлера захотел бы напасть на него, то Гитлер встретил бы его во всеоружии — помимо плетки он всегда носил с собой пистолет.

Когда Адольф Гитлер в 1926 году познакомился с юной Марией Рейтер, он уже был частым гостем в Берхтесгадене и его окрестностях. Под именем «господин Вольф» политик, стремительно набирающий популярность, провел множество выходных в пансионе «Мориц», подружившись с владельцами пансиона — семьей Бюхнер. Им он даже не побоялся раскрыть свое настоящее имя, которое, как правило, тщательно скрывал во время неофициальных поездок. Завеса секретности была приподнята для общественности только в день большого партийного собрания национал-социалистов в Берхтесгадене. «Настал день, когда я должен был выступать в Берхтесгадене. Наконец я мог больше не скрывать своего имени. День Германии в Берхтесгадене: приезжает шеф партии Адольф Гитлер! В пансионе [Мориц] царilo необычайное оживление. Весь пансион, сорок — пятьдесят человек, спустились вниз в город, чтобы увидеть этого человека своими глазами. Обед специально был назначен на более ранний час. Я приехал на мотоцикле в Крону [отель “Клопе”]²¹ и, войдя в зал, увидел весь пансион!.. Я поднялся на подиум. Они смотрели на меня, как на сумасшедшего... Когда я позже вернулся в пансион, то уже не мог спокойно находиться в нем. Те

²⁰ Laut Angabe von Frau Gerdy Troost. Mitteilung von Ulrich Ziegeltum, Berchtesgaden.

²¹ Позже отель был снесен.

люди, что раньше ругали меня, теперь стеснялись и смущались моего присутствия»²².

Семья Бюхнеров всегда очень дружелюбно принимала Гитлера и после его освобождения из тюрьмы в Ландсберге. Находясь в пансионе, он взялся за организацию своей раздробленной, запрещенной властями партии²³. «В 1925 году я вновь приехал к Бюхнерам, в их высокогорный пансион. Я сказал: «Я должен диктовать, мне нужен абсолютный покой». Они поместили меня в крошечном домике, где я мог спокойно работать»²⁴.

Множество выходных дней Гитлер посвятил тому, чтобы изложить на бумаге свои мысли и политические представления. Первая часть его книги «Майн Кампф», которая была написана в праздные часы заточения в Ландсберге, вышла в свет 18 июля 1926 года и имела огромный успех. В течение всего 1926 года в Берхтесгадене, где Гитлер, по его собственному признанию, вел тихую, уединенную жизнь писателя, шла работа над второй частью «бестселлера»: «Каждый день я взбирался на Оберзальцберг к Шаритцкель, потом спускался вниз, на это уходило по два с половиной часа. Внизу у подножия гор я написал второй том (часть 2)»²⁵.

В то время как первый том²⁶ был посвящен теме «Позорного договора в Версале», то в продолжении книги Гитлер уже описывал свои далеко идущие планы на будущее. В довольно скучно населенных окрестностях Бер-

²² Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 205.

²³ После запрета было создано две группы: Великогерманское народное объединение (Groaaedtsche Volksgemeinschaft) и Национал-социалистическое свободное движение (Nationalsozialistische Freiheitsbewegung).

²⁴ Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 205.

²⁵ Ebd., S. 206.

²⁶ Adolf Hitler, Mein Kampf. Erster Band: Eine Abrechnung, München 1925. Zweiter Band: Die nationalsozialistische Bewegung, München 1927.

хтесгадена он переносил на бумагу свои фантазии о «народе без пространства»²⁷, который он собирался создать, расширив владения Германии на восток и далее на весь мир²⁸.

Вскоре после того, как Мария впервые увидела фюрера в окно, они познакомились лично. Первая встреча состоялась в парке Берхтесгадена, недалеко от текстильного магазинчика семьи Рейтеров, где местной общиной были установлены скамейки для отдыхающих. Здесь сестры любили посидеть после обеда, так как отсюда хорошо был виден их магазин, а значит, легко было заметить и потенциальных клиентов. Мария играла с овчаркой по имени Марко, принадлежавшей ее зятю. Вдруг сестры заметили Гитлера, приближающегося к ним. Гитлер, как это выяснилось позже, уже давно заприметил голубоглазую блондинку. В сцене знакомства ничего не указывало на стеснительность и зажатость Гитлера, что ему позже часто приписывали в общении с женщинами. Напротив, тридцатисемилетний политик повел себя как опытный специалист, обратившись не к истинному объекту своего внимания, а к его старшей сестре. Поклонившись Анне, Гитлер вежливо попросил разрешения присесть рядом. Старая проверенная схема знакомства сработала. Мария Рейтер подробно передала разговор Гитлера с сестрой, сраженной вежливостью фюрера, в городском саду: «Милостивая сударыня, не могли бы вы мне сказать, кто эта девушка со светлыми волосами? Я видел ее еще вчера, когда она играла с собакой в парке». Мария украдкой наблюдала за этой сценой. «Конечно, я посмотрела, кто присел

²⁷ Название взято из заголовка романа Ганса Гримма и стало одним из лозунгов национал-социалистов.

²⁸ Martin Broszat, *Betrachtungen zu «Hitlers zweitem Buch»*. In: VJHZ 9 (1961), S. 417–429.

рядом с моей сестрой. Но я должна честно сказать, что господин с черными усиками, выглядевшими как мушки, приkleенные над верхней губой, вызвал у меня чувства весьма далекие от симпатии»²⁹. Но вскоре мнение Марии резко изменилось. Когда Мария подошла к сестре, Гитлер встал и дружелюбно улыбнулся девушке. Затем он подал ей руку, проникновенно посмотрел на нее и сказал: «Собака просто прелесть! Она отлично выдрессирована». Мария робко ответила, что собака вовсе не ее, а принадлежит ее зятю.

Как это обычно было в его обращении с другими людьми, Гитлер быстро нашел сердечный тон и подходящую тему разговора. Он умел создать впечатление, что крайне заинтересован делами своего собеседника. В подробнейшей беседе на тему преимуществ и недостатков различных пород собак девушка мгновенно позабыла свой страх и робость перед незнакомым мужчиной, услышав уже первую фразу: «Я бы не смог представить себе жизнь без моей собаки, вы тоже?» Беседа длилась около часа. Когда беседа перестала клеиться, сестры припомнили рассказы брата из Мюнхена и спросили Гитлера о его заточении в Ландсберге. Гитлер, смеясь, перевел разговор на другую тему и предложил Марии прогуляться с ним. Анна, чувствовавшая себя ответственной за младшую сестру, упомянула о смерти матери. Она извинилась, сказав, что неприлично так скоро после несчастья в семье идти гулять по Берхтесгадену с незнакомым мужчиной, тем более намного старше ее. Ведь люди, конечно, заметят это и вряд ли одобрят. В таком маленьком городке, как Берхтесгаден, где все друг друга знают, слухи распространяются очень быстро, на карту будет поставлена репутация Марии.

²⁹ Интервью Марии Рейтер Понтеру Пейсу: Stern № 24, 13.6.1959.

Вежливо распрошавшись с сестрами, Гитлер вернулся в отель «Deutsches Haus», где он снимал комнату с начала 1926 года. Он не хотел менять место жительства и спускаться с гор в долину, но пансион «Мориц» сменил владельцев. «В пансионе появился некий саксонец Дресслер. Это случилось в 1926 или в 1927 году [на самом деле в 1926]. Это было ужасно. Этот парень был на редкость ленивым, не уделял обслуживанию почти никакого внимания, еда была отвратительной, постояльцы часто становились свидетелями неприятных сцен; его связь постоянно пребывал в запое... Я был рад, что смог съехать оттуда»³⁰. Гитлер тем не менее начал подыскивать себе загородное жилье. Какое-то время он жил на вилле своих друзей и покровителей — семьи фабрикантов Бехштейнов, но чувствовал себя там не очень удобно. «Это было невыносимо. Бехштейны сами говорили, что им несколько неудобно мое присутствие, все-таки они были людьми светскими, несколько напыщенными, то есть полной противоположностью нам [национал-социалистам]», — вспоминал Гитлер в своих дневниках. «Года полтора-два после этого с перерывами я прожил в отеле “Deutsches Haus” в Берхтесгадене, но всегда в одной и той же комнате [номер 28]³¹. Меня там хорошо поголовали»³².

Круг, в котором вращался тогда Гитлер, состоял из немногих верных и проверенных единомышленников, большинство которых впоследствии после захвата власти получили важные посты. Среди соратников Гитлера «периода борьбы», с которыми познакомилась Мария Рейтер в Берхтесгадене, были секретарь и впослед-

³⁰ Hitler, Monologe, a.a.O., S. 206.

³¹ Mitteilung von Ulrich Ziegeltrum, Berchtesgaden.

³² Hitler, Monologe, a.a.O., S. 206 f.

ствии «заместитель фюрера» Рудольф Гесс, руководитель центрального партийного издательства «Eher-Verlag» Макс Аманн, имперский руководитель пропаганды НСДАП Герман Эссер, партийный идеолог и редактор газеты «Фёлькише беобахтер» Альфред Розенберг, бывший первый председатель ДАП [Deutsche Arbeiterpartei] Антон Дрекслер, фотограф Генрих Гофман и Эмиль Морис, шофер Гитлера, который следовал за ним как тень³³. Дитрих Эккарт, шеф-редактор «Фёлькише беобахтер» и «поэт партии», при поддержке которого «Фёлькише беобахтер» стала партийным печатным органом³⁴, в 1926 году ушел из жизни³⁵. Но с самой важной покровительницей газеты, баронессой Лили фон Абegg, Гитлер Марию не знакомил. О баронессе прессы писала, что она передавала партии деньги и ценные предметы. Она также предоставила в распоряжение скрывающихся от правосудия членов партии национал-социалистов свое имение «Фёльхойзль» в Берхтесгадене³⁶.

Спустя два дня после знакомства с Марией Рейтер Гитлер предпринял новую попытку сближения, появившись утром в магазине семьи Рейтер. Его сопровождал

³³ После прихода НСДАП к власти только Гесс получил новое высокое назначение, став заместителем фюрера по партии и имперским министром без портфеля. Аманн и Розенберг просто сохранили свои старые посты, а Гофман остался личным фотографом фюрера. Дрекслер с 1925 года был в оппозиции Гитлеру, Эссер занимал высокие посты в Баварии (а в 1935 году потерял их), а Морис хотя и был избран в Рейхстаг, но никаких высоких постов не получил. — Прим. науч. ред.

³⁴ Sonja Noller, Die Geschichte des «Völkischen Beobachters» von 1920 bis 1923. Diss. Universität München. 1956, S. 238 f.

³⁵ Дитрих Эккарт умер 23 декабря 1923 года в Берхтесгадене от инфаркта (по другой версии — от белой горячки). — Прим. науч. ред.

³⁶ «Münchener Morgenpost», 3.4.1923.

несколько грубоватый на вид Макс Амайн³⁷. Оба господина пригласили Марию прогуляться с ними в «Hochlenzer» — загородный ресторан — и отобедать там. Эту часовую прогулку Гитлер совершил тогда почти ежедневно. В этом деревенском романтическом ресторанчике, построенном еще в XVII веке и расположенным на пути к высокогорному mestечку Шариц-Келальм, можно было на свежем воздухе за простыми деревянными столиками выпить стакан свежего молока или кружку пива. Местные крестьяне уже давно заметили горожанина в вычурных кожаных брюках. Некоторые из них с нетерпением и любопытством ожидали очередного появления «господина Вольфа» в их деревушке, так как «прирожденный оратор» своими вдохновенными речами вносил желанное разнообразие в их сельскую уединенную жизнь, тогда еще лишенную радио и телевидения³⁸.

Хорошо воспитанная юная Мария Рейтер все же отклонила предложение о прогулке под предлогом, что она привыкла гулять с подругами, а не с незнакомыми мужчинами. Но Гитлер не сдавался, он сменил стратегию, объяснив, что он является опытным политиком, имеющим большой вес. Он обещал ей, что она увидит его в кругу его близких друзей и почитателей!

Уже вечером того же дня Макс Амайн принес Марии официальное приглашение на тогда еще нелегальное собрание НСДАП. «Он сказал, что сегодня вечером в отеле “Deutsche Haus” должно состояться закрытое партийное собрание», — вспоминала Мария. Закрытым собра-

³⁷ Макс Амайн (1891–1957), с 1932 года рейхслайтер, с 1936-го —obergruppenführer СС. Один из первых членов НСДАП (имел билет № 3). В 1922–1945 годах директор Центрального издательства НСДАП «Эхер ферлаг». В 1948 году приговорен к 10 годам рабочих лагерей, в 1953 году освобожден. — Прим. науч. ред.

³⁸ Mittelung Ulrich Ziegeltrum, Berchtesgaden.

ние было потому, что Гитлеру в то время не разрешалось выступать публично. 9 марта 1925 года правительство Баварии наложило двухгодичный запрет на публичные выступления Гитлера. Это была реакция властей на массовую истерию, произошедшую 27 февраля 1925 года во время выступления Гитлера в мюнхенской пивной Бюргербройкеллер перед 4000 зрителями. Женщины с визгом взбирались на столы и хором восхваляли фюрера за день до того вновь основанной партии НСДАП, как «дар Божий». Этот «дар Божий», предварительно убедив баварского премьер-министра в исключительно мирных намерениях³⁹, уже в своих первых выступлениях проявил несдержанность. Его вопли: «Я хочу одного — чтобы знамя со свастикой стало моим саваном, если я погибну в этой борьбе» или «Наша борьба может закончиться только двумя способами — или враги пройдут по нашим трупам, или мы пройдем по трупам врагов!» — стоили ему свободы публичных выступлений и лишили НСДАП самого мощного его оружия на два года⁴⁰.

На собрании в Берхтесгадене, на котором присутствовали сестры Рейтер, несмотря на решительные протесты их отца — социал-демократа, царила напряженная атмосфера. Собравшихся слушателей будоражила возможность нового скандала или по меньшей мере драки в зале. Но тем не менее все протекало довольно спокойно, и верные приверженцы локальной ячейки НСДАП, основанной еще в 1922 году, так и не дождались сенсации⁴¹. Мария Рейтер рассказывала о своих впечатлениях: «Когда мы вошли в зал, то присутствующие зашумели, так как

³⁹ «Bayrischer Morgenpost», München, 16/12/1925, S. 2f.

⁴⁰ Albrecht Tyrell, Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit der NSDAP», Düsseldorf, 1969, S. 97, 107.

⁴¹ «Völkischen Beobachter», 25.3.1922.

все знали, что наш отец принадлежал к кардинально противоположной политической партии. За столом сидели человек сорок из партии национал-социалистов». Гитлер заметно испытывал большое удовлетворение от того, что дочери политического противника присутствовали на этом мероприятии. Социал-демократов и коммунистов он считал своими смертельными врагами еще со времен своей политической молодости в Вене, но пришел в конце концов к выводу, что жертв, к которым он причислял и простого берхтесгаденского портного, нельзя осуждать. Так как «...только глупец, проводя огромную работу по отравлению жертвы, может еще ее и осуждать»⁴².

Но шестнадцатилетняя Мария, ради этого вечера сменившая траурное одеяние на более яркое платье, и не догадывалась о различных нюансах этого политического движения. «Тогда на мне был темно-зеленый охотничий костюм, но на рукаве все же была повязана траурная лента, волосы были собраны в узел, и когда я в тот вечер прихорашивалась перед зеркалом, то, конечно, думала о том, что увижу господина Гитлера. Я казалась сама себе такой значительной. Я надеялась, что он каким-то образом все же считает меня духовно созревшей девушкой, ведь иначе он не пригласил бы меня на это собрание, где речь пойдет только о политике», — думала красивая юная девушка. «Наверное, во мнѣ было что-то, что привлекало такого взрослого, опытного мужчину, как господин Гитлер...»

Собрание началось в восемь часов вечера. К досаде Марии, их с сестрой подвели к столу, за которым уже сидели дочери владельца отеля Эрнста Метке, которые не скрывали своего горячего обожания господина Гитле-

⁴² Adolf Hitler, *Mein Kampf. Die Psyche der Masse*, München 1938, S. 44.

ра и потому моментально стали для Марии соперница-ми. Гитлер, который имел феноменальную память, спустя многие годы вспоминал о трех сестрах Метке: «Я всегда любил бывать в “отеле трех девушки” (отель “Deutsches Haus”), там всегда были красивые женщины, я обожал их внимание; одна из них была просто красавицей, другие же были очень милы»⁴³.

Довольно безобидная речь председателя собрания, который старался в своем курортном городке избегать недовольства и скандалов, была посвящена довольно скучной теме: организации НСДАП. Для юной Марии многое было непонятно. Тем не менее она с увлечением слушала говорившего, так как речь привлекла и заинтересовала ее. Но она также и чувствовала, как оратор бросал на нее красноречивые взгляды. Официальная часть мероприятия сменилась неформальной, в маленьких кружках. В специальной комнате отеля знакомые оратора какое-то время сидели вместе, причем Мария заняла место рядом с Гитлером. Он призвал на помощь весь свой шарм, сначала называл Марию на «вы», постепенно перешел на «ты», «Мицци», «Мицерль»⁴⁴. С сочувствием он осведомился у Марии о болезни ее матери. Он рассказал, как он сам безмерно страдал после смерти своей горячо любимой матери, которая умерла от рака груди, когда Гитлер был еще совсем молодым. Ему казалось невозможным осознать эту потерю. У нее были такие же красивые глаза, как у Марии. И вообще девушка во многом напоминает ему его умершую маму. Затем он предложил сопровождать Марию на могилу ее матери.

Такой явный интерес политика к молодой девушке вызвал ревность у одной из дочерей владельца отеля. Она

⁴³ Hitler, Monologe, a.a.O., S. 206.

⁴⁴ Mizzi, Mitzerl – киска, кошечка. – Прим. пер.

вмешалась в их разговор и довольно колко спросила Гитлера, почему он не женится. «Гитлер немедленно повернулся к ней и объяснил, что женится только на женщине, которую действительно полюбит. Но сначала он должен спасти немецкий народ, который был повержен в последней войне», — вспоминала Мария Рейтер годы спустя. Она также вспоминала, что при этом Гитлер выразительно посмотрел на нее, прикоснулся своим коленом к ее ноге и слегка наступил ей на ногу. В конце вечера Гитлер и Макс Аманн проводили сестер Рейтер домой. «Мышли потом — две парочки — поочной улице. Аманн шел с моей сестрой метрах в 30 впереди нас... Гитлер положил свою руку мне на плечи и хотел прижать меня к себе. Но тут обе собаки (Марко и Принц) начали прыгать, да так, что шерсть полетела». Увидев дерущихся овчарок, Гитлер странно изменился в лице. Оно исказилось от ярости, и он с чудовищной жестокостью ударил своего Принца. Мария с ужасом наблюдала за тем, с какой грубостью Гитлер обращается со своим псом, которого он часто называл своим лучшим другом. Но вскоре политик, успокоившись, снова стал таким же очаровательным, каким и был до этой сцены. В доме сестры Марии, в так называемом берхтесгаденском кавалерском доме (*Berchtesgadener Kavaliershäusel*), вся компания затем пила чай. Прощаясь, Гитлер попытался поцеловать Марию.

Спустя несколько дней он пригласил девушку и ее сестру на пикник на Штарнбергское озеро. Пикники — с дамами и без — были слабостью Гитлера. Он никогда не упускал возможности устроить пикник, даже позже, когда он стал человеком, имя которого знала вся страна, и даже во время предвыборных поездок по стране. «Во время таких поездок я любил выезжать на пикники. Иногда это было довольно сложно; часто наша автомобильная колонна часами преследовалась автомобилями, водите-

ли, которых не хотели упускать возможности увидеть меня вблизи, когда я на отдыхе на природе. Иногда нам действительно приходилось прибегать ко всем возможным средствам, чтобы отделаться от этих преследователей», — вспоминал фюрер и рейхсканцлер⁴⁵.

Своих водителей Гитлер выбирал еще во времена «этапа борьбы движения национал-социалистов», причем с особой тщательностью. Они служили ему одновременно и организаторами различных партийных мероприятий, и телохранителями. «У меня были такие водители!.. Геринг чаще ездил по левой стороне... Когда случались опасные моменты, он быстро давал газу... Бастиан как-то сошел с гонки, несколько машин столкнулись... он вновь вился в поток автомобилей и умчался! Но были и очень неприятные сцены. Тогда нам было не до смеха, вовсе не хотелось бы, чтобы нас переехала шайка каких-то хулиганов... Меня возили не шоферы, а товарищи по партии и друзья!»⁴⁶

В поездке на озеро машину с сестрами Рейтер вел Эмиль Морис⁴⁷ — по профессии часовщик, — который отвечал за безопасность в залах во время собраний, был предан Гитлеру и входил в число его немногочисленных закадычных друзей⁴⁸. Негромкое жужжание мотора элегантного автомобиля — подарка одной из почитательниц Гитлера — и обмен нежностями с Гитлером на заднем сиденье стали для Ма-

⁴⁵ Hitler, Monologe, a.a.O., S. 206.

⁴⁶ Ebd., S. 408.

⁴⁷ Эмиль Морис (1897–1979) был членом еще предшественницы НСДАП — Немецкой рабочей партии, а впоследствии получил НСДАП-№ 39. Поддерживал близкие отношения с племянницей Гитлера Г. Раубал; ходили слухи, что Морис специально был поставлен играть роль соперника Гитлера накануне ее самоубийства. После войны приговорен судом по денацификации к 4 годам рабочих лагерей. — Прим. науч. ред.

⁴⁸ München — Haupstadt der Bewegung, a.a.O., S. 233f.

рии незабываемым событием. «Я думаю, тогда и был сломан тонкий лед», — вспоминала Мария Рейтер.

Вскоре после этого незабываемого дня ее поклонник появился в магазине Рейтеров и, незаметно устроившись за стойкой, наблюдал за тем, как его подруга обслуживает клиентов. Он тоже купил себе белые гетры, за которыми потом быстро закрепилось название «гольфы Гитлера» и которые быстро вошли в моду среди его товарищей по партии⁴⁹. Некоторое время спустя он сопровождал Марию, как и обещал, к могиле ее матери, где утешал ее, предложил называть его на «ты» и «господин Вольф»⁵⁰. Он объяснил, что имя Адольф в старогерманском языке имело значение «благородный волк». Употребление имени «Вольф» стало со временем для Гитлера настоящей манией. Вначале он придумал его просто как псевдоним, впоследствии в качестве особой части просил близких ему дам называть его именем «Вольф». В военное время ставкам фюрера давали названия «Вольфешанце» или «Вольфсшлухт»⁵¹, чем, конечно, не ограничивалась область распространения существительного «Вольф». Когда самый любимый проект Гитлера — создание автомобиля «Фольксваген» — был реализован, то для производства автомобиля специально был основан город, который получил название Вольфсбург⁵². В конце войны стали появляться «вервольфы»⁵³. И поскольку никому нельзя было извлекать пользу из родства с фюрером, его сестра

⁴⁹ Белые «Stutzen» стали отличительной чертой австрийских национал-социалистов после запрета НСДАП.

⁵⁰ В переводе с нем. Wolf означает «волк». — Прим. пер.

⁵¹ Wolfsschanze — «Волчье логово», Wolfsschlucht — «Волчье ущелье». — Прим. науч. ред.

⁵² Hans-Jörg Wohlfahrt, Deckname Wolf. Hitler's letzter Sieg, Berlin 2001.

⁵³ «Вервольф» (Wehrwolf) — оборотень — название подпольной нацистской организации, формирование которой началось в последние

Паула вынуждена была годами влажить жалкое существование под именем «фрау Вольф»⁵⁴.

Во время этого эмоционального посещения кладбища Мария услышала также фразу «Я пока еще не готов», которую Гитлер невнятно пробормотал как бы про себя. Спустя годы, когда германская армия уже воевала на территории России, Гитлер в одном из своихочных монологов сам объяснил, что он хотел этим сказать: «Зачем мне жениться, чтобы потом вновь оставить жену, когда меня возьмут в плен?.. Решено: о женитьбе не может быть и речи. В свое время это привело к тому, что я упустил несколько благоприятных возможностей. Потому я отказался от этой мысли»⁵⁵.

Сведения о личной жизни Гитлера в Берхтесгадене в 20-х годах прошлого века основываются на воспоминаниях его современников и, прежде всего, на его собственных высказываниях зимой 1941/42 годов. Во время военной кампании в России Гитлер после вечерних военных совещаний в своей украинской ставке⁵⁶ долго не ложился спать. Он приглашал тех немногих, кому доверял (особое внимание он уделял присутствию секретарш), на вечерний чай в свой бункер. Многочасовые монологи, казалось, отвлекали и расслабляли его. Так как фюрера запрещалось утомлять, гости старались не

месяцы войны. «Вервольф» должен был стать аналогом партизанского движения в СССР или движения Сопротивления во Франции. — Прим. науч. ред.

⁵⁴ С 1945 по 1952 год она жила в Берхтесгадене под именем Паулы Вольф. Затем она смогла вернуть себе свою старую фамилию (Anschrift des Einwohnermeldeamtes Berchtesgaden vom 19.7.2001).

⁵⁵ Слова Гитлера, сказанные в ночь на 17.1.1942 в «Волчьем логове»: Hitler, Monologe, a.a.O., S. 208.

⁵⁶ Имеется в виду находившаяся под Винницей Ставка Гитлера «Wehrwolf» («Оборотень»). — Прим. науч. ред.

затрагивать каких-либо тем самостоятельно, а тем более не углубляться в рассуждения или возражать Гитлеру. До самого утра они молча сидели, временами кивая, судорожно пытаясь не заснуть, и слушали отрывочные воспоминания Гитлера. Верховный главнокомандующий вермахта не затрагивал при этом ни актуальных вопросов текущей политики, ни тяжелого кризиса на Восточном фронте, речь никогда не шла о все более ожесточающейся воздушной войне или об очевидном поражении итальянских союзников. Напротив, Гитлер с большим удовольствием предавался воспоминаниям о прошлых мирных временах, когда он был еще молод, здоров и переживал первые политические успехи. Часто рассказывались анекдоты времен зарождения нацистского движения, о его визитах в Берхтесгаден и в Оберзальцберг.

«Да, я тесно связан с этими горами. Там многое произошло, что-то возникло, что-то исчезло, но я помню об этом периоде как о лучшем в моей жизни... Все мои великие планы возникли именно там... Сколько у меня было свободного времени! Совсем не то, что сейчас...», — предавался ностальгии фюрер в «Волчьем логове» в ночь на 17 января 1942 года⁵⁷. Так как фюрер часто выражался в подобной манере, то для Мартина Бормана, могущественного руководителя Партийной канцелярии и правой руки Гитлера, скоро стало ясно, что — как он писал в одном письме — «Берхтесгаден и Оберзальцберг скоро станут местами паломничества немецкого народа...»⁵⁸.

Вскоре после совместного посещения кладбища «Вольфом» и «Мицци» Гитлер сообщил девушке, что пришло время вновь вернуться в Мюнхен, — его вынуж-

⁵⁷ Hitler, Monologe, a.a.O., S. 207f.

⁵⁸ Письмо Мартина Бормана Роберту Лею от 2.1.1938 (Mitteilung von Ulrich Ziegeltrum, Berchtesgaden).

дали к этому партийные дела. В его программе поездок были также города Северной Германии и Берлин. По предложению Гитлера они совершили небольшую прощальную вылазку на природу — но уже без сестры Марии. «За Бишофсвизеном (близ Берхтесгадена), там, где начинаются чудесные лесные склоны, машина Гитлера остановилась. Он хотел прогуляться со мной немного по лесу...» — вспоминала Мария Рейтер об этом эпизоде своей жизни, который закончился для нее первым поцелуем. Гитлер назвал девушку своей «лесной феей», «затем прижал меня к себе и сказал: “Мими, любимая, дорогая моя девочка” — и поцеловал меня. Я думала, я умру. Так я была счастлива». Счастье неопытной Мими-Мицци увеличилось, когда ее друг намекнул ей на то, что она — его идеал женщины, с которой он хотел бы завести семью. Это оптимистичное заявление, несколько охлажденное последующим «В данное время у меня нет времени думать об этом», которое влюбленная Мария приняла за обычную, ничего не значащую фразу, и последующее объяснение его политических видений смутно доходило до ее сознания. Гитлер сам резко оборвал это романтическое объяснение, и пара вернулась к машине, где он сухо сообщил своему водителю: «Ну, Моритиль, поехали, назад в Берхтесгаден!»⁵⁹ В завершение прогулки политик все же заметил: «Я очень хотел бы ехать с тобой куда-нибудь, просто ехать и не останавливаться...»⁶⁰

Эта история любви продолжилась в письмах. «Мицци», которая по приказу отца на время переехала в Инсбрук к родственникам⁶¹, писала длинные письма. Силь-

⁵⁹ Сведения представлены доктором Хедвиг Морис, вдовой Эмиля Мориса, Штарнберг, август 1998.

⁶⁰ Интервью Марии Рейтер Гонтеру Пейсу.

⁶¹ Указание в биографии Марии Рейтер.

но занятый «Вольф» посыпал ей нежные ответные письма, но чаще ограничивался открытками, которые девочка регулярно получала со всех концов Германии. Адрес на них гласил: «Фрейлейн Марии Рейтер, Берхтесгаден, Максимилианштрассе (модный магазин), Бавария». Так, 25 ноября 1926 года Гитлер писал из Падерборна, где он выступал перед промышленниками⁶²: «Мое дорогое дитя! Шлю тебе сердечный привет! Я, как всегда, думаю о тебе! Твой Вольф»⁶³. Он присыпал ей также привет из Бад-Хомбурга. На одном из писем без марки было приписано: «...в спешке забыл наклеить марку. Прости, пожалуйста».

В то время как Гитлер в начале ноября 1926 года назначал новых руководителей на высшие посты в СА, пытался расположить к себе влиятельных промышленников Рурской области, выступал на закрытых партийных собраниях и поддерживал доктора Йозефа Геббельса в его борьбе за «красный Берлин», Мария Рейтер мечтала о совместном будущем с политиком, чьи «честные намерения» не вызывали никакого сомнения.

Культ фюрера, доведенный впоследствии национал-социалистической пропагандой до гротеска, укрепил Марию в ее уверенности, что ее полюбил очень значительный мужчина. Не без причины же ее Вольфа преданно называли «Мой фюрер!» Этот своеобразный титул был уже в те времена в партийных кругах обязательным, так как в 1926 году принцип «фюрерства» был прочно закреплен Гитлером в партии. Верные крылатой фразе «Фюрер всегда прав!», приверженцы национал-социали-

⁶²Henry A. Turner, Hitler's Secret Pamphlet for Industrialists, 1927 / In: Journal of Modern History 40, 1968, S. 348–374.

⁶³Текст открыток Гитлера к Рейтер приведен в приложении в конце этой книги.

стической партии считали своей целью «сделать движение инструментом, безупречно работающим в руках фюрера»⁶⁴. На съезде партии, состоявшемся в Веймаре, члены штандарта СА давали уже такую присягу: «Я клянусь тебе, нашему фюреру Адольфу Гитлеру, защищать наше знамя до последней капли крови»⁶⁵.

Из-за этой шумихи вокруг культа Гитлера Мария Рейтер не видела и не понимала, что ее поклонник, который старше ее на 20 лет, является шефом подозрительной, не чуждой насилия над политическими противниками партии, которая на тот момент пребывала в некоторой стагнации (на выборах в гессенский ландтаг НСДАП набрала всего 1,6% голосов избирателей). Мария же, напротив, благодарила свою судьбу за то, что Гитлер, вокруг которого всегда было много поклонниц, выбрал именно ее в качестве спутницы жизни и оказывал именно ей знаки своего внимания. Так, Гитлер писал ей из Веймара: «Мое дороге дитя! Прими от меня самый сердечный привет! С заверениями верности, твой Вольф». Дружба девушки с национал-социалистами расколола семью Рейтер на два противоположных лагеря: отец и старший сын оставались убежденными социал-демократами – Карл Рейтер-младший был в 1945 году назначен американцами первым исполняющим обязанности бургомистра послевоенного Берхтесгадена. Рихард, второй брат Марии, ее сестра Анна, в замужестве Анна Хель, и ее муж Готтфрид объявили себя в 1926/27 годах национал-социалистами. Это произошло в тот период истории партии, когда «член НСДАП мог только все потерять, но

⁶⁴ Речь Йозефа Геббельса, опубликованная «Völkischer Beobachter», 3.7.1926, S. 1f.

⁶⁵ Сообщение имперского комиссара по общественному порядку. Цит. по: Tyrell, Führerbefehl, a.a.O., S. 159f.

никак не приобрести что-то», как сказал Гитлер об этой фазе развития партии⁶⁶.

Мария очень страдала из-за раздора в семье и из-за постоянных упреков отца. Но в жарких дебатах в кругу семьи она не принимала никакого участия. Свою лояльность «Вольфу» она демонстрировала молча и упрямо, проводя почти всю позднюю осень за вышиванием свастик на подушках. Мария принялась за это рукоделие, когда Гитлер, который во время их совместных прогулок часто хвалил окрестности Берхтесгадена, объявил, что хотел бы остаться здесь навсегда. Гитлер и в самом деле без устали восхвалял идеалю Берхтесгадена. «Дождливый день в Берхтесгадене был чем-то удивительным: во-первых, прекращались все многочисленные экскурсии, во-вторых мне не приходилось больше жариться на солнцепеке! И горы — они чудесны, прекраснее их нет ничего на свете. У меня был период времени, когда я плакал от одной мысли, зная, что мне нужно покидать Берхтесгаден»⁶⁷. Мария принимала мечтательность «Вольфа» за настоящее предложение руки и сердца. В то время как отец бушевал против неподходящего друга дочери, «Мицци» мечтала об общем домашнем очаге, раздумывала о мебели в новом доме и даже уже кое о чем позаботилась: «Конечно, я подумала, что может больше всего порадовать мужчину, который хочет основать собственное домашнее хозяйство. Мне в голову, к сожалению, не пришло ничего лучше, чем подушки»⁶⁸.

За день до семнадцатилетия «Мицци» от поклонника наконец пришла весточка после долгого молчания в виде

⁶⁶Hitler, Monologe, a.a.O., S. 173.

⁶⁷Монолог Гитлера 9.2.1942 в середине дня в «Волчьем логове»; цит. по: Hitler, Monologe, a.a.O., S. 274.

⁶⁸Интервью Марии Рейтер Гюнтеру Прейсу.

нежного любовного письма из Мюнхена, в котором Гитлер сообщал, что, скорее всего, не сможет приехать, как запланировал, в Берхтесгаден из-за сильных снегопадов. Так, 26 декабря 1926 года он писал: «Мое дорогое дитя! Во-первых, прими огромную благодарность за два твоих последних письма и прости, что я так задержался с ответом. Как ты знаешь, я уезжал на несколько недель, и за это время в Мюнхене накопилось так много работы, что по возвращении мне пришлось очень многое сделать. Не сердись на меня... В мыслях я всегда с тобой. Ты не знаешь, кем ты стала для меня! Я бы так хотел увидеть твое прелестное лицо, чтобы высказать тебе все то, что твой верный друг вынужден сейчас только написать... 23 декабря у тебя день рождения... Прими и мой сердечный привет вместе с теми поздравлениями, которыми тебя осыпят твои друзья и родные. Я искренне желаю тебе здоровья, дитя мое, и всего самого наилучшего! Прими от меня эти книги... и когда у тебя будет время и желание, прочитай их, и тогда ты сможешь лучше понять меня, чем прежде... Ты себе не представляешь, как я счастлив сейчас, получив от тебя письмо, которое говорит со мной твоим дорогим голосом. Я всегда слышу его в тишине. И тогда меня вновь охватывает тоска по тебе... Ты думаешь обо мне? Знаешь, Мицци, когда я сержусь или когда у меня проблемы, то тогда мне очень хочется очутиться рядом с тобой, увидеть твои милые глаза и забыть обо всех неприятностях на свете. Да, дитя мое, ты не знаешь, что ты значишь для меня на самом деле и как я тебя люблю. Но прочитай же книги, и ты сможешь тогда понять меня лучше. И еще раз прими самые теплые поздравления ко дню рождения и к Рождеству от своего Вольфа.

Передай, пожалуйста, привет твоей сестре и мои поздравления с Рождеством!»

Вскоре после того, как Гитлер отправил это письмо, погода в Верхней Баварии улучшилась⁶⁹. Сильные снегопады прекратились, и вечером 23 декабря, к огромной радости «Мицци», Гитлер внезапно появился в Берхтесгадене. Как всегда, его сопровождал его преданный товарищ по партии и шофер Эмиль Морис, который позже признавался, что это была самая авантюрная поездка в его жизни⁷⁰. Адольф Гитлер еще раз, теперь уже лично, поздравил свою юную подругу с днем рождения. Он подарил ей золотые наручные часы, которые Мария затем бережно хранила как память до конца своей жизни. В сочельник Морис и Гитлер, которого уже считали почти членом семьи, были приглашены на веселый праздник в дом сестры «Мицци». Подарки, которыми тогда обменялись тридцатисемилетний политик, одержимый своей великой миссией, и семнадцатилетняя деревенская девушка, дают интересные представления о внутреннем мире — чувствах и мыслях — этой пары. Гитлер передал девушке два тома своей книги «Майн Кампф» — второй том вышел только 11 декабря 1926 года⁷¹ — и настойчиво рекомендовал ей прочитать книгу. При этом политическое образование подруги было ему не так важно, а скорее он больше хотел объяснить ей свои планы на будущее и свою великую миссию, в которой не было места для женитьбы. Он повторил свою просьбу, уже высказанную в письме: «Прочитай книги, и ты меня поймешь».

Попытки Гитлера заинтересовать Марию своими идеями наталкивались, однако, на глухую стену непонима-

⁶⁹Сообщение в «Münchener Neuesten Nachrichten» от 21.12.1926.

⁷⁰Сообщение Ульриха Цигельтрума, Берхтесгаден, август 2001.

⁷¹Это был сигнальный экземпляр. В продажу второй том поступил лишь в 1927 году.

ния влюбленной девушки-подростка, совершенно не интересующейся политикой. Она и не думала начинать читать книги, которые могли бы открыть ей глаза на цели и интересы Гитлера. Но она очень обрадовалась книгам, обтянутым в красивый красный сафьян, пронумерованным цифрой 111 и содержащим сердечное посвящение. Но прочитала она эти плохо понятные ей сочинения поклонника намного позже.

«Мицци» также преподнесла свой рождественский подарок, который представлял собой патетическую демонстрацию верной домовитости и с надеждой на совместное будущее без всякой задней мысли. Своим подарком она хотела убедить Гитлера в своей привязанности к нему и «привязать» его к себе. В то же время она хотела выразить, что она с пониманием относится к политической деятельности своего будущего мужа, которая, как она понимала, очень важна для него. В течение многих месяцев она посвящала вышиванию свастик на подушках каждую свободную минуту. Спустя десятилетия она вспоминала о своем рукоделии в подробностях: «Я шила и вышивала для Вольфа две диванные подушки. Одна была круглая, другая прямоугольная. Круглую подушку я расшила символами его партии. Внешний край был вышит красным рядом петель. Середина была белого цвета, а самый центр черного цвета»⁷². Подушки со свастиками Гитлер увез с собой в мюнхенскую съемную квартиру. «Ничто в моем жилье не радует меня так, как эти подушки!» — сообщил он своей подруге⁷³. Позже он перевез их с другими подарками поклонниц в особняк «Вахенфельд» в Оберзальцберге, где они стали предметом насмешек его личного архитектора — Аль-

⁷²Интервью Марии Рейтер Гюнтеру Пейсу.

⁷³Письмо Гитлера от 8.2.1927.

берта Шпеера: «Мебель [дома Вахенфельд] была в древнегерманском деревенском стиле, что придавало дому необычайный уют. Позолоченная клетка с канарейкой, кактус, фикус подчеркивали домашнюю атмосферу. Свастиками были украшены различные фарфоровые безделушки и подушки поклонниц, популярны были также мотивы восходящего солнца и слова “Вечная преданность”. Гитлер смущенно признался мне: “Я знаю, все это ерунда, но это же подарки! Я не хочу расставаться с ними...”»⁷⁴

Два рождественских дня в 1926 году Гитлер провел в Берхтесгадене. Затем он предпринял трехдневную поездку с выступлениями, во время которой его подруга, нежно называемая «дитя», получала скучные весточки: «Мое дорогое дитя! Огромный привет из Байройта, где я сейчас нахожусь, с надеждой на скорую встречу. Твой Вольф. Большой привет твоей сестре»⁷⁵. И только по возвращении в Мюнхен Гитлер нашел время подробно ответить на все письма своей подруги. «Мое дорогое, дорогое дитя! Из твоих до боли любимых строчек я узнаю, как это было несправедливо, что я не ответил тебе сразу после моего возвращения. Но ты должна меня простить, я надеюсь, что в один день я смогу обрадовать тебя неожиданным визитом. Каждый день я надеюсь, что на следующий день смогу это сделать, но снова обстоятельства не позволяли мне это сделать. Ты не можешь себе представить, сколько у меня работы, когда я возвращаюсь из такой длительной трехнедельной поездки. Возникает уйма вещей, которые я должен сделать. (Я как раз прервался на один час!) ... Я думаю все время о твоей прелестной головке и твоих глазах. О чем ты думаешь, я уз-

⁷⁴Albert Speer, Erinnerungen, Frankfurt am Main, Berlin 1969, S. 59.

⁷⁵Открытика Гитлера от 25.1.1927 (частная коллекция).

нал только после моего возвращения, потому что мне не пересыпали твоих писем... До воскресенья я еще в Мюнхене, а потом опять уезжаю... Ты пишешь о своей боли, верь мне, я чувствую ее. Но тебе не нужно печалиться из-за этого, ты должна прежде всего верить: когда отцы перестают понимать своих повзрослевших детей, которые не просто стали старше, но и стали чувствовать по-другому, то отцы всегда хотят только добра для своих детей. Твоя любовь сделала меня счастливым, и я прошу тебя дарить ее и своему отцу, как ты делала раньше!.. Дорогое, прелестное дитя, сердечный привет тебе от всегда думающего о тебе Вольфа»⁷⁶.

К этому времени у Марии уже не было секретов от «Вольфа». Она искренне жаловалась на отца, который стоял на пути ее счастья, а дипломатичный ответ Гитлера она воспринимала как ответ мужчины, собирающегося жить в мире со своим будущим тестем. Кроме того, она просила Гитлера помочь подыскать место в Мюнхене ее зятю, который уехал из Берхтесгадена.

В феврале 1927 года истек срок запрета на публичные выступления в Баварии и Саксонии, и председатель НСДАП не замедлил использовать эту возможность. Его подруга получила в начале марта письмо, написанное во время краткого визита в Мюнхен, речь в котором шла о чрезмерной занятости ее друга: «Мое дорогое дитя! ...прости меня... у меня сейчас очень много дел, и у меня нет настроения писать. Но не думай, что это мешает мне быть с тобой!.. Спасибо за твои фотографии... Я высыпаю тебе мои снимки, также сделанные Генрихом Гоффманом...»⁷⁷ Гитлер вложил в письмо фотографии, которые сделал его друг, фотограф и позже имперский фотограф, Генрих Гоф-

⁷⁶ Письмо Гитлера от 8.2.1927 (частная коллекция).

⁷⁷ Письмо Гитлера от 4.3.1927 (частная коллекция).

фман⁷⁸, также несколько раз фотографировавший пару в Берхтесгадене.

Затем политик вновь отправился в путь. «Водыф» слал приветы своей подруге со всей страны, как-то даже из Вартбурга. Он никогда не забывал вежливые поклоны «госпоже сестре», которая стала его союзницей. Анна Хель уже гордо считала себя будущей невесткой повсеместно обожаемого политика и всеми силами способствовала развитию отношений своей сестры и Гитлера. Именно она в конце марта 1927 года тайно сообщила Гитлеру о поездке в Мюнхен «Общества берхтесгаденских конькобежцев», в которое входила и Мария, обожавшая кататься на коньках. Сюрприз удался, так как, когда девушка выписывала элегантные круги на дорожках, покрытых искусственным льдом, на Галериштрассе, она с удивлением и радостью наткнулась на Гитлера, сидевшего в пустом ярусе для зрителей. Он приехал, чтобы повезти ее на прогулку, которая завершилась совместным обедом. В обществе Эмиля Мориса и Юлиуса Шауба⁷⁹, который служил Гитлеру в качестве адъютанта, девушка уничтожила на глазах своего поклонника огромный шницель в «Café Heck» в мюнхенском Гофгартене, где обычно встречались нацисты. Фюрер, к тому времени ставший вегетарианцем, с ужасом наблюдал за аппетитом молодой девушки и прочел длинную речь по поводу этого «пожирания трупа». Затем он повез девушку к себе в маленькую скромную съемную квартиру на Тирштрассе, которая представляла собой

⁷⁸Генрих Гоффман (1885–1957) сблизился с Гитлером еще в начале 20-х годов и стал его личным фотографом. Позже он получил эксклюзивное право на фотографирование фюрера и стал очень обеспеченным человеком. – Прим. науч. ред.

⁷⁹Юлиус Шауб (1898–1967) был личным шофером и личным адъютантом, а в 1941–1945 годах личным шеф-адъютантом Гитлера. В 1943 г. он получил званиеobergruppenфюрера СС. – Прим. науч. ред.

разительный контраст с шикарной машиной, наличием адъютанта, секретаря и шофера. Председатель партии, который во времена «борьбы»⁸⁰ вел бродячую жизнь, не уделял особого внимания комфорту и уюту в жилье. Если он останавливался в Мюнхене, то большую часть времени жил у своих многочисленных мюнхенских знакомых, состоявших в национал-социалистической партии. Тем самым он мог незаметно контролировать ближайших сотрудников, завоевывал симпатии их супруг и обеспечивал терпеливый круг слушателей, перед которыми он мог спокойно декламировать свои идеи, придавая им законченную форму. В 1927 году преданные соратники, и в первую очередь семья богатых фабрикантов по фамилии Бехштейн⁸¹, решили, что Гитлер слишком скромен, и сняли ему соответствующую его статусу квартиру, которую, разумеется, и профинансировали. О новой большой квартире Гитлер рассказал своей подруге «Мицци», причем он ей намекнул, что когда-нибудь она разделит с ним это жилище, он разрисовал в радужных тонах сёмнадцатилетней девушке, как они будут вместе искать мебель для квартиры. После этого утра, проведенного в душевных и нежных беседах, пара в сопровождении Эмиля Мориса и его тогдашней подруги Иды Арнольд⁸² посетила представление Имре (Эммериха) Кальмана «Принцесса цирка» в мюн-

⁸⁰ Kampfzeit der Bewegung – «годы борьбы» (дословно «время борьбы движения») – так во времена Третьего рейха назывался период, предшествовавший приходу нацистов к власти. – Прим. науч. ред.

⁸¹ Карл Бехштейн (умер в 1931) был владельцем известной фирмы по производству роялей – «Bechstein Pianofortefabrik AG». Его супруга – Елена – с начала 1920-х годов оказывала финансовую помощь Гитлеру, привлекла к этому многих своих подруг, которых он называл «подругами – матерями». Гитлер в середине – конце 1920-х годов неоднократно посещал дом Бехштейнов в Байрейте, а их дочь – Лотта – сделала большое число фотографий фюрера. – Прим. науч. ред.

⁸² Сведения доктора Хедвиг Морис, август 1998.

хенском Гэртнерплатцтеатре⁸³. В заключение Гитлер галантно проводил девушку на квартиру брата на Шлейсгеймерштрассе, где она и переночевала. Последующие дни о Марии живо заботилась симпатизировавшая НСДАП Ида Арнольд, так как мужчины были заняты политикой. Она спросила, сколько Марии лет, и высказала довольно живой интерес к романтической связи юной девушки и фюрера. Вплоть до отхода поезда в Берхтесгаден Мария Рейтер охотно рассказывала о своих отношениях с Гитлером этой симпатичной dame, которая, казалось, близко к сердцу приняла ее судьбу. Она также таинственно намекнула новой подруге на скорое бракосочетание, чем, конечно, сильно удивила Иду.

Последующие месяцы стали для «Мицци» самыми прекрасными во всей ее жизни. Она чувствовала себя почти обрученной с Гитлером, прогуливалась с ним рука об руку по парку Берхтесгадена, по аллеям кладбища, слушая его грандиозные планы по реорганизации местной общины. Так, старое кладбище должно было закрыться в центре, должна быть проложена объездная улица, а также построена двухколейная железная дорога до Зальцбурга⁸⁴. Последующую разработку горных пород Гитлер собирался прекратить. «Пока мы еще можем предотвратить прокладку высоковольтных линий электропередач в горах и долине, то нужно воспользоваться этим!»⁸⁵

Идиллия длилась до лета 1927 года. Затем до Марии дошли слухи, что ее друг находится в Берхтесгадене — а

⁸³Этот театр (*Gärtnerplatztheater*) расположен в Мюнхене по адресу Кленцештрассе, 45. — Прим. науч. ред.

⁸⁴Das Berchtesgadener Land im Wandel der Zeit. Hrsg. vom Verein für Landeskunde von Berchtesgaden. 1982, S. 389ff.

⁸⁵Монолог Гитлера 9.2.1942 днем в «Волчьем логове»; цит. по: Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 274.

она об этом даже не слышала. Когда Гитлер стал избегать встреч со своей подругой, намеренно переходил улицу на другую сторону, едва завидев ее, а при случайных встречах, казалось, не узнавал ее, для семнадцатилетней девушки рухнул мир. Мария Рейтер напрасно пыталась объяснить себе причины такого поведения. В конце концов, она предположила, что Гитлер выбрал себе новую подругу из круга своих поклонниц. В отчаянии девушка решила уйти из жизни, из рабости она не смогла даже поговорить о своей беде с кем-либо. Она попыталась повеситься на бельевой веревке, привязав ее к ручке окна родного дома. Случайно ее обнаружил зять, спас ее в последний момент и вызвал семейного врача.

Причиной же такого странного поведения Гитлера послужило анонимное письмо, полученное мюнхенским отделением партии, за которым, очевидно, стояла госпожа Ида Арнольд. В этом письме председатель НСДАП обвинялся в «развратных действиях в отношении несовершеннолетней». Сексуальному маньяку угрожали заявлением в полицию, а также приписывали новую непристойную связь в Берхтесгадене. Гитлер опасался, что это повредит его репутации, что ему перестанут верить и что это, возможно, приведет к концу его карьеры. Из тюрьмы в Ландсберге его освободили условно-досрочно. Потому он хорошо знал, что ему, как иностранцу, при новом приговоре грозит долгосрочное заключение в тюрьме с последующим выдворением из страны⁸⁶, от которого его не спасут даже его могущественные благотворители, учитывая щекотливый характер правонарушения. «Всего одна неосторожность – и я на шесть лет в тюрьме!»⁸⁷

⁸⁶D.C. Watt, Die bayerischen Bemühungen um Ausweisung Hitlers 1924. In: VJHZ 6 (1958), S. 270–280.

⁸⁷Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 208.

Гитлер отреагировал мгновенно и очень жестоко. Он отказался от подруги, которой написал короткое прощальное письмо⁸⁸, и обратился с драматическим призывом «На карту поставлена судьба Германии!» к преданному товарищу по партии — зятю Марии. Товарищ по партии Готтфрид Хель взял на себя эту задачу — решительно все объяснить Марии и от имени Гитлера передать ей, что ей придется принести эту жертву. «Все кончено». Тем самым пришел конец не только мечтам Марии на будущее, но и ее хорошей репутации. Она очень страдала от пересудов, так как никто не верил в платонический характер их отношений. Прежде всего члены ячеек НСДАП в Берхтесгадене очень активно обсудили любовную связь дочери врага их партии и пришли к выводу, что фюрер, как всегда, поступил мудро⁸⁹. Мария покорилась своей судьбе. Она принесла себя в жертву, как она верила, высшим интересам фюрера и партии и стала убежденной, а позже даже фанатичной национал-социалисткой.

От романтических переживаний, которые оказали такое огромное влияние на ее жизнь, остались только открытки, которые политик, как и прежде, посыпал ей из своих поездок. Мария Рейтер не воспринимала это как оскорбление. Она осталась предана Гитлеру и сохранила дружеское расположение к нему. Она не изменила этого своего отношения и тогда, когда спустя год пришло странное письмо ее зятя Готтфрида Хеля, в котором он писал о довольно наглом требовании Гитлера. От Марии Рейтер требовали клятвенного заверения, что политик

⁸⁸ Письмо находится в одном частном американском собрании. Автору не удалось с ним ознакомиться.

⁸⁹ Сообщение Анны Эссер (Мюнхен), а также Ульриха Цигельтрума (Берхтесгаден), август 2001.

был знаком ей исключительно как клиент магазина и что их отношения никогда не выходили за рамки безобидной платонической дружбы. Вначале Мария была сильно возмущена, затем, успокоившись, поняла, что ее бывшему другу грозит реальная опасность, но в то же время она укрепилась в своем подозрении, что «государственные причины» были лишь предлогом, чтобы отделаться от нее наиболее удобным способом. Когда девушке объясили, что она может быть повинна в закате и крахе Германии, если не подпишет заявление, которое от нее требовали, то она написала и подписала такое заявление, но отдать письма Гитлеру, которые были ей так дороги, она не могла, и ничто не могло ее заставить сделать это⁹⁰. Гитлер вознаградил послушание «Мицци» настоящим драгоценным подарком к Рождеству 1928 года: он послал ей дорогой серебряный чайный сервиз с выгравированной надписью: «От всего сердца, твой Вольф».

То, что Гитлер, которого по-настоящему занимала только его карьера, испытывал более чем поверхностное чувство к своей берхтесгаденской подруге и совсем не страдал от разрыва, не кажется невероятным из-за его высказываний. Так, годы спустя он говорил: «Мицци была красивой девушкой, просто картинка. Тогда я был знаком с очень многими женщинами. Некоторые тоже очень любили меня...»⁹¹ Мария Рейтер играла тогда в жизни Гитлера очень незначительную роль, но все же повлияла на вкус фюрера в отношении женщин. Впоследствии фюрер часто попадал под воздействие чар юных, неопытных, чаще светловолосых девушек, которые внешне напоминали его мать. Уже его следующая подруга была как две капли воды похожа на Марию.

⁹⁰Рассказ Марии Рейтер доктору Оскару Штойеру, Берхтесгаден.

⁹¹Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 208.

К большому облегчению Гитлера, «Мицци», которая после смерти отца переехала к родственникам в Тироль, летом 1928 года познакомилась в Инсбруке с молодым владельцем отеля Фердинандом Волдрихом и обручилась с ним⁹². Чтобы помочь своему будущему мужу в работе, Мария с июля 1928 года начала посещать специальную школу⁹³. В то время как она в Линце изучала гостиничное дело, она узнала от сестры, что Гитлер снял в Оберзальцберге дом с правом последующей покупки и отныне у него в этой местности было постоянное место жительства. Сам Гитлер писал об этом: «Как-то я услышал, что особняк Вахенфельд сдается, это было в 1928 году. Я подумал, что лучшего мне не подобрать, и сразу поехал туда, но никого там не встретил... Я жду, и вдруг появились сразу двое». Если верить Гитлеру, то произошел следующий диалог. «Простите, вы владелец этого дома? Я слышал, вы собираетесь его сдавать» — «Вы господин Гитлер? Мы тоже члены вашей партии» — «Это чудесно!»⁹⁴

- За 100 рейхсмарок в месяц Гитлер снял пустой особняк, ставший впоследствии знаменитым Бергхофом, и Мария Рейтер с болью осознала, что не она станет хозяйкой этого дома. На эту роль Гитлер пригласил Ангелу Раубал⁹⁵, свою овдовевшую сводную сестру, переехавшую сюда из Вены. «Я сразу же позвонил своей сестре в Вену и сказал, что снял дом, будешь вести хозяйство? Она при-

⁹²См. Lebenslauf Maria Woldrich, geb. Reiter.

⁹³Ebd.

⁹⁴Adolf Hitler, Monologe, a.a.O., S. 206.

⁹⁵Ангела Раубал (1883—?) — сводная сестра Адольфа Гитлера. Когда умирала мать Адольфа — Клара, — она просила Ангелу присматривать за ним. Ангела вышла замуж за Лео Раубала, который скончался в 1928 году. Потом она долго была домоправительницей в Бергхофе и была вынуждена покинуть дом уже после появления в жизни Гитлера Евы Браун. — Прим. науч. ред.

ехала и сразу вселилась. Это было замечательно! Первое Рождество было великолепным! Я сразу же купил ей двух собак, потому что она была совсем одна, нанял горничную...»⁹⁶ Загородный дом Гитлера финансировался на пожертвования преданных мюнхенских благотворителей. В этом доме после разрыва своих отношений с сестрой он жил вместе с Евой Браун, адъютантом и служой⁹⁷.

Мария Рейтер 10 мая 1930 года в Штамсе (Тироль) вышла замуж за Фердинанда Волдриха, потеряв тем самым германское гражданство, и стала австрийской подданной⁹⁸. Молодожены переехали в Зеефельд в Тироле и взяли на себя обязанности по ведению дел в отеле-пансионе – владении семьи Волдрих, – и то, что отель носил такое же название, как и особняк Гитлера в Оберзальцберге, – «Бергхоф», – было чистой случайностью. Гитлер на десятилетия сохранил верность своим близким друзьям, к которым он, как и раньше, причислял и «Мицци». В случае с Марией Рейтер он к тому же был очень рад такому удачному завершению этой истории, которая могла бы привести к очень неприятным последствиям, если бы дело дошло до заявления в полицейский участок. Когда Мария вышла замуж, то он, естественно, вернул ей все ее фотографии⁹⁹ и не преминул сделать молодоженам подарок. На праздники он прислал им открытку: «Веселого Рождства желает тебе, дорогое мое дитя, и твоему супругу от всего сердца Вольф».¹⁰⁰ Эти открытки позволили мужу Марии Фердинанду сделать ошибочный вывод, что его жена – «по-

⁹⁶Ebd., S. 207.

⁹⁷Albert Speer, Erinnerungen, Frankfurt am Main 1969, S. 60.

⁹⁸Фердинанд Волдрих (1902–1988) – справка Тирольского земельного архива от 18.10.2001.

⁹⁹Сообщение Роберта Брандера, Берхтесгаден, август 2001.

¹⁰⁰Почтовая открытка Гитлера (частная коллекция).

допечная Гитлера»¹⁰¹. Мария Рейтер не стала его разуверять в этом.

Брак, в котором Гитлер всегда присутствовал как невидимый третий, был очень несчастным. Мария сравнивала своего мужа, простого работника гостиницы, с успешным политиком, и сравнения были, конечно, не в пользу супруга. Неважное финансовое состояние дел в гостинице усугубляло несчастье Марии. Число безработных в Тироле в 1928 году достигло рекордного уровня послевоенных лет, гостиница, в которой они работали, была в упадке¹⁰². То обстоятельство, что Мария подавала себя в Зеефельде как настоящая национал-социалистка — 18 мая 1933 года она вступила в партию, — никак не улучшало настроения в отеле «Бергхоф». Она посещала собрания национал-социалистов в зеефельдском отеле «Бергланд» и, как она говорила впоследствии, «охотно при каждой возможности называла себя национал-социалисткой»¹⁰³. Когда однажды секретарь фюрера приехал в Зеефельд для выступления перед австрийскими национал-социалистами, Мария Волдрих поприветствовала его как посланца из другого мира. Когда Рудольф Гесс от имени своего начальника осведомился о здоровье «фрау Марии», то речь, конечно, шла о бывшей подруге Гитлера. После серьезной ссоры с мужем летом 1931 года Мария, сказав, что едет к родственникам, на самом деле направилась в Мюнхен и просила адъютанта доложить о ней фюреру. Она ворвалась в его квартиру и, как она говорила, «вложила свою судьбу в его руки». Гитлер

¹⁰¹ Свидетельство мадам Волдрих-старшей, август 2001.

¹⁰² Harald Walser, Die illegale Tätigkeit der NSDAP in Tirol und Vorarlberg (1933–1938). Dargestellt in Dokumenten. Diss. Univ. Innsbruck 1982, S. 17 ff.

¹⁰³ Personalfragebogen der NSDAP vom 25.11.1938, Bundesarchiv Berlin.

встретил двадцатиоднолетнюю, и теперь уже совершеннолетнюю, Марию очень дружелюбно, они вместе поехали на Тегернзее, где он очень терпеливо и сочувственно выслушал историю несчастного брака. Мария Волдрих говорила о разводе и переезде в Мюнхен, где она собиралась найти работу, что в те времена было делом непростым из-за экономического кризиса. Вероятно, при этом она надеялась на возобновление отношений с Гитлером, который к тому времени стал общепризнанным политиком. День завершился в квартире Гитлера: «Вольф крепко схватил меня. Я позволила ему сделать со мной все. Я еще никогда не была так счастлива, как в ту ночь, когда мы были одни в его квартире»¹⁰⁴. На следующий день Гитлер сделал своей любовнице конкретное предложение на будущее: она могла бы жить с ним в Мюнхене как тайная возлюбленная, он бы сделал для нее все, что она ни пожелала бы. Женитьба для него исключалась полностью. Мария, которая находилась в плену своих мещанских представлений о жизни и которая, несмотря на свой неудачный брак, придавала огромное значение семейным узам и очень хотела завести детей, не могла принять такое предложение. Разочарованная, она отвергла его. Поскольку альтернативы предложено не было, она вернулась к своему презираемому мужу в Зеefельд, где была вынуждена оставаться еще на два года и жить в невыносимых условиях¹⁰⁵.

В конце мая 1933 года Германия наложила эмбарго на ввоз и вывоз для пересекающих австрийскую границу, был введен также и визовый режим: за визу даже туристы из Германии должны были платить по 1000 рейхсмарок. В Зеefельде, где основным источником дохода на-

¹⁰⁴ Интервью Марии Рейтер Понтеру Пейсу.

¹⁰⁵ Friedrich Weissensteiner, *Der ungeliebte Staat*. Wien 1900, S. 206 ff.

селения был туризм, число немецких туристов упало с 12 000 в 1932 году до всего 24 в 1933! Вскоре после этого, 19 июня 1933 года, австрийское правительство запретило деятельность НСДАП. Мария Волдрих теперь относилась к числу нелегалов, собиравшихся в физкультурном обществе Зеефельда, которое было «не чем иным, как НСДАП под вывеской физкультурного общества – бастион нелегалов», как установила полиция¹⁰⁶. Если ситуация в доме становилась невыносимой, то Мария бежала из Зеефельда, чаще к сестре, но иногда и в Мюнхен к Гитлеру, в его большую квартиру на Принцрегент-платц или в Оберзальцберг. Не все из запланированных амурных поездок протекали, как того желала Мария. Некоторые заканчивались уже на границе, где австрийские таможенники, чтобы избежать контактов тирольских нацистов с соратниками по партии в Германии, запрещали выезд известной национал-социалистки.

В таких случаях «Мицци» приходилось довольствоваться сообщениями о выступлениях Гитлера, восторженно принимавшихся зрителями, которые чаще всего протекали по схеме, описанной Альбертом Шпеером: «Во время поездки Гитлера к Кёнигсзее перед гостиницей “Schiffsmeister” собралась толпа восхищенных поклонников, которые поняли, с кем они только что встретились... С возбуждением они последовали за нашей группой. С трудом нам, во главе с Гитлером, удалось втиснуться в дверь, прежде чем нас догнала огромная толпа. Мы пили кофе с пирожными, а площадь снаружи все заполнялась людьми. И только когда подоспело подкрепление личной охраны Гитлера, фюрер сел в откры-

¹⁰⁶ Sammelakt Nationalsozialismus I–500; 1933, Prösidial, XII–59, 181. Tiroler Landesarchiv. Eben so: Harald Walser, Die illegale Tätigkeit, a.a. O., S. 119.

тый автомобиль. Он стоял рядом с водителем, откинув сиденье, левая рука на стекле автомобиля – так его могли увидеть даже те, кто стоял очень далеко. В такие моменты возбуждение толпы выливалось в бурные овации, многочасовое ожидание было вознаграждено... и куда бы ни приехал Гитлер, где бы ни останавливалась его машина, даже на очень короткое время, везде в первые годы [после захвата власти] повторялись эти сцены. Они были вызваны не риторическим или суггестивным обращением с толпой, а исключительно тем, что Гитлер был лидером нации, человеком, которому они присягали на верность...»¹⁰⁷

Фюрер и рейхсканцлер, с которым у Марии были спорадические интимные отношения, был тогда уже близок с другой очень молодой девушкой, о которой Марии стало известно благодаря намекам фрау Винтер, домоправительницы его мюнхенской квартиры. Родственники из Берхтесгадена также упоминали о новой подруге Гитлера, факт существования которой следовало держать в секрете. О визитах Евы Браун в Оберзальцберг вспоминал один очевидец: «Спустя несколько часов (Гитлер уехал первым) приехала машина – закрытый “Мерседес” – с двумя секретаршами; они сопровождали простую мюнхенскую девушку [Еву Браун]... эта закрытая машина никогда не ехала в официальном кортеже автомобилей...»¹⁰⁸ Любопытные местные жители недолго, однако, оставались в неведении, и вскоре уже вся округа знала о новой любовнице Гитлера. По прошествии лет меры предосторожности несколько ослабли, и Ева Браун стала хозяйкой Бергхофа, правда неофициальной.

¹⁰⁷ Speer, *Erinnerungen*, a.a.O., S. 61.

¹⁰⁸ Ebd., S. 59

Между «Мицци» и его любовницей Евой Браун, с которой он прожил несколько лет, были очевидные параллели. Обе были из простых семей. Отец Марии был портным, а у Евы мать была портнихой. Обе девушки были очень красивыми блондинками с голубыми глазами. Обе считали очень важным опрятный, ухоженный внешний вид. Обе они были примерно одинакового роста, стройными и хорошими спортсменками – обе обожали кататься на коньках. Как и Мария, Ева была воспитанницей монастырской школы, как и Мария, она работала продавщицей. Если верить высказываниям их современников, обе они умели вести хозяйство, и обе они имели довольно средние умственные способности. Представления о жизни обеих женщин также совпадали – обе хотели выйти замуж и любили детей. Мария Рейтер была более энергичной и была не готова пожертвовать этими жизненными принципами и жить в тени Гитлера как тайная любовница. Она искала счастья в трех браках – за Волдрихом последовали гауптштурмфюрер СС, а по гражданской профессии – слесарь, иoberштурмбаннфюрер СС, по профессии – электрик. Но детей ей не суждено было завести. Ева Браун «прыгнула выше головы», пренебрегла мнением своей семьи и полностью отдалась желаниям фюрера. Годами она существовала в тени Гитлера и лишь в день своей смерти смогла осуществить свою заветную мечту – выйти замуж за Гитлера.

2 октября был расторгнут неудачный брак Марии Волдрих¹⁰⁹. Гитлер не оставил свою подругу в беде, поручив ее, австрийскую гражданку, заботам партийного юриста, впоследствии генерал-губернатора Польши, доктора

¹⁰⁹Справка Тирольского земельного архива в Инсбруке от 18.10.2001.

Ганса Франка¹¹⁰, который успешно представлял интересы Гитлера и взял на себя все расходы по оформлению развода¹¹¹. Теперь новоиспеченная разведенка с удовольствием поехала бы в Мюнхен, но, как она писала позже¹¹², окружные власти Инсбрука запретили ей «в течение нескольких месяцев пересекать границы Старого рейха, так как все знали, что она входила в партию национал-социалистов»¹¹³. Лишь весной 1934 года бывшей германской подданной было выдано разрешение на возвращение на родину, где она подала заявление на восстановление гражданства¹¹⁴.

Дальнейшая судьба привлекательной разведенной женщины, отныне вращающейся в мюнхенских национал-социалистических кругах, вновь была определена Гитлером, который вследствие недостатка свободного времени, своего политического положения и из-за Евы Браун был очень заинтересован в устройстве судьбы бывшей подруги. Уже летом 1934 года двадцатичетырехлетняя Мария по личной инициативе Гитлера¹¹⁵ познакомилась с молодым берлинским национал-социалистом, членом СС, который — как он сам гордо отмечал в своем резюме — «в 1932 и 1933 годах был откомандирован для постоянной службы при фюрере во время его приездов в Берлин» и произвел на фюрера хорошее впечатление¹¹⁶. Йозеф Геббельс

¹¹⁰ Ганс Михаэль Франк (1900–1946), рейхслайтер (в 1931–1942 годах), был повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. — Прим. науч. ред.

¹¹¹ Сообщение доктора Хельвиг Морис, Берхтесгаден, август 1998.

¹¹² Согласно анкете НСДАП от 25.11.1938, *Byndesarchiv Berlin*.

¹¹³ Приложение к автобиографии Марии Волдрих, урожденной Рейтер.

¹¹⁴ *Akt ZI. 813 (VIII 37a) ex 1935. Amt der Tiroler Landesregierung: Abteilung IIa*. Справка Тирольского земельного архива от 18.10.2001.

¹¹⁵ Сообщение рейхсанwalta доктора Оскара Штойера, Берхтесгаден, сентябрь 2001.

¹¹⁶ Автобиография гауптштурмфюрера СС Георга Кубиша от 14.3.1935. *BDC, PK; Bundesarchiv Berlin*.

также мог сообщить о партайгеноссе Кубише, который служил уже в течение нескольких лет водителем и сопровождал его в поездках, только хорошее. Биография молодого национал-социалиста также была безупречной.

Георг Кубиш, сын владельца ресторана из берлинского района Шпандау¹¹⁷, родился 19 ноября 1907 года, получил профессию слесаря-сборщика, вступив в НСДАП «с первых дней существования» берлинского отделения партии, когда ему было всего двадцать лет. С 1927 по 1930 годы он состоял в СА знаменосцем. В 1930 году его приняли в СС¹¹⁸. Личный адъютант гаулейтера Берлина Гебельса, высокий красивый храбрец с 1930 по 1933 год был в первых рядах национал-социалистов в их жестоких боях за столицу¹¹⁹. По приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера Кубиш летом 1934 года был переведен в отряд вс помогательной полиции СС в Мюнхен, где он и познакомился с Марией Рейтер при невыясненных обстоятельствах. Знакомство с очень красивой женщиной, которая знала обожаемого фюрера и его самых близких сотрудников лично, наполняло чувством гордости гауптштурмфюрера СС¹²⁰, который теперь служил в караульной роте концентрационного лагеря Даахау. Уже в ноябре 1934 года Кубиш срочно запросил в Главном управлении расы и поселений (Берлин) необходимые формуляры для получения разрешения на женитьбу, так как «я думаю обручиться уже к Рождеству»¹²¹. Мария Рейтер выхлопо-

¹¹⁷Справка Мюнхенского городского архива от 24.7.2001.

¹¹⁸Dienstaufbahn Georg Kubisch. BDC, SS0. Bundesarchiv Berlin.

¹¹⁹Martin Broszat, Die Anfänge der Berliner NSDAP 1926/27. In: VJHZ 8, 1960, S. 85–118.

¹²⁰Звание гауптштурмфюрера СС примерно соответствовало званию капитана в сухопутных войсках. – Прим. науч. ред.

¹²¹Письмо Георга Кубиша от 26.11.1934, а также от 3.12.1934. BDC, SS0, Bundesarchiv Berlin.

тала себе необходимое для замужества с членом СС «большое свидетельство арийского происхождения», а рейхсфюрер СС Гиммлер запросил у непосредственного начальника подробную характеристику Кубиша, а именно «его человеческих и военных качеств». Она гласила: «...несколько недель назад я заметил недостатки в поведении Кубиша. Он производит впечатление человека, погруженного в мечты. Причина этого, как мне кажется, в семейных обстоятельствах...»¹²²

Вскоре после этого автор характеристики был проинформирован об отношениях Кубиша с особой, близкой к фюреру, отозвал уже отправленное письмо и написал новую характеристику с просьбой направить ее к Гиммлеру, в которой хвалил жениха Марии как «исполнительного, добросовестного, пунктуального и старательного»¹²³. Также в характеристике было отмечено, что Кубиш «подготовлен к физическим нагрузкам», «подтянут», «придерживается твердых национал-социалистических взглядов»¹²⁴.

В феврале 1936 года Мария Рейтер вышла замуж за Георга Кубиша¹²⁵. Вскоре, 9 ноября 1936 года, в день, когда национал-социалисты вспоминали погибших во время подавления ноябрьского путча, молодому супругу перед памятником боевой славы – Хельдхеррхalle – в Мюнхене было присвоено звание фюрера СС¹²⁶. Его расpirало от гордости, потому что Гитлер отличил его, упомянув его в своей

¹²²Характеристика на гауптштурмфюрера СС Георга Кубиша от 8.12.1938. BDC, SS0, Bundesarchiv Berlin.

¹²³Поправки к характеристике. BDC, SS0, Bundesarchiv Berlin.

¹²⁴Характеристика на гауптштурмфюрера СС Георга Кубиша от 8.12.1938. BDC, SS0, Bundesarchiv Berlin.

¹²⁵Документ № 216 от 22.2.1936. Stadesamt Berlin I.

¹²⁶Скорее всего, идет речь о производстве Кубиша в первое офицерское звание – унтерштурмфюрера СС. – Прим. науч. ред.

речи. Кубиша вызвали к фюреру, и тот сказал ему: «Вы счастливчик. Я поздравляю вас! Берегите вашу жену!»¹²⁷

Кубиш был для Марии своеобразным «эрзац-Гитлером». Обожание фюрера и безудержное восхищение Третьим рейхом образовали прочный фундамент гармоничных отношений в семье, где Мария нашла счастье, которого так долго ждала. Мюнхенскую квартиру пары украшали — как писал Кубиш в одном письме — портреты фюрера с автографом. Присутствовали также и фотографии «старых бойцов» национал-социалистической партии. В 1937 году им нанесли визит Йозеф и Магда Геббельс. В том же году Георг и Мария Кубиш приняли единодушное решение выйти из католической церкви¹²⁸.

В начале 1938 года Мария Кубиш — если верить ее сведениям — еще раз лично имела беседы с фюрером. В общем Гитлер держался тогда по отношению к старым знакомым со времен его «годов борьбы» уже очень сдержанно, так как они часто вели себя неподобающе дружески и не могли найти нужного тона для соблюдения дистанции, который политик, несмотря на внешнюю обходительность, всегда находил. Их так называемое право на близость больше не подходило той исторической роли, которую приписывал себе фюрер¹²⁹. Но для своей бывшей любовницы Гитлер все же сделал исключение. На его вопрос, счастлива ли она, фрау Кубиш ответила утвердительно. Гитлеру пришлось ответить на такой же вопрос: «Нет, если ты имеешь в виду Еву. Я все время говорю ей, что она должна найти себе мужчину помоложе. Я уже слишком стар для нее!»

¹²⁷Интервью Марии Рейтер-Кубиши Гюнтеру Пейсу.

¹²⁸Георг Кубиш 15.3.1937, Мария Кубиш 29.11.1937. Справка Городского архива Мюнхена от 24.7.2001.

¹²⁹Speer, Erinnerungen, a.a.O., S. 57.

После аншлюса Австрии в марте 1938 года Георг Кубиш был переведен в штандарт СС «Дер Фюрер», дислоцированный в Вене, где жили дальние родственники его жены. Поездку по Австрии Мария использовала для ностальгического посещения Леондинга, где она разыскала бывший дом семьи Гитлер.

Ее мысли все еще часто кружили вокруг большой любви всей ее жизни, начало которой было положено уже 12 лет назад. «Мицци» не хотела и не могла забыть. Каждый день она читала и слышала об Адольфе Гитлере, которого она полюбила еще шестнадцатилетней девочкой. Она следила за его стремительной политической карьерой, с удовлетворением отмечала, что он до сих пор не женат, и не могла отделаться от мысли об упущеных возможностях. Она предалась иллюзии, что была единственной женщиной, которую Гитлер когда-либо любил. В 1938 году контакт с ее идолом почти оборвался — и тем более она интересовалась местами, где ее бывший возлюбленный провел свое детство. Как и многие другие поклонники фюрера, она часто посещала ставший музеем и местом паломничества дом семьи Гитлер в верхнеавстрийском городке Леондинге. В книгу записей для посетителей она записала следующее: «С вечной верностью! Мария Рейтер»¹³⁰.

В Вене супруги Кубиш вначале въехали в квартиру в зеленом районе № 13¹³¹, пока в распоряжении СС не появилась подходящая служебная квартира на Ам Фазагартен¹³². В Вене Мария Кубиш познакомилась и подружилась с се-

¹³⁰ Запись от 23.6.1938. Приншу сердечную благодарность за возможность ознакомиться с книгой профессору, доктору Вернеру Мазеру.

¹³¹ 1130, Вена, Шруткалассе, 13. Справка Венского городского и земельного архива от 30.7.2001.

¹³² 1120, Вена, Ам Фазагартен, 1. Та же справка.

строй Гитлера Паулой, которая во времена национал-социализма вела скромную жизнь простой служащей и жила в районе Вэринг¹³³. Паула так и не вышла замуж. В ноябре 1938 года Мария как супруга офицера СС посчитала уместным вновь подать заявление о вступлении в НСДАП. Были подняты различные документы, в частности ее характеристика, в которой речь шла о ее прошлом членстве в НСДАП и о ее деятельности в нелегальной ячейке в Зеффельде, и в конце концов ей был присвоен необычайно высокий номер 6 383 469, «учитывая прошлые заслуги подательницы заявления»¹³⁴.

С началом Второй мировой войны Георг Кубиш поступил на военную службу. Командуя противотанковой ротой, он в июне 1940 года погиб во Франции¹³⁵. Его вдова восприняла его смерть как жертву во имя ее бывшего друга и попросила напечатать в некрологе следующий текст: «Один из самых храбрых и верных старых бойцов пожертвовал свою жизнь Адольфу Гитлеру как доказательство своей любви и верности ему.. гордящаяся им, скорбящая Мария Кубиш». Гитлер в знак своей скорби приказал послать Марии сто алых роз, Гиммлер передал ей фотографии могилы Кубиша.

После смерти мужа Мария Рейтер-Кубиш провела все годы войны частично у друзей в Зеффельде в Тироле, частично в Бишофсвизене под Берхтесгаденом и в Мюнхене¹³⁶.

¹³³ 1180, Вена, Герштхофер-штрассе, 26/2/13. Та же справка.

¹³⁴ НСДАП-№ присваивался члену партии исходя из момента его вступления в НСДАП. Освободившиеся (в результате смерти или исключения) номера никогда не заполнялись. Не очень понятен смысл слов автора – в НСДАП номер был тем почетнее, чем он был меньше. – Прим. науч. ред.

¹³⁵ Кубиш погиб 8.6.1940 во время наступления на Сомме близ Гербиньи-Мондидье. BCD, PK; Bundesarchiv Berlin.

¹³⁶ Мюнхен, Максимилианштрассе, 2/3.

Временами она помогала на кухне в одной из гостиниц Оберзальцберга. В середине июня 1942 года тридцатидвухлетняя вдова познакомилась с двадцатидвухлетним инвалидом войны Вальтером Цираном, который воевал в Польше в составе войск СС и был тяжело ранен во время операции в Норвегии. Пуля задела мозг, правая сторона тела была парализована, и Вальтер Циран был комиссован с военной службы. Циран, который получал небольшую пенсию по инвалидности, находился в Берхтесгадене на отдыхе. Мария взяла на себя заботы о молодом инвалиде, голова которого была обезображенна металлической пластиной. Прошло не так много времени, прежде чем добрая самаритянка влюбилась в своего подопечного, и уже вскоре вдова офицера и инвалид войны праздновали помолвку. Но сильная разница в возрасте стала непреодолимым препятствием. Сначала всеми силами препятствовать браку их молодого сына с Марией, которая была на десять лет старше его, попытались родители Вальтера Цирана. Так как они знали, насколько тщательно проверялись родственники членов СС, собирающиеся жениться, то они упрямо отказывались давать о себе какие-либо сведения под предлогом, что «счастливый брак для нашего сына вряд ли будет возможен, учитывая большую разницу в возрасте»¹³⁷. Начальник ведомства, занимающегося бракосочетаниями в Главном управлении СС расы и поселений, обратился после этого к Цирану с требованием назвать поручителей, которые «не состоят ни в родстве, ни в свойстве ни с вами, ни с вашей невестой и которые были бы знакомы с вами уже достаточное количество лет...»

¹³⁷Письмо фрау Г. Циран в Главное управление СС расы и поселений. Akte Zierahn, Bundesarchiv Berlin.

Мария Кубиш-Рейтер, которая к тому времени из неожиданной «лесной феи» превратилась в энергичную, решительную Валькирию, написала резкий ответ на это требование: «...так как я была замужем за гауптштурмфюрером СС Кубишем... я хотела бы спросить, должна ли я во второй раз заполнять многочисленные анкеты? После того как Вы просите, чтобы поручитель знал долгое время даже моих братьев и сестру, то я с радостью сообщаю Вам, что лучше всего спросить о моих родственниках нашего фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера»¹³⁸. На шефа ведомства, которому писала Мария, это письмо не произвело должного эффекта, и он сухо ответил, что дело Кубиша устарело, что Марии не нужно лишь будет присылать свое фото. Об упомянутом Марией фюрере речь в письме не шла.

В то время как Германия превращалась в «пепел и руины», нацистские бюрократические органы как ни в чем не бывало продолжали свою работу. Главное управление СС расы и поселений функционировало, как и прежде. Несмотря на военные потрясения, обрученнную пару до апреля 1945 года периодически запрашивали, в силе ли остается их заявление, и сообщали, что «поручители с номером полевой почты» не могут быть приняты во внимание. Все более настойчиво у них требовали подробные документы для отработки их дела. К концу войны корреспонденции набралось на целый том. Но разрешения на бракосочетание так и не было выдано. И только после краха тысячелетнего рейха теперь уже тридцатишестилетняя вдова могла сказать «да» перед алтарем своему избраннику¹³⁹. Они поженились 10 ноября 1945 года в

¹³⁸Письмо Марии Кубиш в Главное управление СС расы и поселений от 2.9.1942. Akte Zierahn, Bundesarchiv Berlin.

¹³⁹Он родился 18.7.1920 в Шенефельде, округ Ренсбург.

Берхтесгадене. В документах местного ЗАГСа жених значился как простой электрик¹⁴⁰.

После окончания войны Мария Циран, которая с трудом пережила падение Третьего рейха, целиком посвятила себя уходу за своим мужем, состояние которого постоянно ухудшалось и который страдал от спазматических припадков. Для нее он был героем войны, который верно служил фюреру.

В 1959 году Мария Циран и ее муж жили в предместье Мюнхена в довольно стесненных обстоятельствах – она получала маленькую пенсию, ее муж пенсию по инвалидности¹⁴¹. В это время анализ эры Гитлера уже не был запрещенной темой, и довольно живо за Марию взялись историки. Разбирались архивы, появилось огромное количество мемуаров. Вопрос «Как это могло произойти?» стал центральным в научных исследованиях и в обществе в целом. Вскоре было установлено, что без личности Гитлера НСДАП не добилась бы такого успеха и потому без него не было бы и Третьего рейха. Это привело к исследованию недоступного пониманию феномена Гитлера и исходящего от него суггестивного очарования, жертвами которого пала большая часть немецкого народа и почти все те, кто знал его лично. Начались исследования психики фюрера. Они охватывали его личную жизнь, а также «женщин в окружении Гитлера». Соблазна изучить сексуальную жизнь Гитлера исследователям избежать не удалось, как и самых невероятных спекуляций вокруг этой темы.

Но Мария Циран все же оставалась в тени, так как немногие посвященные в ее прошлое стойко хранили ее тайну времен «начала нацистского движения». Так,

¹⁴⁰Справка ЗАГСа Берхтесгадена от 10.9.2001.

¹⁴¹С 15.6.1959 – справка жилищного управления Берхтесгадена.

Юлиус Шауб и Эмиль Морис подтвердили тесную связь фюрера с «Мицци» только тогда, когда она сама вышла из тени. Бывшая возлюбленная фюрера решилась на этот шаг после того, как ее хорошая подруга Паула Гитлер нечаянно обмолвилась о тайне, хранившейся столько лет. Это произошло после тяжелого телевизионного интервью, которое дала сестра Гитлера осенью 1959 года. После этого журналист Гюнтер Пейс повез ее домой на своем автомобиле. Во время поездки по автобану Паула Гитлер, которая постепенно избавилась от напряжения, и журналист разговорились. Темой разговора, конечно, был Гитлер, и она вдруг сказала: «Автобаны и «Фольксваген», наверное, это самое разумное, что оставил после себя мой брат!» Затем она рассказала Пейсу о женшине, «...возможно единственной, которую он любил. Кто знает, если бы он женился на ней, то, может быть, тогда все было бы по-другому!» Репортер быстро заинтересовался, осторожно расспросил, о ком идет речь, нашел до сих пор остававшуюся в тени любовницу Гитлера и провел с ней интервью. Преодолев нерешительность, сорокадвятая Мария Циран пришла к выводу, что по прошествии времени можно уже спокойно говорить об этой истории. Она согласилась дать интервью и предоставила журналисту письма и открытки Гитлера, которые пережили войну, для проверки на их подлинность.

Корреспонденция Гитлера подверглась графологической экспертизе (при этом имя автора строк не раскрывалось), которая показала интересные результаты: «Писавший эти строки обладал хорошим эстетическим вкусом, который, очевидно, способствовал тому, что писавший занимался писательской деятельностью». По поводу его характера был вынесен следующий вердикт: «Его неспокойная фантазия, сила его воображения в отношении своей личности, страстная идентификация со своими инте-

ресами скрывают опасность, что он одержан своими интересами. В этом состоянии может раскрыться истерическая сторона его натуры, которая постепенно погребет под собой его "Я". Эта одержимость может привести к истерическим преувеличениям его мыслей, чувств и действий, он может потерять собственную духовную свободу и не будет учитывать интересы других людей»¹⁴².

После окончания исследований Мария Рейтер потребовала вернуть ей ее архив. Пейс, однако, отказался возвратить ей оригиналы писем Гитлера, аргументируя это тем, что он получил их не на время, а в подарок. Мария Рейтер обратилась к адвокату из Берхтесгадена доктору Оскару Штойеру, который так вспоминал о своей решительной клиентке: «Она очень хорошо выглядела. Неудивительно, что она понравилась Гитлеру»¹⁴³. Во время беседы он обратил внимание на гарнитур из кольца, браслета и ожерелья, цвет которых так подходил цвету ее глаз. Она, заметив, что он рассматривает ее украшения из светло-голубых полудрагоценных камней, рассказала ему, что это был подарок Гитлера. Доктору Штойеру удалось в конце концов после длительной переписки и под угрозой возбудить уголовное дело вернуть письма Гитлера. Пейс сохранил в качестве сувенира одну открытку Гитлера, все остальное вновь вернулось владелице.

Реакция на откровения Марии Рейтер была различной – от удивления до оскорбления. Историк Ойген Когон, убежденный в том, что античеловеческая суть Гитлера и его политика проявились в его высказываниях, писал: «...история с Мими Рейтер, история ее и Адольфа Гитлера – это всего лишь жалкий, печальный, ничтожный

¹⁴² Заключение графолога на письма Гитлера Марии Рейтер. In: Stern № 24/1959, S. 65.

¹⁴³ Сообщение доктора Штойера, Берхтесгаден, сентябрь 2001.

проходной эпизод», но именно потому имеет огромное значение, «что он характеризует этого диктатора». Высказывания Рейтер о любовной жизни Гитлера совпали по времени с той волной литературы, в которой обсуждалась тема извращенного сексуального поведения Гитлера — мол в основе политики массовых убийств была неспособность Гитлера вести нормальную половую жизнь. Эти обвинения против любви ее юности Мария Рейтер не хотела оставлять без ответа. Она выступила в защиту мужской чести погибшего диктатора, нашла нотариуса, которому подтвердила под присягой подробнейшим образом характер своих отношений с Гитлером, центральной мыслью была следующая: «Гитлер — как она знает по собственному опыту — был настоящим мужчиной»¹⁴⁴. Это высказывание бывшей подруги Гитлера осталось, однако, без должного внимания, не вошло в большую часть биографий Гитлера и ничего не изменило в стереотипах, приписываемых Гитлеру.

Сама Мария Рейтер недолго пребывала в центре внимания общественности. С возрастом ее воспоминания о Гитлере становились все ярче, она сделала культ из своего прошлого и с трудом принимала настоящее, ее собственная судьба была предана забвению. Рассорившись с родными и испытывая болезненную слабость к алкоголю, она страдала прогрессирующим церебральным склерозом и депрессией. Свои последние дни она провела в доме для престарелых. 28 июня 1992 года неизвестная возлюбленная Гитлера умерла в Мюнхене. Ее наследство состояло из наличных денег — 11 марок и 20 пфеннигов — и оставшихся писем Гитлера, которые она передала своему лечащему врачу¹⁴⁵.

¹⁴⁴«Drittes Reich privat» — репортаж Spiegel-TV 24.1.1999.

¹⁴⁵Сообщение доктора Йоханнеса Шмита, сентябрь 2001.

ИЛЗЕ ГЕСС¹

*Супруга «заместителя фюрера»
22 июня 1900 – 7 сентября 1995*

« **Я** вам уже говорил, какие были последние слова Гитлера, которые он сказал мне за два дня до моего отлста? — спросил бывший “заместитель фюрера” во время обхода в тюрьме Шпандау и тут же сам дал ответ арестантам: “Летите осторожно, Гесс!”»²

Речь шла о знаменитом пресловутом полете в Англию, который Гесс совершил 10 мая 1941 года, после того, как астролог вычислил, что в этот день звезды будут благоприятствовать ему. Рудольф Гесс намеревался совершить не рядовой полет Мюнхен — Берлин, как полагал фюрер, а отправиться на самолете «Мессершмитт» Bf.110 в рискованный полет в Шотландию, к которому готовился в течение месяцев, провозгласив себя посланцем Германии. Там «заместитель фюрера» сделал удивленным англичанам предложение о мире.

¹ В немецкой литературе существуют варианты написания фамилии Илзе Гесс — Hess и Неф, сама она в письмах подписывалась «Hess».

² Albert Speer, Spandauer Tagebücher, Frankfurt am Main, Berlin, Wien 1975, Biltteil nach S. 288.

Его жена узнала о полете своего мужа из радиопередачи. Она вскрыла письмо, оставленное мужем, и прочла: «Мои дорогие, я очень верю в то, что я вернусь из полета, который я собираюсь совершить через несколько дней, что мой полет увенчается успехом. А если нет, то цель, которую я ставлю перед собой, стоит того, чтобы рисковать. Я знаю, что вы меня поймете: вы знаете, что я не мог поступить по-другому. Ваш Рудольф»³.

Вскоре после этого гестапо устроило обыск в доме «заместителя фюрера» в мюнхенском районе Харлахинг, допросило адъютантов и домашнюю прислугу как предполагаемых соучастников. Всех их отправили в концентрационный лагерь. Илзе Гесс, супруга третьего человека в рейхе, которого официальная пропаганда объявила душевнобольным, впала в немилость и была изгнана из окружения Гитлера. Национал-социалистическая элита избегала ее и не упускала удобного случая, чтобы поиздеваться над «соломенной вдовой». Никто не проявил солидарности с женой «предателя». Ее и ее «сбежавшего» мужа считали неудобными отщепенцами, которые только делали вид, что они — это совесть партии.

Илзе Гесс родилась 22 июня 1900 года в Ганновере в семье состоятельного прусского врача доктора Фридриха Прёля. Илзе была старшим ребенком в семье. Мать Илзе — Эльза, урожденная Майнеке, также была родом из богатой семьи предпринимателей. Илзе выросла в Берлине и была, как она сама писала, «ребенком сытой буржуазной Германии». Она считалась способной, была живой, но довольно своевольной девочкой. Семья Прёль уделяла большое внимание культурному и эстетическому воспитанию детей, потому маленькую Илзе с двенадцатилетнего возраста начали водить на концерты Бер-

³Письмо Рудольфа Гесса, датированное 4.11.1940.

линской филармонии, в театры, пробудив тем самым в девочке любовь к опере. Чтение классических литературных произведений доставляло Илзе — берлинской лицеистке — также огромное удовольствие. Особое восхищение вызвали у нее «Хохвальд» Адальберта Штифтера, «Эгмонт» Гёте и «Минна фон Барнхельм» Лессинга. Илзе с детства любила природу, активно занималась спортом, была очень общительной. Она замечательно каталась на лыжах, часто ходила в трудные походы на лыжах в горы. Друзья ценили ее за товарищеские качества, выдержку и выносливость.

Родители Илзе, а позже и все ее друзья, были воспитаны в германо-патриотическом духе. «Рейх» как вера, надежда и пока все еще недостижимая мечта играл и для подрастающей Илзе важную роль с романтическим оттенком. Ее мечты были пронизаны образами германских эпосов и легенд, и прежде всего эпоса о нibelунгах⁴. Изучая историю германской империи, она углубилась в историю восхождения и падения династии Гогенштауфенов⁵, империя, созданная ими, казалась ей высочайшим сочетанием гуманизма и государственной мудрости. Она часто представляла себе сцены борьбы рыцарей Немецкого ордена⁶, их поражения, погружалась в мысли о прин-

⁴Нибелунги, нифлунги (нем. Nibelunge, др.-исл. Niflungar, Hniflungar) — в германо-скандинавской мифологии обладатели чудесного золотого клада, история борьбы за который составляет сюжет эпосов Эдды Старшей, «Песни о Нибелунгах» и др. По мнению ряда исследователей, нибелунги — черные альвы или демоны мрака. — Прим. науч. ред.

⁵Гогенштауфены (Hohenstaufen) — династия германских королей и императоров Священной Римской империи германской нации в 1138–1254 годах. — Прим. науч. ред.

⁶Имеются в виду рыцари духовно-рыцарского католического Тевтонского ордена (также именовавшегося Немецким орденом), основанного в конце XII века в Палестине. В XIII веке орден основал

це Евгении⁷, который сражался с турками, и вместе с Фридрихом Великим переживала горечь поражения под Колином⁸. Большое впечатление на четырнадцатилетнюю Илзу произвело начало Первой мировой войны, которая вызвала бурю патриотических эмоций у европейской молодежи. Илзе никогда не смогла забыть то чувство стыда и позора, которое у нее вызвало затопление после окончания Первой мировой войны германского флота в Скапа Флоу, унизительные для Германии условия мира, навязанные союзниками в Компьене и Версале.

В ноябре 1918 года Илзе Прёль, отец которой погиб в Первой мировой войне, находилась со своей матерью в Мюнхене и стала свидетельницей провозглашения недолговечной Баварской республики. Она лично пережила события Капповского путча — попытку свержения государственного строя, свидетельницей которого она стала в марте 1920 года, когда вернулась в Берлин. Двое ее друзей погибли, путешествуя по Германии. «Они были умные мальчики, офицеры Первой мировой войны, солдаты Добровольческого корпуса⁹, — писала она в своих воспоминаниях, — которые были убиты каким-то сбродом, больше

государство в Прибалтике, на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков. В 1525 году владения ордена в Прибалтике превращены в светское герцогство Пруссии. — Прим. науч. ред.

⁷Принц Евгений Савойский (1663–1736) выдающийся австрийский полководец и государственный деятель, генералиссимус (1697). — Прим. науч. ред.

⁸18 июня 1757 года прусские войска Фридриха II Великого были разбиты австрийцами в битве у Колина, после чего вынуждены были отступить из Австрии. — Прим. науч. ред.

⁹Добровольческий корпус (Freikorps) — созданные после окончания Первой мировой войны добровольческие формирования бывших военнослужащих, использовавшиеся командованием для борьбы с социалистическим и коммунистическим движением, а также против польской интервенции в Силезии. — Прим. науч. ред.

похожим на диких зверей»¹⁰. К этому времени политические симпатии двадцатилетней Илзе Прёль уже давно были на стороне правоконсервативных политических сил. Она придерживалась их, пока движение Адольфа Гитлера не внесло в её взгляды значительные корректизы.

Весной 1920 года девушка серьезно заболела, и ей пришлось пропустить выпускные экзамены. Переезд в Мюнхен, где экзамены сдавали только в июне, было решением проблемы. Мать Илзе, повторно вышедшая замуж и переехавшая на Аммерзее в Баварию, определила дочь в маленький аристократический пансион в мюнхенском районе Швабинг. «Я приехала ночным поездом и предстала перед фрейлейн фон Ш., пожилой дамой из баварской знати», — вспомниала Илзе Гесс¹¹.

В «пансионе Шильдберге» жизнь протекала весело и оживленно. Дети учились, ходили в походы, совершали горные прогулки, катались на велосипеде, посещали театры и концерты. Все книжные новинки увлеченно обсуждались воспитанниками пансиона.

Соседями Илзе по пансиону были два брата и сестра — очень симпатичные ребята — немцы, родившиеся и воспитовавшиеся за границей, родители которых жили в египетской Александрии. В апреле 1920 года, вскоре после своего приезда в пансион, Илзе Прёль впервые увидала одного из братьев. «Внезапно откуда-то возник молодой человек в серой униформе, на рукаве бронзовый лев Добровольческого корпуса Эппа¹², перепрыгивая

¹⁰ Ilse Hess, *Gefangener des Friedens. Neue Briefe aus Spandau, Leoni am Starnberger See 1955*, S. 20 ff.

¹¹ Ebd., S. 15.

¹² Подразделение Добровольческого корпуса, руководимого генерал-майором Францем Риттером фон Эппом, было создано в 1919 году в Баварии. Участвовало в боях против Красной республики в Мюнхене, а также в боях с коммунистами в Рурской области и в Гамбурге.

сразу через три ступеньки. Он вздрогнул, увидев, что я смотрю на него, скользнул по мне своим мрачным отсутствующим взглядом, быстро и вежливо поклонился и так же внезапно исчез, как и появился! Это был Рудольф Гесс – и я сразу поняла, что великий Господь вложил стрелу моей жизни в тетиву, что она достигнет своей цели во что бы то ни стало», – писала Илзе Гесс 35 лет спустя¹³.

Внешний вид молодого человека, который так привлек Илзе Гесс, был таким же примечательным, как и его поведение. У него были необычайно глубоко посаженные глаза, квадратное лицо, мощные скулы, густые черные брови¹⁴. На фоне веселых беззаботных пансионеров выделялась его мрачная, угрюмая фигура. Рудольф слыл аскетом, он не употреблял алкоголь, не курил. Он был неразговорчив и поклялся не смеяться после того, как Германия проиграла войну. Он презирал людей, которые в годы страшной нужды в стране еще имели желание танцевать и развлекаться. Студента Рудольфа Гесса интересовала политика, интересовала до фанатизма. Перед выборами он заставлял обитателей пансиона посещать различные партийные собрания – он считал, что они, дети побежденной нации, обязаны были иметь собственное политическое мнение! Подобная позиция сделала Рудольфа Гесса человеком, которого старались избегать, но Илзу Прёль это не отпугнуло – для нее зажатый одиночка стал большой и единственной любовью ее жизни. Чтобы быть ближе к молодому человеку, она, несмотря на приближающиеся экзамены, посещала не только политические собрания, но и лекции в университете, на которых она надеялась встречать Гесса.

¹³ Ilse Hess, *Gefangener des Friedens*, a.a.O., S. 18 f.

¹⁴ Rudolf Hess, *Gefangener des Friedens*, a.a.O., S. 23 ff.

Однажды молодой человек, обычно такой сдержан-
ный и спокойный, взбудоражил своих соседей по панси-
ону эмоциональным криком: «Послезавтра вам придет-
ся пойти со мной! На встречу с представителями Нацио-
нал-социалистической партии! Сегодня я был там. Я
разговаривал с человеком, имени которого я не знаю. Но
если мы хотим освободиться от версальского позора, то
этот человек — этот незнакомец — поможет нам вернуть
нашу потерянную честь!»¹⁵ Спустя два дня все обитатели
пансиона, извинившись, под разными предлогами отка-
зались идти на собрание. И только одна Илзе Прёль, ко-
торая, по собственному признанию, была счастлива, как
ребенок, отправилась с Рудольфом в мюнхенский «Тале».
«Кроме впечатления, которое я ожидала получить от
выступления этого оратора, я надеялась еще и на то, что
я буду наедине с Рудольфом Гессом весь вечер, может
быть, он будет не только молчать, но и немного побол-
тает со мной»¹⁶.

В мюнхенской пивной «Штернэккерброй» («Ster-
neckerbräu») Рудольф и Илзе прошли в крошечную зад-
нюю комнатку. Для ученицы Илзе все это было «очень
странны, непривычно, захватывающе», но Илзе ощути-
ла, что от некоторых присутствующих исходит странное
напряжение. Затем Антон Дрекслер, председатель Не-
мецкой рабочей партии (ДАП), открыл вечер и передал
слово некоему Гитлеру, речь которого уже с первых слов
захватила молодых людей и всю остальную публику. Этот
Адольф Гитлер нашел, как заметила Илзе, те самые сло-
ва, которые так жаждал услышать Рудольф Гесс после
поражения Германии. Но и Илзе в тот вечер попала под
влияние Гитлера, от которого ей не суждено уже было

¹⁵ Ilse Hess, *Gefangener des Friedens*, a.a.O., S. 23 f.

¹⁶ Ebd., S. 25.

освободиться. Позже, в 1947 году, она писала: «Меня захватило в водоворот национал-социализма». Этот самый Гитлер нашел и для меня те слова, которые хотела услышать я. У него была смелость говорить о Германии впервые с 1918 года. Голосом, полным настойчивости, подчеркивая слова странными жестами своих маленьких, живых рук, он говорил о рейхе, за который погиб мой отец»¹⁷.

Для Рудольфа Гесса после этого вечера сомнений быть не могло. Гитлер казался ему не будущим диктатором праворадикальных кругов, а мессией, которому он, подчинился безропотно. Без колебаний Гесс в январе 1920 года вступил партию, которая вскоре была переименована из ДАП в НСДАП, и получил НСДАП-№ 16. Уже летом того же года Адольф Гитлер дал поручение своему молодому товарищу организовать национал-социалистическую группу при Мюнхенском университете.

Несмотря на восхищение Гитлером, Илзе Прёль не торопилась вступить в НСДАП. Причиной было не проиглашенное первоначально партией женоненавистничество, собрание членов которой единогласно постановило, что «женщина... никогда не будет введена в состав правления партии или принята на руководящий пост», а то, что юная гимназистка чувствовала себя несколько смущенно в окружении Гитлера, состоявшем преимущественно из простых, грубоватых, примитивных людей. Преодоление социального барьера далось Илзе нелегко. В интересах дела дочь буржуа храбро боролась с таким предвзятым отношением, которое она сама считала духовной спесью, и в конце 1921 года она уже была членом НСДАП¹⁸. После снятия запрета на деятельность

¹⁷Ebd., S. 33.

¹⁸Spka K 693. Aktenheft I: Office of Military Government for Security vom 3.6.1947. Bayerische Staatsarchiv München. Первый НСАПД-№ Илзе Гесс не известен.

НСДАП в 1925 году студентка Илзе Прёль возобновила свое членство в партии, и ей был присвоен номер 25 071, из-за которого ей впоследствии завидовали черной завистью, так как он позволил ей получить Золотой партийный значок. Гитлер как-то иронично заметил, что молодая прусская студентка без влияния Гесса никогда бы не стала национал-социалисткой; Илзе, «ветеран партии», резко отвергла это ироничное замечание. «Это было не только ради Гесса», — убежденно считала она.

Уже летом 1920 года Илзе стало понятно, что благосклонности интроверта Гесса можно было добиться только благодаря прилежной работе в партии. И в самом деле, Гесс охотно прибегал к помощи своей симпатичной поклонницы, поручив ей раздачу пропагандистского материала, расклейивание плакатов с призывами пойти на собрание и прочую секретарскую работу. При этом он предвосхитил такой организацией работы доктрины, официально провозглашенную позже национал-социалистами: женщина — «помощница мужчины», она не может быть самостоятельным политиком. Гесс в полной мере использовал трудолюбие Илзе, вскоре начал отдавать краткие точные указания, практически отказавшись от вежливых фраз, которые казались ему излишними.

«Дорогая фрейлейн Прёль! — писал он в августе 1920 года. — Доклад [“Почему мы антисемиты?”] окончательно утвержден на пятницу, на половину восьмого в “Хофбройхаус”¹⁹. Плакаты [для раздачи] я, к сожалению, высыпать пока не могу. Р. Гесс»²⁰.

Илзе Прёль посещала вместе с фанатичными активистами бесконечные выступления Гитлера, которые про-

¹⁹ «Hofbräuhaus» — одна из самых больших и самая знаменитая пивная в центре Мюнхена. Существует и по сей день. — Прим. науч. ред.

²⁰ Открытика Рудольфа Гесса. Rudolf Hess, Briefe, a.a.O., S. 84 ff.

водились и в «Хофбройкеллер», и в «Шлэссель», и в «Айзенер кройце»²¹. Многие из них начинались подозрительно спокойно и заканчивались после попыток помешать их проведению враждебными партиями бурными драками. Илзе часто приходилось оказывать первую помощь своему другу, который присутствовал в зале для обеспечения безопасности или отвозить его в мюнхенскую поликлинику — однажды зияющую рану пришлось зашивать, врач нанес шесть швов. Но подобные события только больше сближали Илзе и Рудольфа. Постепенно молодой Рудольф смог преодолеть натянутость отношений, стал более откровенным и рассказал Илзе о себе.

Рудольф Рихард Гесс родился 26 апреля 1894 года в Египте, в Александрии, где его отец возглавлял фирму, представлявшую интересы различных немецких компаний²². Семья жила в шикарной вилле на море. Рудольфу очень хорошо запомнился сад. Он, обычно скромный на слова, описывал его подробно, детские впечатления будили в нем мечтательные воспоминания: «...сад стал раем за какие-то лет пять, тропическая пышность пришла на смену пустыне, которая, казалось, не могла дать жизни растительности... Летом и зимой цвели ароматные цветы невероятной красоты. Мы вырезали копья из бамбука, жевали сахарный тростник...»²³ Но Рудольф, его брат и сестра очень любили поездки в Германию, которые совершали каждые полтора года: «...одно путешествие лучше другого — через море и через половину Европы»²⁴. Целью долгого путешествия была идилличес-

²¹Мюнхенские пивные — «Hofbräukeller», «Schlössel», «Eisernen Kreuz» («Железный крест»). — Прим. науч. ред.

²²Dietrich Orlov, Rudolf Hess, “Stellvertreter des Führers”. In: Die Braune Elite I. Hrsg. von Ronald Smelser und Rainer Zitelmann, Darmstadt 1994, S. 84 ff.

²³Ilse Hess, ‘Gefangener des Friedens’, a.a.O., S. 68.

²⁴Рудольф Гесс, письмо от 30.5.1954.

кая, уединенная двухэтажная вилла в стиле модерн «Reichsholdgrün» — семейное владение Гессов, расположенная к северо-западу от верхнефранконского города Вунзидель в горах Фихтель. В 1908 году Рудольф был отправлен в интернат в Бад-Годесберге, который ему пришлось покинуть, не сдав выпускных экзаменов, по настоянию авторитарного отца семейства, который определил Рудольфа в коммерческое училище в Нойшатель, несмотря на интерес и способности Рудольфа к естественным наукам. С началом Первой мировой войны Рудольф — пылкий патриот, оставил столь нелюбимое им изучение экономических наук, записался добровольцем в армию и стал храбрым пехотинцем, как характеризовал его впоследствии Адольф Гитлер. Весной 1918 года лейтенант Гесс, которому безумно нравились воздушные асы барона фон Рихтгофена²⁶, попросил перевода в подразделения люфтваффе. Когда Германия проиграла войну, Рудольф воспринял это как личную трагедию. Что касалось поражения, то ветеран войны Гесс охотно поверил впоследствии в растиражированную легенду «об ударе кинжалом в спину», согласно которой германские победоносные войска были вынуждены капитулировать в результате тлетворных манипуляций еврейских финансовых магнатов.

К концу войны бывший офицер, как и тысячи его товарищ, остался без работы и с неясным будущим. Он записался в Мюнхенский университет, скорее чтобы выйти из этого положения, а не из-за склонности к знаниям, и начал изучать общественно-политические науки, историю, геополитику и юриспруденцию. Вскоре после

²⁶Барон Манфред фон Рихтгофен (1892–1918) — лучший немецкий ас Первой мировой войны, с 1917 года он командовал 1-й истребительной эскадрой — наиболее результативным соединением немецкой авиации. Погиб в бою. — Прим. науч. ред.

приезда в Мюнхен Гесс начал общаться с членами право-радикальных антисемитских объединений. Он стал активным членом Добровольческого корпуса Эппа, вступил в общество «Туле»²⁷, члены которого занимались вследствие «глубочайшего унижения» идеями селекции людей, германским оккультизмом, расовой гигиеной. Но огромное влияние на студента, на тот момент потерявшего почву под ногами, оказал бывший бригадный командир доктор Карл Хаусхофер²⁸, который преподавал в Мюнхенском университете геополитику. Взаимосвязь политики и географии — «широкое пространство создает лучшие возможности для жизни» — захватили молодого человека. Законы «земного пространства как науки для будущего германского народа... народа без пространства»²⁹, пропагандируемые Хаусхофером, полностью завладели Гессом, который очень переживал потерю Германией ее колоний. Позже Гитлер направил эти геополитические размышления Гесса в другую колею, а именно на расширение германского пространства на восток, на российские земли.

После того как Илзе Прёль с трудом сдала выпускные экзамены экстерном (из-за постоянных отлучек, связанных с ее политической деятельностью), она собралась

²⁷ Общество «Туле» (*Thulegesellschaft*) — тайная организация, провозгласивший своими официальными целями изучение и популяризацию древнегерманской литературы и культуры. Свое название общество получило от легендарной земли Туле. Общество широко использовало мистические символы, его девиз: «Помни, что ты немец. Держи свою кровь в чистоте!». — *Прим. науч. ред.*

²⁸ Хаусхофер развивал теории Фридриха Ратцеля (1844–1904) и Рудольфа К्�ಯеллена (1864–1922). Ратцель был основателем антрополого-географии и политической географии (*Die Erde und das Leben*); К'яеллен же занимался геополитикой. Его «Политическая география» стала одной из классических работ по геополитике.

²⁹ Фраза «*Volk ohne Raum*» — название вышедшей в 1928 году книги Ганса Грима — стала одним из главных лозунгов нацистов.

изучать германистику в Мюнхенском университете. Но радостные ожидания девушки неожиданно были нарушены: ее мать дала ей понять, что в годы инфляции она потеряла все свое состояние и что финансирование учебы дочери в университете не соответствует ее возможностям. Илзе позже узнала, что это не совсем соответствовало действительности. Тем не менее Илзе пришлось покинуть уютный пансион фон Шильдберг. Она переехала к матери и отчиму в дом на Аммерзее с надеждой вскоре заработать собственные средства. Но жизнь в этом доме стала для Илзе настоящим кошмаром. Расстояние до Мюнхена осложняло общение с мужчиной ее мечты, и Илзе боялась, что ее своеобразный друг скоро все исчезнет из поля ее зрения. Но Гесс не забыл об Илзе. Он привык к поддержке своей поклонницы и не думал отказываться от ее сотрудничества. Он приехал на Аммерзее и привез ей работу: огромный объем пропагандистского национал-социалистического материала, листовки, журналы, открытки в духе подстрекательской пропаганды, автором которых был писатель и «наставник» Гитлера Дитрих Эккарт. Все это девушка из добропорядочной семьи разносила по соседним домам. Она размножала листовки, рассыпала почтовые открытки в огромном количестве. Почтовые расходы она оплачивала самостоятельно. Она часто ездила в Мюнхен, где посещала выступления Гитлера на собраниях, встречи членов штаба, организационные заседания и другие подобные мероприятия. Дома она читала брошюры, которые Гесс передавал ей для распространения, среди них манифест «Как остановить господство денег»³⁰. Мать Илзе наблюдала за деятельностью дочери с возрастающим подозрением. Она решительно отвергала НСДАП и

³⁰Gottfried Feder, Das Manifest zur Zinsherrschaft der Geldes, München 1919.

не допускала речи о том, чтобы финансировать нежелательную политическую активность дочери. Непонятая матерью дочь с горечью жаловалась на такое отношение: «Дома мне никогда не давали денег на мои поездки, я никогда не находила понимания, что я делала»³¹.

Атмосфера, враждебная НСДАП, царившая в доме матери, стала в конце концов для дочери невыносимой. Илзе уехала в Мюнхен, где ее приютила тетя, и начала работать горничной в одном из пансионов в Изартале. Комнатка Илзе располагалась под самой крышей дома, в мансарде, сквозь щели стен которой свистел ветер. Обстановка состояла из шатающейся кровати, умывальника и пары гвоздей, прибитых к балкам. На пропитание Илзе пришлось зарабатывать, убирая комнаты за постояльцами. Но она не отказалась от надежды начать учебу в Мюнхенском университете. В свободные от работы дни Илзе ездила в Мюнхен на собрания нацистов, а иногда на концерты. Она искала встреч с Рудольфом Гессом, и это ей удалось: осенью 1920 года он соблаговолил пригласить ее сопровождать его на встречу национал-социалистов в местечке недалеко от Изарталя. «Так мы возобновили наше общение», — писала Илзе Гесс в своих воспоминаниях.

Прошло почти полгода, прежде чем молодой человек увидел в своей помощнице родственную душу, которая, как и он, видела в НСДАП — религию, а в Гитлере — будущего фюрера. Адольф Гитлер был главным героем статьи Гесса, за которую Рудольф получил первую премию на одном из конкурсов и которую он гордо прочел своей подруге: «Каким будет человек, который вновь приведет Германию к благосостоянию?»³² — спрашивал Гесс и

³¹ Ilse Hess, *Gefangener des Friedens*, a.a.O., S. 39.

³² Февраль 1921 года. Премия была учреждена одним из проживавших в Испании немцев.

представлял Илзе свое видение Гитлера как диктатора: «Он не имеет с толпой ничего общего... он достигнет своей цели, даже если ему придется перешагнуть через близких друзей... если будет необходимость пролить кровь, он не побоится сделать этого. Великие вопросы всегда решались кровью и железом...»³³

Масштабы обожания и ожиданий, которые студент и выпускница школы возлагали на Гитлера, проявились в том титуле, которым они наградили своего идола: «трибун». Для них Гитлер был «защитником и оратором немецкого народа, по-плебейски униженного версальскими соглашениями».

Илзе Прёль разделяла со своим другом-ипохондриком его интерес к альтернативному питанию и вела соответствующий образ жизни, как и он, верила в сверхъестественные явления. Подобно Гессу, она была убеждена в необъяснимой власти темных сил. Совместные вылазки в горы, игра в теннис, лыжные прогулки прочно связали молодых людей, и когда Гесс предложил своей помощнице, как он выразился, взять на себя половину своих профессиональных обязанностей, Илзе была на седьмом небе от счастья. После этого оба начали работать в маленькой студии под названием «Мюнхенское оформление помещений»³⁴: он представителем, она секретарем и девочкой на побегушках.

Идиллия, ставшая возможной благодаря работе в студии и партии и учебе в университете, закончилась летом 1921 года, когда состоятельная тетя Рудольфа, живущая в Швейцарии, решила освободить племянника, отчаянно нуждающегося в деньгах и потому постоянно подра-

³³ Цит. по Wulf Schwarzwäller, Rudolf Hess, Der letzte von Spandau. Wien, München 1977, S. 74.

³⁴ «Münchener Raumkunst GmbH», владелец – Макс Хоффебер.

батывающего, от работы и дать ему возможность заниматься только учебой. Те 20 золотых франков, которые она предоставляла ему ежемесячно, были небольшой суммой, ведь незадолго до этого в Германии, выплачивавшей репарации победившим странам-союзницам в размере 132 миллиарда золотых марок, началась гиперинфляция. Зарплата выдавалась каждый день, и ее нужно было тратить тут же, иначе на следующий день эти деньги уже ничего не стоили. Банковские вклады частных мелких вкладчиков обесценились³⁵. Стабильной была только иностранная валюта. Рудольф Гесс, долго не раздумывая, с благодарностью принял дар тети и с облегчением ушел из студии, великодушно порекомендовав себе в преемники свою подругу, охарактеризовав ее шефу как очень старательную сотрудницу.

Илзе Прёль, нуждающаяся в средствах на жизнь, не могла уволиться, чувствуя себя оставленной наедине с нелюбимым занятием, которое раньше было для нее лишь средством к достижению цели. На такой поворот событий она никак не рассчитывала. Она опасалась, что ее «нелюдимый» избранник исчезнет из поля ее зрения.

Илзе Прёль не сдалась. Вскоре она нашла возможность сделаться незаменимой: стала снабжать Гесса, находящегося на каникулах у родителей, новейшей информацией по национал-социалистической политике. Так, в своем письме в Рейхольдсгрюн она сообщила, что Гитлер 29 июля 1921 года был избран председателем НСДАП, присвоив себе диктаторские полномочия, и подробно рассказала об организации 3 августа 1921 года спортивных отрядов (впоследствии переименованных в штурмовые отряды, или СА — Sturmabteilung, SA).

³⁵ 50 000 марок выпуска 1922 года приравнивалось к 0,0005 пфеннига.

Рудольф Гесс написал дружеское письмо, несколько в небрежном тоне, но сделал приглашение: «Дорогая фрейлейн Прёль! Был очень рад вашему письму! Я и не мечтал о таком подробном отчете. Я очень скучаю по родине и по собраниям. Спасибо за то, что напечатали ответ (для газеты). Ваша старательная работа заслуживает моих аплодисментов!... Вообще-то вам хотела написать моя мама... мои родители очень бы обрадовались, если бы вы смогли навестить нас здесь, когда сможете, но, наверное, только до 1 сентября... гостей здесь очень ценят, потому что местность довольно пустынная... если вы сейчас можете отправиться в путешествие и если у вас есть такое желание, то садитесь в ближайший поезд и приезжайте...» Мать Рудольфа приписала в конце письма: «...мы скучаем по молодежи... и так как Руди сейчас здесь, вы не будете страдать от одиночества. Собирайтесь же и приезжайте как можно скорее. Вам не понадобится много одежды, возьмите с собой лишь самое необходимое... Ваша Клара Гесс»³⁶.

Илзе быстро собрала вещи, села в поезд и провела в Рейхольдсгрюне прекрасные каникулы. Когда она затем вернулась в Мюнхен, то ей пришлось вновь поработать посредником. «Я вкладываю письмо для Гитлера, я не хочу посыпать его напрямую»³⁷, — писал ее друг, который продолжал наслаждаться спокойной деревенской жизнью. Илзе Прёль добросовестно передавала длинные послания о запутанном политическом положении и просила своего друга вернуться. «Конечно, я хочу в Мюнхен, — писал он, — когда нужны будут люди, я приеду, в этом вы можете не сомневаться. Пока что острой нужды во мне нет...» В то время как внутреннее и внешнее положение

³⁶Hess, Briefe, a.a.O., S. 276.

³⁷Ebd., письмо из Рейхольдсгрюне от 3.9.1921.

Германии ухудшалось, обусловленное помимо всего про-
чего потерей Силезии, развитого промышленного реги-
она, а в Берлине разразился правительственный кризис,
Рудольф Гесс в тихом Рейхольдсгрюнен занимался теоре-
тическими основами национал-социалистической иде-
ологии, чтобы, как он говорил, «позже соответствовать
этим основам».

В октябре 1921 года влюбленная Илзе решила, что
пришло наконец время объясняться. Но Гесс с гневом
отклонил предложение стать ее «Маленьким Муком»
(Klein-Mucki): «Запрещаю тебе называть меня Малень-
ким Муком! Отвыкай немедленно! Иначе ко мне прикреп-
ится это прозвище!»³⁸ Весной 1922 года Гесс окончатель-
но пришел к убеждению, что дружба с Илзе – закадыч-
ным приятелем и бесплатной секретаршей – грозит
перейти в интимную колею. Он послал Илзе письмо,
написанное в типичном для него высокопарном стиле, в
котором он прибегнул к старомодному обращению, ха-
рактерному для писем XIX века. Стремясь вернуть все на
круги своя, он писал: «...смотрите же, вот я говорю вам,
почему я хочу избежать этого. Высокая, чистая дружба
не должна приводить к “другому”, ведь опасность вели-
ка, мы оба молоды, и жизнь кипит в нас. Но мы оба силь-
ны и выделяемся из толпы. Мы должны справиться с
этим, на это способны лишь немногие... надо сжать зубы
и справиться. Вы наверняка поняли, что имеет в виду тот
грубиян, с которым вы имеете дело. Смотрите же, я точ-
но знаю, что “другое” было бы лишь иллюзией, чудес-
ной-пречудесной иллюзией, но она стала бы и началом
конца нашей большой дружбы, которая связывает меня
с вами...»³⁹

³⁸Ebd., письмо от 24.10.1921, S. 283.

³⁹Письмо Рудольфа Гесса, отправленное 16.3.1922 года.

В ответ на это послание Илзе Прёль сократила переписку, проявила сдержанность в тех немногих письмах, что все-таки отсыпала и вскоре добилась желаемого результата. «Вы стали отвечать реже, в понедельник утром на столе я не увидел письма со знакомым дорогим почерком... и вот уже у меня пропал аппетит и вовсе не хочется завтракать... а моя добрая тетушка находит, что я плохо выгляжу...», — жаловался ее друг уже две недели спустя, 2 апреля 1922 года⁴⁰. Вскоре после мучительной внутренней борьбы он принял решение, которое вновь изложил своим неповторимым стилем в письме: «В ваши руки, в ваши дорогие руки, я бы хотел вложить алые розы. Я бы хотел склониться у ваших ног и крепко-крепко прижать ваши руки к себе. Я хотел бы тихо прикоснуться к вашему лбу и долго смотреть в ваши глаза, пока наши пульсы не забываются в такт... но в моих объятьях вам будет спокойно-спокойно, в то время как совершенно прекрасное чувство будет охватывать нас...»⁴¹ С этого момента Илзе и Рудольф считали себя тайно обрученными.

В сентябре 1922 года, незадолго до того как Илзе начала изучать германистику, к чему она так долго стремилась, — она записалась 15 ноября 1922 года на философский факультет Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана, пара нашла время для короткой поездки в Рейхольдсгрюн. «Девочка моя! Моя любимая маленькая девочка! Если бы я только знал, когда ты приедешь! Прошла целая вечность между вчера и сегодня, между тем, как твоя маленькая рука прикоснулась к губам и послала мне прощальный воздушный поцелуй. Твоя кудрявая головка, твоя дорогая фигурка становились все меньше и меньше, исчезнув затем вдалеке...» — писал

⁴⁰Hess, Briefe, a.a.O., S. 289.

⁴¹Ebd., письмо Рудольфа Гесса в апреле 1922 года, S. 290.

жених, который поехал вперед. «...Знаешь что, давай совершим несколько прогулок! Ты права! Мы очень молоды, и в нас кипит жизнь. Давай воспользуемся временем, которое у нас есть!»⁴²

Влюблённость не мешала юной паре продолжать без устали работать на благо партии. НСДАП в 1923 году пережила настоящий подарок — в этом году франко-бельгийские войска заняли Рурскую область, чтобы вынудить Германию к выплате репараций, галопирующая инфляция достигла наивысшего уровня, национальная валюта была обесценена. Илзе Прёль была, как и раньше, верной помощницей своего друга, поддержку которой он очень ценил. Она снабжала своего жениха материалом для его бесчисленных пропагандистских статей, а также необходимыми документами, когда Гесс планировал статью о Генри Форде в «Фелькише беобахтер», американском промышленнике и зачинателе антисемитского движения в США. Девушка изучила биографию Форда, перевела его работу под названием «The international jew» («Международное еврейство»), занималась изучением условий жизни американских рабочих и даже выписала экземпляры одной из провинциальных газет «The Dearborn Independent», в которой Форд излагал свои антисемитские взгляды.

Иногда Гесс и его невеста пытались найти объяснение тому очарованию, исходящему от «трибуна», жертвами которого они стали. Они исследовали «феномен Гитлера», проанализировали его ораторские успехи и пришли к заключению: «Это невероятно, что речь ОДНОГО человека на большом собрании захватывает как простого рабочего, так и правительенного советника, что этот человек тысячу коммунистов, которые пришли сюда,

⁴²Ebd., письмо от 13.9.1922, S. 294.

чтобы помешать собранию, в течение двух часов заставляет поменять свое мнение так, что коммунисты к концу собрания встают, чтобы вместе со всеми спеть гимн Германии. На специальном выступлении перед несколькими сотнями промышленников, которые в целом считали себя противниками нашей партии, он смог достичь их полного согласия или в худшем случае молчаливого удивления всего за три часа, причем ни один из них даже не выступил... В Ландсхуте ему удалось достичь того, что его противники из НСДП (Независимой социал-демократической партии) в завершение его речи высыпнули из зала своего собственного фюрера. В "Национальном клубе" Берлина он говорил так, что по завершении речи старый адмирал Шрёдер и другие молча покинули зал, а на следующий день нанесли ему визит, чтобы сказать, как глубоко потрясены все они были»⁴³.

Когда председатель НСДАП в ноябре 1923 года — подобно Муссолини, который годом раньше устроил «марш на Рим», — стал строить планы государственного переворота, то Илзе Прёль стала связующим звеном между Гитлером и Гессом. Почти ежедневно она отсыпала сообщения с указаниями председателя партии своему жениху, который был в то время на вилле Рейхольдсгрюн, но постоянно ожидал указаний фюрера. «Я благодарен тебе за то, что ты написала мне о настроениях в Мюнхене, — писал он 10 октября и заканчивал риторическим вопросом: — Интересно, меня заберут еще до начала семестра или нет?»

Но Гитлер в это важное время, требующее решительных действий, не задействовал своего бесконечно преданного единомышленника, который к тому же еще и имел боевой опыт — помимо учебы он занимался в бата-

⁴³Ebd., письмо от 27.11.1924, S. 355 f.

льоне (11-й сотне) СА, но который в кругу товарищей по партии считался чудаком. В то время как Гитлер с бывшим боевым летчиком Германом Герингом, генералом Эрихом Людендорфом и капитаном рейхсвера Эрнстом Рёмом проводил бесконечные тайные переговоры, «Гессику» информация отправлялась, напротив, скромно. Его задачей было арестовать членов баварского правительства, не применяя физической силы, и отвезти в надежное место. В путче Гесс сыграл второстепенную роль. Когда попытка государственного переворота окончилась неудачей, то Рудольф впал в депрессию, о чем впоследствии писала его невеста: «...в те... ноябрьские дни Рудольф, вера которого в Гитлера была непоколебимой, испытал настояще потрясение»⁴⁴. Он бежал от баварской полиции в горы, где скрывался почти полгода. Его подруга часто навещала его. И только в мае 1924 года Гесс добровольно обратился в правоохранительные органы и в процессе, ставшем продолжением большого процесса по делу Гитлера, был осужден по делу о ноябрьском путче вместе с другими 40 участниками по статье «государственная измена». В заключении в Ландсберге они еще больше сблизились с Гитлером. «Я могу каждый день общаться с замечательным человеком, с Гитлером, которого ты также высоко ценишь, как и я», — писал он 16 мая 1924 года своей матери. Благодаря письмам⁴⁵, которые Гесс посыпал своей невесте, можно сделать выводы об условиях содержания в тюрьме Ландсберга. Гитлер смог там отдохнуть как физически, так и духовно, написать книгу «Майн Кампф» и собраться с силами для продолжения борьбы. В письмах к Илзе Прёль Гесс описал ши-

⁴⁴Письмо Илзе Гесс Адольфу Гитлеру от 21.7.1944. Spka K 693. Aktenheft 5. Bayerisches Staatsarchiv München.

⁴⁵Hess, Briefe, a.a.O., S. 325 f.

карные условия тюрьмы, о которой он мечтательно сообщал Илзе: «...крепость – современное здание, построенное со вкусом, окруженное садом... надзиратели сидят у нас, обстановка чудесная... в нашем личном распоряжении горячая ванна, в современной ванной комнате... в сад можно выходить шесть раз в день... у меня достаточно книг...» Затем он просил невесту привести ему несколько фотографий, так как «в моей просторной светлой комнате не хватает только их, чтобы комната выглядела по-домашнему уютной». Он регулярно сообщал ей о Гитлере: «трибун» занимался физкультурой, купался, спал и прилежно рисовал. Он разрабатывал планы театров, библиотек, университетов, а также делал наброски для театральных декораций. Фабриканты Бехштейны послали Гитлеру граммофон и пластинки, и у Гесса появился случай написать своей невесте еще об одной большой радости, которую этот подарок доставил заключенным. Они слушали «военные марши, вальсы, песни Шуберта и оперы Рихарда Вагнера». Эмиль Морис – друг фюрера, также попавший в заключение, играл на своей мандолине, а узники тюрьмы пели: «*Ein Landesknecht sei ich von Natur*» («Я по природе своей ландскнехт»).

В то время как заключенные отдыхали в тюрьме, как в санатории за государственный счет, баварские правоохранительные органы занимались выдворением Гитлера на его родину. Но Австрия отреагировала на эти попытки довольно дипломатично, отказав экс-фюреру запрещенной НСДАП в австрийском гражданстве. Илзе Прёль узнала из письма от 14 октября 1924 года, что в Ландсберге приветствовали такое решение австрийских властей. «Радость наша была огромной! Ведь тем самым он, как человек, лишенный гражданства, на год становился гражданином Баварии, потому что он служил в баварской армии... сегодня мы отпразднуем это событие и выпьем вина...»

Заключенный Гесс описывал своей невесте также и распорядок дня в Ландсберге: «Я встаю в пять утра, завариваю чай для Гитлера, который тем временем пишет свою книгу, до половины восьмого я занимаюсь умственной работой, после завтрака с 8 до 11 – физической работой – колю дрова. Очень полезное для здоровья занятие... Гитлер также думает заниматься этим, как только допишет книгу. Затем обед, тихий час, чай... игры, или я развлекаюсь тем, что иду на прогулку с Гитлером... затем мы пьем чай с пирогом...»

Илзе Прёль приезжала к ним довольно регулярно, чаще по воскресеньям, чтобы получить новое задание. Когда Гитлеру понадобилась литература для его архитектурных занятий, то он передал с ней письмо к своей квартирной хозяйке. «Дорогая госпожа Рейхерт! Пожалуйста, передайте фрейлейн Прёль мой четырехтомник голубого цвета по истории архитектуры. Огромный привет вашим родителям, вашему супругу и Тонерль. Ваш Адольф Гитлер. Крепость Ландсберг, 11.6.1924».

Своему жениху Илзе писала письма, в которых «изливалась любовь к своему Муку», как отмечал Гесс. «Мук» в ответ на эти чувства посвящал ее в письмах в тюремную жизнь, передавал ей по желанию Илзе содержание своих разговоров с «трибуналом» и при этом не утаил отношения Гитлера к вопросу о роли женщин в обществе. «Он, как и раньше, придерживается мнения, что женщины не место в публичной политике. Политика – это чисто мужское дело, особенно политика, которая может привести к тяжелым последствиям, то есть при определенных обстоятельствах возможно даже кровопролитие. Он не допускает мысли о том, что женщины, которые не будут отвечать за последствия своих действий своей кровью, определяли, стоит ли ему участвовать в кровопролитии!»

Илзе Прёль понимала эту позицию, которую приветствовал и ее жених, и служила НСДАП в меру своих ограниченных возможностей. Очень тактично она избегала упоминать в присутствии Гитлера нежелательную трактовку политических тем, чем добилась благосклонности «трибуна», который во время ее посещений в Ландсберге любил поговорить об искусстве и культуре. «Он [Гитлер] был удручен, что в понедельник я не дала вызвать его, чтобы он смог поприветствовать меня. Он ждал меня и даже подготовил часовой доклад про готику...»⁴⁶

Рудольф Гесс уже в Ландсберге исполнял обязанности личного секретаря Гитлера. Позже его супруга официально отрицала то, что Гесс не участвовал в написании «Майн Кампф», дискутируя с Гитлером. Рудольф Гесс был автор ключевых слов и первым читателем⁴⁷. При этом ее держали в курсе написания книги, почти ежедневно она получала информацию о том, как продвигались дела: «...перед этим пришел трибун и спросил меня, найдется ли у меня часок времени, что он хочет прочитать мне последнюю главу... сейчас он регулярно читает мне вслух... он объясняет мне, и мы обсуждаем тот или иной пункт...»⁴⁸ 29 июня 1924 года совместная работа над книгой двух узников достигла эмоционального апогея: «...трибун читал все медленнее, спотыкаясь, с непроницаемым выражением лица... затем он вдруг опустил страшницу, подтер голову руками и – всхлипнул. Нужно ли мне говорить вам, что и я потерял самообладание?»⁴⁹ Шеф и секретарь поплакали немного вместе, затем пожали друг другу руки. После этого «пакта, скрепленного рукопожа-

⁴⁶Ebd., письмо из Ландсберга от 11.6.1924, S. 333 f.

⁴⁷Guido Knopp, Hitlers Helfer, München 1996, S. 213 f.

⁴⁸Hess, Briefe, a.a.O., письмо от 24.7.1924, S. 347.

⁴⁹Ebd., письмо Илзе Прёль от 29.6.1924, S. 341.

тием», который на всю жизнь скрепил Гитлера и Гесса, Рудольф Гесс послал Илзе письмо с объяснением в любви. Но оно было посвящено не Илзе — речь в нем шла об Адольфе Гитлере, о котором его сокамерник писал: «Я предан ему больше, чем когда-либо! Я люблю его!»

20 декабря 1924 года Гитлер был досрочно освобожден из заключения — Илзе Прёль приехала забрать его, для чего наняла машину. Спустя девять дней заключение подошло к концу и для Гесса, и девушка забрала и своего жениха в Мюнхен, где Гитлер устроил в «Остерию Бавария» — его любимом ресторанчике в мюнхенском районе Швабинг — маленький праздник. За равиоли неудавшийся диктатор сделал Гессу предложение, от которого Рудольф не мог отказаться: он предложил Гессу стать его личным секретарем на постоянном окладе, что стало возможным благодаря гонорару, полученному за «Майн Кампф» и финансовой помощи верных благотворителей.

«Я уступил трибуну в ответ на его многократные просьбы и занял место его доверенного лица, которое оплачивалось еще лучше, чем место в академии (Институт профессора Хаусхофера)», — сообщал Гесс своим родителям⁵⁰. Предложение профессора Карла Хаусхофера занять место ассистента в Институте geopolитики Гесс, которому к тому времени был уже тридцать один год, отклонил. Илзе Прёль испытывала при этом противоречивые чувства. Она задумывалась о будущем, и, конечно, несмотря на всю симпатию к Гитлеру и его политике, она предпочла бы видеть своего будущего мужа на хорошем надежном месте в научном учреждении и с перспективой профессуры. Место у Хаусхофера казалось ей, в отличие от беспорядочной и опасной службы у Гитлера, спокойным и упорядоченным, к тому же гарантирующим хоро-

⁵⁰Ebd., S. 366.

шие шансы на продвижение по карьерной лестнице. Она не ошиблась. И в самом деле, в этот вечер в «Остерию Бавария» была предопределена судьба Рудольфа Гесса и Илзе Прёль. Гесс поступил на службу к Гитлеру с жалованьем 500 рейхсмарок в месяц, причем чудак-одиночка питал надежду «способствовать добру во всех возможных направлениях». Теперь он мог отказаться от поддержки Илзе, ведь в его подчинении была «секретарша, которой он диктовал», как он сам с гордостью упоминал.

Будучи невестой Рудольфа Гесса, Илзе Прёль, которая летом 1926 года закончила учебу в университете⁵¹, автоматически была включена в ближайшее окружение фюрера и могла принимать участие в приватных развлечениях. Йозеф Геббельс писал об одной такой из загородных поездок на природу в сентябре 1926 года: «Шеф хочет, чтобы я поехал со всеми на Кёнигзее. Я быстро собираюсь. На улице ждет машина. Гитлер, Гесс, Морис, Гоффман, фрейлейн Прёль. Мы едем в это сияющее воскресное утро. Все ближе к нам Ватцманн⁵², все отчетливее его очертания. Гитлер мечтает вслух. Он милый, настоящий человек — просто ребенок. Там Кёнигзее... Мы завтракаем полчаса... В ресторане “Малервinkel”⁵³ мы сидим долго...»⁵⁴

Подобные увеселения случались, однако, не очень часто, так как обычно Гесс мчался в новом «Мерседесе»

⁵¹Студенческая карточка Илзе Прёль. Справка архива Университета Людвига-Максимилиана, Мюнхен, от 19.11.2001. Илзе получила диплом 18.7.1926.

⁵²Ватцманн — одна из наиболее высоких (2714 метров, вторая по высоте в Германии) и красивейших гор в Зальцбургских Альпах, хорошо видная с Кёнигзее. — Прим. науч. ред.

⁵³Malerwinkel — дословно «Угол художника». — Прим. науч. ред.

⁵⁴Josef Goebbels, Tagebücher. Hrsg. von Ralf G. Reuth, Bd. 1, 1924–1929, S. 263 f.

Гитлера по всей Германии, пытаясь успеть на различные мероприятия. Его невеста, работавшая на тот момент в одном из мюнхенских антикварных магазинов, боролась тем временем с финансовыми проблемами и чувствовала себя выброшенной за борт. Без энтузиазма она выслушивала новости о том, что личный секретарь Гитлера после проделанной работы развлекался с шефом и его водителем в берлинском Луна-парке, о том, что семья Бехштейн финансировала и баловала председателя НСДАП и его свиту. «...Нам позвонили... Госпожа Бехштейн ждала нас в своем доме в курортном местечке; мы должны были жить у нее; так мы въехали в чудесный старый дом... в центре города... но место было такое спокойное и тихое, что можно было подумать, что мы за городом... огромные, шикарные комнаты, дорогие ковры, старые оригиналы... Ей [Илзе] там тоже бы понравилось»⁵⁵. Илзе Прёль упрекнула своего жениха довольно резко, на что он ответил: «Да что с тобой такое? Ты сердишься, что я долго не писал? Меня мучают угрызения совести, ведь, наверное, у тебя совсем нет денег... я буду каждый раз вкладывать 10 марок, которых должно хватить до моего возвращения на самое необходимое»⁵⁶.

Но иногда вдруг и для Илзе находились задания. Так, Гесс передал ей содержание переговоров его амбициозного авиапроекта, который по его замыслу должен был стать ответом Германии на полет Чарльза Линдберга⁵⁷.

⁵⁵Hess, Briefe, a.a.O., S. 365.

⁵⁶Письмо Рудольфа Гесса из Веймара от 23.1.1927.

⁵⁷Чарльз Огастес Линдберг (1902–1974) – знаменитый американский летчик. В 1936 году по приглашению Г. Геринга Линдберг побывал в немецких авиационных центрах. При посещении Германии в 1938 году немецкое правительство представило его к медали. Этот факт, а также публичные призывы Линдберга к нейтралитету, с которыми он выступал с 1940 года по возвращении в Америку, вызвали резкую критику со стороны президента Ф. Рузвельта. – Прим. науч. ред.

Американец в мае 1927 года первым пересек Атлантику с запада на восток — Гесс хотел повторить это достижение, но в противоположном направлении. В качестве источника финансирования он выбрал симпатизирующего НСДАП американского миллионера Генри Форда. Гесс проинструктировал свою невесту: «С перелетом через Атлантику все ясно, кроме источника финансирования... пожалуйста, свяжись с Фордом, по-английски или по-немецки, и сообщи следующее: нужен всего лишь одномоторный аэроплан, общая сумма полета, включая страховку, 200 000 марок. Старт можно назначить на середину августа...» Но Форд не проявил интереса, и полет сорвался.

На III съезде НСДАП, проходившем с 19 по 21 августа в Нюрнберге, у Ильзе Прёль не было официального статуса, но она должна была опекать племянницу Гитлера Гели Раубал⁵⁸, с которой ее вскоре стала связывать сердечная дружба. Рудольф Гесс стал для родственницы «трибуна» гидом по Германии. «С окончания съезда я езжу по Германии», — писал он своим родителям. — Но это всего на пару дней, чтобы сделать «трибуну» одолжение, он попросил меня сопровождать его, чтобы не оставаться один на один с “женским контингентом”, — он хочет показать своей сестре (Ангеле Раубал) из Вены, ее дочери и их подругам Германию...»⁵⁹

В конце 1927 года, когда знакомству их было уже семь лет, терпение Ильзе Прёль — «вечной невесты» — лопнуло, ведь Гесс постоянно был в отъезде, да к тому же не очень

⁵⁸Гели (Англеа) Раубал (1908—1931), дочь сводной сестры Гитлера — Ангели. С 1929 года постоянно находилась рядом с дядей, жила в его квартире. 18 сентября 1931 года она была найдена застреленной на этой квартире. — Прим. науч. ред.

⁵⁹Hess, Briefe, a.a.O., письмо от 17.9.1927, S. 384 ff.

любил писать письма. Как-то за ужином в «Остерию Бавария» она ускорила события, раскрыв ему свои профессиональные планы на будущее. Она подумывает о том, чтобы получить место в Италии, и их отношениям грозит долгая разлука. Ее жениха нисколько не взволновала такая перспектива. Но Гитлер, как позже писала Илзе Гесс, положил руку на плечо Гессу и дипломатично заметил: «Фрейлейн Прёль, Вам никогда не приходило в голову выйти замуж за этого мужчину?»

Для верного соратника Гитлера это было недвусмысленным приказом. Он повиновался велению своего шефа. Он сообщил своим родителям эту радостную новость следующим образом: «Исполнение мечты моего трибуна означает и для меня исполнения моей мечты, о которой я не хотел писать вам раньше, пока мое положение не стало стабильным, ведь я думаю, что это неправильно, когда в браке только женщина имеет собственные средства... Мать моей будущей невесты располагает по сегодняшним меркам значительным состоянием: отцу как предпринимателю будет интересно узнать конкретные цифры: ее состояние в фирме "Кёниг & Эппарт", Ганновер, было оценено в 800 000 рейхсмарок...»⁶⁰ Рудольф Гесс завершал свое эмоциональное письмо странным сравнением, которое позволяет сделать интересные выводы. Он убеждал родителей в своей уверенности в том, что «из мешка, полного змей, выудил угря (Илзе Прёль)»⁶¹.

Свадьба состоялась 20 декабря 1927 года в Мюнхене. Невеста была при этом на второстепенных ролях, если верить описаниям жениха, все внимание было приковано к Гитлеру. «...Итак, утром в половине двенадцатого "Мерседес" трибуна с Морисом за рулем и двумя свиде-

⁶⁰Ebd., письмо от 20.11.1927, S. 384 ff.

⁶¹Ebd.

телями, Адольфом Гитлером и профессором Хаусхофером, проехал по Айнмиллерштрассе⁶², а затем повернул к ЗАГСу⁶³ в здании Старой ратуши. Нас встретил служащий, он засиял, увидев трибуна... у сотрудника ЗАГСа пропал дар речи – перед трибуном он не смог выговорить привычных слов, только спросил анкетные данные, услышал наше “да”... трибун дрожал и был бледным от возбуждения... был прекрасный зимний день... затем мы поехали к трибуну в его квартиру, где он показал нам спальню, отдельную на средства семьи Брукманн. Затем мы наконец оказались у нас дома на Айнмиллерштрассе в комнате Илзе, которая была украшена невестками.. В большой серебряной чаше, подаренной трибуном, играли световые блики, у основания чаши почерком трибуна была выгравирована дарственная надпись. Гости пили за наше здоровье... так как нам очень понравилась застольная речь трибуна, мы попросили еще немного посидеть с нами. Он даже съел несколько булочек... это ужасно со стороны госпожи Брукманн, что она поставила условие, что празднование состоится вечером и что мы не будем наедаться с утра. Она боялась, что если трибун слишком много съест до праздника, то не сможет в полной мере насладиться праздничным ужином (форель, черные колбаски со шницелем, филе, мороженое “Князь Пюклер”). Но наш славный трибун вечером не смог съесть почти ничего от возбуждения, но после окончания праздника он и Морис все же смогли слегка перекусить. Но госпожа Брукманн не должна этого узнать ни за что на свете...»⁶⁴

⁶²Согласно справке Мюнхенского архива сообщений – Айнмиллерштрассе, 11.

⁶³Standesamt I, München.

⁶⁴Wolf-Rüdiger Hess, *Aus dem Leben meines Vaters*. In: Ilse Hess, Antwort aus Zelle sieben. Briefwechsel mit Spandauer Gefangenen, Leoni am Starnberger See 1967, S. 27 f.; Ian Kershaw, Hitler, 1889–1936, London 1998, S. 298 ff.

Ради фюрера новобрачные даже сдвинули сроки своего свадебного путешествия, так как Илзе Гесс нужна была в Мюнхене как посредница в конфликте между Адольфом Гитлером и его племянницей Гели Раубал. Девушка приехала в Мюнхен только осенью 1927 года, жила в большой квартире своего дяди на Принцрегент-платц и записалась в Мюнхенский университет на медицинский факультет. Рудольф Гесс описывал жизнерадостную Гели так: «Племяшка» трибуна – симпатичный подросток 19 лет, всегда в веселом настроении, за словом в карман не полезет – в этом даже ее дядя с ней с трудом может тягаться. После того как она сдала выпускные экзамены в школе⁶⁵, дядя решил, что она должна продолжить учебу в Германии. Он, впрочем, убежден в том, что вряд ли она успеет закончить хотя бы два семестра, скорее выскочит замуж. Другие в отношении “племяшки” такого же мнения...»⁶⁶

Но Гитлер и не подозревал, что его племянница уже сделала свой выбор и заприметила Эмиля Мориса, его шоferа, в качестве будущего супруга. Когда Морис официально попросил руки Гели, разразился скандал. Гитлер уволил своего водителя, который проработал с ним много лет, и пригрозил отправить девушку в Вену к матери. Но затем Гели была доверена заботам Илзе Гесс, которая успокоила девушку и заняла ее сторону. «...Я никогда не могла долго без тебя, – писала племянница Гитлера Эмилю Морису в сочельник 1927 года, – ты остался здесь, в Мюнхене. И этим я обязана в основном Илзе Гесс. Вначале я не хотела, чтобы она приезжала ко мне. Но когда она говорила со мной, то была так мила, она была

⁶⁵Гели Раубал окончила 24.6.1927 Академическую гимназию в Линце (Австрия).

⁶⁶Письмо Рудольфа Гесса от 17.9.1927.

единственным человеком, который верил в то, что ты меня действительно любишь, и потому я очень люблю ее и доверяю ей...»⁶⁷ Но Илзе Гесс все же не смогла помешать Гитлеру жестоко разлучить пару.

Только после того, как шумиха вокруг Гели Раубал и Эмиля Мориса несколько улеглась, супруги Гесс отправились кататься на лыжах в Швейцарские Альпы. Книга, которую они взяли с собой в дорогу, которую подарили друг другу к свадьбе, – «Народ без пространства»⁶⁶.

По возвращении встал вопрос с жильем. Супруги Гесс колебались между маленьким домиком в Изартале – долине Изара – или городской квартирой в Мюнхене. В конце концов выбор пал на трехкомнатную квартиру в новом доме недалеко от клиники в районе Швабинг, между Леопольдштрассе и Луитпольд-парком. В квартире были все современные удобства. «...В ванной и в кухне зимой и летом горячая и холодная вода – за три минуты можно было сделать горячую ванну», – отмечал мечтательно супруг, подчеркивая, что мытье посуды в новой квартире было удовольствием для хозяйки. Хозяйка же, как считал Гесс: «Имела достаточно времени во время моих командировок для того, чтобы обставить и украсить наш дом»⁶⁷.

В середине ноября 1928 года Илзе Гесс съездила в Берлин, чтобы навестить своего мужа. Вместе с ней приехала и Гели Раубал. К этому времени история Гели Раубал и Эмиля Мориса была уже забыта. Адольф Гитлер добился своего, уволил шофера и убедил племянницу в бес-

⁶⁷Письмо Гели Раубал от 24.12.1927. In: Anna Maria Sigmund, Die Frauen der Nazis, Wien 1998m S. 140 f.

⁶⁶Hans Grimm, Volk ohne Raum – Das Schicksal eines deutschen Kolonialisten in Südafrika, Berlin 1928.

⁶⁷Письмо Рудольфа Гесса от 20.11.1927.

смысленности ее выбора. В отношениях между дядей и племянницей вновь царила гармония. «Здесь шеф, — писал Геббельс 15 ноября 1928 года, — со своей красивой племянницей, в которую трудно не влюбиться. С Гессом, его женой, Гели и Аманном весело!»⁶⁸ Спустя несколько дней Илзе Гесс и Гели присутствовали на выступлении Гитлера, которое глубоко взволновало их. 16 000 человек прорвались в Берлинский дворец спорта, пока полиция не прекратила пускать желающих, поскольку здание было уже переполнено. «В 8.20 появился Гитлер. Бесконечное ликовение. Музыка. Входят знаменосцы. Потом говорит Гитлер. Полугорачасовая речь постоянно прерывается аплодисментами. В завершение ураган... Великий день», — записал Геббельс, который инсценировал данное мероприятие, с удовлетворением⁶⁹. Вечер продолжился небольшой вечеринкой, на которой присутствовала и Илзе Гесс. «Мы допоздна сидели вместе, шеф... Гесс, его жена, Гели и я. Шеф совершенно счастлив...»⁷⁰

В это время Илзе как раз подводила итоги первого года своего брака, заметив, что замужество внесло небольшие изменения в ее жизнь и что жизнь ее, как она по секрету намекнула одной своей подруге, скорее похожа на жизнь воспитанницы монастырской школы. У Илзе не было причин сомневаться в верности своего замкнутого и сдержанного мужа, и в самом деле, у Гесса не было интимных отношений с другими женщинами. Энергия супруга Илзе расходовалась на служение «трибуну». Как убежденная национал-социалистка Илзе Гесс считала естественным, что Гитлер и его партия были для супруга намного важнее, чем семейное счастье, и уважала жела-

⁶⁸Josef Goebbels, Tagebücher, a.a.O., запись от 15.11.1928, S. 333.

⁶⁹Ebd., запись от 17.11.1928, S. 334.

⁷⁰Ebd.

ние своего мужа строго разделять личную жизнь от политической деятельности. Так, иногда сердясь на Гитлера, которому он никогда не отваживался противоречить, он давал волю чувствам не дома, а по дороге домой, в машине, разговаривая сам с собой⁷¹. Он презирал мужчин, занимающих общественный пост, которые «не могли держать язык за зубами дома».

Но брак их, несмотря ни на что, был счастливым. Илзе Гесс всю жизнь любила своего своеобразного мужа. Она была предана ему и всегда безоговорочно поддерживала его⁷². Несмотря на восхищение идеями национал-социализма и мечту о могущественном, прекрасном рейхе германского народа, семейная пара разделяла одинаковые, часто чудаковатые взгляды, читала одни и те же книги, мнения их всегда совпадали, как и их склонность ко всему оккультному, мистическому, таинственному. Илзе Гесс было очень обидно, когда её «Мука» кто-то неправильно понимал или высмеивал, как, например, когда в 1937 году на съезде партии в Нюрнберге Гесс публично поклялся политическому руководству НСДАП отказаться от курения и алкоголя — «его здоровье принадлежит фюреру». Даже такие высказывания, несколько уродующие культ, который Гесс создавал вокруг фигуры Гитлера, как «фюрер всегда прав и всегда будет прав», не казались супруге ни в коей мере преувеличенными.

Свое свободное время, которого у него было очень мало, Рудольф Гесс посвящал не столько своей жене, сколько самолетам. НСДАП, поддерживая его страсть к полетам, приобрела для агитационных целей «Мессершмитт» 25, на котором красовалась надпись: «Völkische

⁷¹Показания Илзе Гесс судебной палате от 17.5.1946. Spk K 693 Aktenheft 3: Belastungen. Bayerische Staatsarchiv München.

⁷²Сообщение полковника Ойгена Бирда, март 2002 года.

*Beobachter*⁷³, и предоставила его в распоряжение секретаря фюрера. Гесс использовал партийный самолет и для рискованных полетов. Так, однажды он буквально взорвал предвыборное собрание социал-демократов, очень низко пролетев над землей в густо застроенном районе⁷⁴. В другой раз он захотел продемонстрировать своей жене и ее сестре перехват самолета с поврежденным мотором. Но отключенный мотор не заводился, и самолету пришлось совершить аварийную посадку. Илзе Гесс отказалась после этого случая от полетов со своим мужем⁷⁵.

В 1930 году семейная пара Гессов с удовлетворением наблюдала за стремительным восхождением Адольфа Гитлера и НСДАП, которое ускорилось во многом благодаря чрезвычайному постановлению кабинета Генриха Брюнинга. В 1931 году жалованье служащих государственных учреждений было сокращено в три раза, пенсии были снижены, сильно урезаны, а в некоторых случаях вовсе отменены, были пособия по безработице и введен всеобщий кризисный налог. «Мы вдруг стали близки ко двору, — писал Рудольф Гесс своим родителям, — люди, которые раньше избегали Гитлера, должны были теперь иметь с ним дело. Отечественные и иностранные представители прессы обивали пороги его кабинетов... известные промышленники тихо и тайно просят о встрече... и становятся членами партии...»⁷⁶

Когда Гитлер 30 января 1933 года был назначен рейхсканцлером Германии, Рудольф Гесс был первым, кто по-

⁷³«Фёлькеши беобахтер» («Народный наблюдатель») — название центрального печатного органа НСДАП. — Прим. науч. ред.

⁷⁴В ноябре 1931 года против Гесса за это «мероприятие» было возбуждено уголовное дело.

⁷⁵Eugen Bird, Hess, Herrsching 1979, S. 302.

⁷⁶Hess, Briefe, письмо Рудольфа Гесса Фрицу Гессу от 24.10.1930 S. 405 f.

здравил его. Под влиянием этих событий на следующий день он написал своей жене: «Моя дорогая маленькая девочка! Я не могу понять, сплю я или все это происходит наяву! Я сижу в кабинете канцлера в Имперской канцелярии на Вильгельмсплатц. Чиновники бесшумно проходят в кабинет, чтобы передать документы господину рейхсканцлеру... и тут меня пронизывает дрожь, и я вынужден скать зубы, как вчера, когда фюрер вернулся от рейхспрезидента уже рейхсканцлером, забрал меня с собой в отель [в Берлине] "Кайзергоф", мы едва протиснулись сквозь толпу ждущих фюрера в приемной людей, и шеф [Гитлер] признался мне, что дело висело на волоске. Вечером состоялось факельное шествие перед просто счастливым старым господином [рейхспрезидентом Гинденбургом], который смог продержаться, пока не прошел последний эсэсовец в двенадцать часов ночи, затем было ликование в честь фюрера, несколько часов подряд толпа из пожилых мужчин, женщин, детей тянулась к фюреру, мальчишки и девчонки, сияющие лица, когда они различали в окне его фигуру – как жаль мне было, что тебя там не было!»⁷⁷

Неизвестно, почему Илзе Гесс не приняла участие в огромном триумфе, как жены других начальников НСДАП. В то время она вместе с сестрой Инге была в отпуске, каталась на лыжах в Бихельальме в австрийском Китцбюэле. После своего возвращения она получила послание своего мужа. «Начался второй период нашей тяжелой борьбы! Помоги нам, как ты это умеешь! С любовью, твой М[ук]»⁷⁸.

Захват власти нацистами и назначение Рудольфа Гесса «заместителем фюрера» 21 апреля 1933 года, а позже и имперским министром без портфеля серьезно измени-

⁷⁷Ebd., письмо Рудольфа Гесса Илзе Гесс от 31.1.1933, S. 424.

⁷⁸Письмо Рудольфа Гесс Илзе Гесс от 1.2.1933.

ли жизнь супружеской пары Гесс. Они сменили место жительства, переехав из скромной квартиры на Лёфтцштрассе, 8, в мюнхенском районе Борстай в представительный дом с парком-садом на Гартаузерштрассе, 41, в Гарлахинге, престижном районе Мюнхена. Дом этот поначалу снимался Гессами, затем они выкупили его и перестроили. В вилле было пять комнат на первом этаже, одна из них была огромным салоном площадью более 70 квадратных метров. На втором этаже было девять комнат, в мансарде помещалось еще пять комнат.

В соседнем здании размещалась прислуга, так как в доме служили 23 человека, включая повара, горничную, шоfera, садовника и его помощников⁷⁹. В Берлине семья располагала с 1934 года служебной квартирой на Вильгельмштрассе, в Оберндорфе рядом с Бад-Гинделангом в Алльгойе у семьи был летний домик.

Госпожа Гесс впоследствии вспоминала первые годы после захвата власти национал-социалистами как «насыщенные работой», как «годы, посвященные становлению немецкого народа и имперского мышления». Сама она, впрочем, принимала в этой работе лишь второстепенное участие. Будучи загруженной работой по ведению собственного большого хозяйства, она была исключена из партийной деятельности, и потому тосковала по прошедшим временам: «Тогда, когда большее место в жизни Рудольфа стали занимать секретари, адъютанты и штабы, я, чья жизнь была отныне посвящена естественному предназначению женщины — “дом, хозяйство, плита”»⁸⁰, — часто с печалью думала о тех далеких счастливых временах, когда я была секретаршей, адъю-

⁷⁹Протокол допроса в лагере для интернированных лиц в Гёггингене от 23.3.1948. Spka K 963. Bayerisches Staatsarchiv München.

⁸⁰Так называемые «Три Н» — Haus und Hof und Herd. — Прим. пер.

стантом и штабом в одном лице». Ей казалось, что Рудольф Гесс «забыл о тех временах, как это обычно случается с мужчинами»⁸¹.

В июле 1933 года Илзе Гесс получила известие, очень обрадовавшее ее: ее муж, перегруженный работой, нашел надежного помощника в лице Мартина Бормана, «шефа кассы взаимопомощи НСДАП». Прошло совсем немногого времени, и Гесс начал по-дружески называть маленького, коренастого партайгеноссе, охотно взявшего на себя всю бумажную работу, «Борманчик» (*Bormännle*). Между семьями Гессов и Борманов установились теплые дружеские отношения. В благодарность той большой поддержки, которую оказал Гессу руководитель его штаба Борман, Рудольф и Илзе Гесс охотно стали крестными родителями двух из девяти детей Бормана (малышей назвали Рудольф и Илзе). То, что хитрый, властолюбивый технократ постепенно практически полностью заменил своего шефа, не заметили ни Гесс, ни его жена. Так, Рудольф Гесс был кем-то вроде «первосвященника» НСДАП, который проповедовал «Германия – это Гитлер, Гитлер – это Германия», выступал с речами, трудными для понимания⁸², сочинял яркие тексты клятв верности во время торжественныхочных шествий, и предоставил Борману действовать по собственному усмотрению. Сам Гитлер соблюдал дистанцию по отношению к своему заместителю, в доме которого всегда толпились астрологи, рудознатцы, толкователи сновидений и ясновидящие. «Гесс с его жеманством начинает действовать мне на нервы», – заметил он как-то в разговоре со своим другом фотографом Генрихом Гоффманом. А Герману Герингу он мрачно заметил: «Надеюсь, что Гесс никогда не ока-

⁸¹ Ilse Hess, *Gefangener des Friedens*, a.a.O., S. 44.

⁸² Rudolf Hess, *Reden*, München 1938.

жется на моем месте. Не знаю, что бы тогда стоило больше пожалеть — Гесса или партию».

Верная линии партии, восхищающаяся НСДАП, супруга «заместителя фюрера» и гордая обладательница с 1934 года⁸³ Золотого партийного значка заняла ввиду того, что у Гитлера не было жены, место «первой леди Третьего рейха» согласно протоколу. Но из-за отсутствия политических амбиций она не претендовала на это право. Без какой-либо зависти она охотно передала эту роль бывшей актрисе Эмми Геринг и элегантной Магде Геббельс⁸⁴. Несмотря на регулярные посещения партийных заседаний, частое координирование визитов гостей из англоязычных стран и некоторые официальные приемы в берлинской Имперской канцелярии, Илзе Гесс появлялась на публике как частное лицо. «Ее интересы распространялись на область литературы, музыки, живописи и изобразительного искусства; ее также интересовали вопросы сельского хозяйства, садоводства... культурный уровень ее дома исключал посещение больших приемов и публичных мероприятий...» — говорил после войны Альфред Лейтген, пресс-референт Рудольфа Гесса⁸⁵. Илзе подчинялась желаниям своего супруга и держалась скромно, в стороне от политической шумихи. Она не появлялась также на страницах газет и иллюстрированных национал-социалистических журналов, потому что ее муж не одобрял подобных затей⁸⁶.

⁸³ Показания Илзе Гесс от 5.3.1946.

⁸⁴ Эмма Геринг (урожденная Зоннеман) (1893—1973) — вторая супруга Германа Геринга (с апреля 1935 года). Магда Геббельс (урожденная Беренд) (1901—1945) — супруга Йозефа Гебельса (с декабря 1931 года). — Прим. науч. ред.

⁸⁵ Показания от 8.10.1947. Spka K 693. Bauerisches Staatsarchiv München.

⁸⁶ Протокол допроса Хильдегард Фат, секретаря Рудольфа Гесса, от 23.3.1948, лагерь для интернированных лиц Гётtingен. Spka K 693. Bauerisches Staatsarchiv München.

Дом семьи Гесс в отличие от личных хозяйств других видных национал-социалистов производил впечатление довольно скромного жилища. Гитлер и Геббельс, которые после 1933 года предпочитали старогерманский напыщенный стиль в оформлении интерьеров, иронизировали над недостатком «большого вкуса» в современно и строго обставленной вилле Гесса. По примеру Гитлера и в соответствии с собственными убеждениями в семье подавали исключительно вегетарианские блюда. «Еда очень плохая!» — записал в своем дневнике Геббельс после одного визита к Гессам⁸⁷. Широкая общественность считала Рудольфа Гесса «чистюлей» по сравнению с другими грандами национал-социалистической партии: он был безупречен, надежен, соблюдал правила приличия. Стиль жизни и мораль Рудольфа и Илзе Гесс сознательно отличался от жизни высокопоставленных партийных функционеров Третьего рейха. Они считали себя «совестью партии», защитниками и хранителями чистого, нефальсифицированного, но в то же время и бескомпромиссного национал-социализма⁸⁸. Они считали естественной свою дружбу с женой профессора Карла Хаусхофера — еврейкой, защищали ее, но одновременно верили в разрушительное для немецкого народа влияние евреев в Германии. Их двойная мораль позволяла им одобрять запрет на ведение профессиональной деятельности для врачей и адвокатов — евреев по национальности, они приветствовали Нюрнбергские расистские законы, подписанные Гессом, но при этом видели в лик-

⁸⁷ Запись от 6.10.1936. In: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941. Hrsg. v. Elke Fröloch, München 1987, Bd. 2, S. 694.

⁸⁸ Поздравительная статья в «Nationalsozialistischen Rheinfront» от 28.4.1939 в честь 45-й годовщины со дня рождения заместителя фюрера.

видации руководства СА во время «путча Рёма»⁸⁹, в которой Гесс играл ведущую роль, неизбежную меру в борьбе за выживание Третьего рейха⁹⁰.

Спустя 18 лет после их первого знакомства и почти спустя десять лет после вступления в брак на свет появился Вольф-Рюдигер, единственный сын Рудольфа и Илзе Гесс. Вольфом его назвали в честь псевдонима Гитлера времен «борьбы движения». Второе имя – Рюдигер – мальчик получил в честь легендарного героя эпоса о нидерландах. Впоследствии Гесс-отец называл своего сына в письмах «Юнг-Вольф» (Молодой Вольф, или «молодой волк»), в отличие от «Альт-Вольфа» (Старого Вольфа, т. е. Гитлера). В день, когда мальчику дали имя – от крещения отказались как Рудольф Гесс, так и Илзе, – 9 ноября 1938 года, родственники и знакомые собрались в доме Гессов. «Трибун» исполнял обязанности крестного отца – и этот день вошел в историю.

Пока подавались закуски и Гитлер не без придирок вспоминал вслух о «годах борьбы», зазвонил телефон, и хозяин дома узнал, что «Хрустальная ночь»⁹¹, спровоцированная Геббельсом, была в самом разгаре. Вновь никто не посчитал нужным своевременно проинформировать «заместителя фюрера»! Рудольф Гесс к тому време-

⁸⁹Röhm-Putsch – принятное в западной литературе название операции по аресту (и затем уничтожению) начальника штаба СА Эрнста Рёма и его сторонников силами СС 30 июня 1934 года. В отечественной литературе обычно используется название «Ночь длинных ножей». – Прим. науч. ред.

⁹⁰Ian Kershaw, Hitler 1889–1936. London 1998, S. 511 ff.

⁹¹«Хрустальная ночь» (или «Ночь разбитых витрин») – с 9 на 10 ноября 1938 года – когда по всей Германии прошли еврейские pogromы. Было разрушено и сожжено 267 синагог и 815 магазинов и предприятий, принадлежавших евреям. Общий ущерб составил 25 миллионов рейхсмарок, в т. ч. 5 миллионов за разбитые витрины. – Прим. науч. ред.

ни уже начал постепенно замечать, что его, в отличие от его начальника штаба Бормана никто не приглашал на важные совещания и постепенно он оказался не у дел, участью его стали лишь мероприятия представительского характера. Когда он все же при захвате Польши по найвному убеждению пытался сделать одолжение Гитлеру, предложив самому пойти на фронт в качестве обычного летчика, то взбешенный Гитлер наложил запрет на полеты Гесса сроком на один год. Гесс дал честное слово, что не будет летать.

На следующий год Илзе Гесс заметила, что ее муж планирует что-то необычное. «Но я не стала спрашивать, почему он молчит и о чем он молчит», — вспоминала она об этом времени позже, когда ее муж собирал чемоданы, изучал английский язык, затем вновь распаковывал чемоданы, учил английский и, как он говорил, «в качестве отдыха» летал в Аугсбурге на «Мессершмитте» Bf.110. Когда госпожа Гесс по ошибке ответила на телефонный звонок, предназначавшийся Гессу, то чей-то голос сообщил ей сводку погоды в таинственном месте X и Y. Супруга Гесса воздержалась от комментариев, но звонок заставил ее задуматься. Как-то зимой 1940/41 годов она спросила мужа о значении ордена Марии-Терезии⁹² и была очень удивлена, каким пафосным тоном он объяснил ей, что этим орденом награждаются те военные, которые брали на себя ответственность за свои действия, нарушая официальный приказ. Илзе Гесс также обратила внимание на то, как много времени ее муж вдруг стал уделять сыну. Он часами играл с маленьким Вольфом, гуляя с ним по долине Изара, водил в зоопарк.

⁹²Учрежден императрицей Марией-Терезией для награждения офицеров за храбрость — высшая военная награда Австро-Венгрии. См. Peter Dim, Die Symbole Österreichs. Zeit und Geschichte in Zeichen, Wien 1995, S. 215 f.

10 мая 1941 года Гесс также занимался со своим трехлетним сыном. Илзе Гесс плохо чувствовала себя в этот день и осталась в постели. В обед к ней зашел муж, чтобы попрощаться. На нем была летная форма. На вопрос, когда он вернется, Гесс ответил: «Завтра!» Но, помня о загадочном поведении мужа в последние месяцы, Илзе возразила: «Уже завтра? Я не верю в это! Ты не вернешься так скоро!»⁹³ Раздумывая о странном поведении мужа, она пришла к выводу, что Рудольф Гесс решил совершить полет к маршалу Петэну⁹⁴ во Францию, чтобы предложить ему план мирного урегулирования. Но Гесс вылетел вечером — астрологи предсказали ему благоприятное начало дела — в специально переоборудованном для него Bf.110 с аэродрома близ Аугсбурга, взяв курс на Англию. Целью его тайного полета была загородная резиденция герцога Гамильтона⁹⁵. С ним он познакомился на приеме во время Олимпийских игр в августе 1936 года в доме посла, а впоследствии министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа. Именно в герцога Гамильтоне Гесс видел «вождя» английской «партии мира». Рудольф Гесс хотел заключить мир с Великобританией. К такому рискованному полету Гесса подтолкнули благоприятное от-

⁹³ Ilse Hess, England — Nürnberg — Spandau. Ein Schicksal in Briefen. Leoni am Starberger See 1952, S. 17 ff.

⁹⁴ Анри Петэн (1856—1951) — герой Первой мировой войны, маршал Франции (с 1918 года). После нападения Германии на Францию встал во главе группировки, призывающей к скорейшему окончанию войны и заключению перемирия с Германией. С июня 1940 года премьер-министр, подписав капитуляцию, возглавил т. н. режим Виши, став главой государства и правительства, президентом Государственного совета. После войны приговорен к смертной казни. — Прим. науч. ред.

⁹⁵ Дуглас Дуглас-Гамильтон (1903—1973), с 1940 года — 14-й герцог Гамильтон и 11-й герцог Брендон. В 1940—1964 годах он был лордом-стюартом Королевского двора и в момент полета Гесса находился далеко от своего шотландского имения. — Прим. науч. ред.

ношение Гитлера к Англии, к деятельности английских фашистов, а также и собственные планы Гесса об организации германских колоний.

Новость о полете Гесса произвела в Оберзальцберге эффект разорвавшейся бомбы — с Гитлером случился приступ ярости. Геббельс так описывал сложившуюся ситуацию: «...Гесс высадился в Шотландии с парашютом. Его самолет разбился. Гесс растянул себе ногу.. я читаю письма, которые Гесс оставил для фюрера: полный хаос, примитивный дилетантизм! Он собирается в Англию, чтобы объявить всем о своих честных намерениях, с помощью лорда Гамильтона свергнуть правительство Черчилля и установить мир между нашими странами. О том, что Черчилль немедленно отдаст приказ об его аресте, он не подумал. Это слишком глупо. Каким дураком был второй человек рейха! Как можно было додуматься до такого! Его письма отдают духом незрелого оккультизма. Профессор Хаусхофер, его жена [Илзе Гесс], старуха Гесс [мать Гесса] были злыми гениями Гесса. Они искусственно укрепили своего «бога» в его миссионерском убеждении. У него были видения, для него составлялись гороскопы, он занимался прочей ерундой. И такой человек правил Германией... Патологический случай»⁹⁶.

Как и другие из верхушки национал-социалистов, Геббельс был убежден в том, что Илзе Гесс также была виновна в случившемся: «Ее нужно было бы избить до полусмерти... Никто не поверит, что этот полет Гесс совершил по своей инициативе... Для фюрера он больше не существует... он совершенно потрясен... Все шишкы посыпались на него».

⁹⁶Запись от 14.5.1941. Josef Goebbels, Tagebücher. Hrsg. von Ralf G. Reuth, Bd. 4, 1940–1942, München 1999, S. 1572 ff.

Илзе Гесс узнавала новости, многие из которых были довольно противоречивыми, по радио⁹⁷. В начале сообщали, что самолет ее мужа упал в Северное море и что Гесс погиб, затем, что он все-таки жив, а в конце концов, что он сошел с ума⁹⁸. Сбитая с толку Илзе Гесс попросила аудиенции в Оберзальцберге. Но Гитлер не стал говорить с ней; надежды на то, что он согласится на беседу, практически не было. Вместо него Илзе Гесс пришлось общаться с сотрудниками гестапо, которые собирались выяснить роль жены Гесса в его предательском поступке. Ей угрожали репрессиями, обыскивали дом Гессов и, не найдя никаких изобличающих материалов, арестовали всех шестерых адъютантов «заместителя фюрера», его курьеров и секретарей, даже шофера. Некоторые из них годами мучались в концентрационных лагерях. Астролог Эрих Шульте-Штратхаус, консультировавший Гесса, также попал за решетку.

Сенсационный полет «заместителя фюрера» занимает историков и по сей день, наиболее интересным кажется выяснение мотивов Гесса и роли Гитлера в этом событии. Сам Гесс, если верить протоколу допроса, настойчиво указывал англичанам на их безнадежное военное положение, требовал отставки Черчилля, подчеркивал позитивное и дружеское отношение фюрера к Англии, сделал предложения по разделу сфер влияния между Третьим рейхом и Британской империей. Он постоянно указывал на то, что действует согласно намерениям Гитлера, хотя и не имея конкретного поручения от него⁹⁹. Для его жены, оставшейся в Германии, было понятно, что Гесс «действо-

⁹⁷«Münchener Neueste Nachrichten» от 12.5.1941; «Berliner Bürsen-Zeitung» от 13.5.1941.

⁹⁸Jochen von Lang, Der Sekretär, München, Berlin 1987, S. 165 ff.

⁹⁹Document D6 14. Office of US. Cheff of Consil. ApKa K 694. Bayerisches Staatsarchiv München.

жал от чистого сердца и без поручения Гитлера, даже без его ведома, что он хотел принести себя в жертву, что его живая мысль была не чем иным, как мир»¹⁰⁰.

Илзе также понимала, что и ее маленький сын, и она также стали жертвами миссии Рудольфа Гесса, что обычна при нацистском режиме практика ареста всех членов семьи провинившегося, конечно же, коснется и их. Илзе Гесс допрашивали, за ней следили. Мартин Борман засупил на место своего шефа. Помимо этого он конфисковал личные драгоценности из сейфа берлинской квартиры семьи Гесс, а также машину — подарок Гитлера. Так как жена Бормана ничего не скрывала от мужа, то Борман не верил клятвам Илзе в том, что она ничего не знала о планах мужа. Вначале он приказал Илзе оставаться под домашним арестом, затем начал угрожать тюрьмой, с целью выселить ее из дома¹⁰¹. Борман с пафосом дал своим детям, которых назвал в честь Рудольфа и Илзе Гесс, другие имена. И только вмешательство «трибуна» уберегло супругу заместителя фюрера от более жестоких репрессий. Супруге, ставшей внезапно «персоной нон грата», грозили также и финансовые проблемы, так как «заместитель фюрера», кроме прохладного прощально-го письма, которое было спрятано под матрацем в детской комнате, и полиса о страховании жизни, не оставил своей семье ничего. «После отлета мужа я оказалась наедине с финансовыми обязательствами, которые имеющиеся наличные средства никак не могли погасить. Сначала я хотела продать дом, но партия запретила мне сделать это», — писала Илзе Гесс¹⁰². Ее положение несколько

¹⁰⁰ Ilse Hess, England, a.a.O., S. 25.

¹⁰¹ Борман несколько позже осуществил свои замыслы. Письмо Ильзе Гесс рейхслайтеру Мартину Борману от 27.6.1943. Spka K 693. Bayerisches Staatsarchiv München.

¹⁰² Spka K 693. Hauptakt. Bayerisches Staatsarchiv München.

улучшилось, когда директор Кронайс, член правления заводов «Мессершмитт» и друг ее мужа, предоставил ей кредит в размере 100 000 рейхсмарок. Другие сочувствующие Илзе открыли банковский счет, на который в общей сложности поступило 145 000 рейхсмарок¹⁰³. Этого было достаточно, чтобы Илзе оплатила жалованье прислути и покрыла долги. Затем она заперла виллу и переехала в домик привратника. Когда ей по настоянию Гитлера была выправлена пенсия в 1100 рейхсмарок в месяц, которая выплачивалась с 1 июня 1941 года, то ее финансовое положение было обеспечено до конца существования Третьего рейха. Юридическая формулировка в этом случае гласила, что Гесс — германский офицер — попал в английский плен и что его жене полагается соответствующая компенсация его жалования имперского министра¹⁰⁴.

В Англии Рудольф Гесс вскоре узнал, что его мирная инициатива была воспринята негативно, что его оценка британской политики была неверной. Миссия его закончилась неудачей. Ему уже никогда не предстать перед фюрером в качестве героя, которым восхищается толпа, никогда Третий рейх не будет занимать равноправное положение с Британской империей! Гесс симулировал провалы в памяти, чтобы избежать допросов. Он даже предпринял попытку самоубийства. В Германии его жена страдала от новостей, вызывавших опасения, и от бесцеремонных действий партайгеноссе. «Это была горькая чаша, которую мы должны были осушить день за днем, неделя за неделей, год за годом», — писала она, вспоминая о тех годах. Но «горькая чаша» ни на секунду не зас-

¹⁰³На счете в «Südtreu-Treu München» к концу войны оставалось около 100 000 рейхсмарок.

¹⁰⁴Илзе Гесс получала пенсию регулярно до 1.5.1945.

тавила Илзе усомниться в Рудольфе Гессе, в Адольфе Гитлере и в Третьем рейхе. Ее муж, которого восхищали успехи блицкрига и которого не смущало подчинение Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции, приобрел в ее глазах после полета в Англию статус мученика, действовавшего во имя мира, непонятого героя: «Мы знали его, знали его твердость, его мысли, его непоколебимое понятие о чести, верности, о мужестве и долге».

Но со стороны Гитлера в адрес его бывшего заместителя, которого в случае возвращения ждала казнь или сумасшедший дом, поступали угрозы, которые Илзе Гесс расценивала как ничего не значащие высказывания. Ведь фюрер осенью 1941 года очень тепло высказал свои соболезнования по поводу смерти ее свекра!¹⁰⁵ Голос, которым Гитлер выразил соболезнования фрау Бехштейн, когда умер ее муж, укрепил Илзе в ее мнении. «У нас у всех свои могилы, мы всегда будем одиноки, — сказал Гитлер задумчиво, как бы про себя. — Но мы должны преодолеть это и жить дальше, моя дорогая фрау Бехштейн! Мне не хватает двух очень близких людей из моего окружения: доктор Тодт умер, а Гесс улетел от меня»¹⁰⁶.

Во время войны Илзе Гесс, которая в начале 1942 года впервые получила письмо от мужа, жила замкнуто, посвятила себя целиком переписке с супругом, воспитанию сына и уходу за садом. В 1943 году ее поместье в Гарлахинге было разрушено бомбами. Для восстановления сада она охотно воспользовалась помощью рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который прислал к ней специально для этой цели священников-иеговистов из концентрационно-

¹⁰⁵Письмо Илзе Гесс рейхсфюреру СС от 13.10.1944. Spka K 693. Bayerisches Staatsarchiv München.

¹⁰⁶Ilse Hess, England, a.a.O., S. 26.

го лагеря. Когда фрау Гесс переехала в Бад-Оберндорф в Алльгойе, она вновь приняла великодушное предложение Гиммлера и воспользовалась помощью заключенных, ведь она уже имела удачный опыт. «Я вела себя по отношению к ним так, как было принято обращаться с работающими на тебя людьми, я вела себя как человек, как женщина, как национал-социалистка...» — писала она в своих воспоминаниях. В феврале 1945 года, однако, она описывала все немного по-другому: «...они — Буц (ласковое прозвище Вольфа-Рюдигера) называет их “поедателями фронтонов”¹⁰⁷ — должно быть, замечательные люди, так утверждает даже СС, которое и заключило их в лагерь... да, посмотрим...»¹⁰⁸ Сад жены бывшего заместителя фюрера, поддерживавшийся в отличном состоянии благодаря помощи заключенных концлагеря, спустя много лет после падения Третьего рейха вдохновил Милтона Ф. Маркуса на создание театральной пьесы «The Garden of Frau Hess» («Сад фрау Гесс»), премьера которой прошла в мае 2001 года.

Лояльность Илзе Гесс «фюреру и рейху» и позже не омрачили ее отношений с национал-социалистическим режимом. Спустя сутки после покушения на Гитлера, 20 июля 1944 года, жена «предателя» отправила в Ставку фюрера письмо, написанное в раболепном стиле: «Мой фюрер, любой немец в этот день может сказать вам, как мы счастливы, что вы были спасены... Вы не рассердитесь, если мы скажем вам в эти тяжелые дни, что мы всеми своими мыслями и нашими горячими пожеланиями

¹⁰⁷ В данном случае — игра слов, основывающаяся на похожести слов, произносимых ребенком с некоторыми искажениями: Bibelforscher (исследователи Библии) и Giebelfresser (поедатели фронтонов). — Прим. науч. ред.

¹⁰⁸ Письмо Илзе Гесс от 26.2.1945. Spka K 693. Bayerisches Staatsarchiv München.

с вами. Мы с вами, мой фюрер, ведь подобные сильные чувства я испытывала только 9 ноября 1923 года [во время путча]... И его мысли [мысли Рудольфа Гесса] с вами, мой фюрер! Я ДОЛЖНА это вам сказать, и вы не должны на меня сердиться из-за них. Если судьба и далее будет протягивать Вам свою добрую руку, будет поддерживать вас и в вашем пути во благо немецкого народа и рейха — и каждый из нас будет своими самыми мелкими и незначительными делами ежедневно вносить свою посильную лепту в общее дело. Хайль, мой фюрер!»¹⁰⁸

В течении 1944 года даже самые верные партайгеноссе признавались себе, что Вторая мировая война принесла для Третьего рейха неблагоприятный оборот. Илзе Гесс, одна воспитывавшая ребенка, также задумывалась о будущем своего единственного сына. На случай своей смерти она попросила рейхсфюрера СС Гиммлера, ведавшего всеми концлагерями¹⁰⁹, стать опекуном Вольфа-Рюдигера. «У меня одна просьба — и я даже выразила ее в своем завещании: пожалуйста, позаботьтесь о жизни, воспитании и будущем моего мальчика! Любое решение, которое Вы примете в отношении его, будет справедливым, только не забывайте, что он пока маленький мальчик... пока он не сможет поступить в одно из ваших воспитательных заведений...»¹¹⁰

О том, что Илзе Гесс потеряла чувство реальности и неверно оценивала сложившееся положение, свидетельствует и то письмо, которое Илзе Гесс написала Гиммле-

¹⁰⁸ Письмо Илзе Гесс от 21.7.1944. Spka K 693. Aktenheft 5: Belastungen. Bayerisches Staatsarchiv München.

¹⁰⁹ Кроме того, Гиммлер ведал и национал-социалистическими учебными заведениями для будущих руководящих кадров, с чем, собственно, и связана просьба Илзе Гесс. — Прим. науч. ред.

¹¹⁰ Письмо Илзе Гесс Генриху Гиммлеру от 19.7.1944. Spka K 693. Bayerisches Staatsarchiv München.

ру в октябре 1944 года: «Существует ли какая-то возможность, дорогой рейхсфюрер, вызволить моего мужа из плена? ... Сейчас мы находимся в положении, в котором каждый, кто верен нашим идеям, может помочь, так почему это не может быть мой муж? Вы, как шеф СС, которая по отношению к моему мужу всегда проявляла благородство, должны понимать, что народ считает его [Гесса] гарантом истинного национал-социализма...»¹¹¹

Так как Гитлер в это время редко выступал с речами, она поверила в то, что ее муж вновь может исполнять роль «заместителя фюрера». «Я бы хотела, чтобы его [Гесса] спокойный голос, немного медлительная, запинающаяся речь вновь зазвучала бы по радио, чтобы он вновь говорил бы народу о рейхе, о фюрере, о нашей борьбе за нашу судьбу...» Чтобы ее предложения не были восприняты как критика фюрера, она завершила свое письмо следующим образом: «Фюрер стал крупной фигурой, его трудно понять... лишь тем немногим, как мы, которые бережно хранят в себе чувство любви к фюреру вот уже 25 лет, нам это отдаление от фюрера ничем не может повредить...» Затем Илзе Гесс продолжала излагать свои далекие от реальности соображения: «Видите ли, дорогой рейхсфюрер, гарантом этой верности я бы хотела видеть моего мужа — представьте себе, как было бы хорошо, если бы он вновь был рядом с Вами, рядом с фюрером, — в эти дни, когда речь идет о жизни и смерти: разве Вы не испытываете, как я, то горячее чувство огромного счастья, что он сможет принять участие в этой финальной борьбе, что он может помочь нам, что ему не нужно больше быть так далеко?» Но затем фрау Гесс углубилась в опасные рассуждения, признавшись рейхсфюреру СС, которого все боялись, в том, что не считает

¹¹¹ Письмо Илзе Гесс Генриху Гиммлеру от 13.10.1944. А.а.О.

его из-за его печальной славы пригодным для замены ее мужа. «...Так как [Гиммлер] отягощен ужасно приукрашенной народом легендой о гестапо. Нужно быть очень хорошо знакомым с Вами и хорошо знать СС, чтобы быть уверенным в том, что Вы сможете стать гарантом наряду с фюрером...»

В завершение она приводила бесчисленные примеры той любви, которую испытывали широкие слои населения по отношению к ее мужу, чтобы вновь вернуться к проекту по освобождению супруга из плена. «Конечно, Вы скажете в конце: «Да, все это хорошо и замечательно, но как фрау Гесс себе это представляет?» У меня есть чувство, что все пройдет хорошо. Наш дорогой Паппи Герль [домашний врач доктор Герль] сказал: «Если помогут фюрер и рейхсфюрер, то все получится».

Ильзе, опасаясь, что ее аргументы не смогут убедить Гиммлера, раскрыла в завершение письма последний козырь — предсказание Нострадамуса. «Вы, как шеф немецкой полиции, конечно, уже давно запретили занятия магией, ясновидением и прочее, но у меня репутация человека, который не верит в сверхъестественные явления в этой связи, — но разве Вам никто никогда не рассказывал о том знаменитом предсказании Нострадамуса, согласно которому “Русский будет стоять у воротрейха, воды Рейна будут окрашены кровью, пока внезапно в 1944 году не наступит переворот”. Отныне нога врага никогда не ступит на Люнебургер-хайде. “Иначе рейх будет потерян. Но если мы сможем этого избежать и если до этого не вернется человек с запада, то тогда мы уничтожим сначала медведя (то есть русских), затем льва (то есть Англию), и рейх ждет великое долгое будущее”»¹¹².

¹¹²Письмо Ильзе Гесс от 13.10.1944. Spka K 693. Aktenheft 3: Belastungen. Bayerisches Staatsarchiv München.

Рейхсфюрер СС оставил путаное письмо супруги бывшего «заместителя фюрера» без ответа, хотя Илзе Гесс в постскриптуре буквальносыпала его похвалами. «Знаете ли вы, — писала она, — что войска называют “славный резерв” (новое наступление на Восточном фронте), в которое никто уже не верил и которое сейчас постоянно надвигается, — войска Гиммлера¹¹³? Я считаю, что это настолько замечательно, что хочу написать вам об этом, если вы об этом ничего не знаете. Это свидетельствует о том, что люди видят ТОГО, кто может им помочь и кто знает, где слабое место! Каждый день мы молимся за фюрера, за вас, за всех, кто вместе с ним принимает сейчас судьбоносные решения — дай Бог, чтобы нас всех ожидало счастливое будущее, чтобы мы смогли сохранить наш рейх. Хайль Гитлер!¹¹⁴

После падения Третьего рейха Рудольф Гесс в октябре 1945 года был передан Международному военному трибуналу в Нюрнберге, где бывший имперский министр и «заместитель фюрера» вместе с 22 другими представителями высокого ранга национал-социалистического режима должны были отвечать за военные преступления и преступления против человечества.

Гесс отрицал правомерность этого суда¹¹⁵. Он был убежден, что его приговорят либо к смертной казни, либо, наоборот, доверят политическое руководство трех западных зон Германии¹¹⁶. Когда он не изображал потерю памяти, то старательно набрасывал планы большого переворота, который реабилитировал бы его и вернул бы ему

¹¹³ «Himmlersche Heerscharen» — здесь использована игра слов: Himmel — «небо» и Himmler — «Гиммлер». — Прим. пер.

¹¹⁴ Ebd.

¹¹⁵ Alfred Speer, Der Fall Rudolf Hess. 1941–1987. Dokumentation des Verteidigers, München 1988.

¹¹⁶ Alfred Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 104.

его пост и потерянную честь. Перед объявлением приговора 31 августа 1946 года он выступил с заключительной речью, содержание которой Илзе Гесс полностью одобрила и оценила ее как знак нерушимой веры и твердости характера. Если верить ее высказыванию, то ее муж нашел слова, «которые я не могла бы выразить удачнее». В его речи, которая была одобрена его женой, Гесс сказал помимо всего прочего: «Я не защищаюсь от обвинителей, я не считаю, что они вправе выдвигать обвинения против меня и моих соотечественников. Я не хочу упрекать кого бы то ни было, это внутреннее дело немцев, и потому это не должно касаться иностранцев... Мне посчастливилось много лет проработать с величайшим из сынов, которого мой народ дал миру за свою тысячелетнюю историю. Даже если бы я хотел, я бы не смог стереть из памяти это время... я ни о чем не жалею»¹¹⁷.

Следующая часть его речи, в которой Гесс опирался на объяснения Гитлера перед судом в Мюнхене 1 апреля 1924 года, особенно взволновала Илзе, так как в ней просматривались фундаменталистские, религиозно-фанатические взгляды. Гесс сравнивал себя с мучениками, которые ради правого дела с радостью выбирают смерть. «Если бы мне предстояло начать все сначала, я бы вновь поступил так же, даже если бы я знал, что в конце меня ожидает костер для сожжения. Не важно, что делают люди, когда-нибудь я предстану перед высшим судом; я отвечу перед ним, и я знаю, что он меня оправдает». Немного спустя Гесс написал своей жене: «Ожидать можно всего — смерти, катарги или психиатрической лечебницы».

1 октября 1946 года Рудольф Гесс был признан виновным по двум из четырех пунктов обвинения — преступ-

¹¹⁷Der gesamte Wortlaut u.a. bei Wulf Schwarzwälder, Rudolf Hess. Der Stellvertreter, München 1987, S. 254 ff.

ления против мира и военные преступления — и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Рудольф Гесс, подшучивая над этим, добавил в своем сообщении к жене после слова «пожизненный» ряд букв «vvvvvvvv», то есть ту шутливую линию, которой супруги обычно отмечали веселые места в своей корреспонденции. К концу процесса были разрешены посещения родственников обвиняемых. Все охотно воспользовались этой возможностью, но Рудольф Гесс не был в их числе. Хотя верно преданная ему супруга и девятилетний сын, воспитанный в духе любви к отцу, страстно желали увидеть его, заключенный Гесс категорически отклонил их просьбы увидеться. «Прошу вас... воздержаться от посещения», — писал он 5 октября 1946 года.

Илзе Гесс понимала его. «Мой дорогой большой мальчик, я чувствовала себя как скаковая лошадь, которую годами тренировали для старта и которую в последний момент сняли с гонок, — но ты можешь быть спокоен. Я ни в чем не упрекаю тебя... Ты поймешь, что я сожалею об отказе от свидания, даже если он окончательный... из-за мальчика, потому что он горько разочарован...»¹¹⁸ Гесс похвалил свою жену за «жертву во имя немецкой чести», и его резкий отказ в свидании вскоре был прощен. Жена и сын продолжали переписываться с этим сложным своеобразным человеком — мужем и отцом, — не упрекали его, скорее давали робкие советы, рекомендовали новые книги и вспоминали о прошедших временах.

3 июня 1947 года, незадолго до того, как Рудольф Гесс вместе с другими 6 заключенными был переведен 18 июля в военную тюрьму в берлинском районе Шпандау, была арестована его супруга. В качестве причины ареста баварское Государственное министерство по особым де-

¹¹⁸Bird, Hess, a.a.O., S. 68 ff.

лам назвало возможный побег Илзе из Германии. Илзе Гесс подозревала, что существует такая опасность, но всячески отрицала намерения бежать из страны: «...я буду твердо стоять на том, что я, как супруга Рудольфа Гесса и член партии с многолетним стажем, никогда не сомневалась в том, что меня ждет расплата...»¹¹⁹ Разлуку с сыном Илзе переживала очень тяжело. «...Мне пришлось увидеть, какими большими и жалостными были его глаза, несмотря на всю его молчаливую смелость...», — писала Илзе Гесс 13 июля 1947 года¹²⁰, после того, как была доставлена в лагерь для интернированных Гёггинген близ Аугсбурга, где она была самой старшей из известных заключенных — жен членов партии нацистов. «Ах, если бы я только смогла поговорить с моим мужем хотя бы часок — он бы посоветовал мне, что делать!»¹²¹, — писала она, прежде чем начала обдумывать вместе с адвокатами стратегию для предстоящего процесса в Судебной палате.

Доктор Альфред Зейдль представлял интересы Рудольфа Гесса и генерал-губернатора Польши Ганса Франка на Нюрнбергском процессе. Позже он защищал и так же печально знаменитую Илзе Кох, супругу коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд. В деле Илзе Гесс юрист, который в 1934 году поступил в СА в чине роттён-фюрера, внезапно проявил провалы в памяти и скрупулезность. «Это не только моя задача, — писал он своей клиентке. — Я сомневаюсь, что я могу провести эту защиту с достаточной непредвзятостью. Мое отношение к НСДАП, в которой ваш супруг и вы занимали достаточ-

¹¹⁹ Письмо Илзе Гесс от 3.6.1947. Spka K 693. Belastungen. Bayerisches Staatsarchiv München.

¹²⁰ Ebd.

¹²¹ Записки Илзе Гесс от 4.7.1947. Ilse Hess, Gefangener des Friaens, a.a.O., S. 13.

но высокие посты, было скорее отрицательным... как юриста, меня в вашем случае интересует вопрос, как Вы, интеллигентная и, как мне кажется, великодушная женщина, могли примкнуть к такому движению, на знаменах которого с самого начала значилось насилие и жестокость. Не могли бы вы это мне объяснить?»¹²²

Илзе Гесс не обиделась на этот риторический вопрос своего защитника, о котором ей было известно, что он в 1937 году подал заявление о вступлении в НСДАП, и ответила: «...любое из моих действий было попыткой соответствовать основным требованиям общечеловеческого поведения, и в первую очередь мне хотелось соответствовать благородному поведению моего мужа, который незаметно для себя способствовал формированию сознания своей семьи и близкого окружения»¹²³:

27 января 1948 года начался процесс против Илзе Гесс, обвинитель огласил следующие пункты обвинения: факты, что супруга «заместителя» была членом партии с самого ее основания и была награждена Золотым партийным значком; была представительницей режима; получала ренту — еще при жизни мужа, — документально указывали, по мнению обвинителя, на то, что она являлась лицом, имеющим особые привилегии в Третьем рейхе. Обвинитель настаивал на причислении Илзе к «главным преступникам», а предварительный приговор предусматривал отнесение ее к «главным преступникам, группа 1». Однако второй приговор был менее суровым — 24 марта 1948 года Илзе была признана «незначительным преступником, группа 2». Ее приговорили к условному наказанию с испытательным сроком и штрафу в размере 2000 рейхсмарок, которые надо было внести в Фонд компенсаций.

¹²²Pressedienst Demokratische Initiative, Sonderheft 7, München 1987.

¹²³Ilse Hess. Gefangener des Friedens, a.a.O.; S. 14.

24 марта 1948 года Илзе Гесс была освобождена из лагеря Гёггинген. Она переехала в Гинденланг в Алльгойе, где ей была предоставлена двухкомнатная квартира в многоквартирном доме по адресу Гайленберг, 12. Средства на жизнь она зарабатывала выращиванием овощей. Илзе упрямо стремилась к свиданию со своим мужем, заключенным в Шпандау. Но Гесс всегда отклонял ее требование увидеться: «То, что я никогда не забуду этого, — ответ, опережающий предложенное посещение: это очень мило с твоей стороны, но я не хочу, чтобы ко мне приходили ни по какому-либо поводу. Причины этого я не могу тебе объяснить...»¹²⁴ Гесс и в самом деле думал, что визит его семьи будет равнозначен признанию приговора держав-победительниц.

Им опять осталось только переписываться. Так, супруга сообщала, что бывший шофер Гесса, Рудольф Липперт, рассказал во время своего визита к ним, с какой симпатией Гитлер говорил о Гессе как о «идеалисте чистой воды»¹²⁵. Она благодарила мужа, которого видела в последний раз десятилетия назад, за «тяжелое счастье рядом с ним» и пыталась добиться реабилитации заключенного, опубликовав их переписку. Первый том «Англия — Нюрнберг — Шпандау» вышел в 1952 году¹²⁶ с посвящением «всем тем, кто по-человечески примет участие в судьбе Рудольфа Гесса». Ограниченнная строгой цензурой переписки, Илзе Гесс не могла сообщить мужу ни о выходе этого тома, ни о других печатных проектах — «Узник мира» и «Ответ из камеры номер семь», с предисловием Вольфа-Рюдигера

¹²⁴ Письмо Рудольфа Гесса из Шпандау от 4.7.1948. In: Ilse Hess, England, a.a.O., S. 131.

¹²⁵ Ilse Hess, Gefengener des Friedens, a.a.O., S. 87.

¹²⁶ Ilse Hess, England, a.a.O.

Гесса¹²⁷. Но Рудольф Гесс, несмотря ни на что, узнал об этом — его сосед по камере Альберт Шпеер, для которого не существовало такой проблемы, как цензура писем, и который посыпал тайные записки из камеры и таким образом выпустил на свободе 350 страниц машинописного текста. «Я научу его, — писал Шпеер, — как сделать так, чтобы его жена смогла выпустить его письма в виде книги... Гесс был вне себя от радости, когда узнал это. Так как он признался, что считает такой способ приемлемым, что он будет нашим автором, то я буду локомотивом: вы должны быть благодарны цензорам, что так упрямо вырезают ваши сумасшедшие взгляды на политику»¹²⁸.

В 1955 году Илзе Гесс открыла пансион для туристов. Проспект, рекламирующий ее заведение, гласил: «Гостиница в горах, 1000 метров над уровнем моря. Гайленберг, 46, Гинденланг/Алльгой. Кафе, винный погребок. Хозяйка пансиона госпожа Рудольф Гесс». Знакомый инженер, хорошо относившийся к семье Гесс, сдал на выгодных условиях симпатичный домик, в котором жена заключенного устраивала концерты и поэтические вечера. В 1959 году бывшийobergebittsführer гитлерюгенда¹²⁹ Карл Церфф организовал коллективное письмо ко всем своим друзьям с просьбой поддержать ее: «Мне кажется невыносимым, что мы на свободе в бездействии наблю-

¹²⁷ Ilse Hess, *Gefengener des Friedens*, a.a.O.; *Antwort*, a.a.O. В качестве издателя выступил бывший заместитель имперского шефа прессы НСДАП Гельмут Зюндерман.

¹²⁸ Запись от 29.11.1952. In: Speer, *Spandauer Tagebücher*, a.a.O., S. 329 ff.

¹²⁹ Высшее (после начальника штаба) звание в системе гитлерюгенда; обычноobergebittsführеры возглавляли крупнейшие региональные организации Гитлерюгенда или важнейшие центральные управления. — Прим. науч. ред.

Даём же тем, как наши друзья (заключенные Шпандау) жестоким образом страдают от политического конфликта, разрешить который сможет только история... Эта акция должна поддержать прежде всего самый трагичный случай и немного облегчить фрау Гесс ее страдания, так как этот пансион не сможет стать настоящим домом ее мужу, когда он вернется после восемнадцатилетнего заключения, то нашим долгом является помочь ей изо всех сил...»

Несмотря на то что перспектив для досрочного освобождения Рудольфа Гесса не существовало, его жена сначала одна, а затем с уже взрослым сыном в качестве полноправного партнера начала борьбу за освобождение мужа. Она стремилась обеспечить ему место в истории, которое, как она считала, он заслужил, работала над его «легендой» и представила Рудольфа Гесса как мирного апостола, отколовшегося от национал-социалистического режима¹³⁰. Скрытым оказался тот факт, что Гесс искал способов примирения с Англией исключительно с целью господства Третьего рейха в Европе.

Сам заключенный никоим образом не поддерживал стараний своей семьи по его освобождению и реабилитации. Он резко отклонял все предложения о подаче прошения о помиловании. Когда в сентябре 1966 года открылись двери тюрьмы Шпандау для Альберта Шпеера и Бальдура фон Шираха, Илзе Гесс в октябре 1966 года написала прошение к папе Павлу VI, Всемирному церковному совету, в Комиссию по правам человека при ООН и главам государств четырех стран-победительниц. Рудольф Гесс отреагировал на это очень несдержанно. «Я прочитал сообщение, вы направили проше-

¹³⁰«Er spielte wieder mal den Toten», интервью с Илзе Гесс, «Spiegel», 48/1967, S. 52.

ние)... Вы хотите, чтобы на моей биографии появилось пятно, и что я с этим пятном войду в историю? Нет, вы этого не хотите! Поймите — моя честь для меня превыше свободы!»¹³¹

И только когда Гесс серьезно заболел и возникла угроза его жизни, он поддался на уговоры полковника Юддина Бёрда, американского коменданта тюрьмы в Шпандау, и разрешил своей семье навестить его. Это случилось 24 апреля 1969 года, незадолго до его семьдесят шестого дня рождения¹³². Полковник Бёрд писал об этой встрече после 28 лет разлуки: «В первый раз фрау Гесс и ее сын смогут навестить его в тюрьме. Встреча эта должна состояться вот уже скоро. В 10 часов 50 минут они въезжают на взятом напрокат “Опель-Рекорде”... Фрау Гесс держит в руках большой букет цветов, они отворачиваются, чтобы избежать встречи с репортерами, с их фото- и телекамерами. Тут открывается дверь по ту сторону от стола для посетителей и за офицером охраны входит Гесс... Он счастлив, он машет рукой своей жене... “Привет, Илзе”. Они садятся и сразу начинают говорить о своих письмах, затем разговор заходит о газетах. “Они уничтожают немецкий язык”, — говорит он. “Да, — подтверждает фрау Гесс, — даже мой шофер говорит о’кей, о’кей”. Она пристально смотрит на своего мужа: “Ты похудел...” После разговора на личные темы Гесс просит ее купить ему какую-то книгу. “Но эта книга о Второй мировой войне; Рудольф, тебе же не разрешат ее читать”. Он соглашается: “Я знаю. Но все же купи ее. Я смогу ее прочитать, когда вернусь домой”. Полчаса быстро проходят, настало время расставаться. Тут фрау Гесс поворачивается и хватает дверную ручку. Последний взгляд на мужа, кото-

¹³¹ Ilse Hess, Antwort, a.a.O., S. 275 ff.

¹³² Сообщение полковника Бёрда, март 2002.

«Рый стоит очень прямо. Он кланяется, она открывает дверь и выходит. Она готова заплакать»¹³³.

В последующие годы семья навещала Рудольфа Гесса в общей сложности 232 раза. Рудольф Гесс провел 41 год своей жизни в военной тюрьме Шпандау, последние 21 год он был единственным заключенным в огромном, рассчитанном на 600 заключенных комплексе зданий, охранники присыпались руководством стран-победительниц, причем состав менялся каждый месяц. Он стал самым дорогим заключенным в мире. Для Илзе Гесс он был и остался «мучеником во имя мира», и долгое время она рассчитывала на снисхождение. Временами ей казалось, что оно уже не за горами, за это выступали и союзники, а различные международные общества требовали «свободу Рудольфу Гессу». Но все попытки добиться снисхождения для пожилого человека провалились — непоколебимое вето Советского Союза, для которого Рудольф Гесс был человеком, который поддерживал Гитлера в его борьбе с Советским Союзом. В 1970 году Илзе Гесс примирилась с таким положением. Когда она услышала, что ее муж в надежде на освобождение заказал себе новый костюм, то сказала директору тюрьмы: «Я думаю, что нам уже не стоит надеяться на это. Мы должны примириться с этой ситуацией: мой муж умрет в этой тюрьме».

Жена бывшего «заместителя фюрера» дожила до преклонного возраста, сохранив духовную и физическую бодрость. Так, пожилая дама, которой англичанин Хью Томас, хирург берлинского британского военного госпиталя, в 1979 году представил свою книгу «Убийство Рудольфа Гесса»¹³⁴ скандального содержания, решительно

¹³³Bird, Hess, a.a.O., S. 227 f.

¹³⁴Hugh Thomas, *The Murder of Rudolf Hess*, London 1979.

заметила: «У него не все дома!» Согласно утверждениям Томаса, заместителя фюрера давно убили, а в Шпандау сидит его двойник.

Рудольфу Гессу не суждено было покинуть свою тюрьму живым. 17 августа 1987 года, незадолго до своего 93-летия, он повесился на кабеле обогревателя — как показали его охранники. Но его жена и сын все же верили в версию, что это было предумышленное убийство, поскольку обстоятельства смерти были очень неясными¹³⁵. При этом они опирались на противоречия в отчете об вскрытии, на данные тюремного священника, а также на утверждение доктора Томаса. Последний был убежден в том, что был убит двойник Рудольфа Гесса, что дало ему повод написать новую книгу: «История двух убийств»¹³⁶.

Илзе Гесс не намного пережила своего мужа. 7 сентября 1995 года на 96 году жизни она скончалась в Лилиентале в Алльгойе¹³⁷. До последнего дня она, как и ее сын Вольф-Рюдигер, была убеждена в том, что ее муж пал жертвой коварного убийства.

¹³⁵Wolf-Rüdiger Hess, *Mord an Rudolf Hess? Der geheimnisvolle Tod meins Vaters in Spandau, Leoni am Starnberger See 1988.*

¹³⁶Hugh Thomas, *A tale of two murders*, London 1988.

¹³⁷Сообщение информационного управления Хинделанга, Алльгойя, от 14.11.2001.

Аннелиз фон Риббентроп

«Леди Макбет» Третьего рейха

12 января 1896 – 5 октября 1973

«Дамы и господа, “железный министр” – это ОНА», –
сказал Гитлер во время празднования 50-летнего
юбилея министра иностранных дел Третьего рейха
Иоахима фон Риббентропа в мае 1943 года в замке Фушль
в Зальцкуммергуте после продолжительной беседы с его
супругой¹. В дипломатических кругах это не было ново-
стью. Всем хорошо было известно о честолюбии и боль-
шом влиянии Аннелиз фон Риббентроп, которая счита-
лась вдохновительницей действий своего мужа. Молодых
дипломатов наставляли следующим образом: «Не забы-
вайте, что фрау фон Риббентроп является ключевой фи-
гурой в нашей дипломатии! Предпринимая какие-либо
действия, подумайте, соответствуют ли ваши действия
политике, проводимой фрау фон Риббентроп!»² О суп-
руге, уверенной в себе и решительной dame, министр
пропаганды доктор Йозеф Гебельс пренебрежительно

¹Reinhold Spitz, So haben wir das Reich verspielt. Belenntnis eines Illegallen, München, Wien 1987, S. 193.

²Ebd., S. 84.

заметил: «Имя он себе купил, на деньгах он женился, а министерский портфель он добыл мошенническим путем!»³ Впоследствии Геббельс замечал: «А его политика — это политика его жены!» Карьеру Риббентропа невозможно представить без руководящей руки его супруги, которая была активна, как никакая другая женщина в Третьем рейхе.

Аннелиз фон Риббентроп была дочерью фабриканта Отто Хенкеля, производителя игристых и шампанских вин⁴. Чрезвычайно успешный промышленник, пользовавшийся большим уважением окружающих, стоял во главе известной империи шампанских вин. Мать Кэтэ, урожденная Михель, обожавшая носить монокль, происходила из известной буржуазной семьи Майнца. В начале XX века фамилия «Хенкель» являлась синонимом богатства и роскоши. Семья с гордостью относила себя к известнейшим германским династиям XIX века. Ведь она могла похвастаться историей трех поколений предков — удачливых виноделов из Майнца, которые сумели из небольшого производства создать международный концерн. Предок по имени Адам во время своих странствий по Франции в качестве простого подмастерья познакомился с технологией производства шампанских вин и по возвращении на родину в Майнц в 1856 году произвел свое первое шампанское из обычного вина путем двойного брожения. Его внучке, отцу Аннелиз, в 1894 году удался настоящий прорыв на международный рынок благодаря идее разливать одно и то же шампанское в одинаковые бутылки. Вскоре без вин Хенкеля не обходился ни

³ Joachim C. Fest, *Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft*, München 1963, S. 246.

⁴ Немецкое Sekt — вино, аналогичное шампанскому, но произведенное не во французской Шампани. — Прим. пер.

один праздник. В 1906 году было продано три миллиона бутылок знаменитой марки.

Аннелиз Хенкель появилась на свет в Майнце, в городе, где зародилось семейное предприятие, 12 января 1896 года. В Майнце же она окончила школу. Но предприятие расширялось, и в 1907 году семья переоселилась в Висбаден-Бибрих, где известный архитектор Беат Вильанд построил на Бетховенштрассе шикарную виллу в английском деревенском стиле для разбогатевшей семьи Хенкель. Строение это было высоко оценено современными архитектурными периодическими изданиями. Помимо этого по заказу Отто Хенкеля в 1907 под руководством архитектора Пауля Бонатца было начато строительство загородного замка в стиле классицизм. Строительство дома, сочетавшего идеальным образом технические новинки и роскошный представительный вид, было завершено спустя два года. Огромная лестница, колоннада, обилие лепнины соответствовали статусу семьи, владевшей крупным производством благородных игристых вин. Благодаря процветающей фирме Хенкель район Бибрих в Висбадене начал стремительно развиваться — эта новая часть города значилась как достопримечательность в путеводителях для иностранных туристов. В среднем около 40 000 туристов посещали ежегодно с экскурсиями винные подвалы семьи, а также имели возможность насладиться гастрономическими изысками окрестных ресторанчиков. Члены семьи Хенкель великодушно жертвовали огромные средства на социальные нужды, на искусство, спорт, что вскоре принесло им также славу меценатов, высоко ценимых городом. Аннелиз выросла в твердой уверенности, что принадлежит некоронованной семье великих мира сего, хотя ее родители вели простой, почти спартанский образ жизни, не выносили ненужных затрат, а также воспиты-

вали своих детей в скромности, приучая их к экономии. Современники писали об Аннелиз как о милой девушке среднего роста, хотя и не особенно симпатичной, но изящной, всегда одетой со вкусом, живой, немножко упрямой и капризной. О ней также говорили как об интеллигентной, находчивой, не лишенной резкости молодой, даме. Но со здоровьем дела у нее обстояли не очень хорошо. С детства она страдала хроническими воспалениями и нагноением лобных пазух, болезнью, которая, несмотря на несколько проведенных операций, не могла быть устранена и в течение всей ее жизни была причиной сильнейших головных болей⁵. В Висбадене Аннелиз посещала частный лицей, где она, вдохновленная обожаемой своей учительницей (фрейлейн Гуттман), с особым усердием занималась немецким языком, историей и религией и достигла в них замечательных успехов. Но более всего ее интересовала живопись, и после окончания школы Аннелиз несколько лет изучала историю искусства в Мюнхене⁶. С ранних лет дочь промышленника отличалась самостоятельностью, напористостью, честолюбием, стремилась всегда быть достойной представительницей семьи Хенкель.

Во время Первой мировой войны Аннелиз Хенкель обручились с Германом Хоммелем, дядей Альберта Шпеера, — ставшего во время Второй мировой войны министром вооружений Третьего рейха⁷. Но Хоммель был быстро забыт, стоило только Аннелиз познакомиться летом 1919 года в Бад-Хомбурге на теннисном турнире с высо-

⁵Erich Kordt, *Nicht in den Akten... Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg. Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928–1945*. Stuttgart 1950. S. 63.

⁶BAK, R 470/1457, Bl. 104. Bundesarchiv Koblenz.

⁷Запись от 23.11.1949. In: Speer, *Tagebücher*, Frankfurt am Main, Berlin, Woen 1975, S. 219.

ким блондином по имени Иоахим Риббентроп. Красивый отставной обер-лейтенант со светло-голубыми глазами мог подкупить любую женщину великолепным умением танцевать, был завсегдатаем светских салонов, одевался элегантно, как денди. Его внешность «великосветского льва» и «истинного джентльмена» не нравилась родителям Аннелиз, воспитанных в соответствии со строгими буржуазными представлениями, но зато очаровала их дочь.

«Когда мне было семнадцать лет, то родители как-то взяли меня с собой в Висбаден, — вспоминал Альберт Шпеер о событиях 1922 года, Риббентроп поразил меня своим внешним видом. На небе не было ни облачка, но он ходил с зонтом, повесив его на предплечье, в руках он держал модную шляпу-котелок. Высокий блондин, всегда с гордо поднятой головой, производил впечатление заносчивого и неприступного человека. Пожалуй, что только в сатирических газетах можно было увидеть изображение такой смешной копии английского джентльмена»⁸.

Когда Иоахим Риббентроп попросил руки Аннелиз, Отто Хенкель осведомился о роде занятий манерного кандидата в мужья его дочери и получил весьма расплывчатую информацию о том, что жених имеет отношение к торговле алкогольными напитками, а к числу его достоинств относятся честолюбие и хорошие манеры⁹. Отцу это показалось недостаточным для будущего счастья дочери, а мать семейства постаралась, как она позже рассказывала, сделать все возможное, чтобы помешать браку дочери¹⁰. Юные члены семьи Хенкель также находи-

⁸ Speer, *Tagebücher*, a.a.O., S. 119 f.

⁹ Paul Schwarz. This man Ribbentrop. His Life And Times, New York 1943, S. 11.

¹⁰ Ebd., S. 15 f.

ли друга Аннелиз малосимпатичным типом, а некоторые считали его просто невыносимым. Но в конце концов родители покорились энергичному напору своей дочери, и 20 июля 1920 года состоялась свадьба. Зять Хенкелей к моменту своего бракосочетания имел за плечами опыт жизни, полной ярких событий и приключений.¹¹

Иоахим Риббентроп родился 30 апреля 1893 года в городке Везель-на-Рейне в старой благородной семье, в каждом из пяти поколений которой были офицеры¹². Отец Иоахима, прусский обер-лейтенант, корректный, неприхотливый, простой человек, большой приверженец политики рейхсканцлера Бисмарка. После ранней смерти своей жены Софии в 1902 году Рихард Риббентроп решил жениться повторно, так как считал, что трое его маленьких детей нуждались в матери, хотя бы и приемной. Ольга фон Приттвitz унд Гаффрон стала матерью маленького Иоахима, его сестры Ингеборг и брата Лотара. В 1908 году Рихард Риббентроп оставил армейскую службу, семья переехала из Мецца в Ароза в Швейцарию, и Рихард Риббентроп смог посвятить себя отныне своему хобби – изучению культуры и истории Японии. Как и его брат и сестра, Иоахим ходил в школу в Меце, где был любимцем учеников за свою лень к учебе, дерзость, непослушание. Учителя же именно за вышеперечисленные качества не любили Иоахима, и уже в средних классах ему пришлось досрочно покинуть школу. По настоянию мачехи и Гертруды фон Риббентроп – тетки, живущей вместе с их семьей и очень любившей своего племянника, – Иоахим посещал интернаты во Франции, Швейцарии и Лондоне, что позволило ему замечательно овладеть иностранными языками, но помешало по-

¹¹ Wolfgang Michalka. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933–1940, München 1980, S. 24 ff.

лучить аттестат зрелости либо другой аналогичный документ об образовании. В 1910 году семнадцатилетний Иоахим отправился в Канаду, где, пользуясь своим талантом заводить знакомства и поддерживать контакты благодаря своей внешности, различными способами пытался как-то устроить свою жизнь. Он зарабатывал, работая дровосеком, трудился на строительстве мостов, был виолончелистом, служил в банке, ездил на гастроли с труппой балета на льду¹². Помимо этого его талант нравиться людям достиг новых высот, и вскоре он уже был своим человеком в доме генерал-губернатора Канады герцога Коннаутского и благодаря умению отлично играть в бридж, теннис, блестяще танцевать был вхож в самые высшие круги Канады¹³.

Впоследствии Риббентроп, вспоминая годы, проведенные в Ванкувере, Монреале, Оттаве, когда он менял один вид деятельности за другим, великолюбно описывал это время «четырьмя годами, посвященными частному предпринимательству». И в самом деле, в 1914 году – в год своего отъезда – он владел маленьким агентством по импорту немецких вин. Когда началась Первая мировая война, то Иоахим, которому тогда было двадцать один год, вернулся в начале августа 1914 года на родину. Возращение домой было сопряжено с приключениями. В своих мемуарах он пишет о «молодой девушке, с которой я хотел обручиться и ради которой мне пришлось отказаться от деловых перспектив и моего состояния»¹⁴. Он

¹²Schwarz, *This Man*, a.a.O.; S. 44; Wolfgang Michalka, Joachim von Ribbentrop – Vom Spirituosenhändler zum Außenminister, Darmstadt 1989, S. 201 ff.

¹³Показания Риббентропа Международному военному трибуналу в Нюрнберге от 28.3.1946.

¹⁴Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. Hasg. aus dem Nachlass von Annelies von Ribbentrop, Leoni am Starnberger See 1953, S. 24.

тайно проник в топливный отсек судна, плававшего под нейтральным флагом, благополучно миновал установленную англичанами блокаду и, прибыв в Германию, записался добровольцем в 12-й Торгаузерский гусарский полк. В боях на Восточном и Западном фронтах он был ерьезно ранен, награжден Железным крестом и весной 1918 года назначен адъютантом уполномоченного прусского военного министерства в Константинополе. В это время он познакомился с Францем фон Папеном, ставшим впоследствии германским рейхсканцлером. Таким образом, он впервые получил возможность ознакомиться с миром дипломатии, которая, как он полагал, сразу захватила его.

После того как в 1919 году он в звании обер-лейтенанта покинул Константинополь, Риббентроп вспомнил о своих зарубежных контактах, а также о своем опыте работы и устроился представителем фирмы по распространению французских вин и ликеров. Летом 1919 года он познакомился с Отто Хенкелем, а вскоре и с его эмансипированной дочерью Аннелиз, что стало поворотным пунктом в жизни молодого Иоахима Риббентропа. Он ухватился за свой шанс, завязал перспективное, с его точки зрения, знакомство и тщательно дорожил отношениями с дочерью крупного фабриканта. Эта встреча стала шагом, о котором он ни разу впоследствии не пожалел, так как холодный расчет превратился со временем в большую любовь. Вскоре Риббентроп полностью попал под влияние своей умной спутницы жизни, которая любила его, контролировала его, умела ловко справляться с его резкими перепадами настроения. Аннелиз управляла им, способствовала его продвижению, следила за каждым шагом своего Иоахима, который очень дорожил ее мнением и вскоре уже и вовсе не представлял себе жизни без своей супруги. Впоследствии Риббентроп при-

знался в приватном разговоре своему секретарю как мужчина мужчине: «Когда-то я решил, что люблю одну единственную женщину, и затем — о чём не жалею — женился на моей теперешней жене и стал с ней очень счастливым человеком»¹⁵.

Родители Хенкелли в 1920 году еще не догадывались об огромной жертве Иоахима, которого его знакомые называли «Риббенсноб»¹⁶, но затем постепенно начали осознавать его первоначально чисто меркантильные мотивы и воспротивились свадьбе их дочери. Камнем преткновения стало вовсе не отсутствие средств у жениха, а его заносчивость и надменность.

Но Риббентропу в сложившейся непростой ситуации помогли обстоятельства — внезапная смерть немецкого представителя известной фирмы по производству виски «Джонни Уокер» предоставила ему шанс продвинуться по карьерной лестнице. Он уже собирался занять место представителя, как вдруг узнал, что еще два кандидата на это место уже на пути в Шотландию. Он быстро принял необходимое решение, занял денег, купил старый военный самолет, снятый с вооружения, полетел в Килмарнок к сэру Александру Уокеру и приземлился прямо на газоне перед замком знаменитого магната. Изумленный Уокер смог только выговорить: «*You are my man!*» Удачное начало имело не менее удачное продолжение. Эта история смогла убедить в предпринимательских способностях Риббентропа Отто Хенкеля, который дал согласие на свадьбу своей дочери и предоставил зятю место в берлинском представительстве своей фирмы. 11 мая 1921 года на свет появился Рудольф — первый ребенок Аннелиз и Иоахима. Второй ребенок Риббентропов — Бетти-

¹⁵Spitz, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 346.

¹⁶Сообщение Марион Уайтхорн.

на — родилась 20 июля 1921 года, когда семья жила уже в Берлине. Позже у Аннелиз и Иоахима родились еще трое детей — Адольф, Урсула и Бартхольд.

Приличное приданое и щедрые отцовские «пожертвования» позволили Аннелиз приобрести земельный участок в шикарном районе Берлина Далеме на Лентцебаллее 7–9, впоследствии 7–11. Для строительства элегантной виллы был приглашен архитектор ее отца, Пауль Бонатц, который руководил строительством для молодой семьи довольно примечательного объекта современной архитектуры. В середине 20-х годов предприятие Риббентропа по экспортту—импорту вин стало одним из самых крупных в своем роде в Германии. «Мой муж в 1924 году оставил филиал фирмы “Хенкелль” и целиком посвятил себя своей собственной фирме», — писала Аннелиз Риббентроп об этом времени¹⁷.

Семейство Риббентроп очень быстро богатело и вело светский образ жизни¹⁸. Рядом с виллой было сооружено множество построек, был расширен сад и парк, была построена теннисная площадка, бассейн¹⁹. «Сооружение дома потребовало огромных затрат», — вспоминал один из гостей Риббентропов²⁰. Семья имела свой собственный каталог ценных предметов, которыми владела, что свидетельствовало о том, что Аннелиз и Иоахим были страстными коллекционерами²¹. Хорошо разбиравшаяся в искусстве Аннелиз обожала покупать картины, причем предпочитала современных французских художников,

¹⁷Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 32.

¹⁸В Веймарской республике такой стиль жизни определялся как «велико-буржуазный» (grossbürglerlich) — т. е. стиль крупной буржуазии. — Прим. пер.

¹⁹Michael Engel, Geschichte Dahlems, Berlin 1984, S. 282.

²⁰Erich Kordt, Nicht in den Akten, a.a.O., S. 62.

²¹BAK R 170/1457: Bundesarchiv Koblenz.

таких как Густав Курбе, Клод Моне и Андре Дерен. Жемчужиной обширной коллекции, включавшей более 110 значительных полотен, стал портрет Мадонны из Фра-Анжелико, который Аннелиз унаследовала от своего дяди. Высоко ценятся экспертами в области искусства и картины французского живописца Мориса де Вламинка²². Иоахим Риббентроп же любил собирать дорогие ковры и старые gobelены, которыми впоследствии так восхищался Гитлер.

В красивом гостеприимном доме крупного бизнесмена встречались знать, финансовая элита, промышленники. В высокое общество Риббентропов ввел посол Фредди Хорстман и его супруга Лали, которая происходила из старого респектабельного еврейского рода Швабах. Вскоре Риббентропов уже окружали друзья, преимущественно евреи — что впоследствии, конечно, должно было измениться, — к которым относились и известная журналистка Белла Фромм. Она говорила о Риббентропах как о людях с «отличными манерами», а также упоминала о «превосходной кухне» в их доме²³. Как-то раз один из гостей (граф Оскар фон Платен унд Халлермунд) задал вопрос: «Неужели я здесь единственный христианин?» — явно намекая на большое количество гостей-евреев²⁴.

Спустя какое-то время на приемах в доме стали появляться политики и иностранные дипломаты, которые использовали знакомства в кругу гостей Риббентропов в своих профессиональных целях. «Атташе может найти там множество полезных и интересных контактов, —

²²Jonathan Petropoulos, *Kunstraub und Sammelwahn. Kunst und Politik im Dritten Reich*, Berlin 1999, S. 257 ff.

²³Bella Fromm, *Als Hitler mir die Hand küsste*; Berlin 1993, S. 234, 246.

²⁴Schwarz, *This Man*, a.a.O., S. 67.

поговаривали в берлинских посольствах, — хотя Риббентроп приглашает только тех, кого он считает полезными. Этот человек честолюбив, умеет правильно вести себя в обществе, хотя и глуп²⁵. Супруги больше всего любили себя окружать баронами, принцами, графами — обществом голубых кровей, к которому Иоахим Риббентроп всегда так страстно желал принадлежать. Его семья не относилась к германскому дворянству, в то время как одна из ветвей Риббентропов восходила к Фридриху Вильгельму Риббентропу, который 6 февраля 1823 года получил приставку к фамилии — «фон»²⁶. Получением дворянства он был обязан заслугам на службе в прусской армии, его отличия на службе были отмечены и на гербе, изображавшем две скрещенные пушки и барабан. В конце концов Риббентропы нашли выход. Они вспомнили о старой тете Гертруде, которая гордо носила фамилию «фон Риббентроп», и уговорили ее усыновить племянника²⁷. Так 15 мая 1925 года Иоахим Риббентроп получил титул и герб, пообещав тетке пожизненную ежемесячную пенсию в 450 рейхсмарок, и получил статус, который открыл перед ним двери известного и политически очень влиятельного берлинского мужского клуба. Тесть и теша Риббентропа, чрезвычайно гордившиеся своим статусом успешных буржуа, были обескуражены таким поворотом событий, а мать Аннелиз жаловалась знакомым: «Его последняя выходка с усыновлением так нелепа, что поставила даже нас в глупое положение. Наши родственники косо смотрят на нас... моей дочери все это нравится, потому что она знает, что

²⁵ Ebd., S. 64 f.

²⁶ Приставка «фон» показывала на принадлежность к дворянству. — Прим. науч. ред.

²⁷ Сообщил Р. Шпитци в беседе с автором книги.

это ужасно злит меня. Что будет дальше? Какие еще сюрпризы готовит нам наш зять?..»²⁸

До 1923 года Риббентропы умеренно интересовались политикой. Они считали Версальский договор несправедливым и сожалением относились к трудностям, которые испытывала парламентская демократия. По отношению к коммунизму же, напротив, супруги всегда испытывали отвращение и страх. Ни одна вечеринка в доме Риббентропов не обходилась без разглашений Риббентропа на тему «большевистской чумы». Но постоянное укрепление позиций Национал-социалистической партии не находило в доме Риббентропов должного внимания. Всемирный экономический кризис и глубокая депрессия способствовали, однако, тому, что Аннелиз и Иоахим Риббентропы начали интересоваться НСДАП, в которой супруги видели единственное спасение от опасности, грозящей с востока. Когда успех Гитлера был уже делом решенным, летом 1932 года Риббентроп попросил аудиенции у фюрера в баварском Оберзальцберге, обратившись с данной просьбой к группенфюреру СА, а впоследствии начальнику полиции Берлина, графу Хелльдорфу²⁹. Гитлер долго разговаривал со «светским львом», который хвастался иностранными контактами на самом высоком уровне, а также заверил руководителя НСДАП, что является очень хорошим знатоком Англии. Риббентроп вернулся домой совершенно восхищенным и рассказал жене: «У

²⁸ Schwarz, This Man, a.a.O., S. 16.

²⁹ Показания Иоахима фон Риббентропа Международному военному трибуналу в Нюрнберге от 28.3.1946.

Граф Вольф Генрих фон Хелльдорф (1896–1944) – впоследствииobergruppenführer СА и генерал полиции – в 1935–1944 годах был полицей-президентом Берлина. Он был арестован гестапо как участник заговора против Гитлера и повешен в тюрьме Плётцензее. – Прим. науч. ред.

меня сложилось впечатление, что это человек, который знает, чего хочет, и воля которого непоколебима. Он сильная личность»³⁰.

Аннелиз фон Риббентроп восхищалась своим супругом, который, по ее мнению, «свой своевольный, не переносивший давления нрав подчинил гениальной личности Гитлера». В своих воспоминаниях она отмечала тот шаг, на который ее муж решился, послушавшись ее совета. «После этой личной встречи с Адольфом Гитлером мой муж вступил в НСДАП». О своем собственном вступлении в НСДАП 1 декабря 1932 года Аннелиз, получившая партийный членский номер 1 411 594, впрочем, не упоминала³¹.

С середины 1932 года Гитлер вел переговоры об участии представителей НСДАП в правительстве. Учитывая огромный успех его партии на выборах (выборы в Рейхстаг в июле 1932 года дали ей 37,3 процента голосов, в ноябре 1932 года – 31,1 процента), он требовал пост рейхсканцлера. Рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург предложил «богемскому ефрейтору», как он презрительно называл Гитлера, всего лишь пост вице-канцлера. Переговоры закончились неудачей, и Гитлер, раздосадованный, вернулся в Оберзальцберг. В этой щекотливой ситуации Гитлер попросил Риббентропа, хорошо знакомого с рейхсканцлером фон Папеном, помочь ему договориться о получении поста. «Гитлер присыпает ко мне известного господина фон Риббентропа с просьбой встретиться в его доме», – писал фон Папен в своих воспоминаниях³².

³⁰Показания Риббентропа от 28.3.1946. Цит. по: Werner Maser, Adolf Hitler. Legende – Mythos – Wirklichkeit, München 1971, S. 197.

³¹Картотека гау НСДАП в Федеральном архиве – бывший Berlin Document Center.

³²Franz von Papen. Der Wahrheit eine Gasse, Innsbruck 1952, S. 265.

В то время для крупного виноторговца пробил час его дебюта в большой политике. Он действовал как посредник между консерваторами и национал-социалистами. Для переговоров он предоставил свою виллу в Берлин-Далеме. Аннелиз фон Риббентроп также живо интересовалась политическим переговорным процессом, который в конце концов привел Гитлера к власти путем образования коалиционного правительства. О событиях января 1933 года, имевших огромное значение для мировой истории, она писала: «Встречи в нашем доме проводились строго секретно, что стало немаловажным фактором для образования правительства. На переговоры господина фон Папена привозил наш шофер, уже много лет служивший в нашем доме, он же отвозил его обратно. Гитлер, напротив, доезжал до входа в наш сад и входил в дом, пройдя через весь сад»³³. По требованию своей хозяйки шофер Риббентропов вел тогда дневник. Он писал: «Вторник, 10 января 1933 года: около 21 часа я забираю господина фон Папена... около 22 часов приезжает господин Гитлер... в самом доме все были с 21 часа отправлены наверх либо покидали дом. Только слуга Ландграф и я могли присутствовать там. Ландграф должен был обслуживать гостей в доме, а я наблюдать за домом снаружи»³⁴. У фрау фон Риббентроп также сохранились хорошие воспоминания от 10 января: «...потому что в этот день я впервые лично познакомилась с Адольфом Гитлером. Я поздоровалась с ним в рабочем кабинете моего мужа, где должна была состояться встреча с господином Папеном. 12 января мы ждали Гитлера и Папена на обед... Гитлер отказался прийти; Папен пришел

³³Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O, S. 38.

³⁴Статья Фрица Бонхауса во «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 26.3.1958, S. 9.

один и выглядел чрезвычайно озабоченным из-за выборов в Липпе»³⁵.

Аннелиз фон Риббентроп была не просто пассивной свидетельницей переговоров о создании коалиции, не только хозяйкой дома, где они проходили, но и воздействовала через своего мужа на результат этих встреч, которые решили ход мировой истории. Ежедневно муж сообщал ей о результатах обсуждения. Супруги вместе искали способы и решения для предотвращения срыва переговоров. Риббентроп исправно следовал советам «семейного советника». Так, психологический климат переговоров значительно улучшился благодаря привлечению Оскара фон Гинденбурга³⁶, сына рейхспрезидента, которому удалось смягчить резкий настрой своего отца. Идея создания национального фронта, который затем и способствовал политическому прорыву, также принадлежала Риббентропу и его супруге. Аннелиз фон Риббентроп первая поняла важное историческое значение тайных встреч в их доме и потому записывала все события для последующих поколений. Так как в эти события не были посвящены посторонние люди, то она диктовала события дня своей кузине. В этой ценной для историков хронике, в которой не было пробелов и которая, кроме того, являлась единственным письменным источником о переговорах, которые привели к захвату

³⁵ Для нацистов местные выборы в Липпе были своеобразной пробой сил, но здесь НСДАП удалось набрать только 40 процентов голосов. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O, S. 38 ff.

³⁶ Оскар фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (1883–1960), с 1925 года он состоял военным адъютантом своего отца. После прихода нацистов к власти около 5 тысяч акров, полученных им в 1927 году, были узаконены и освобождены от налога. В 1941–1944 годах являлся начальником лагерей военнопленных I военного округа (Восточная Пруссия). В 1942 году произведен в генерал-лейтенанты. — Прим. науч. ред.

власти Гитлером, помимо всего прочего было отмечено: «Вторник, 10.1.33. Беседа Гитлера и Папена. Гитлер не хочет больше встреч с Папеном до выборов в Липпе... Среда, 18.1. 12 часов, Далем: Гитлер, Рём, Гиммлер, Папен. Гитлер настаивает на назначении его канцлером... Иоахим делает пробное предложение организовать встречу сына Гинденбурга с Гитлером. Четверг, 19.1. Долгие переговоры Иоахима и Папена с глазу на глаз. Вторник, 24.1. Чай в Далеме: Фрик, Геринг, Папен, Иоахим. Окончательно решено создать национальный фронт (с националистами) для поддержки Папена старым Гинденбургом. Пятница, 27.1: Иоахим предлагает Гитлеру, как можно скорее создать национальный фронт... Крах националистов... Гитлер хочет немедленно уехать... Ситуация очень непростая... Воскресенье, 29.1: в 11 часов долгая беседа Гитлер – Папен. Гитлер объясняет, что в общем и целом все понятно. Но должны быть назначены новые выборы, и должен вступить в силу закон о полномочиях... Так как Гинденбург не хочет этих выборов, то он (Гитлер) просит сказать Гинденбургу, что это будут последние выборы... Понедельник, 30.1: Гитлер назначен канцлером»³⁷.

Вскоре после прихода Гитлера к власти 5 марта 1933 года прошли выборы в Рейхстаг, на которых национал-социалисты достигли своего лучшего результата, набрав 43,9 процента. После этого немцы уже не могли – как это было объявлено Гитлером – свободно выбирать³⁸. Со

³⁷Этот текст был оглашен в 1946 году на Международном военном трибунале в Нюрнберге, а затем опубликован: Ribbentrop, Von London nach Moskau, a.a.O., S. 38 f. Британский посол Фиппс описывает свои встречи с Риббентропом в: Documents on British Foreign Policy. VI, Nr. 406.

³⁸В июне 1933 году была запрещена деятельность всех политических партий, кроме НСДАП. На выборах в Рейхстаг 12.11.1933 избиратели голосовали за один список – нацистский.

вступлением в силу закона о полномочиях 23 марта Рейхстаг фактически отменил сам себя. «Рейхстаг передает Адольфу Гитлеру власть», — торжествуя, сообщала газета «Фёлькише беобахтер» 24 марта 1933 года.

В начале апреля 1933 года новый рейхсканцлер появился в доме Риббентропов, чтобы поблагодарить их за оказанную помощь. После ужина в семейном кругу вся компания уютно сидела в библиотеке, и Гитлер рисовал планы великого будущего немецкого народа. Он начал говорить также о внешней политике. «Мир необходим, — считал он, — но такой огромный народ, как немцы, не может так долго страдать от дискриминации». Его главной целью было установление ясных отношений с Англией. В этой области Риббентроп, который много путешествовал в юности, чувствовал себя экспертом и не мог не поделиться своим богатым опытом с Гитлером. «Гитлер не мог наслушаться этих рассказов. Его интересовало все: образ жизни англичан, парламентские учреждения, Сити с его торговой и имперской политикой...» — писал Иоахим Риббентроп в своих воспоминаниях⁹. Когда речь зашла о Советской России, выражение лица Гитлера омрачилось: он считал, что нужно без следа уничтожить коммунизм.

Супруги восторженно соглашались с любым изречением Гитлера. Даже старому отцу Риббентропа, который был до того дня ярым монархистом, показались взгляды Гитлера на будущее очень убедительными, а личность фюрера очаровала его. С тех пор он стал активным сторонником НСДАП и оставался им до самой смерти в 1941 году. Только Хенкелли, к огромному сожалению супругов Риббентроп, оставались в стороне от партии, стремительно набирающей политический вес. Это не измени-

⁹Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 44.

лось, и когда нацисты незадолго до захвата власти отменили высокие налоги на игристые вина и тем самым необычайно способствовали бизнесу Риббентропа, а также его тестя.

Гитлер и далее часто бывал гостем на вилле Риббентропов, где он чувствовал себя как дома, задавал тон во всем, его монологи были необычайно интересны хозяевам. «Мы никого не можем приглашать вместе с ним», — говорила Аннелиз Риббентроп своим друзьям. «Он очень своеобразен. Он ест только вегетарианскую пищу и может говорить часами. Но он очень любит слушать рассказы Иоахима о путешествиях, потому что сам он никогда не бывал за границей»⁴⁰. Риббентропы быстро полюбили успешного политика. Если он сообщал им о том, что собирается навестить их, то просили всех гостей покинуть виллу, хозяева отказывались от столь любимой ими игры в бридж, а хозяйка дома сама готовила блюда для дорогого гостя. К столу подавали только самые лучшие овощи и фрукты, даже цветочные букеты составлялись в соответствии с вкусом необычного гостя, которого тщательно обхаживали, надеясь на его великое политическое будущее. Аннелиз гордо рассказывала, что она была единственной, кому разрешалось присутствовать, когда ее муж и Гитлер дискутировали о политике. «Он приходил, чтобы пополнить свои знания о внешней политике», — считала супруга Риббентропа. Гитлер не стал разубеждать ее в ее ошибочной уверенности в том, что ее муж является учителем, а рейхсканцлер его учеником. Супруги уже поздравляли друг друга с перспективами, вытекающими из многообещающего знакомства с политиком.

После захвата власти национал-социалистами для Иоахима Риббентропа существовало только два челове-

⁴⁰Schwarz, This Map, a.a.O., S. 76.

ка, чьей благосклонности и чьего внимания он неизменно добивался и чьим верным товарищем он оставался на протяжении всей последующей жизни: Адольф Гитлер и его жена. И Гитлер, и фрау Риббентроп могли управлять тщеславным гордецом, как им было удобно. Аннелиз фон Риббентроп использовала своего мужа как инструмент для достижения своих собственных желаний — как личных, так и политических. Она всегда вмешивалась в происходящее, хотя и оставалась в тени. Гитлер нашел в Риббентропе беззаветно преданного помощника, слепо преданного ему. «Среди сторонников Гитлера в его ближайшем окружении равных ему по рвению не было, его способность соглашаться с Гитлером во всем, его верноподданническое выражение глаз, его восторженные аплодисменты были достойны лучшей сцены страны», — с сарказмом сообщал один из современников⁴¹.

Прежде чем высказаться на какую-либо тему, Риббентроп внимательно изучал взгляды Гитлера по данному вопросу. Он мастерски исследовал мысли Гитлера, чтобы при случае умело льстить с выгодой для себя. Так, он замечал, что «Первая мировая война никогда не была бы проиграна, если бы ею руководил фюрер»⁴². Гитлер, будучи знатоком человеческой природы, в свою очередь использовал своего добровольного вассала в своих целях, но не скрывал своего презрения к рабской подобострастности Риббентропа и как-то публично заметил: «Риббентроп — неприятный человек»⁴³. Риббентроп жаловался, что, несмотря на огромные усилия, не становится по-человечески ближе своему «идолу». Иногда фюрер лишал

⁴¹ Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 133.

⁴² Ebd., S. 226.

⁴³ Монолог Гитлера 27.1.1942 в «Вольфшанце». In: Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heirich Heims, hrsg. von Werner Jochmann, Hamburg 1980, S. 240.

своего верного поклонника благосклонности, заставлял его месяцами ждать аудиенции или упрекая его в резкой манере: «Так дело не пойдет, господин Риббентроп! Я не могу на это согласиться!»⁴⁴ Тогда мир обычно самонадеянного Риббентропа рушился. Он впадал в уныние и всеянскую тоску, ложился в постель и мог иногда несколько дней не вставать. И только его жена могла помочь ему выйти из этого состояния, которое впоследствии знакомые стали называть *«tango постурно»*. Она могла вновь поднять своего мужа с колен, пыталась вдохнуть в него мужество, старалась, чтобы у мужа не было мрачного настроения. «Не из личного тщеславия, не из честолюбия мучился Риббентроп, когда интриги отдаляли его от фюрера... он знал, что это означало неприятие его политики», – позже рассказывала Аннелиз фон Риббентроп⁴⁵.

В глазах своей супруги Риббентроп был безупречным, гордым и симпатичным человеком. Большинство современников воспринимали его совсем по-другому: они описывали его как человека, подверженного перепадам настроения, интригана, не особенно интеллигентного, но социально рафинированного. Казалось, что он всегда играет какую-то роль. Складывалось впечатление, что за этим напыщенным фасадом прятался зажатый, неуверенный в себе человек, который мог существовать только в тени сильной личности⁴⁶. Его эмансипированная супруга, напротив, считалась интеллигентной, чрезвычайно доминирующей женщиной, которая не терпела противоречий. «Она управляла им! Было удивительно наблюдать, с какой энергией и целеустремленностью эта

⁴⁴Сообщил Шпитц в беседе с автором книги, январь 2002.

⁴⁵Ebd.

⁴⁶Слова Марион Уайтхорн из документального фильма Гвидо Кноппа «Hitlers Helfer II. Joachim von Ribbentrop».

женщина управляла действиями своего мужа. Она напомнила мне леди Макбет, хотя ее Иоахим и не соответствовал образу старого Макбета», — вспоминал один из сотрудников Риббентропа⁴⁷.

Аннелиз фон Риббентроп видела свою роль совсем по-другому. «Каждый, кто был знаком с нашей совместной жизнью, знает, что я полностью подчиняюсь ему, что все в нашем доме подстраиваются под его личность», — часто утверждала она в разговоре со знакомыми. Она считала себя хрупкой женщиной и с возмущением относилась к тем «грязным, низким, резким небылицам, которые изображали меня как злого духа, который дирижирует слабым мужчиной!» Этот неравный во всех отношениях брак, однако, единодушно признавался всеми, кто знал Аннелиз и Иоахима Риббентропов, очень счастливым. Если у молодого Риббентропа в Канаде была слава «Ladies' man», бабника⁴⁸, то после женитьбы он стал образцовым супругом. Возможностей завязать интрижку на стороне было предостаточно, так как Риббентроп часто бывал в поездках по делам, но он не пользовался этими случаями. Если ему приходилось расставаться с женой, то он ежедневно звонил ей, телефонные разговоры могли продолжаться часами. Семейная жизнь в доме Риббентропов была гармоничной, эту гармонию не нарушило даже восхождение Риббентропа в партийной иерархии НСДАП. Аннелиз нежно называла своего мужа «Ник», а он ее «Мам». Пятеро их детей с рождения были окружены любовью. Родителей очень беспокоило, что дети часто болели. Но, несмотря на это, Риббентропы — ярые приверженцы национал-социалистической идеологии — воспитывали детей

⁴⁷Spitz, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 87, а также его интервью с автором книги, январь 2002.

⁴⁸Сообщение Франциса Юсона, чьи родители дружили с Риббентропом.

согласно требованиям пропаганды. Слабое здоровье детей было под постоянным контролем. Так, Аннелиз фон Риббентроп после вступления ее сына Рудольфа в ряды Гитлерюгенда⁴⁹ часто приглашала фэнлейнфюрера⁵⁰ Гейнца Торнера в гости и объясняла ему, какие проблемы со здоровьем существуют у ее первенца. Торнер с пониманием относился к ситуации, за что был хорошо вознагражден. Он побывал вместе с Риббентропами в Лондоне, а позже даже был принят на дипломатическую службу. Риббентропы редко спорили между собой. Но если возникали разногласия, то обиженный супруг обычно обедал не дома, а в ресторане, прихватив одного из своих сотрудников. «Избранные» считали все-таки целесообразным заранее информировать супругу министра о его «тайном убежище».

Благодаря ценным услугам, оказанным НСДАП, Риббентропы были введены в высшие партийные круги. Но «старая гвардия» с недоверием относились к новым партайгеноссе. Члены этой партии, имевшие невысокие партийные номера, считались элитой, а вступление в партию незадолго до захвата власти расценивалось как оппортунистический шаг. Так, некоторые фанатичные члены НСДАП украшали свой дом цитатой, адресованной к более поздним членам национал-социалистической партии: «...в этом мире есть практические люди, их можно также назвать негодяями»⁵¹. У Риббентропов в этом новом кругу общения не было никакой поддержки, они были далеки от простых слоев населения, на кото-

⁴⁹ Молодежная организация НСДАП, которое объединяло юношей в возрасте 14–18 лет. — Прим. науч. ред.

⁵⁰ Здание в системе организации «Германская молодежь» (составная часть Гитлерюгенда), примерно соответствовавшее лейтенанту. — Прим. науч. ред.

⁵¹ Staatsanwaltschaften: 34448; Eleonore Baur, Staatsarchiv München.

рые ориентировалась партия, и отдавали себе отчет в том, что своим положением в партии они обязаны исключительно благосклонности фюрера. Аннелиз фон Риббентроп была раздосадована, когда прошел слух, что она вступила в НСДАП в мае 1933 года, — на самом деле это произошло в декабре 1932. Она настаивала на том, что в партию она вступила ранее, чем это утверждало руководство гау Большой Берлин, и протестовала против неверно выданного ей номера члена партии 2 637 987 до тех пор, пока ей не вернули ее старый номер — 1 411 594⁵².

Новоиспеченные члены партии быстро поменяли круг знакомых после того, как старые члены партии с неодобрением отреагировали на щедрый прием в честь еврейских друзей Риббентропов в шикарном берлинском отеле «Адлон» 1 апреля 1933 года⁵³. Отныне светская жизнь супругов протекала в окружении довольно мрачных личностей, собиравшимся вокруг Гитлера. В мае 1933 года Иоахим фон Риббентроп вступил в СС⁵⁴, и вскоре частыми гостями в их доме в берлинском Далеме стали рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и его «непристальная» супруга Маргарета, которые тоже жили в Далеме, а также неуклюжий, грубый руководитель СА Эрнст Рём⁵⁵. «Очень гармоничный вечер, просто прекрасный»⁵⁶, — записал Генрих Гиммлер после приема, на ко-

⁵²Переписка с руководством гау Большой Берлин, отдел картотеки 11.1.1935. Bundesarchiv Berlin.

⁵³«День бойкота» евреев и еврейских магазинов. Schwarz, This Man, a.a.O., S. 67.

⁵⁴Риббентроп получил СС-номер 63 083 и уже в 1938 году был произведен в обергруппенфюреры СС. — Прим. науч.-ред.

⁵⁵Эрнст Рём являлся начальником штаба СА (Верховным руководителем СА считался лично Гитлер). На этот период СС формально являлись составной частью СА и де-юре находились в подчинении Рёма. — Прим. науч. ред.

⁵⁶BAK, NL 126/20. Bundesarchiv Koblenz.

тором были принц «Ауви» (Август Вильгельм фон Гогенцоллерн), Макс Бекманн и Густав Грюндгенс⁵⁷. Частые просьбы о помощи со стороны неарийских знакомых Риббентропы удостаивали ответом лишь в исключительных случаях, но и это был лишь вежливый отказ. Позже секретарям было поручено отвечать, что господа Риббентропы сожалеют, но сделать что-либо для евреев просто невозможно⁵⁸. Коллекция современной живописи у супругов сохранилась, хотя многие из этих картин после 1933 года перестали считаться произведениями искусства. Риббентропы тщательно отбирали все картины, которые могли бы подойти под такое определение. Де Широко, Дерэн и Моне тихо исчезли и хранились в личных комнатах членов семьи, в то время как произведения Вальдемюллера, Тома, Дефреггера, высоко ценимые Гитлером, заняли почетные места в гостиных и салонах.

Долгое время Риббентроп напрасно надеялся получить должность в правительстве. Его миссия личного специального эmissара Гитлера после того, как Германия вышла из Лиги Наций, заключалась в создании положительного образа фюрера в Англии и Франции. Так, Аннелиз и Иоахим Риббентроп в ноябре 1933 года посетили Лондон, где супруг был принят на Даунинг-стрит, 10, английским премьер-министром Стэнли Болдуином в рамках «частной дипломатии».

С назначением на должность уполномоченного по вопросам разоружения 18 апреля 1934 года⁵⁹ мечта

⁵⁷Принц Август-Вильгельм Гогенцоллерн (1887–1949) – 4-й сын кайзера Вильгельма II, обергруппенфюрер СА, затем – обергруппенфюрер СС. Макс Бекманн (1884–1950) – один из крупнейших немецких художников-импрессионистов. Густав Грюндгенс (1899–1963) – популярный актер и режиссер, с 1934 года – руководитель прусских государственных театров.

⁵⁸Spitzy, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 93.

⁵⁹Reichsanzeiger vom 23.4.1934.

Иоахима фон Риббентропа занять официальный пост в правительстве национал-социалистов осуществилась. Этот политический ход продемонстрировал, как Гитлер ценил Риббентропа, а рейхспрезидент Гинденбург, на-против, был настроен к Риббентропу отрицательно. «Что? Этот молодой виноторговец?», — в ужасе кричал пожилой Гинденбург, пока аргументы Гитлера в конце концов не переубедили его.

Аннелиз фон Риббентроп с самого начала политической карьеры супруга поддерживала его, как она сама говорила, «неподкупными советами». Из шестнадцати поездок, совершенных Риббентропом в 1934 году по поручению Гитлера в Англию и Францию, она сопровождала мужа в десяти. Она была рядом с мужем, когда он вел переговоры с премьер-министром Эдуардом Даладье и министром иностранных дел Луисом Барту, целью которых было установление непосредственных прямых контактов между Гитлером и Францией и предотвращение политического союза Франции с Советской Россией. Его деятельность в Лондоне, Париже, Риме оскорбила сотрудников дипломатических представительств Германии, которые Риббентроп не почтил своим визитом. Так, германский посол в Париже Роланд Кёрстер⁶⁰ воспринял как бес tactность появление супругов Риббентроп, с которыми он не был знаком, в его ведомстве и их настойчивое желание получить приглашение на ужин, который был назначен в посольстве. Специальный посланник Гитлера не достиг каких-либо дипломатических успехов, не считая интервью с Гитлером во французской

⁶⁰Роланд Кёрстер (1883—1936) с ноября 1932 года и до своей смерти в 1936 году занимал пост посла в Париже. Он не был сторонником нацизма и всячески в частных беседах (в т. ч. и с французскими журналистами) негативно отзывался о новых руководителях Германии. — Прим. науч. ред.

«Le Matin»⁶¹, и германское Министерство иностранных дел просто неистовствовало по поводу «безыдейной и недифференцированной дипломатии невесты откуда взявшегося торговца шампанским»⁶². Протесты пришли также из Англии, так как английское правительство не могло понять преимуществ подобных «полуофициальных визитов». Но Гитлер и далее упрямо продолжал проводить политику встреч с иностранными политическими деятелями «один на один», используя верного ему Иоахима фон Риббентропа. Он не доверял старым дипломатам, давно занимавшим свои посты, и ненавидел их нерешительную политику, которая смогла до прихода к власти НСДАП добиться лишь незначительных уступок для Германии от стран-победительниц в Первой мировой войне. Создание ведомств, конкурирующих друг с другом, было стратегией Гитлера, потому за кулисами бушевала борьба за власть, инициированная Гитлером, в то время как внешне Третий рейх производил впечатление монолитного законченного государства⁶³.

«Путч Рёма»⁶⁴, в ходе которого было ликвидировано высшее руководство СА, стал неожиданностью и прекратил, если верить воспоминаниям его супруги, дипломатическую деятельность Риббентропа: «Мой муж был тогда так далек от внутренних политических событий, что еще накануне 30 июня 1934 года (в день ликвидации) ничего не знал о приближающемся кризисе. Он только заметил, что

⁶¹Позже Риббентропу удалось организовать публикацию интервью с Гитлером в «Paris-Midi» (21.2.1936).

⁶²Michalika, Ribbentrop, a.a.O., S. 91.

⁶³См., например, Reinhard Boßlitz, Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart 1970, S. 236.

⁶⁴В отечественной литературе чаще применяется термин «Ночь длинных ножей». – Прим. науч. ред.

Рём, который раньше часто заходил к нам в гости, с некоторого времени стал избегать контактов с ним. 29 июня 1934 года Гиммлер вечером был у нас, и мой муж спросил, почему Рём так отдалился от нас. Гиммлер ответил только, что Рём — конченый человек⁶⁵. Риббентроп впал в депрессию. На вопрос жены, когда ожидается следующая поездка за границу, он мрачно ответил: «Не скоро».

Широкой общественности Иоахим фон Риббентроп стал известен 18 июня 1935 года, когда он, будучи бескомпромиссным специальным посланником Гитлера, добившись подписания немецко-британского соглашения о флоте, соглашения, которое официальное Министерство иностранных дел считало нереальным. Этот договор разрешал германскому рейху строительство флота, который должен был составлять не более 35 процентов от британского⁶⁶. Гитлер приветствовал подписание этого договора, в котором видел поворотный пункт германо-британских отношений, воскликнав: «Это самый счастливый день в моей жизни!» С этого дня его «дипломат-путешественник» считался самым большим экспертом в вопросах Англии. При посетителях Гитлер гордо называл его «мой лучший человек»⁶⁷. Благосклонность Гитлера коснулась и семьи эmissара, на которую Риббентропы ответили тем, что с согласия фюрера назвали своего третьего ребенка, родившегося 2 сентября 1935 года, Адольфом⁶⁸. Крещение маленького Адольфа, однако, не обошлось без

⁶⁵Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 52.

⁶⁶Dietrich Aigner, Das Ringen und England, Das deutsch-britische Verhältnis, die öffentliche Meinung 1933–1939, Tragödie zweiter Vulker, München, Esslingen 1969; S. 293.

⁶⁷Беседа с Ллойд Джорджем 4.9.1936: Thomas Jones, A Diary With Letters, 1931–1950, London, New York, Toronto 1954, S. 239 ff.

⁶⁸«Называть детей именем фюрера в Третьем рейхе было особой привилегией и требовало согласия Гитлера.

сложностей. Пастором прихода в Далеме был Мартин Нимёller⁶⁹ — основатель приходского союза и решительный противник политики национал-социализма, проводимой в отношении церкви. Он отказался крестить маленького Адольфа по причине выхода его отца из церкви — если господин Риббентроп пожелает крестить своего сына, то он должен вернуться в лоно церкви! Аннелиз фон Риббентроп нашла более сговорчивого пастора, но направила жалобу фюреру, указав, что Нимёller «собирает всех враждебных национал-социализму элементов в Далеме» и оказывает вредное влияние на членов приходской общины⁷⁰. Когда пастор затем публично осудил преследование церквей национал-социалистами, то он бесследно исчез в концентрационном лагере.

В это время стало ясно, насколько Риббентроп, которого во всем поддерживала жена, способствовал проведению агрессивной, отчаянной политики войны, насаждаемой Гитлером. Он приветствовал также форсирование вооружений Германии: «Для Адольфа Гитлера и для меня было ясно одно: если военные силы нашей страны вновь должны достигнуть своего довоенного уровня, то только переговоров здесь будет недостаточно»⁷¹. За решением Гитлера повести опасную игру ва-банк — ввести германские войска в демилитаризованную Рейнскую зону⁷².

⁶⁹Мартин Нимёller в 1937 году был арестован; находился в концентрационном лагере Заксенхаузен, откуда в 1941 года был переведён в Дахау, а затем в Южный Тироль, где оставался до освобождения в 1945 году. — Прим. науч. ред.

⁷⁰Schwarz, *This Man*, a.a.O., S. 37.

⁷¹Ribbentrop, *Zwischen London und Moskau*, a.a.O., S. 79.

⁷²Демилитаризованная полоса по Рейну — территория Германии по левому берегу и 50-километровая зона по правому — была установлена Версальским миром с целью затруднить нападение Германии на Францию. Здесь Германия запрещалось размещать войска, строить укрепления и т. д. — Прим. науч. ред.

13 марта 1936 года, нарушив тем самым один из пунктов соглашения в Версале, также стоял Риббентроп. «У любого сдали бы нервы», — хвалился Гитлер позже⁷³. «Мне пришлось лгать — если до следующего дня напряженность не спадет, то я введу еще шесть дивизий! У меня, всего четыре полка!.. Я должен сказать, Риббентроп — неприятный человек, но он жесткий и упрямый...» — Риббентроп предсказал Гитлеру, что его военная акция станет поводом для начала войны⁷⁴.

После успешной операции Риббентропы отправились с фюрером в поездку на корабле из Бад-Годесберга вверх по Рейну до Бибриха. Находясь рядом с фюрером, супруги смогли в полной мере оценить то восхищение толпы, которое сопровождало Гитлера повсюду. «Мы начинали нашу триумфальную поездку в Годесберге. Это неописуемо... Просто море знамен и ликования... Это освобожденный Рейнланд...» — записал в своем дневнике министр пропаганды Геббельс 28 марта 1936 года⁷⁵. По прибытии в родной город Аннелизы фон Риббентроп толпа, с энтузиазмом приветствовавшая введение войск в Рейнланд, неистовствовала так, что Гитлер с трудом смог пройти к своему автомобилю. Семья Хенкель, однако, не была заражена восхищением масс. Для них нелюбимый зять был одним из национал-социалистов. А фрау Хенкель рассказывала каждому, кого встречала: «Странно, что самый глупый из моих зятьев достиг такого успеха!»⁷⁶ Это и подобные высказывания сильно

⁷³ Монолог 27.1.1942 в «Вольфшанце». In: Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, Bindlach 1988, S. 240.

⁷⁴ Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 78.

⁷⁵ Josef Goebbels, Tagebücher, hrsg. von Ralf Georg, Bd. 3: 1935–1939. Запись от 28.3.1936.

⁷⁶ В беседе со старшим секретарем Гансом Лютером. In: Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 220.

обижали Аннелизу фон Риббентроп, которая всегда защищала своего «Ника».

К своему большому разочарованию, честолюбивая фрау фон Риббентроп не была принята в узкий круг Гитлера в Оберзальцберге; ее мужа постоянно приглашали туда без нее. Было известно, что Гитлер как «художник» и Аннелиз фон Риббентроп, отлично разбиравшаяся в искусстве, несмотря на множество общих интересов, не гармонировали друг с другом. Самому Риббентропу это не мешало, так как тем самым он мог избежать множества неприятностей. Он не мог одновременно служить своему господину и своей госпоже. В Бергхофе Риббентроп вел себя, как свидетельствуют современники, надменно, был невыносим, бросал пальто на пол, если слуга был недостаточно быстр, когда помогал ему раздеваться⁷⁷. Дома он в деталях рассказывал своей жене, что говорил фюрер, который не скрывал своего восторга по поводу надвигающейся войны. «Кто будет владеть инициативой, тот выигрывает в войне больше чем одну битву! Война идет всегда. Кайзер (Вильгельм II в Первой мировой войне) слишком долго мешкал!» — поучающим тоном высказывался Гитлер⁷⁸. Реакцию супруга Аннелизы фон Риббентроп на эти высказывания описал Альберт Шпеер: «Такие лапидарные максимы приводили Риббентропа в почти мечтательное состояние, в такие моменты было ясно видно, что он был единственным из всех, кто знал самые тайные подробности политического торга. И в этот раз он также согласился с Гитлером, с той характерной для него смесью услужливости и высокомерия, которая производила должное впечатление на Гитлера. «Этого никогда не смогли бы сделать ни кайзер,

⁷⁷ Сведения Вильгельма Шнейдера, камердинера Гитлера.

⁷⁸ Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 226.

ни его политики! — кричал Риббентроп. — Всегда идет война. Разница лишь в том, стреляют или нет. В мирное время тоже война. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает” — “Да”, — ответил Гитлер. Он заметно был тронут тем, что рядом с ним был человек, который действительно его понимал»⁷⁹.

В начале апреля 1936 года в Лондоне скончался германский посол Леопольд фон Хёш, уважаемый дипломат старой школы. В надежде достичь взаимопонимания с Англией Гитлер назначил своего «эксперта по Англии» и «светского льва» преемником фон Хёша при «Дворе Св. Джеймса». Это решение было принято после некоторых колебаний во время фестиваля музыки Вагнера в баварском Байройте⁸⁰. Реакцией Риббентропа, как свидетельствуют многие очевидцы, было разочарование⁸¹. Его жена, которая приехала на фестиваль со старшим сыном, описывала положение дел совсем по-другому: «Я очень хорошо помню этот день, так много решивший для нас. Мы жили на окраине города, в одном частном доме, как это было принято в Байройте. Мой муж пошел на виллу Винифрид⁸² к Гитлеру; я показывала сыну Эрмитаж. На обратном пути я встретила своего мужа, который приветствовал нас словами: “Меня назначили статс-секретарем⁸³, но я попросил фюрера послать меня в Лондон»⁸⁴.

⁷⁹Ebd.

⁸⁰Michalka, Ribbentrop, a.a.O., S. 107.

⁸¹Paul Schmidt, Statist auf diplomatischer Bühne, 1923—45. Erlebnisse des Chefdometschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas, Bonn 1953, S. 332.

⁸²Винифрид Вагнер, урожденная Вильямс (1894—1980), — вдова сына Рихарда Вагнера Зигфрида. В 1930—1945 годах «метресса» Байройтского фестиваля. — Прим. науч. ред.

⁸³В иерархии германского чиновничества статс-секретарь являлся заместителем министра. — Прим. науч. ред.

⁸⁴Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 92.

И в самом деле, против его назначения на пост статс-секретаря решительно протестовал министр иностранных дел⁸⁵. Но в любом случае для Риббентропа новое назначение было значительным продвижением по служебной лестнице, и в этом не последнюю роль сыграла его жена. Знакомые Аннелиз ясно осознавали этот факт, вспоминая первого жениха дочери Хенкеляя, и задавались риторическим вопросом: «Если бы дядя женился на энергичной Аннелиз, то стал бы послом ее второй муж Иоахим фон Риббенторп?»⁸⁶

Вскоре после этого Гитлер, которого обычно мало интересовали сомнительные финансовые трансакции его сотрудников, разрешил Риббентропу, который занимал сначала пост посла, а затем и министра иностранных дел, сохранить фирму «Импрегрома». Такая связь политики и алкоголя воспринималась как нежелательная, но зато в значительной степени способствовала увеличению личных доходов Риббентропа. Аннелиз и Иоахим не афишировали свое отношение к алкогольному бизнесу, но этот факт также особо не держался в тайне⁸⁷.

1 августа 1936 года был опубликован указ о назначении – в тот день, когда Риббентропы давали в своем доме большой прием по поводу открытия Олимпийских игр. Было приглашено 600 именитых гостей, среди них президент Олимпийского комитета граф Байе-Латур, весь дипломатический корпус, а также английские лорды Ротермир и Бивербрук. Национал-социалистическое руководство

⁸⁵ Пост министра занимал профессиональный дипломат старой школы – барон Константин фон Нейрат. Hans-Adolf Jacobson, *Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933–1938*, Frankfurt am Main/Berlin 1968, S. 416.

⁸⁶ Speer, *Spandauer Tagebücher*, a.a.O., S. 219.

⁸⁷ В Берлинской телефонной книге за 1940 значилось: “Imprugroma”, Import & Export grosser Matcken. Von Ribbentrop & Co”.

представляли прусский премьер-министр Герман Геринг и заместитель фюрера Рудольф Гесс. Последний познакомился на этом вечере с шотландским герцогом Гамильтоном. В светской беседе выяснилось, что шотландец настроен вполне дружелюбно по отношению к немцам и вообще миролюбив. Небольшой разговор произвел на Гесса глубокое впечатление. Впоследствии этот разговор будет иметь огромное политическое значение мирового масштаба, так как в 1941 году резиденция герцога Гамильтона стала главной целью тайного полета заместителя фюрера, который хотел заключить мир между Германией и Великобританией. Для праздника, который стал для Гесса поворотным пунктом в жизни, Аннелиз фон Риббентроп распорядилась превратить сад в огромную праздничную площадку. На теннисной площадке и на газоне была раскинута огромная палатка со сценой, где гости могли потанцевать под зажигательные звуки скрипки венгерского музыканта Барнабаса фон Гечи и его оркестра. Украшенный кувшинками плавательный бассейн, ароматные кусты рододендронов и празднично накрытые столы представляли собой потрясающее зрелище. «Моя жена превзошла сама себя», — гордо говорил хозяин дома.

Со вступлением в должность в Лондоне новый посол не спешил, так как опасался, что во время его отсутствия за его спиной начнут плестись интриги. Он подозревал Геббельса, Геринга, Розенберга, а также британскую Интеллидженс Сервис, которая, как ему казалось, готовила покушение на его жизнь. У Риббентропа и в самом деле было мало друзей и много врагов: профессиональные дипломаты считали его опасным шарлатаном и были настроены оппозиционно, старые члены партии презирали его как парвению. Так супруги долго откладывали переезд в Лондон, пока Гитлер не сказал свое слово: «Риб-

бентроп, вы должны принести мне союз с Англией!» «Это были прощальные слова, которые Адольф Гитлер сказал моему мужу перед отъездом, когда он провожал его в 1936 году в Лондон, чтобы еще раз прозондировать все возможности, которые способствовали бы достижению взаимопонимания с Великобританией», — вспоминала Аннелиз фон Риббентроп⁸⁸. Уже в книге «Майн Кампф» Гитлер сформулировал свои представления о разделении сфер влияния между Германией и Англией — Великобритании Гитлер отводил лидирующую роль на море, а Германии, напротив, — всю территорию Европы. Но только планы Гитлера по завоеванию Советского Союза, или «поход германских племен на восток», которые фюрер давно и тщательно разрабатывал, он собирался провести без помощи Великобритании.

26 октября 1936 года Иоахим фон Риббентроп в сопровождении супруги и троих детей прибыл в Лондон, где он еще на вокзале Виктории предупредил правительство Его Величества об угрозе коммунизма и призвал британцев к крестовому походу на Москву. Реакцией британцев на советы нового германского посла, которых никто не спрашивал, было недоумение. Когда вскоре после этого он повторил свою пламенную речь, то в стране сложилось впечатление, что этот новичок в дипломатии «одержим антибольшевизмом»⁸⁹. При этом Риббентроп, который тогда работал над созданием антикоммунистического союза, а именно Антикоминтерновского пакта, выполнял с особой тщательностью указания своего фюрера. Гитлер на партийном съезде в 1936 году, который состоялся под девизом «Честь и свобода», призвал к борьбе с мировым большевизмом.

⁸⁸Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 93.

⁸⁹Ahthony Eden, Facing the Dictators, London 1962, S. 504 f.

В Лондоне Риббентропы вели себя более по-английски, чем сами англичане. Они одевались в британском стиле, имитировали все особенности образа жизни англичан, завели себе английскую породистую собаку⁹⁰. Аннелиз фон Риббентроп по-своему понимала свои обязанности супруги посла. Первоочередной задачей она считала необходимым найти для ее двух старших детей подходящие школы. Четырнадцатилетняя Беттина была отправлена в интернат в Корнуолле, а пятнадцатилетний Рудольф по желанию родителей был определен в Итонский колледж. Это было элитное учебное заведение, куда детей без веских причин не принимали Но в конце концов – не без мягкого давления со стороны британского правительства – знаменитая Вестминстерская школа согласилась принять в ряды своих учащихся сына Риббентропа. Бывший одноклассник Питер Устинов вспоминал: «...каждое утро огромный белый "Мерседес" подъезжал к Dean's Yard, из него появлялся мальчик, одетый как все мы, но у него был значок Гитлерюгенда, свастика, орел и т. д.⁹¹ на лацкане. Пару секунд он и посольский шофер о чем-то переговаривались шепотом, затем оба выпрямились, вытянули вперед правые руки и выкрикнули: "Heil Hitler!"»⁹² Рудольф фон Риббентроп вызвал много шума, как вспоминал Питер Устинов, на конкурсе рисунков своим триптихом. На его рисунках были изображены германцы перед ярким заходом солнца, картина называлась «Вооруженная сила»⁹³.

Аннелиз фон Риббентроп с самого начала решала, каких сотрудников посольства уволить, а кого взять на ра-

⁹⁰Сообщил Шпитц в беседе с автором, январь 2002.

⁹¹Видимо, Питер Устинов ошибся: на значке Гитлерюгенда орла не было – только свастика. – Прим. науч. ред.

⁹²Peter Ustinov, Ich und Ich. Erinnerungen, Berlin 2000, S. 86.

⁹³Bewaffnete Stärke. Ebd., S. 87.

боту, — без ее согласия никто не мог быть зачислен в штат. «Вскоре появилась мадам Риббентроп, — вспоминал один молодой дипломат, который подал заявление на место секретаря посольства. — Она не была красавицей, но элегантна, женственна и энергична; уверенная в себе женщина, это было видно сразу. Ее лицо говорило о высоком интеллекте, немного злое... в общем, интересная дама, она произвела на меня впечатление». Кандидат, имевший довольно привлекательную внешность, далее писал: «Мы пошли к столу. Я заметил, что фрау фон Риббентроп смотрела на меня благосклонно, улыбалась мне, и я успел заметить, как супруги фон Риббентроп переглянулись и кивнули друг другу...»⁹⁴

Молодой дипломат пользовался благосклонностью посла и его жены, но вскоре заметил, что был настоящим хозяином в доме, и быстро сориентировался в этой ситуации. «Я ежедневно встречался с фрау фон Риббентроп... Я решил осторожно наладить с ней контакт. Усердие в работе, чувство юмора и хорошие манеры помогли мне завоевать ее расположение. Если на работе были проблемы, то я спрашивал ее “материнского совета”. Я просил ее о помощи, когда ее супруг долго оставлял без внимания документы. “Дайте их сюда”, — сказала она и позаботилась о том, чтобы все быстро было просмотрено послом. Я вовремя информировал ее обо всех известных мне новостях, чтобы она утвердила в своем убеждении, что я человек свиты и что я служу интересам и ее семьи. Если в течение рабочего дня шеф был взвинчен и не давал нам покоя, то за ночь она всегда улаживала все проблемы. Я чувствовал, что мне придется дружить с “мадам”, если я хочу добиться успехов в карьере»⁹⁵.

⁹⁴Spitzy, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 81.

⁹⁵Сообщил Шпитци в беседе с автором, январь 2002.

В то время как фрау фон Риббентроп слыла повелительницей посольства, которую все боялись, ее муж со всем рвением старался найти пути достижения столь желанного Берлином немецко-britанского взаимопонимания. Так как Гитлер ни при каких обстоятельствах не хотел приезжать с официальным визитом в Англию, то Риббентроп в рамках своей «национал-социалистической дипломатии» пригласил самых наиболее влиятельных политиков, таких как Ллойд Джордж, лорд Касяри, лорд Реннел и других, посетить Гитлера в его резиденции в Оберзальцберге⁹⁶. В ходе этих визитов предполагалось убедить английских гостей в мирных намерениях фюрера и проинформировать их о целях национал-социализма.

Но в Лондоне было много такого, что вызывало недовольство супруги посла, которая при всем этом считалась англоманкой. Во-первых, лондонское общество, как казалось Аннелиз, не оценило ее по достоинству. Кроме того, свободная английская пресса, которая без стеснения обсуждала личную жизнь семьи Риббентропов. Подобного в национал-социалистической Германии быть не могло! Посол очень болезненно реагировал на тот факт, что становился героем шуток и анекдотов. Но еще более чувствительной к колкостям журналистов оказалась его супруга, дорогой гардероб которой стал мишенью для шуток британской прессы. Журналисты демонстративно подчеркивали свое удивление, что дочь посла антисемитской Германии Беттина, попавшая в автокатастрофу в Амстердаме, была прооперирована специалистом-евреем⁹⁷. В это время Риббентропы, серьезно опа-

⁹⁶Список посетителей в: Hans-Adolf Jacobson, *Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933–1938*, Frankfurt am Main/Berlin 1968, S. 94 f.

⁹⁷Fritz Hesse, *Das Spiel um Deutschland*, München 1953, S. 94 f.

савшиеся за здоровье дочери, одновременно должны были беспокоиться за свою репутацию в нацистских партийных кругах. Их также злило, что британская желтая пресса подробно сообщала, что собака Риббентропов часто перевозилась из Англии в Германию и обратно, несмотря на карантин, который не соблюдался. В противовес своему скромному предшественнику Риббентропы жили на широкую ногу. В их резиденции на Итон-скве размещались адъютанты, ординарцы, секретари, слуги, дворецкий, компаньонки, гувернантки, медицинские сестры, швеи, повара, собаки, а помимо этого, туда часто заходили сапожники, портные, шляпники. Любимой машиной посла был представительный, но непрактичный 7,5-цилиндровый «Мерседес-Компрессор-Лимузин» с 70-литровым баком и расходом бензина 45 литров на 100 километров. Сотрудникам посольства были даны инструкции звонить в Берлин из-за каждой мелочи. Это относилось и к рубашкам посла, которые срочно заказывались дюжинами по служебной телефонной связи на деньги немецких налогоплательщиков. Служебный самолет, трехмоторный «Junkers AMY», всегда был готов к вылету. Самолет постоянно перевозил знакомых, родственников, школьных друзей Риббентропов, мебель и всегда был перегружен. Если Риббентропы отправлялись в Германию, а это они делали довольно часто, то в самолете находилось 30 человек и сотни мест багажа.

Свои финансы Риббентропы — они располагали секретным валютным фондом, куда поступали средства из «Фонда Адольфа Гитлера»⁹⁸, — хранили довольно странным образом — в двух чемоданах из вулканизированной

⁹⁸ Создан крупными немецкими промышленниками после прихода НСДАП к власти и находился в распоряжении Мартина Бормана. Из него финансировались секретные расходы партии.

фибры.. Каждые два-три месяца запасы Риббентропов пересчитывались секретарями в обстановке полной секретности. «Нам, молодым людям, доставляло огромное удовольствие сыпать фунтами и долларами как снегом, швырять друг в друга купюрами стоимостью в сотни тысяч, принимать душ из денег», – сообщал дипломат Рейнхардт Шпитци в своих воспоминаниях⁹⁹.

Чтобы соответствовать высоким запросам посольской супружеской пары, германское посольство, располагающееся на Пэлл-Мэлл в Калтон-Хаус-Террас, 8, было перестроено в стиле новой Имперской канцелярии в Берлине. Автором архитектурного проекта стал любимый архитектор фюрера Альберт Шпеер, которого Аннелиз фон Риббентроп постоянно торопила. Она поручила оформление внутренних интерьеров знаменитому бюро «Münchener Vereinigten Werkstaetten» и как, жаловался Шпеер, «так много всего требовала, что я чувствовал себя не в состоянии исполнить все ее архитектурные изыски»¹⁰⁰. Когда речь шла о престиже Третьего рейха, деньги не играли никакой роли; были задействованы сотни немецких и английских рабочих. Масштаб работ впечатлял – от старого здания остался только внешний фасад. Служебный самолет практически постоянно находился в воздухе, доставляя все необходимое для строительства. Из Берлина привозили все новые ценности: картины из музеев, фарфор из Нюмденбурга, мебель из «Münchener Werkstaetten». Аннелиз фон Риббентроп следила за строительством, а также сообщала фюреру о ходе работ и том, что это архитектурное совершенное произведение искусства произведет на британцев огромное впечатление. Благодаря неустанной помощи супруги посла строитель-

⁹⁹Интервью, данное Шпитци автору книги, январь 2002.

¹⁰⁰Speer, Erinnerungen, a.a.O., S. 122.

ство было закончено в срок. Она сияла от гордости, представляя этот дом крупным и мелким партийным бонзами, которые специально прилетели из Германии, чтобы передать фюреру личные впечатления от этого достижения германской архитектуры. Среди предметов роскоши в доме были такие ценнейшие картины, изъятые из музеев Германии, как портрет Лукреции Борджиа Лукаса Кранаха и произведения Анжелики Кауфман, художницы, которую высоко ценил фюрер. Комнату посла украшал большой портрет рейхсканцлера Отто фон Бисмарка, с которым Риббентроп часто любил себя сравнивать. Жена его также считала, что ее муж мог сравниться в дипломатической ловкости со знаменитым канцлером, а после войны даже провела такие интересные параллели: «Гений Адольфа Гитлера и действия Риббентропа сделали бы для Германии так же много, как Вильгельм I и Бисмарк, если бы Гитлер дожил до 80 лет и был успешен во всех своих начинаниях».

Стараясь найти взаимопонимание с Великобританией, Риббентроп возлагал большие надежды на короля Эдуарда VIII, который симпатизировал Германии и публично высказался следующим образом: «Сейчас самое подходящее время протянуть Германии руку примирения». Аннелиз и Иоахим Риббентропы были знакомы с Эдуардом VIII еще в бытность его наследным принцем. Они также знали о его отношениях с Уоллис Симпсон — дважды разведенной американкой. Чтобы передать Гитлеру и верхушке НСДАП свое впечатление от монарха, который был так важен для Германии, Риббентропы сняли короткий любительский фильм, на котором было зафиксировано, как Эдуард на похоронах своего отца без стеснения флиртовал со своей американской подругой. Они также достали кинопленку, на которой эта пара была заснята тет-а-тет на яхте в Средиземном море во

время совместного отпуска. Риббентроп показал эти фильмы Гитлеру, а Аннелиз организовала специальный показ дамам из высших партийных кругов¹⁰¹.

В декабре 1936 года случился «королевский кризис», после того как Эдуард VIII объявил о своем решении жениться на Уоллис Симпсон. Это заявление короля, который являлся также главой англиканской церкви, вызвало у британцев противоречивые чувства — проводились различные акции как за, так и против этой женитьбы. Британское правительство разделилось на два враждующих лагеря. Едины в своем возмущении британцы были только в отношении германского посла, который, в отличие от дипломатических представительств других стран, вмешался в дискуссию и вместе со своей супругой довольно поучительным тоном публично высказался за связь Эдуарда VIII с мисс Симпсон. Пресса назвала недипломатичного дипломата «Brickendrop»¹⁰², в то время как английские политики пришли к выводу, что германский посол «a pompous, dangerous and tactless fool» (англ. «напыщенный, опасный и бес tactный дурак»).

Когда германофильствующий король 12 декабря в очень эмоциональной форме объявил об отречении от престола, Иоахим и Аннелиз фон Риббентроп восприняли это как личное поражение. Разразившаяся в прессе кампания, направленная против четы Риббентропов и обвинявшая их во вмешательстве во внутренние дела Англии, глубоко возмутила Риббентропов, которые не замедлили передать Гитлеру свою интерпретацию произошедшего: евреи, реакционеры и масоны вынудили Эдуарда VIII отречься от престола! Премьер Стэнли Болдуин и реак-

¹⁰¹Schwarz, This Man, a.a.O., S. 132 ff.

¹⁰²От «To drop a brick» — «допустить бес tactность».

ционеры из высших слоев английского общества, воспользовавшись зависимостью короля от алкоголя, надавили на него, требуя отречения. Этот жестокий удар был направлен прямо против фюрера и его заместителя: Эдуард VIII пал жертвой своей симпатии к Германии.

В германском посольстве в Лондоне в глазах рябило от затянутых в черную форму эсэсовцев. Они ничего не понимали в дипломатии и восполняли отсутствие языка грубыми манерами. Среди них был алкоголик Ликус, который благодаря покровительству посла сделал молниеносную карьеру, пройдя за несколько недель путь от рядового СС-манна до штандартенфюрера. Фрау фон Риббентроп реагировала несдержанно лишь в самом начале, когда подобные сотрудники нарушили благородный облик германского посольства в Лондоне. Вскоре она согласилась с мнением мужа и энергично возражала критикам: «Неджентльмены в конечном итоге надежнее и являются единственным орудием, так как для них существует лишь верность до конца или заключение в концентрационный лагерь»¹⁰³. Этот принцип действовал и в отношении других сотрудников посольства, пока они беспрекословно подчинялись приказам посла или были необходимы для успешного развития его карьеры. Фрау фон Риббентроп действовала по той же схеме. «Она была толковым человеком, полна честолюбия и действовала как порождение дьявола, если хотела покончить со своей жертвой», — описывал один из сотрудников супругу своего начальника. Подобная возможность представилась, когда фрау фон Риббентроп, находясь на отдыхе в Торке, по ошибке была размещена в комнате, предназначенней для ее камеристки — с видом во двор. Это стоило шефу протокола посольства господину Освальду его должности. Но истинной

¹⁰³ Stitz, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 123.

причиной этого было то, что фрау Риббентроп не выносila общества фрау фон Освальд, урожденной принцессы Липпе. Верные сотрудники, напротив, щедро вознаграждались за свою верность. Так, барон фон Штейнграхт, за которым прочно закрепилась слава контрабандиста собак, продвинулся по служебной лестнице, получив впоследствии пост статс-секретаря благодаря исключительно вмешательству своей начальницы¹⁰⁴.

Несмотря на свою занятость заботами о хозяйстве посольства, о воспитании троих детей, а также выполнением представительских обязанностей и частые болезни Аннелиз фон Риббентроп по возможности обедала со своим супругом. В соответствии с потребностями супругов обед чаще всего назначался на 15 часов. Обедали за шикарным обеденным столом, выполненным по эскизам все того же «Münchener Werkstaetten», а блюда подавали лакеи в коричневых ливреях, что должно было демонстрировать политические воззрения посла. Кроме семьи Риббентропа на обеде часто присутствовали адъютанты, секретарша супруги посла; иногда бывали и гости. Разговор всегда жестко контролировался послом и его супругой, не переходя в нежелательное для них русло. Лишь к десерту фрау фон Риббентроп начинала говорить на темы, интересные ей лично. Она говорила поучающим тоном, вдохновленная проходящей под ее надзором перестройкой здания посольства, которая, как она считала, имела эпохальное значение, в стопроцентном немецком искусстве, далеком от смешного английского

¹⁰⁴Барон Густав Адольф фон Штейнграхт ван Мойланд (1902–1969) в 1938 году возглавил Протокольный отдел МИД, а в 1941 году стал главным адъютантом Риббентропа. С мая 1943 по май 1945 года он занимал пост статс-секретаря МИД. В 1949 году приговорен Американским военным трибуналом к 7 годам тюремного заключения. — Прим. науч. ред.

общества, упоминала о необходимости перестроить некоторые здания посольств в Лондоне в стиле Имперской канцелярии. Она с негодованием говорила об опасности, исходящей со стороны глупых дипломатов старой школы, которые, как она выражалась, «дрожали в своих штанах», и подчеркивала важность развития нового национал-социалистического поколения дипломатов. Важнейшим качеством нового поколения дипломатии она считала покорность. Знание иностранных языков не играло, по ее мнению, особой роли, ведь вскоре весь мир будет говорить по-немецки.

К гостям, которые официально принимались Аннелиз и Иоахимом фон Риббентропами в стенах посольства, относились английский премьер-министр Стэнли Болдуин, министр иностранных дел Энтони Иден, архиепископ Кентерберийский, а также Уинстон Черчиль — в то время еще частное лицо. Черчиль еще в 1935 году написал довольно значительное и серьезное исследование об Адольфе Гитлере, в котором он с уважением отзывался о заслугах диктатора в строительстве германского государства, но в то же время сурово осуждал создание концентрационных лагерей и преследование евреев. Помимо этого, он считал, что пока не ясно, на что направлен политический курс Гитлера — на мир или на войну. О личности фюрера, чьим самым яростным противником он вскоре стал, он писал так: «Те, кто встречал господина Гитлера лично на официальных приемах или светских вечерах, могли судить о нем как о высшей степени компетентном, хорошо информированном политике с холодной головой и довольно милой улыбкой. Лишь немногие могли оставаться равнодушными к его личному шарму»¹⁰⁵. Супружеской паре он выразил свое пони-

¹⁰⁵ Spitzky, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 123.

мание в связи с тем, что Германия наконец освободилась из оков Версальского мирного договора. Еще в сентябре 1937 года он написал: «Гитлер — это великий человек, который может совершить нечто значительное... Если наша страна будет когда-либо побеждена, то я бы хотела надеяться, что мы сможем подняться на большую битву, которая вновь поднимет наш дух и вернет нас на наше историческое место среди наций»¹⁰⁶. Как-то с министром иностранных дел Иденом произошел небольшой инцидент: он случайно задел представлявший большую ценность портрет Евы Ангелико, который висел в посольстве. Ранее фрау фон Риббентроп в целях безопасности своей бесценной картины распорядилась установить сигнализацию, которая в тот вечер громко шумела не только в доме, но и на улице, пока ее наконец не отключили.

Как официальные представители Третьего рейха, супруги Риббентроп несли на себе огромную нагрузку в виде общественных мероприятий. Но часто случалось, что посол в самую последнюю минуту отклонял приглашения на очень уж скучные встречи под незначительными предлогами, и его супруге приходилось идти на прием одной. Как-то он, сославшись на недомогание, отказался пойти на обед, на который были приглашены все сливки английского общества, и, надев черные очки, отправился в кино. Стоило ему только появиться в кино, в первом антракте зажегся свет и высокопоставленный англичанин с ехидством поприветствовал «Брикендропа». Вскоре весь Лондон знал, что германский посол предпочел пойти в кино, нежели присутствовать на приеме, на котором присутствовала сама королева. Подобные выходки раздражали Анне-

¹⁰⁶ Winston Churchill, Hitler and His Choice. In: Great Contemporaries, London 1937, S. 261.

лиз фон Риббентроп, и она никогда не скучилась на резкую критику в адрес супруга.

Несмотря на частые признания в симпатии к Гитлеру и Третьему рейху, в начале 1937 году стало абсолютно ясно, что Великобритания продолжит придерживаться старой политики «равновесия сил» («balance of power»). Но продление двустороннего германо-британского соглашения по флоту, подписанного в 1935 году, не предусматривалось. Тем самым Гитлеру не удавалось разграничить интересы Германии и Британии, что также нарушало его планы в отношении завоевания России. Риббентроп страдал от того, что, несмотря на его усилия, ему не удалось выполнить задание Гитлера и что в глазах своего идола он отныне будет выглядеть неудачником. Его супруга поддерживала его и попыталась помочь ему исправить положение. Следуя ее совету, он пытался сгладить свой провал и стал в своих отчетах все более негативно отзываться об Англии. Все сообщения Министерства иностранных дел, имевших иной оттенок, он представлял как смешные, не соответствующие действительности и концентрировал внимание Берлина на враждебных Германии статьях английской бульварной прессы. Объединив силы, супруги внушали фюреру, что высший слой английского общества, которым он так восхищался, состоит в родстве с еврейскими семьями и испытывает дегенеративные тенденции. Старой, добкой Англии, о которой так мечтал Гитлер, больше не существовало. Неустанно Риббентропы приучали свое окружение к тому, что высшего уважения англичан можно добиться, лишь если дать им отпор. Они должны понять, что «Германия есть! Лишь жесткая тактика может скорее всего убедить их в этом, и они сами встанут на колени. Идти к англичанам с уговорами было бы ошибкой. Исторически уникальные, великолушные предложения фюрера они бы никогда не оценили по достоинству!

Вскоре в высших кругах национал-социалистов распространилось мнение о том, что Риббентропы страдают «антианглийским тиком», — из англофилов они стали вдруг отчаянными англофобами. Последний штрих в негативной картине Англии, созданной Аннелиз фон Риббентроп, был поставлен в довольно неприятной истории. Во время церемонии по вручению верительных грамот королю Георгу VI — наследнику Эдуарда VIII на английском престоле — германский посол допустил бес tactность, выставив себя в комическом свете. Даже фрау фон Риббентроп не могла догадываться, что замышлял ее муж, хотя обычно ей удавалось консультировать его даже в мелочах. Ничего не подозревая, она наблюдала за тем, как ее супруг, одетый как предписывает в этом случае протокол, в парадный мундир, который он так ненавидел, с брюзжанием сел в черный «Мерседес» с государственными номерами, за рулем которого находился шофер в ливрее, и исчез в направлении Букингемского дворца. Идея о том, что верный паладин может устроить для своего любимого фюрера в самом сердце реакционных сил национал-социалистическую манифестацию, вдохновляла его во время его недолгой поездки. Прибыв во дворец, Риббентроп трижды поклонился королю, но в то же время элегантным жестом поднял руку в национал-социалистическом приветствии. По толпе приглашенных высокопоставленных гостей пронесся ропот, который вскоре уступил место откровенному возмущению. Король выдавил вымученную улыбку, но скандал не заставил долго себя ждать. Уже вечерние газеты сообщали о «Брикендропе» и его «гитлеровском приветствии». Это происшествие стало сенсацией, обошедшей весь мир. Не только фрау фон Риббентроп была раздражена этой выходкой супруга — Гитлер также не одобрил поведения своего посла. Он решил, что Риббентроп должен

отныне придерживаться однажды выбранного им «немецкого приветствия», — другие же немецкие дипломаты, однако, должны были воздерживаться от этого. Аннелиз фон Риббентроп показала себя лояльной супругой. В начале она отказывалась делать книксен, предписанный этикетом английского двора, после легкого поклона головы она поднимала руку «по-немецки». Но поскольку в вечернем платье без рукавов это не выглядело особо элегантным, то она решила довольствоваться дамским вариантом приветствия, которое по воспоминаниям современников выглядело несколько беспомощным. В конце концов она практически отказалась от такого внешнего проявления приверженности национал-социализму¹⁰⁷.

Постепенно супруги Риббентроп начинали осознавать, что в Англии лавровых венков победителя им больше не добить. Они списали Англию со счетов, а Англия списала со счетов этого «полупосла», который, гонимый страхом исчезнуть с политической сцены, проводил больше времени в Германии, чем в своем рабочем кабинете в Лондоне. Так, во время визита Бенито Муссолини в Германию в сентябре 1937 года Иоахим фон Риббентроп поспешил последовать за фюрером в спецпоезде или в колонне «Мерседесов» — и всегда его сопровождала его энергичная супруга. Как-то ей не посчастливилось, и она пропустила большое мероприятие в Нюрнберге на Майфельде, бывшем Рейхсшпорте, где ранее проводились Олимпийские игры, — ее машина застряла в расщелине у парковки и не могла двинуться ни вперед, ни назад.

Имея, таким образом, большой опыт политических интриг, Аннелиз фон Риббентроп очень хотелось поучаствовать и в «большой политике» в Германии, но поли-

¹⁰⁷ Spitzky, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 160.

тизированные женщины не особенно приветствовались при «дворе» Гитлера. «Я часто разговаривала с ним, ведь на официальных приемах мое положение позволяло мне сидеть рядом с ним. Но, к сожалению, он очень редко был расположен говорить на подобные темы», — жаловалась она своим подругам. Симпатия фюрера к супруге посла также имела свои границы. Это бросалось в глаза и в дипломатических кругах, люди замечали, что Аннелиз фон Риббентроп не пользовалась особым расположением Гитлера, хотя она и знала его с самых первых дней его пребывания у власти: «В госпоже фон Риббентроп он, казалось, чувствовал что-то недоброе. Все ее попытки получить приглашение Гитлера в его [частный] дом или в Имперскую канцелярию, проваливались. Но она была достаточно умна и не проявляла ненужной навязчивости; стала избегать отягощать Гитлера своим обществом. Так, ей пришлось удовлетворяться своей опосредованной ролью в политике, то есть тем влиянием, которое она оказывала на мужа», — писал адъютант Риббентропа¹⁰⁸. Но этим она занималась довольно интенсивно!

Персонал германского посольства в Лондоне в 1937/38 годах с удивлением наблюдал за тем, как его превосходительство с супругой на четвереньках ползали по комнате своей квартиры. Они же приводили в порядок документы и черновики, лежащие на полу, чтобы создать из них отчет для фюрера о политической ситуации в Великобритании. Квинтэссенцией законченного 2 января 1938 года меморандума стали «Заметки для фюрера», в которых можно было вычитать примерно следующее: «Необходимо и далее добиваться взаимопонимания с Англией... Создание антибританского союза не должно сопровождаться излишним шумом, но должно быть до-

¹⁰⁸Ebd., S. 129.

статочно энергичным и жестким... Только в этом случае мы можем лицом к лицу столкнуться с Англией – для достижения компромисса или, наоборот, конфликта»¹⁰⁹.

Тем временем противодействие такой пагубной политике Риббентропа усилилось. Помимо германского министра иностранных дел Константина фон Нейрата и ведущих чиновников Министерства иностранных дел, даже такие adeptы национал-социализма, как Геринг, Розенберг, Геббельс и Борман, были едины в своем резко отрицательном отношении к германскому послу в Англии: он заносчив, глуп, опасный дурак, который разжигает войну.

В начале 1938 года разразился очередной скандал, когда стало известно, что германский военный министр Вернер фон Бломберг¹¹⁰ женился на проститутке. «Бломберг женился на девке, ни о чем не думает, государство катится в бездну!» – записал имперский министр пропаганды в своем дневнике¹¹¹. Гитлер использовал этот случай как долгожданный повод, чтобы провести большую чистку высшего командного состава вермахта и среди высшего чиновничества. Во внешнеполитическом ведомстве свои посты потеряли несколько послов¹¹², новые люди заняли руководящие посты в Министерстве иностранных дел. Константин фон Нейрат, который критич-

¹⁰⁹ Документы: Nürnberg TC75. Ursprünglich: A5522. Сообщение германского посольства в Лондоне. Цит. по: Ribbentrop. Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 116 ff.

¹¹⁰ Военный министр генерал-фельдмаршал Вернер фон Бломберг (1878–1946) 12 января 1938 года женился на стенографистке министерства Еве Грун, которая, как оказалось, была известна полиции как модель для порнографических открыток и была зарегистрирована как проститутка. 25 января Бломберг был уволен в отставку. – Прим. науч. ред.

¹¹¹ Goebbels, Tagebücher, запись от 1.2.1938.

¹¹² Alan Bullock, Hitler. Biografie 1889–1945. Neuausgabe Augsburg, 2000.

но относился к экспансионистским планам Гитлера, был снят с должности.

4 февраля 1938 года фюрер назначил верного помощника и приспешника Иоахима фон Риббентропа, который во всем поддерживал его в стремлении начать войну, имперским министром иностранных дел. Аннелиз фон Риббентроп, которая всегда что-то нашептывала своему супругу, использовала свое влияние на мужа и заставила его добиться назначения на пост шефа протокола Сандро фон Дёрнберга, мужа ее бывшей школьной подруги Гизелы-Марии Хакелеер-Кёббинггоф¹¹³. И за это он еще должен был быть ей благодарен.

В марте 1938 года состоялся аншлюс Австрии. Как и во время ввода войск в Рейнскую область, Гитлер и в этом случае решил прислушаться к мнению своего эксперта по Англии. Последний после основательного совещания с супругой дал фюреру зеленый свет для «включения Австрии в состав рейха» — он обещал, что Великобритания опять-таки останется нейтральной. Об этих планах по захвату Австрии пророки национал-социалистов ничего не узнали, и даже дата вступления германских войск на территорию Австрии — 12 марта 1938 года — осталась им неизвестной. Эта новость обрушилась на ничего не подозревающего премьер-министра Артура Нэвилла Чемберлена, который в это время как раз принимал в своем доме в Лондоне чету Риббентропов. Аннелиз фон Риббентроп писала об этом: «Я очень хорошо помню этот завтрак. Во время него возникло какое-то беспокойство, все как-то зашумели... Мистер Чемберлен подошел ко мне с озабоченным выражением лица и сказал: «Я сожалею, что еще должен задержать здесь господина фон Риббентропа. Произошли ужасные со-

¹¹³Schwarz, This Man. a.a.O., S. 134.

бытия»¹¹⁴. Госпоже фон Риббентроп пришлось возвращаться домой в одиночестве. Во время прощания Черчилль, который также находился в числе приглашенных, обратился к ней со следующими словами: «Я надеюсь, что Англия и Германия сохранят дружеские отношения». Аннелиз фон Риббентроп ответила ему так: «Будьте внимательны, не навредите себе»¹¹⁵. Вскоре после этого Иоахим и Аннелиз фон Риббентроп вернулись в Германию. С собой они привезли свою ненависть к Англии.

В Берлине Гитлер предложил новому министру иностранных дел занять старую резиденцию рейхспрезидента. Риббентроп вновь начал роскошную переделку бывшего дворца, не обращая внимания на огромные расходы. Личные апартаменты министра были также великолепны. Их резиденцией — тихой и уединенной — вновь стала вилла Риббентропов в берлинском районе Далем. Кроме того, в полном распоряжении четы находился берлинский отель класса люкс «Кайзерхоф». Во время поездок за город семья Риббентроп располагала усадьбой Гут-Зонненберг площадью 750 гектаров, которая находилась недалеко от курортного местечка Фрайенвалльде. На территории усадьбы находился также замок и площадка для гольфа. Недалеко от Ахена в деревушке Таннек, близ Дурена, семья владела собственной конюшней. Риббентропы также сохранили за собой лондонскую квартиру вплоть до начала войны. Позже рейхсминистр иностранных дел на выгодных условиях приобретал замки и охотничьи угодья в протекторате Богемия и Моравия.

¹¹⁴Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 134.

¹¹⁵William Churchill, Memoiren, London 1949, S. 332. По словам Аннелиз фон Риббентроп, его ответ звучал следующим образом: «Вы можете сохранить нашу дружбу с Германией». Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 135.

вия, Словакии, а также охотничий домик близ Китцбюэля в Тироле, чтобы там пострелять горных серн.

После аншлюса Австрии Риббентроп и его супруга заприметили замок Фушль в поместье Зальцкаммер. Имение на одноименном озере понравилось им не только потому, что оно располагалось в необычайно живописной местности, но и своим очень близким расположением к резиденции Гитлера Бергхоф в Оберзальцберге, близ Берхтесгадена. Так как министр иностранных дел, а прежде всего его супруга, не могли играть какой-либо значительной роли в Бергхофе, они решили в бывшем охотничьем замке Зальцбургских архиепископов организовать официальную загородную резиденцию Министерства иностранных дел и в то же время создать конкуренцию загородному дому фюрера¹¹⁶. Риббентропу не хватало только согласия владельцев замка Фушль. Министр иностранных дел сделал тогда очень щедрое предложение хозяину замка барону Густаву фон Ремитцу, которое тот со словами «Мы не хотим продавать!» вежливо, но вполне определенно отклонил. Все, что происходило после этого, фрау фон Ремитц описала так: «Некоторое время спустя мой муж без объяснения причин был арестован и отправлен в концентрационный лагерь Дахау. Вскоре он там умер. Я получила урну с его прахом»¹¹⁷. Господин и госпожа фон Риббентроп стали новыми хозяевами замка, где они до падения Третьего рейха устраивали официальные приемы, принимали частных гостей, занимались большой политикой по примеру Габсбургов, которые в полной мере наслаждались преимуществами летней свежести в поместье Зальцкаммер.

¹¹⁶BAK, R2 / Anhang / 25; Bundesarchiv Koblenz.

¹¹⁷Интервью фрау фон Ремитц Би-би-си, 1941 год.

В апреле 1938 года приготовления к государственному визиту Гитлера в Италию были в самом разгаре, когда обострилась отчаянная борьба вокруг участия в первой зарубежной поездке Гитлера. Каждый, кто в рейхе имел какой-то пост или имя, хотел поехать с фюрером к Муссолини в Рим. В списке протокольного отдела было уже 350 имен, когда фрау фон Риббентроп энергично высказала свое желание расширить список делегации за счет женщин, что в государстве, где мужчины играли все главные роли, было делом просто неслыханным. Жены национал-социалистической партийной элиты с энтузиазмом подхватили идею совершить роскошную поездку на юг. Что, однако, не вдохновило шефа протокола фон Дёрнберга, который хорошо помнил, что итальянская делегация во время визита дуче в предыдущем году состояла всего из 60 человек. Учитывая то, что своим постом он был обязан Аннелиз фон Риббентроп, он не отклонил ее предложения, а переправил дальше к Гитлеру. Последний одобрил такое необычное дамское сопровождение, и 3 мая 1938 года раздутая до 600 человек немецкая делегация отправилась в путь с берлинского вокзала Лертер в направлении Италии. Этот единственный государственный визит Гитлера до начала Второй мировой войны для всех участников делегации стал приятнейшей поездкой, которую омрачили лишь споры дам по вопросу, «кто из супругов важнее». Аннелиз фон Риббентроп с трудом удалось разрешить все споры в свою пользу. И в Риме супруга министра иностранных дел скромно оставалась на заднем плане, то есть вела себя в полном соответствии с идеологией национал-социалистов. Аннелиз фон Риббентроп добилась права стоять на почетной трибуне за Гитлером, Геббельсом и дуче рядом с королевской четой, приветствуя поднятой в нацистском приветствии рукой марширующие вдоль трибуны колонны итальянских войск.

Аннелиз фон Риббентроп всегда оставалась самым главным консультантом германского министра иностранных дел. Она была рядом с мужем, когда после возвращения из Италии набухающий кризис в Судетахступил в опасную стадию. В ответ на ложное сообщение чехов о концентрации германских войск на границе Гитлер решил немедленно начать давно запланированный разгром Чехословакии¹¹⁸. Риббентропы, которые полностью разделяли взгляды Гитлера, приветствовали это решение и решительно выступили против мирной инициативы английского премьер-министра — эта инициатива стала основным положением в Мюнхенском соглашении 29 сентября 1938 года. Риббентроп заявил, что англичане всего-навсего блефуют. Его супруга пошла еще дальше, утверждая, что Чемберлен действовал исключительно по заданию Интеллиджанс сервис, пытаясь выиграть время и предотвратить начало войны, в которой англичане заранее были обречены на поражение. Ведь у них катастрофически не хватало современного вооружения. Все елейные высказывания англичан были не чем иным, как камуфляжем, чтобы удержать Германию насколько это возможно долго, пока Британская империя не будет оснащена и совместно с враждебными Германии силами выступит против Третьего рейха, имея целью его полное уничтожение. Сейчас же предоставлялась последняя возможность, чтобы дипломатическими или, что лучше, военными методами вынудить Англию начать войну против Германии. Так как чем дольше продлится ожидание, тем хуже шансы рейха. Надежды на то, что разногласия можно преодолеть, выждав время, смешны и необоснованы¹¹⁹.

¹¹⁸Протокол Хоссбаха от 5.11.1937.

¹¹⁹Цит. по Spity, So haben wir das Reich verspielt, a.a.O., S. 308.

Когда Мюнхенское соглашение, согласно которому Чехословакия уступала Судеты, вступило в силу и спасло мир, — к великой радости населения, — Гитлер и Риббентроп были чрезвычайно раздражены. Гитлера это соглашение лишило возможности ввести свои войска в Прагу¹²⁰, а Риббентропа и его супругу злило, что им не удалось посчитаться с Англией, которая вновь переиграла их. Когда Риббентроп дал волю чувствам и вслух высказал свое разочарование, то фюрер утешительно сказал ему: «Ах, не надо все это воспринимать так серьезно! Эта бумажка не имеет никакого значения!»¹²¹ Спустя полгода, 15 марта 1939 года, Гитлер оккупировал Чехословакию, и — как его министр иностранных дел вновь правильно предсказал — никто не помешал этому нападению. Фрау фон Риббентроп сожалела об этом. Учитывая состояние вооружения англичан, она бы очень приветствовала интервенцию Великобритании именно в это время.

Воодушевленный крупными успехами и возрастающим сознанием своей непогрешимости, Гитлер вскоре вновь обратился к польскому вопросу, чтобы решить его «так или иначе», как он недвусмысленно выразился. Передачу германских требований — экстерриториальный Данцигский коридор и урегулирование вопроса нацменьшинств — он поручил своему министру иностранных дел. Последний не хотел приниматься за выполнение щекотливой миссии без помощи своей самой главной советчицы и потому, к ужасу своего шефа протокола и в нарушение неписаных, но повсеместно строго соблюдаемых правил национал-социалистического государства,

¹²⁰Max Domarus, Hitler. Reden und Proklamation, 1932–1945. Bd. I, München 1965, S. 944, Anm. 440.

¹²¹Сообщение Рейнгарда Шпитцы, январь 2002.

поехал в Варшаву в сопровождении супруги. Аннелиз фон Риббентроп писала: «В этой поездке [25 января 1939 года] я сопровождала своего мужа... оба министра иностранных дел сразу после нашего прибытия обменялись речами... на второй день нашего визита министр иностранных дел Бек извинился, что из-за простуды сможет произнести только короткую речь. Официальный обед протекал в очень прохладной атмосфере, и поездка моего мужа успехом не увенчалась...»¹²²

Польша отвергла требования Гитлера, и война забрезжila на горизонте. Супружеской дипломатической четe стало ясно, что их заклятый враг Англия не сможет дальше оставаться нейтральной. Было также ясно, что Германия при нападении на Польшу рисковала войной на два фронта. Оставалось неясным, кто из Риббентропов — вспомнив о знаменитом «договоре перестраховки» Бисмарка — первым предложил сначала заключить пакт о ненападении с ненавистным Советским Союзом. Учитывая интеллект Аннелиз фон Риббентроп, стоит предположить, что эта идея принадлежит именно ей. В любом случае ее супруг уже по возвращении домой из Варшавы сформулировал решение проблемы: «Сейчас нам остается только объединиться с Россией, если мы не хотим быть полностью окружены»¹²³. То, чего никто не ожидал, свершилось: Иоахим фон Риббентроп получил согласие Гитлера, и все лето министр иностранных дел и его супруга посвятили приготовлениям к поездке в Москву¹²⁴.

¹²²Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 160.

¹²³Ebd.

¹²⁴«Последний день Московской поездки». Интервью с имперским министром иностранных дел фон Риббентропом в замке Фушль. Специальное сообщение «Berliner Illustrirte» Гельмута Лаукса, август 1939.

Затем Иоахим фон Риббентроп, к большому удивлению конкурентов Иосифа Сталина, вылетел в Москву. В гонке за благосклонность хозяина Кремля он опередил соперников по борьбе — Англию и Францию: 23 августа 1939 года был заключен советско-германский пакт о не-нападении. В секретных главах договора Сталину были обещаны вся Прибалтика и большая часть Польши. 24 августа Риббентроп с триумфом вернулся в Германию. Его жена и дети приехали ночным поездом, чтобы встретить его на аэродроме в Берлине и поздравить своего мужа и отца еще до того, как это сделает фюрер. Не опасаясь помех с Востока, 1 сентября 1939 года Гитлер мог начинать операцию против Польши. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Третьему рейху. Когда началась Вторая мировая война, Аннелиз фон Риббентроп находилась в Берлине, где с гордостью проводила своего старшего сына Рудольфа на фронт воевать с Польшей. Шесть лет до падения Третьего рейха Рудольф воевал во имя фюрера и фатерланда¹²⁵.

После чрезвычайно успешной для Германии Французской кампании Аннелиз фон Риббентроп прибыла вместе с мужем в Париж. Лето 1940 года семья Риббентроп провела в замке Фушль, где министр иностранных дел принимал огромное количество политиков. Он также часто ездил в Оберзальцберг, который находился поблизости, чтобы отчитаться перед Гитлером. Разбирая быстрые победы над Францией, стратег Гитлер сравнивал себя с политиками Римской империи и обозначил свои

¹²⁵К концу войны Рудольф, сражавшийся в элитных частях войск СС, дослужился до звания гауптштурмфюрера СС и 15 июля 1943 года был награжден очень почетной наградой — Рыцарским крестом Железного креста. 8 мая 1945 года он, будучи командиром 1-го батальона 12-го танкового полка СС 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд», сдался американцам. — Прим. науч. ред.

милитаристские видения: «У моего преемника обязательно должен быть повод начать новые войны! Никогда не нужно раздумывать, где возникнет конфликт. В будущих мирных договорах мы поэтому всегда должны оставлять некоторые вопросы открытыми. Вспомните Рим и Карфаген! В каждом мирном договоре всегда был скрыт новый военный конфликт! Это Рим! Это искусство политики!»

Риббентропа распирало от гордости, когда его хозяин сравнивал его с Бисмарком¹²⁶. На свой 48-й день рождения 30 апреля 1941 года он получил от Гитлера как знак признания дипломатических успехов портрет Бисмарка кисти Франца фон Ленбаха¹²⁷.

То, что супруга министра иностранных дел Третьего рейха внесла очень значительный вклад в подписание пакта Молотова-Риббентропа, более чем вероятно. Она, безусловно, вдохновляла мужа на заключение Берлинского пакта между Германией, Италией и Японией. Заключению этого альянса предшествовала многолетняя домашняя индоктринация министра иностранных дел. В стремлении обезопасить Третий рейх от нападения со стороны Англии Аннелиз поддерживал и ее свёкр — страстный почитатель Японии, — пока министр, испытывающий на себе давление со стороны отца и супруги, не решился на это силовое решение вопроса. «Мы — честные национал-социалисты должны вместе с народами Японии и Италии показать всему миру дегенерацию истеблишмента англосаксов», — внушал он фюреру. 27 сентября 1940 года Риббентроп подписал от имени национал-социалистической Германии трехсторонний пакт с Италией и Японией, «Исторический треугольник мирового зна-

¹²⁶ Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 222.

¹²⁷ BAK, R 170/1457. Bundesarchiv Koblenz.

чения» – как он сам его называл. Гитлер похвалил его: «Нужно отдать должное министру иностранных дел: он всегда правильно оценивал значение пакта с Японией и решительно выступал за проведение этой политики»¹²⁸. Для дамы, стоящей за заключением этого пакта, событие стало настоящим триумфом. Но пакт не оправдал надежд, возлагаемых на него национал-социалистами. В конце концов Германии пришлось объявить войну США. Япония же, напротив, не стала нападать на Россию в Азии, как на то очень надеялись в Третьем рейхе.

К Рождеству 1940 года в семействе Риббентроп вновь произошло пополнение. 27 декабря 1940 года родился третий сын Риббентропов, названный в честь одного из родственников Бартольдом, – он стал пятым ребенком в семье после Рудольфа, Беттины, Адольфа и Урсулы. Во время Второй мировой войны Иоахим фон Риббентроп редко проводил время с семьей. Стремясь не потерять контакт с фюрером, он всегда сопровождал его в поездках в собственном железнодорожном составе, носившем название «Вестфалия». Несмотря на все его ухищрения, к этому времени он уже потерял всякое влияние на формирование внешней политики. В 1944 году супруги Риббентроп все больше стали ощущать презрение и ненависть окружающих. Так, бывшая одноклассница писала жене ministra иностранных дел: «Ты помнишь, как фрейлейн Гуттман сказала нам, что тремя ее самыми любимыми и самыми ЧЕСТНЫМИ ученицами были Эрика Дитрих, ТЫ и я!» Автора этих безобидных строчек нельзя было сдать гестапо. Но это сообщение было понято правильно. Оно оставило глубокий след в памяти супруги ministра, так как спустя много лет Аннелиз

¹²⁸ Монолог Гитлера в «Вольфшанце» 5.1.1942. In: Hitler, Monologe, a.a.O., S. 1777.

фон Риббентроп вспоминала: «Я никогда не забуду, какая злая и необъятная ненависть охватила нас, когда мы прочитали эту открытку».

Апрель 1945 года Аннелиз и Иоахим фон Риббентропы провели в своей загородной резиденции в Зонненбурге. Когда пришла новость о том, что Красная Армия перешла Одер, они опустошили свои винные погреба и послали запасы на фронт, линия которого проходила уже так близко. Затем они начали готовиться к отъезду. «18 апреля они поехали в Берлин», — вспоминала одна из работниц усадьбы¹³⁰. Там пара рассталась. Фрау фон Риббентроп вместе с детьми отправилась в Рейнланд, а супруг остался в столице рейха. В конце апреля 1945 года Аннелиз фон Риббентроп хотела вылететь к своему мужу в Берлин, но фюрер запретил ей сделать это¹³¹. Следующая встреча супругов состоялась лишь в военной тюрьме в Нюрнберге.

В начале мая Берлин постоянно подвергался бомбардировкам союзников. 3 мая в здание Имперского банка попало несколько снарядов. Для хранителей денег Тысячелетнего рейха это было знаком привести в исполнение планы по эвакуации. Как только спустя короткое время специальный поезд с валютными резервами покинул столицу в западном направлении¹³², то и министр иностранных дел озабочился спасением своего специального фонда. К тому времени ему удалось скопить 15 тонн золота, право распоряжения которыми принадлежало ему одному. Наиболее надежным местом для сохранения этого богатства ему показалось его загородное

¹³⁰Интервью Эммы Фурман в документальном фильме Гвидо Кноппа «Hitlers Helfer II».

¹³¹Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 99.

¹³²«Neue Zürcher Zeitung» от 6.11.2001 и 7.12.2001, а также Ian Sayer, Douglas Botting, Nazi Gold, London 1984.

имение в замке Фушль, до сих пор ни разу не подвергшееся бомбардировкам. Почти половина сокровища была спрятана в Хинтерзее близ Фушля. По сведениям очевидцев, спустя некоторое время золото еще было. Когда представители американского командования спустя некоторое время после окончания войны появились в поместье Зальцкаммер, им удалось обнаружить лишь небольшую часть сокровищ. Остальное бесследно исчезло¹³³. В то время как Аннелиз фон Риббентроп со своими младшими детьми нашла убежище в Рейнланде, ее муж после смерти Гитлера бежал во Фленсбург, чтобы предложить преемнику фюрера свои услуги¹³⁴. Карл Дёниц отклонил его предложение. После окончания войны экс-министр иностранных дел скрывался под именем «Рейзер» у одного хорошего знакомого торговца винами в Гамбурге, где его и схватили союзники 14 июня 1945 года. В военной тюрьме в Нюрнберге Иоахим фон Риббентроп был с презрением встречен своими подельниками — бывшими высокопоставленными политиками и военными Третьего рейха. Даже американские охранники узнали, что «военный заключенный № 3» добился успеха в иерархии Третьего рейха только потому, «что женился на дочери-наследнице фон Хенкеля». Отторжение, которое демонстрировали в его адрес все заключенные, дало понять Риббентропу (понимавшему, что ему будет вынесен смертный приговор), что его репутация безнадежно за-

¹³³ Об этом сообщал 28.12.1948 Роберт Кемптнер, главный обвинитель на Нюрнбергском процессе, в письме к американской военной администрации в Берлине.

¹³⁴ Перед смертью Гитлер назначил своим преемником на посту главы государства главнокомандующего ВМФ Германии гроссадмирала Карла Дёница, который разместил свою штаб-квартиру в Фленсбурге-Мюрвике в зданиях самого известного морского училища. — Прим. науч. ред.

гублена. Поэтому он передал своей жене письменную доверенность представлять его интересы, если «с подачи заключенных, которые сидят со мной в тюрьме, будут опубликованы клеветнические слухи обо мне». Он также попросил ее рассказать детям о «его истинной жизни».

Аннелиз фон Риббентроп всеми силами поддерживала своего мужа во время процесса, собрав для него весь документальный материал, который мог бы облегчить приговор. Многое из этого, как, например, изречение Черчилля: «Когда Германия станет слишком сильной, мы разобьем ее», не допустили до оглашения на процессе. Иоахим фон Риббентроп был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к смертной казни. В то короткое время, которое ему оставалось до приведения приговора в исполнение, он неустанно писал мемуары. Он вспомнил всю свою жизнь и почтил память «миролюбивого», вынужденного вести войну под давлением злых сил фюрера. Центральной темой в его воспоминаниях стала закончившаяся неудачей миссия в Англии. «Я убежден, что Адольф Гитлер до самого конца своей жизни посвятил бы себя мирному построению социального государства, если бы тогда удалось достичь взаимопонимания с англичанами на государственном уровне. Как часто он говорил во время войны о том, что не может дождаться, когда же война наконец закончится...» — писал он свои наивные строчки. Высказывание Гитлера, которое он очень часто произносил: «Ни одного поколения без войны», Риббентроп не упоминал¹³⁵. Незадолго до своей смерти Иоахим фон Риббентроп отдал должное своему гармоничному браку: «...огромное счастье и “нашу пятерку”, наших трех сыновей и двух до-

¹³⁵Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 99.

черей, мне подарила моя жена. Были ли на земле другие такие два человека, которые так любили друг друга, так радовали друг друга и были так внутренне связаны друг с другом и в горе и в радости, как мы? Чего более может ожидать смертный от судьбы?»¹³⁶

Риббентроп работал до последней минуты. Он оставил для своей семьи прощальные письма. За день до казни он в последний раз обратился к своей жене: «...моя дорогая супруга, ты должна теперь дарить свое храброе сердце и всю свою любовь, которую ты отдавала мне, нашим детям. Я знаю, что я могу на тебя во всем положиться. Ты должна знать, что это мое последнее утешение, которое я унесу с собой. Я крепко верю в вечную жизнь и буду и далее гордо идти своим путем... Я еще раз беру твою дорогую головку в свои руки и смотрю тебе прямо в глаза со всей бесконечной любовью, на которую только способен человек. Живи счастливо — я говорю тебе до свиданья, до встречи в другом мире. Да поможет тебе Бог»¹³⁷.

Ранним утром 16 октября 1946 года заключенный Альберт Шпеер, также находящийся в тюрьме в Нюрнберге, услышал шаги и шум в коридоре, ведущем к месту исполнения приговора, затем прозвучало имя: «Риббентроп». Бывшего министра Третьего рейха первым повели на казнь. По словам палача, Риббентроп умер медленной мучительной смертью¹³⁸.

С окончанием Второй мировой войны и смертью Иоахима фон Риббентропа политическая активность вдовы министра иностранных дел Третьего рейха не за-

¹³⁶Ebd., S. 32.

¹³⁷Письмо от 16.10.1946. In: Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, a.a.O., S. 306.

¹³⁸Speer, Spandauer Tagebücher, a.a.O., S. 24.

кончилась. Продолжая отстаивать ценности и цели национал-социализма, она писала: «На мне огромная ответственность перед моим мужем и всей национал-социалистической идеологией». Еще во время своего заключения в лагере для интернированных, который был организован в бараках бывшего концентрационного лагеря Даахау, она начала первые наброски воспоминаний, которые давно уже запланировала. Эти воспоминания должны были продемонстрировать всем «предательство», которое было совершено по отношению к ее мужу и всей внешней политике Третьего рейха. После ее освобождения фрау фон Риббентроп вновь обосновалась в Рейнланде¹³⁹. В противоположность большинству жен известных национал-социалистов она не прошла процесс денацификации. С конфискованного имущества — кроме наследства мужа и дома в Берлине-Далеме¹⁴⁰ — вскоре после 1945 года был снят арест, но угроза отчуждения в любой момент сохранилась. В декабре 1950 года Аннелиз фон Риббентроп въехала в дом, предоставленный ей свекром, в Эльберфельде близ Вуппертала¹⁴¹, где она вновь принялась разбирать наследие Риббентропа. Она хотела довести до конца мемуары своего мужа, прерванные казнью, с целью реабилитировать его и объявить все обвинения, выдвинутые против него, несостоительными. Она чувствовала себя его защитницей, в этом деле ее морально поддерживали уже подросшие дети Рудольф, Беттина и Ursula, а также ее сестра (в замужестве Шнивинд) и ее муж. Прежде всего Рудольф стал главной опорой матери в борьбе против «грязи и лжи, которые необходимо

¹³⁹ По адресу: Neviges, Untersiebeneick, 11.

¹⁴⁰ В 1945 году дом на Лентцеаллее, 7–11, был резиденцией Независимой профсоюзной организации (UGO), см. Engel, Dahlem, a.a.O., S. 282.

¹⁴¹ По адресу: Westfalenweg, 175.

доказать», в то время как пугливые младшие сыновья Адольф и Бартольд были помещены матерью-одиночкой в интернат в Вике на острове Фёр. Близким другом, советником и неустанным корреспондентом вдовы Риббентропа стал Ганс Гримм¹⁴², автор культового национал-социалистического произведения «Народ без пространства».

Аннелиз фон Риббентроп трудилась неустанно, несмотря на заболевание бронхитом и тяжелые операции, а также школьные проблемы детей — «Адольф — ужасный мальчишка, он остался на второй год». Полная энергии, она годами с отчаянием боролась против семьи Хенкель, которая хотела исключить ее из семейного дела, выплатив единовременное вознаграждение в заем капитала, которым владела Аннелиз, а также против того, чтобы от руководства концерном был отстранен ее сын Рудольф. Его отношения с фирмой были оформлены договором, который семья Хенкель постоянно стремилась аннулировать. Но главной работой Аннелиз фон Риббентроп была все-таки обработка документов мужа. Она сравнивала все выходившие в прессе статьи о Риббентропе с оригинальными цитатами мужа и в случае неверной публикации требовала их опротестования¹⁴³. Она также подавала в суд на авторов тех статей, где были обнаружены искажения и неточности. Одновременно на нее работали несколько адвокатов, процессы велись в

¹⁴² Ганс Гримм (1875–1959) после Второй мировой войны выступил с рядом статей, в которых рассматривал «новое проникновение» в национал-социализм. После радиообращения архиепископа Кентерберийского (29.11.1945) выступил с «Ответом немца» в котором, в частности, заявил: «Польза, которую дал национал-социализм нынешнему поколению, состоит в том, что он защитил германский народ, а с ним и всю Западную Европу от произвола коммунизма». — Прим. науч. ред.

¹⁴³ Например, статья во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 26.3.1958.

Берлине, Мюнхене, Лондоне, Париже. Она также боролась за свою собственность в Берлине, которая в течение нескольких лет находилась в распоряжении Германского промыслового объединения (DGB), а их дом назывался «Вильгельм-Лойшнер хаус» и использовался в качестве образовательного учреждения¹⁴⁴.

К огромному раздражению Аннелиз фон Риббентроп, ей приходилось иметь дело с огромным количеством начавших выходить после войны воспоминаний, в которых политики и дипломаты высказывали уничижительные суждения о политической деятельности Иоахима фон Риббентропа. Часто повторяющееся высказывание, что неспособный бывший министр иностранных дел вынудил Гитлера начать войну, исказив в его глазах реальное политическое положение, заставило его вдову принять срочные решительные меры. Она не хотела признавать, что «ужесточились негативные высказывания о Риббентропе». Ее ответ появился в конце 1953 года под заголовком «Между Лондоном и Москвой»¹⁴⁵. В этой работе содержались многочисленные неопубликованные ранее документы, и тем самым она внесла огромный вклад в исследование истории Третьего рейха. Автор опровергает предположение (при помощи документа TG 75), что Риббентроп и под его давлением Гитлер неверно оценили реакцию Англии. Тем самым утверждается, что начало Второй мировой войны было спровоцировано. Критическая точка зрения, высказанная в книге, позволяет фрау фон Риббентроп заметить далее:

¹⁴⁴ В 1953 Аннелиз фон Риббентроп добилась возвращения ей дома и сразу же сдала его DGB.

¹⁴⁵ Joachim von Ribbentrop, Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Aus dem Nachlass hrsg. von Annelies von Ribbentrop, Leoni am Starnberger See 1853. На русском языке эта книга вышла в 1996 году.

«...смыслом моей деятельности по разбору документов является не дать будущему тем сиюминутным искажениям исторической правды». В 1963 году был опубликован сборник документальных источников с комментариями «Заговор против мира»¹⁴⁶, которые обвиняют в развязывании Второй мировой войны «гидр из августовых конюшен»¹⁴⁷, а именно сотрудников Министерства иностранных дел, которые пытались противостоять политике Гитлера и Риббентропа. В 1967 году она опубликовала «Германо-немецкие тайные связи»¹⁴⁸. Ее последняя книга «Вина в развязывании противостояния» продолжает тему «предателей в Министерстве иностранных дел»¹⁴⁹. 5 октября 1973 года Аннелиз фон Риббентроп скончалась в Вуппертале-Эбервельде¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Annelies von Ribbentrop, *Verschwörung gegen den Frieden. Studien zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges*, Leoni am Starnberger See 1963.

¹⁴⁷ Цитата А. фон Риббентроп от 5.10.1950.

¹⁴⁸ *Deutsch-englische Geheimverbindungen. Britische Dokumente der Jahre 1938 und 1939 im Lichte der Kriegsschuldlüge*, Tübingen 1967.

¹⁴⁹ *Die Kriegsschuld des Widerstandes. Aus britischen Geheimdokumenten 1938/39*, Leoni am Starnberger See 1975.

¹⁵⁰ Справка городского управления Вуппертала от 27.2.2002.

ТЕА ФОН ХАРБОУ

*Королева национал-социалистской
кинодраматургии
27 декабря 1888 – 2 июля 1954*

20 декабря 1924 года Адольф Гитлер был освобожден из Ландсбергской тюрьмы. Уже на следующий день он пошел в кино, где показывали «Нибелунгов»¹. Его ожидания не были обмануты. Потом он еще много раз пересматривал этот фильм, наслаждаясь монументальными сценами из национального германского эпоса². Авторами фильма были Фриц Ланг³ и Тea фон Харбоу. Он был режиссером, а она – автором сценария. В безумные двадцатые в Берлине не было пары более красивой, успешной и знаменитой, чем они.

¹«Die Nibelungen, части 1 и 2 (1922/24), режиссер Фриц Ланг, автор сценария Тea фон Харбоу».

²Сообщение Тea фон Харбоу от 10.2.1935 исследователем из Немецкого киноархива «Der Führer und Dr. Goebbels bei den Filmschaffenden». In: «Deutsche Filmzeitung», München, 12.2.1935.

³Фриц Ланг (1890–1976), немецкий кинорежиссёр, автор фильмов «Доктор Мабуз, игрок» (1922), «М» (1931, от немецкого Mörder – убийца), «Метрополис» (1926), «Лилиом» (1934), «Ярость» (1936), «Плачали тоже умирают» (1942), «Индийская гробница» (1958), «Тысяча глаз доктора Мабузе» (1960). – Прим. науч. ред.

Авторство первого фильма, запрещенного национал-социалистами, — «Завещание доктора Мабузэ» — также принадлежало знаменитому творческому дуэту. Реакция на запрет была весьма своеобразной: Фриц Ланг отправился в эмиграцию и стал одним из самых значительных режиссеров Голливуда. Теа фон Харбоу осталась в Берлине, вступила в НСДАП и стала «королевой кинодраматургии» фанатичных пропагандистских фильмов, которые заказывал Геббельс.

Познакомились «чувствительная поэтесса» и «практик» — как называла прессы тех лет обоих пионеров кинематографа — при работе над сценарием фильма, в основу которого был положен роман Харбоу «Индийская гробница».

В самом начале этого сотрудничества самой знаменитой пары в истории немецкого киноискусства случилось большое несчастье — таинственная смерть в сентябре 1920 года. В тот трагический день Лиза Ланг — происходившая из России супруга молодого режиссера — застала обоих кинематографистов в квартире Ланга. Не за работой над рукописью, а в довольно однозначной, компрометирующей обоих ситуации. Вскоре после этого Лиза умерла от выстрела в грудь, который был произведен из пистолета Ланга. Что произошло в этот несчастный день в квартире на Гогенцоллернштадт в Берлине, и по сей день остается загадкой. Покончила ли Лиза Ланг жизнь самоубийством после того, как застала мужа с другой женщиной? Может быть, произошла борьба, когда супруга режиссера угрожала сопернице пистолетом, и в результате произошел фатальный выстрел? Или, возможно, стрелял сам Ланг? На суде Ланг и Харбоу настаивали на том, что Лиза застрелилась, запервшись в ванной комнате, полицейский врач дал заключение о несчастном случае, а в кинематографических кругах поговаривали об убийстве.

«Это он ее застрелил», — пересказывала позже хорошая знакомая супружеской пары мнение, которое было принято обществом⁴. Позже следствие пришло к выводу, что между участниками этого трагического эпизода произошла борьба, в результате которой «один участник, находясь в эмоциональном состоянии, собирался совершить поступок, был, однако,держан другим и не произвел выстрела и затем выстрелил в себя. Этот выстрел был смертельным»⁵. Хотя Ланг и Харбоу в конце концов были признаны невиновными и с них были сняты все обвинения, слухи не стихли, и проблема чувства вины, при внешней невиновности Ланга, проходит красной нитью через все его фильмы⁶. В 1921 году он и его возлюбленная сняли трогательный, волнующий немой фильм «Усталая смерть», в котором говорится о том, что человек не может убежать от судьбы, пред назначенной ему свыше.

Теа фон Харбоу развелась с мужем и вышла замуж за Ланга. Свадьба состоялась 26 августа 1922 года в Берлине. Режиссер, родом из Вены, нашел в Теа, которая происходила из знатного немецкого рода, как он писал в своих воспоминаниях, «того бесценного сотрудника и товарища, который, хорошо понимая то, что я хочу сказать в моем фильме, пишет для меня сценарии, которые являются основой моей работы»⁷. И в самом деле брак превратился в один из самых продуктивных творческих дуэтов в истории германского киноискусства — Теа стала автором сценариев всех фильмов Ланга.

⁴Интервью Лотты Эйснер, декабрь 1979, Париж. In: Reinhold Keiner, *The von Harbou und der deutsche Film bis 1933*. Hildesheim, Zürich, New York 1984, S. 184.

⁵«Daheim ein fremder Mann», «Die Zeit» от 8.2.2001, S. 35.

⁶Patrick McGilligan, *Fritz Lang*, New York 1997, S. 76 ff.

⁷Fritz Lang, *Wir über uns selbst*. Цит. по: Adolf Heinzlmeier, *Fritz Lang*, Rastatt 1990, S. 25.

Теа фон Харбоу родилась в Баварии в маленьком ста-ринном поместье в Тауперлитце близ Гофа 27 декабря 1888 года. Она происходила из древней дворянской се-мьи, предков которой можно было проследить до 1440 года и в которой помимо премьер-министров и высоко-поставленных сановников был также и директор тюрь-мы⁸. Мать Теа, урожденная д'Алинж (d'Alinge), была до-черью воспитателя принца Саксен-Веймарского. Отец Теа, барон Теодор фон Харбоу, долгое время управлял расположенными в районе Позена лесами и охотничьи-ми угодьями герцога Альтенбургского, прежде чем п о дружескому совету одного знакомого отважился за-няться собственным делом. Эта попытка скоро закончи-лась банкротством — пришлось продать усадьбы в Бава-рии, в Саксонской Швейцарии (под названием «Птичья песнь») и близ Дрездена (Нидерлёсснитц). После того как провалились дилетантские попытки Харбоу вести сельское хозяйство и получать с этого доход, семья взяла многочисленных пансионеров, отдавая предпочтение требовательным англичанам, и, несмотря на постоян-ные трудности с деньгами, поддерживала уровень жизни, к которому привыкла. Семья не отказалась даже от путе-шествий, например, в германские колонии в Восточной Африке. Харбоу также не испытывали недостатка в об-слуге: у Теа была гувернантка, у ее брата Хорста — воспи-татель. Позже родителям удалось набрать сумму, необхо-димую для учебы детей в первоклассных школах. Финан-совые затруднения родителей не затронули ни Теа, которая впоследствии не раз продемонстрировала свое неумение обращаться с деньгами, ни ее брата. Счастли-во протекало ее детство в сельском уединении, у нее было

⁸ Gothaisches Genealogische Taschenbuch der Adeligen Hüuser, Teol B, 1940, S. 226 f.

много животных, она читала Карла Мая⁹ и восхищалась достижениями технического прогресса, и прежде всего железными дорогами. «Одушевление машины, живое в технических творениях» очаровывало ее еще с детства, упоминала она в своих воспоминаниях, будучи уже взрослой¹⁰. Так называемую правду жизни девочка впервые узнала с поступлением в школу Луизенштифт в Дрездене, «которую ненавидела как чуму», и которую посещала с 1895 по 1902 год. Строго регламентированный учебный день стал горьким контрастом для нелюдимого ребенка, для которого большим утешением стали спрятанные среди учебников книги Карла Мая. Уже будучи успешной писательницей, Теа фон Харбоу говорила, что ее любовь к Винниту — он оказал влияние также и на Фрица Ланга, и на Адольфа Гитлера — стала определяющей для развития ее характера, роль ее не шла ни в какое сравнение ни с какими другими предметами. Всю жизнь она тосковала, но была мужественной, храброй, по-рыцарски благородной и молчаливой, как и ее индейский кумир¹¹.

Смерть ее любимого сенбернара стала толчком к появлению первого литературного произведения Теа: «Я заперлась... в моем одиночестве, мысли мои всегда были о животных, и я взяла листок бумаги и написала на нем историю, в центре которой была кошка». Девятилетняя Теа послала свое первое произведение в газету, при этом из скромности скрыв свой возраст. История была опубликована, и маленькая писательница гордо получила гонорар в 25 марок.

⁹Карл Май (1842–1912) — последний великий мистик немецкой литературы, до сих пор один из наиболее читаемых авторов Германии. Автор приключенческих романов, в т. ч. про индейцев Дикого Запада — самый известный его герой вождь Винниту. — Прим. науч. ред.

¹⁰«Film-Kritier» от 12, 10, 1929 и 1. 11. 1929.

¹¹Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 35.

Этот успех окрылил Теа. Она с усердием принялась писать дальше. Ее мать поддерживала ее в этом начинании, и к 13-му дню рождения Теа получила маленькую книжку с собственными сочинениями, которая была напечатана в собственном издательстве семьи. В 1904 году во время отдыха на Гардзее маленькая писательница написала свой первый роман, который, по ее собственным высказываниям, «еще пока был написан по образцам чужих произведений». Но, несмотря на это, «Deutsche Roman Zeitung» опубликовала этот роман, проявив большой интерес и к последующим произведениям шестнадцатилетней писательницы. Об этом периоде жизни Теа сохранились высказывания родственницы. «Когда мы познакомились, — писала ее кузина Анна-Мария Дюран-Вефер после семейной встречи, — она уже была юной дамой... она играла на скрипке, и, что мне особенно понравилось, она писала стихи, но не любовную лирику, как это скорее соответствовало бы ее возрасту, а такие стихи, которые производили впечатление и на взрослых, которые понимали толк в искусстве... она безмерно мне импонировала»¹². Но Теа, ставшая настоящей красавицей, не смогла продолжить свою многообещающую литературную карьеру. К ужасу ее родственников-аристократов, она решила стать актрисой и заниматься литературой лишь как хобби. Срочно собранный семейный совет собирался всеми силами препятствовать этому позору и лишить ее древнего и благородного имени Харбон. В конце концов все сошлись на том, что мать Теа при поддержке одной из теток будет сопровождать девушку, чтобы оградить ее от полного опасностей театрального мира, который в семье воспринимали не иначе как пристанищем пороков.

¹²Anne-Marie Durand-Wefer, *Meine Cousine Thea*. Цит. по: Keiner, Thea von Harbon, a.a.O., S. 271 ff.

Три дамы отправились в Дюссельдорф, где Тea в 1906 году дебютировала в театре в качестве непрофессиональной актрисы. Если верить записям в указателе Академии изобразительных искусств Дюссельдорфского театра, то Тea фон Харбоу была умна, не без таланта, но совершенно не выносила критики¹³. Ей давали играть сентиментальные роли второго плана, пока она в 1908 году не перешла работать в придворный театр в Веймаре, где уже смогла играть другие роли — светских дам и любовниц важных господ. В свободное время и во время долгих летних каникул Тea писала сказки, а в 1910 году опубликовала сентиментальный роман в стиле кич.

После гастролей в различных провинциальных театрах она отыграла сезон в Ахенском городском театре, где познакомилась с актером и режиссером Рудольфом Клейн-Рогге¹⁴. Она сразу влюбилась в него. 28 сентября 1914 года, вскоре после начала Первой мировой войны, они поженились. Жизнь юной пары складывалась не очень удачно, так как смерть отца Тea за год до ее замужества поставила семью Харбоу в тяжелейшее финансовое положение. В этой ситуации родственники, не имеющие средств к существованию, обратились к единственной работающей Харбоу в этом благородном семействе, и юная актриса посчитала своим долгом поддерживать мать, бабушку и других многочисленных родных, изыскивая средства из скучных доходов от ее занятия, столь презираемого родственниками.

Когда Ахенский театр закрыл свои двери в связи с началом военных действий, Тea фон Харбоу, не долго раз-

¹³Verzeichnis sämtlicher Schauspieler, Dramaturgen, ... des Düsseldorfer Schauspielhauses 1905—1932.

¹⁴Рудольф Клейн-Рогге (1885—1955) сыграл короля Этцеля в «Нibelungах» (1924) и Ротванга в «Метрополисе» (1926). Всего снялся в 61 фильме. — Прим. науч. ред.

думывая, решительно отказалась от своей профессии и полностью посвятила себя своему любимому занятию — литературе. В то время как ее муж после недолгой службы в армии получил приглашение в государственный театр в Нюрнберге, Теа выпускала один роман за другим, причем ловко используя общее, почти истерическое воодушевление войной, которое между тем соответствовало и ее собственному настроению. Роман «Война и женщины» стал очень успешным и вызвал восторг читателей. «Вы — прорицательница!» — восхищался кайзер Вильгельм II напыщенным содержанием романа, в котором молодая патриотка описывала, «с какой прекрасной, серьезной невозмутимостью германский народ вел эту войну». Вскоре после этого появились новые военные романы. «Немецкие женщины. Немой героизм» повествовал о том, как немецкие женщины собрали все силы на «домашнем фронте», но в то же время предупреждал об опасности эмансипации, которая к тому времени вызывала жаркие дискуссии. Теа фон Харбоу любила в те времена цитировать высказывание Бисмарка: «Германский народ — мужского рода»¹⁵, и была, как сторонница Всегерманского союза, ярой противницей «этого течения, которое открывает для женщин возможности, которые были не нужны, и закрывает им путь в те области, в которых они могли бы стать королевами»¹⁶. Она хвалила, как и в романе «Женщина без отечества» «женщину в величии ее естественного дара» и восхваляла преимущества тихой, жертвенной и терпеливой женственности.

¹⁵Thea von Harbou. Die Deutsche Frau im Weltkrieg. Einblicke und Ausblicke, Leipzig 1916, S. 81.

¹⁶Письмо фон Харбоу в издательство «Котта» (Cotta) от 13.3.1914. Gotta-Archiv. Deitsche Literaturarchiv Marbach am Neckar.

Консервативный образ мыслей женщины из благородных слоев общества нашел большую поддержку у широкой публики. Но литературная критика, напротив, не скучилась на ехидные выпады. Ее произведения пережили тем не менее Первую мировую войну, а позже в правых немецких националистических кругах пережили второе рождение и в значительной степени способствовали формированию портрета женщины в национал-социалистической идеологии. НСДАП, стремительно развивающаяся в середине 20-х годов, видела в писательнице неоценимого единомышленника, который не только очень действенно формулировал сходные взгляды национал-социалистов, но и мог донести их до людей. «Солдатские матери», «Тихие участницы борьбы» да и «Сопротивление германок» из прозаических произведений Теа фон Харбоу предлагали разнообразные идеи для анахронистской программы, которую Гитлер и его партия разрабатывали для женского населения, а после захвата власти и стали проводить в жизнь.

Между автором и героинями ее увлекательных романов, публиковавшихся в периодических изданиях, и прежде всего в «*Berliner Illustrierte Zeitung*», — как считали миллионы читательниц, — была огромная разница. Эмансипированная писательница выступала с публичными докладами, торговалась уже в возрасте двадцати шести лет вежливо, но жестко из-за гонораров, определяла тиражи книг и диктовала свои условия: «Я хотела бы быть предельно откровенной с вами, глубокоуважаемые господа, — писала она в издательство «Котта», — для меня речь идет всего лишь о деньгах... поэтому я прошу вас переделать наш договор и добавить в нем то, что вы обязуетесь перевести мне сумму за весь тираж в день публикации книги...»¹⁷

¹⁷ Письма фон Харбоу в издательство «Котта» от 13.3.1914, 26.8.1915 и 17.12.1915 а.а.О.

Резкое противоречие между собственным образом жизни и тем, что она придумывала для других, Теа фон Харбоу не хотела воспринимать. Она очень сердилась, когда в 1917 году была охарактеризована одной журналисткой как «современная амazonка», которая «сидит за письменным столом в горячих кровавых фантазиях» и «вместо меча орудует пером»¹⁸.

Вдохновленная огромным успехом – книги за короткое время достигли 20–30 тиражей, юная писательница поставила творчество на конвейер и писала для «молодых и старых». Вышла книга о войне для немецкой молодежи «Ты, юный страж на Рейне», «Священная немецкая война», драма «Король Олуф», написанная в восточном стиле сказка «Индийская гробница» и многое другое. Современники Харбоу удивлялись ее стилю работы. «Она очень любила животных, и когда она сидела с вязанием за своей пишущей машинкой, то на ее плече всегда сидел большой ангорский кот, а сенбернар лежал у ее ног. Вязание необходимо было ей, чтобы сконцентрироваться. Если в ее голове сформировалась какая-либо мысль, то она забрасывала вязание в угол и начинала стучать в бешеном темпе по клавишам пишущей машинки»¹⁹.

Помимо этого, она вела большое хозяйство, часто принимала гостей, многие из которых были друзьями ее мужа: «...жизнь начиналась лишь тогда, когда он [Рудольф Клейн-Рогге] приходил домой из театра. В доме всегда были люди. Прежде всего актер Эмиль Яннингс²⁰

¹⁸Karin Bruns, *Kinomythen 1920–1945. Die Filmentwürfe der Thea von Harbou*, Stuttgart 1995, S. 176. Anm. 8.

¹⁹Durand-Wever, *Meine Cousine Thea*, a.a.O., S. 273 ff.

²⁰Эмиль Теодор Фридрих Яннингс (1886–1950), выдающийся актер театра и кино. В годы нацизма был популярным актером, входил в состав Имперского сената культуры, один из самых любимых

и театральный агент Ойген Франкфуртер и всегда кто-то, кто в данный момент оказывал поддержку Теа. Когда поступал гонорар от книги, то Теа шла за покупками и каждому в доме дарила охапки цветов. Затем праздновали очередной успех: вино, жареный гусь, и празднование продолжалось до утра», — вспоминала ее кузина²¹.

Когда в 1918 году Теа с мужем, который получил приглашение из Лессинг-Театра, переехали в Берлин, она уже была знаменитостью.

В 1919 году автор знаменитых романов узнала из газеты, что одно из ее произведений — «История о святых» — собираются экранизировать, не получив ее согласия. В ярости она отыскала кинокомпанию «May-Film-Gesellschaft», которая собиралась ставить фильм, призвала к ответу продюсера и успокоилась лишь тогда, когда продюсер передал право переработки киносценария. Джо Май²² — один из самых значительных режиссеров и продюсеров того времени — согласился на это лишь потому, что считал, что автор сложного «Изображения оптического» не справится с этой работой. Но Теа фон Харбоу доказала, что ей под силу и это новое ремесло, которое отныне должно стать делом всей ее жизни. Она писала идеальные сценарии для немых фильмов: богатая фантазия, сильные чувства и патетические жесты

актеров А. Гитлера. Его самые известные роли в этот период в фильмах «Роберт Кох» Г. Штейнхофа (1939) и «Папаша Крюгер» (1941). В 1942 снялся в фильме В. Либенейнера «Отставка», где сыграл роль старого О. фон Бисмарка. После капитуляции Германии Яннингсу за его работу во времена нацизма до конца жизни было запрещено заниматься своей профессией. — Прим. науч. ред.

²¹Durand-Wever, Meine Cousine Thea, a.a.O., S. 39 f.

²²Джо Май (1880—1954) создал свою собственную продюсерскую компанию в начале 1914 года. Сделал себе имя, продюсируя фильмы Фрица Ланга. После прихода нацистов к власти эмигрировал в США, где стал работать в Голливуде.

доказали всем ее необычайный талант. Она сразу поняла исключительную важность кино, которое тогда только собиралось завоевать мир, стала сценаристкой и больше уже не меняла профессию.

Новая отрасль искусства начинала развиваться во время Первой мировой войны. До этого детальная разработка сценария обычно не предпринималась. Все зависело от режиссера и его вдохновения. Не уже одно то, что на экране вообще что-то двигалось, очаровывало публику. Когда Теа фон Харбоу пришла в кино, эта стадия была уже позади. Сценаристы уже считались не обременительными нарушителями спокойствия, а, напротив, непосредственными участниками создания кино. Они выработали свою собственную философию, объединились в союз Немецких киноавторов (*Deutsche Filmautoren*) и добились того, чтобы в титрах к фильму указывались их фамилии. Но и требования к ним возросли, так как отныне необходимым условием для сценариев стали рукописи с точными указаниями по режиссуре, постановкой камеры и данным по освещению и декору павильона. Теа фон Харбоу провела много времени в киностудиях, пока работала для Джо Мая над сценариями к романтическим фильмам-балладам, такими как «Святая простота» (*Die heilige Simplicia*), участвовала во всех съемках и подготовке к ним и, таким образом, основательно изучила кинотехнику²³. Она раскрывалась при этом как прилежная ученица, и газеты похвалили уже первый ее сценарий, назвав его «средневековым, легендарным и мистическим, полным пластической силы». Вскоре ее рукописи стали считаться настоящими произведениями искусства с собственным искусственным стилем изложения.

²³Walther Steinhauer, *Der Weg zum Film-Manuskript*, в журнале «Filmtechnik» от 5.2.1926.

В 1920 году Джо Май запланировал экранизировать роман Теа фон Харбоу «Индийская гробница». Продюсер видел в этой книге большой монументальный фильм. В качестве режиссера он задумал пригласить одного многообещающего молодого человека, который заставил говорить о себе после выхода приключенческого цикла «Пауки». Тридцатилетний Фриц Ланг, самоуверенный, надменный, всегда с моноклем в глазу, к тому моменту уже имел за плечами некоторый опыт. Он родился в Вене в семье видного строителя-архитектора, был с детства довольно избалованным ребенком. Отец хотел, чтобы он стал архитектором, но Ланг предпочитал живопись. После ссоры с отцом он покинул Вену и пустился в свои продолжительные путешествия, начал учебу в Парижской школе живописи, пока в 1909 году в Брюгге впервые не попал на киносеанс. «Я снова в Париже, но я в сетях кино», — писал он позже. Когда началась война, Ланг вернулся в Австрию, записался добровольцем на фронт, служил офицером-разведчиком, был много раз тяжело ранен и в конце концов был признан негодным к военной службе по состоянию здоровья. Через театр он позже пришел в кино. С 1918 года Фриц Ланг жил в Берлине, где работал для кинопродюсеров Эриха Поммера²⁴ и Джо Мая и считался многообещающим в поколении подрастающих киноталантов.

Когда Май летом 1920 года представил друг другу уверенных в себе молодых звезд кино, Теа фон Харбоу и Фрица Ланга, то оба они признавались позже, что испытывали с самого первого взгляда друг к другу чувство антипатии. «Высокомерная, заносчивая обезьяна», — по-

²⁴Эрих Поммер (1889–1966) в 1917–1933 годах выступил продюсером почти 70 фильмов (в Германии, США, Великобритании). После прихода нацистов к власти эмигрировал во Францию, а затем США. Работал в Голливуде. — Прим. науч. ред.

думала Харбоу, в то время как Ланг увидел в ней поначалу «несимпатичную учительницу старших классов». Но уже вскоре они обнаружили много общего. Оба были националистически настроены, любили животных и читали Карла Мая. Они презирали слабости демократии и преклонялись перед сильными личностями, волевыми сверхчеловеками, которые позже будут играть большую роль в их фильмах. Но они прежде всего очень хорошо дополняли друг друга. От Фрица Ланга исходили напряжение, драматизм, а также формальный и технический перфекционизм. Теа фон Харбоу добавляла со своей стороны настроение, чувственность и романтику — и результатом всего этого стали киношедевры.

Их первая совместная работа «Индийская гробница»²⁶ не заслужила, однако, особой похвалы. Сценарий, по которому княгиня Эшнапура влюбляется в англичанина, после чего ее супруг замуровывает ее вместе с возлюбленным живьем в могиле, даже для поклонников жанра экзотических приключений казался притянутым за уши. Критике подвергалось то, что Индия на экране показана была слишком по-европейски²⁷, что князь раскрывал душу чужому человеку и был слишком болтлив и что все европейцы представляли чересчур добродетельными, в то время как индийская княгиня, очаровав офицера, обманывала с ним мужа. Обозленные индузы писали в «Deutsche Allgemeine Zeitung»: «Любой знаток нравов и обычаев Востока знает, что сближение между мужчиной и замужней женщиной, к тому же супругой высокопоставленного князя, является просто невозможным или ведет к горам трупов и рекам крови»²⁸. Но хуже,

²⁶ «Das indische Grabmal». Teil 1: Die Sendung des Jöghi (1921). Teil 2: Der Tiger von Eschnapur (1921).

²⁷ Журнал «Der Film» (Берлин) от 30.10.1921.

²⁸ Журнал «Kinematographische Monatsschrift» (Берлин), № 1, 1922.

чем эти негативные отзывы для авторов фильма, а было то, что продюсер решил сам стать режиссером в обещающем большой успех фильме. Кинолента, объявленная в афишах как «величайший фильм в мире», действительно пользовалась огромным успехом у публики. После крупного скандала Ланг ушел в другую кинокомпанию. Теа фон Харбоу ушла вместе с ним, так как к тому времени они уже жили вместе.

Мистическая смерть супруги Ланга осенью 1920 года послужила сценарием фильма, который принес Теа фон Харбоу международное признание и поставил Ланга в один ряд с режиссерами первой величины. «Усталая смерть — народная немецкая пьеса в шести строфах» рассказывает о беспощадной необратимости судьбы²⁹. Сцена, в которой молодая женщина падает перед смертью на колени, чтобы потребовать назад покинувшего ее жениха, растрогал всех тех, кто потерял в войне близких³⁰. Отмечены были также искусно освещенные сцены из царства мертвых, а также захватывающие восточные притчи с летающим ковром, который впоследствии стал часто использоваться другими режиссерами. Для действия, частично протекающего в маленьком немецком средневековом городке, Харбоу ввела в сценарий элементы из немецких легенд, так как надеялась завоевать международный кинорынок чем-то «типично немецким». Во Франции фильм «Усталая смерть» был с почестями назван «образцом немецкого киноискусства». Спустя двенадцать лет доктор Йозеф Гебельс, будучи министром пропаганды, вновь ухватился за идею Теа фон Харбоу и потребовал начать снимать фильмы

²⁹ «Der müde Tod» (1921).

³⁰ Dieter Dürrenmatt, Fritz Lang. Leben und Werk, Basel 1982, S. 54 ff.

с ярко выраженным «народными контурами» для пропаганды за границей национал-социалистической идеологии.

В 1922 году супруги — в августе 1922 года их отношения были официально оформлены — обратились к совершенно противоположной теме. Они экранизировали детективный роман «Доктор Мабузе, игрок»³¹ Норберта Жака³², опубликованный в «*Berliner Illustrierte Zeitung*», и представили его как фильм, основанный на реальных фактах, от которых перехватывало дыхание³³. Уже вступление к гениальному сценарию Теа фон Харбоу (оно не сохранилось) представляло собой маленький, захватывающий репортаж обо всех насильственных преступлениях тогдашней неспокойной Германии: убийство германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау правоэкстремистами, «восстание Спартака», массовая демонстрация берлинских рабочих, организованная коммунистами в январе 1919 года, и Капповский путч — попытка переворота, предпринятая правыми радикалами в марте 1920 года. Бывший супруг Теа фон Харбоу, Рудольф Клейн-Рогге, сыграл в этом фильме доктора Мабузе, игрока, гипнотизера и шарлатана, который выступает в нескольких масках, руководит большой преступной организацией и как сверхчеловек, по Ницше, «стремится через весь этот хаос к власти». Под хаосом несколько утрированно и по-экспрессионистски возвышенно понималась политическая анархия послевоенных

³¹ «Dr. Mabuse, der Spieler» (1922).

³² Норберт Жак (1880—1954), немецкий писатель, автор приключенческих романов, новелл, репортажей. Известность ему принес роман, главным действующим лицом которого стал гениально-безумный суперпреступник доктор Мабузе. — Прим. науч. ред.

³³ Положительный отзыв см. «*Berliner Zeitung am Mittag*» (Берлин) от 28.4.1922.

лет. В фильме показан мир, который буквально расползается по швам, мир, полный беззастенчивых спекулянтов и тех, кто наживается на войне.

Творческими стимулами для Харбоу и Ланга стали реальные впечатления от Берлина 20-х годов. В нем помимо ужасающей безработицы и галопирующей инфляции, уничтожающей все накопления немцев, существовала и процветающая, оживленная культурная жизнь, в которой Теа фон Харбоу и Фриц Ланг играли определенную роль. Их часто видели в фешенебельном отеле «Адлон», на премьерах Макса Рейнгардта³⁴, на шестидневных гонках и на боксерских боях. Известная актриса Лил Даговер³⁵ вспоминала: «Для меня Фриц Ланг был одним из самых элегантных мужчин на сцене в тот период. Когда он — высокий, спортивного телосложения, всегда с моноклем в глазу — рядом с красивой и веселой Теа входил в бальный зал, то оба сразу оказывались в центре внимания: они были парой, мимо которой нельзя было пройти мимо»³⁶.

В салоне эксцентричного миллионера Карла Фольмёллера³⁷, одной из самых эпатажных личностей Берли-

³⁴Макс Рейнгардт (1873—1943) — известный немецкий театральный актер и режиссер, в 1924—1933 годах — руководитель Германского театра в Берлине. Использовал многие новые для своего времени постановочные приемы, прославился постановками пьес Шекспира, Ибсена, Шоу, Мольера и др. После прихода нацистов к власти эмигрировал в Великобританию, а затем в США. — Прим. науч. ред.

³⁵Лил Даговер (1887—1980) — немецкая актриса, дочь немца и жительницы острова Ява. Получила широкую известность после того как сыграла роль Джейн в фильме «Кабинет доктора Калигари» (1920). При национал-социалистах Даговер осталась ведущей актрисой немецкого кинематографа. — Прим. науч. ред.

³⁶Lil Dagover, *Uch war die Dame, Rastatt o.J.*, S. 106 f.

³⁷Карл Фольмёллер (1878—1948), миллионер, вращавшийся в богемных кругах Берлина, сыграл в нескольких фильмах, принимал участие в работе над сценариями. После прихода нацистов к власти эмигрировал в США. — Прим. науч. ред.

на в 20-е годы, пара также появлялась часто. Каждую ночь открывались двери дома на Парижской площади близ Бранденбургских ворот, принадлежащего богатому дилетанту с многосторонними интересами — он был гонщиком, любителем искусства и сценаристом фильма Марлен Дитрих «Голубой ангел». Многие гости, казалось, спустились прямо с экрана фильма о докторе Мабузе. «Общество было достаточно смешанным, хотя и не обязательно смешанным друг с другом», — писал режиссер Гёза фон Чиффра³⁸. «В одной комнате можно было увидеть, как оживленно беседуют Гуго фон Хоффманшталь³⁹ и Макс Рейнгардт, в то время как в другой комнате обнаженные молодые девушки танцевали с мужчинами...»⁴⁰ У Фольмёллера Ланг и Харбоу познакомились с архитектором-авангардистом Гропиусом, издателем коммунистической литературы Герцфельде, художником Кокошкой, писательницей княгиней Матильдой Лихновской, впоследствии ставшим при нацистах полицей-президентом Вейссом, а также с танцовщицей Джозефиной Бейкер, когда она была в Берлине на гастролях.

Режиссер и сценаристка жили в огромных, элегантных апартаментах с мебелью европейского дизайна и азиатским декором, которые современники окрестили «рай для коллекционеров». Японские маски, сиамские знамена из храмов и китайские сакральные сосуды производили в сочетании с конвенциональными гарнитурами кресел и стульев, концертным роялем, массивными шкафами с книгами в стиле арт-деко, а также с собранием

³⁸ Гёза фон Чиффра (1900–1989), австрийский журналист, драматург, автор сценариев к более чем 100 фильмам. — Прим. науч. ред.

³⁹ Гуго фон Хоффманшталь (1874–1929), поэт-импрессионист. — Прим. науч. ред.

⁴⁰ Geza von Cziffra, Kauf der einen bunten Luftballon. Erinnerungen an Götter und Halbgötter, München, Berlin 1975, S. 162 ff.

современного авангардного искусства представляли собой довольно эксцентричную смесь. Здесь эта странная нетипичная пара отдыхала от бурных празднеств деятелей искусства, благодаря которым за Берлином закрепилась слава «дикой столицы Золотых двадцатых годов». Знаменитые гости приходили толпами, так как помимо интересного общества у Лангов предлагали и кулинарные деликатесы. Здесь подавали только все самое изысканное, тщательно отобранное и безумно дорогое.

«Такое гостеприимство и великодушие у Фрица Ланга было предназначено лишь для публики, Харбоу же была щедра от природы», — охарактеризовал этот творческий союз один из знакомых журналистов. «Она не придавала особого значения формальностям; она хотя и была всегда одета очень тщательно, но не могла и не хотела конкурировать в этом с кинозвездами — она была слишком умна для этого! Фриц Ланг, безусловно, очень талантливый режиссер, но чисто по-человечески Харбоу мне ближе, даже если впоследствии она и стала нацисткой...»⁴¹

В 1923 году ни Харбоу, ни Ланг политикой особенно не интересовались. Оба испытывали, однако, достаточно сильные национал-патриотические чувства и разделяли правые взгляды. Как и большинство немцев, они страдали от последствий поражения Германии в Первой мировой войне, от гнетущих порядков Веймарской республики и последствий Версальского мирного договора. В этой удручающей политической ситуации Теа фон Харбоу и Фриц Ланг обратились к германскому национальному эпосу «Песнь о Нibelунгах». Древние германские рыцари по их замыслу должны были светлым лучом осветить мрачную реальность, так как Ланг хотел — как он позже об

⁴¹ «Интервью Ганса Фельда берлинскому «Film-Kurier», июль 1980. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 286.

этом писал – вернуть с помощью этого фильма немцам их национальную гордость. Харбоу изучила около двадцати различных изложений этой легенды и решила создать некий «конгломерат», которому предстояло «утолить тоску великого, усталого народа по героическим приключениям»⁴². Она разработала подробный сценарий, в котором зафиксировала каждое положение камеры. Она разделила свою книгу на картинки, смонтировав отдельные снимки и крупные картинки, и описала каждую позицию в эпическом контексте⁴³. В киностудиях Бабельсберга монтаж кинопавильонов шел бешеными темпами. Были построены средневековые улочки Вормса, Рейнский ландшафт, темный германский сказочный лес, мистический собор, гора Аттилы, а также огромный дракон, которого приводили в движение 24 рабочих. Ланг требовал стилистического соответствия эпосу, его монументальные, строго симметричные постройки предвосхитили в некотором смысле архитектуру национал-социалистического режима. Он был чрезвычайно педантичным режиссером, уделял большое внимание деталям, и в результате этой работы были построены четыре больших декорации: утонченная и изысканная городская мизансцена Вормса, таинственный мир юного Зигфрида, нордический ландшафт Брунгильды и смонтированный при использовании экспонатов Гамбургского краеведческого музея примитивный мир, в котором обитали древние гунны⁴⁴. Зигфрид, как «нордический характерный герой», излучает благородство, в то

⁴²Статья Thea von Harbou, *Vom Epos zur Film*, в газете «Die Woche» (Берлин) от 9.2.1924.

⁴³Статья Thea von Harbou, *Vom Nibelung-Film und seinem Entstehen*, в «Süddeutsche Filmzeitung» (Мюнхен), № 16, 1924.

⁴⁴Fritz Lang, *Woraf es ankam beim Nibelungen*. Цит. по: Die Nibelungen, Frankfurt am Main 1991, S. 358.

время как кривоногий Аттила несет в себе некоторые черты животного. Два года продолжались работы над безумно дорогим гигантским кинопроектом (часть I: «Зигфрид»; часть 2: «Месть Кримхильды») — режиссеру было трудно угодить. Некоторые сцены он заставлял переснимать по сто раз, пока не был достигнут результат, который бы удовлетворял его. В конце концов Теа фон Харбоу смогла прописать завершенному фильму посвящение «Германскому народу», и в феврале 1924 года состоялась премьера, которая имела оглушительный успех. В грандиозных сценах зрители смогли увидеть Зигфрида, просиящего руки Кримхильды, его борьбу с драконом и смерть от рук Хагена фон Тройне. Они вместе с героями фильма были участниками похода гордых ниделунгов на Восток, видели уничтожение гуннов, представленных как «унтерменшн»⁴⁵. Героические сцены произвели впечатление прежде всего на молодежь, а многие кинозрители вспоминали об этом фильме даже десятилетия спустя так: «Мы не смотрели — мы впитывали этот фильм! Сам фильм, музыка — этот мотив не стерся из памяти и по сей день — все, что было связано с фильмом, приводило нас в дикий восторг!» — писала актриса Лили Палмер в своих мемуарах⁴⁶. Пресса того времени даже, пожалуй, чрезмерно хвалила технику и фотографию Ланга, но критиковала в то же время сценарий Харбоу как «искажение бриллианта сокровищницы германского духа».

Хвалебные отзывы в адрес создателей фильма прозвучали также со стороны сторонников НСДАП, запрещенной после провала ноябрьского путча 1923 года. Адольф Гитлер особенно заинтересовался этой темой, был в полном восхищении от режиссерской работы Фрица Ланга, но отдал

⁴⁵Untermensch — «недочеловек». — Прим. науч. ред.

⁴⁶Lilli Palmer, Dicke Lilli — gutes Kind, München 1974, S. 60.

должное и сценарию Теа фон Харбоу. Возможность лично поздравить сценаристку представилась ему лишь одиннадцать лет спустя⁴⁷. Для человека, который черпал свои политические идеи, помимо всего прочего, в мире легенд и планировал создать «германское государство немецкой нации»⁴⁸, это фильм, весь наполненный символами древнего эпоса, был более чем интерпретацией истории. Когда актеры в фильме заключали военные союзы, воспевали борьбу, культ смерти, ему казалось это перстом судьбы⁴⁹. Незадолго до этого, находясь в заключении в Ландсберге, Адольф Гитлер диктовал своему верному помощнику и секретарю Рудольфу Гессу свои планы на будущее немецкого народа. «Майн Кампф» вышла в свет в 1925 году, в ней были раскрыты самые важные мысли и намерения Гитлера: уничтожение евреев и — для большей безопасности жизненного пространства немцев — поход германцев на Восток. «Тем самым мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашего довоенного периода, — писал Гитлер в книге. — Мы продолжим то, что было брошено, не завершившись шесть столетий назад. Мы остановим вечный поход германцев на юг и на запад Европы и обратим наши взоры на Восток... Наша политика направлена в будущее. Если мы сегодня в Европе говорим о новой земле, то стоит думать прежде всего о России и сопредельных с ней государствах, находящихся в ее подчинении»⁵⁰.

⁴⁷Keiner, Thea von Harbou, a.a.O., S. 88.

⁴⁸Заключение в книге Adolf Hitler, *Mein Kampf*, München, 1938, S. 362.

⁴⁹Это сказал Гитлер в беседе с Теа фон Харбоу в 1935. См. Der Führer und Dr. Goebbels bei den Filmschaffenden, в «Deutsche Filmzeitung» (Мюнхен) от 10.2.1935.

⁵⁰Hitler, Wiederaufnahme der Ostland-Politik. In: *Mein Kampf*, a.a.O., S. 742 ff.

Гитлер планировал триумфальное завоевание Советского Союза и порабощение его «низкопробного» населения, так как: «Мы избраны судьбою для того, чтобы стать свидетелями катастрофы, которая станет кровавым доказательством правильности теории рас...»⁵¹ Позже он выразился еще циничнее: «Если эта война будет стоить нам четверти миллиона погибших и сотни тысяч раненых... то немецкие поселения на Востоке вернут нам эти потери в многократном размере»⁵².

Те, кто в 20-е годы внимательно читал бестселлер «Майн Кампф», тот мог в подробностях ознакомиться с его планами относительно Германии и немцев⁵³. Никто тогда, правда, не подозревал, что фильм Теа фон Харбоу и Фрица Ланга, темой которого стал закат нibelунгов в самом сердце империи гуннов, призрачно, но практически предвосхитил поход германцев, то есть гитлеровских войск на Восток, которые были уничтожены в ходе боев под Сталинградом. Солдаты, отправленные в Россию, конечно, вспоминали о германском народном эпосе. Так, Мартин Борман, могущественный руководитель Партийной канцелярии, проведя пессимистичные параллели между войной в России и битвами нibelунгов, писал жене: «...мы погибнем, как когда-то нibelунги в Зале Этцеля»⁵⁴.

В 1924 году Фриц Ланг со своим другом, продюсером Эрихом Поммером, совершил поездку в США, чтобы узнать, каковы их профессиональные шансы в Новом

⁵¹Ebd., S. 743.

⁵²Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, hrsg. von Werner Jochman, Hamburg 1980, S. 242.

⁵³Karl Lange, Hitlers unbeachtete Maximen. “Mein Kampf” und die Öffentlichkeit, Stuttgart 1969, S. 4 ff.

⁵⁴Письмо Мартина Бормана жене 26.1.1943.

Свете⁵⁵. Непривычный вид небоскребов Нью-Йорка и суматоха миллионного города, «в котором большинство людей живут как рабы», вдохновило режиссера на создание нового монументального фильма. Берлинская УФА (Ufa; Universum Film AG) заинтересовалась этим проектом. Тea фон Харбоу, руководствуясь идеями мужа и своими собственными, написала сценарий к фильму «Метрополис» (*«Metropolis»*).

В Метрополисе, этом городе будущего и техники, трудились рабочие, называемые «руки», на «машине сердца», и только ободрение девушки, которая является для них «посредником между сердцем и мозгом», может удержать их от открытого восстания против «мозга», владельца Метрополиса. «Посреднику» в конце концов удается уладить конфликт — глухая масса сама по себе не способна к действиям, ей нужен «фюрер». Эта точка зрения стала темой фильма, ее центральной мыслью и придала фильму, в котором присутствовали и технический кошмар, и листва деревьев, жгучую актуальность. Ведь тогда многие люди думали, что только сильный «посредник» сможет прекратить распри в партии, победить экономический кризис и добьется, что Германию вновь станут уважать в мире.

«Метрополис» и по сей день относится к неоспоримым шедеврам мирового киноискусства⁵⁶. Нет единого мнения только при трактовке призрачных массовых сцен, в которых выбритые наголо, одинаково одетые рабочие передвигаются только по геометрическим формам строго по звонку. Мнения разошлись. Возможно, Ланг и фон Харбоу предвидели принудительные работы,

⁵⁵См. фотографию в книге Patrick McGilligan, *Fritz Lang*, New York 1997, S. 180.

⁵⁶См. Spandauer als ein Film в газете «Die Zeit» от 14.4.2001.

использовавшиеся в Третьем рейхе? Возможно, что идеи Третьего рейха уже витали в воздухе? Или так кажется нам, представителям последующих поколений, потому что нам уже известен ход истории?⁵⁷ После премьеры фильма в 1927 году преобладали негативные суждения: «Слишком примитивный для требовательных зрителей и слишком сложный для примитивных»⁵⁸, — таков был приговор современников. УФА засыпала режиссера упреками, так как безумно дорогой фильм стал настоящей финансовой катастрофой, пока Ланг не пригрозил, что перейдет работать в одну из советских киностудий.

Но уже следующий фильм, развлекательная утопическая кинокартина «Женщина на Луне» (*«Die Frau im Mond»*), сценарий которого был написан Теа фон Харбоу на основе ее же романа, если верить статистике 1929/30 годов, стал самым кассовым в истории немецкого немого кино. Национал-социалисты увидели в фильме «людей-властителей, которые знают, как заставить других людей делать так, как необходимо им»⁵⁹. Большинство газет писали о сценарии Харбоу как о низкопробной литературе, но простую публику это ни в коем случае не отпугнуло от просмотра фильма. Люди с удовольствием покидали на два часа мир экономического кризиса, чтобы полетать к Луне. Романтическая история любви между астронавткой и астронавтом была с симпатией воспринята зрителями. Не кто другой, как профессор Герман Оберт, пионер в области исследования космоса, придал фильму, который стал предвестником жанра научной кинофантастики, научный флер — декорация космического корабля была выполнена по его техническим

⁵⁷Siegfried Kracauer, Von Caligari bis Hitler, Hamburg 1958.

⁵⁸«Vossische Zeitung» (Берлин), 24.10.1929.

⁵⁹«Der Angriff» (Берлин), 24.10.1927.

эскизам. Очень полезная идея обратного отсчета, которая стала использоваться при всех последующих стартах ракет на экране, также принадлежит Харбоу и Лангу. «Когда я снимал, как ракета отрывается от земли, я сказал себе: “Если я буду считать один, два, три, четыре, десять, сто, то зрители не будут знать, когда же наконец будет старт. Но если я буду считать наоборот: десять, девять, два, ноль – тогда они поймут”» – писал Ланг об этой своей идее⁶⁰.

В 1929 году в Германии было примерно 400 авторов, которые регулярно предлагали киноиндустрии свои произведения. Но жить на гонорары они тем не менее не могли, хотя и прилагали массу усилий и отличались необычайным трудолюбием, так как лишь немногие сценарии были благосклонно восприняты в глазах кинобоссов. Так, лишь на киностудии, известной впоследствии как «Вена-Фильм», ежегодно прочитывали, проверяли и выбрасывали до 2900 рукописей. Большинству сценаристов в лучшем случае удавалось продать всего один-единственный сценарий. Теа фон Харбоу в этой жесткой профессии представляла исключение. Ее произведения «отрывали с руками». Она стала зездой. Она достигла такой славы, что ее коллеги, кто с завистью, кто насмешливо, а кто-то с тоской, присудили ей титул «королева кинодраматургии». Ее производительность была необычайно высокой – ежегодно она писала три-четыре сценария, всего же за всю творческую жизнь около 70. Кроме того, она выпускала романы и писала статьи в газеты. Даже болезнь не могла помешать ее работе. Она писала в постели, в ногах устраивалась ее любимая карликовая такса, а на плече – ангорский кот. Вязание по-прежнему расслабляло ее и снимало напряжение от работы. До 1933

⁶⁰Peter Bogdanovich, *Fritz Lang in Amerika*, London 1967, S. 20.

года она писала очень удачные сценарии не только для своего супруга Фрица Ланга, но и для многих других режиссеров, среди которых Ф.В. Мурнау, Карл Дрейер и Фриц Вендгаузен.

С 1928 года Теа фон Харбоу неожиданно для всех стала сторонницей движения эмансипации, что даже противоречило ее прежним убеждениям. Она вступила в Союз женщин за реформу сексуального законодательства и выступила с докладом на собрании, организованном по случаю основания союза. Доклад был посвящен параграфу 218 об abortах, который считался абсолютным табу⁶¹. Она требовала права самоопределения для будущих матерей, принятия мер против низкого медицинского уровня нелегальных абортов и требовала врачебной поддержки при прерывании беременности. Эти революционные взгляды резко критиковались церковью, большинством партий, и прежде всего национал-социалистами. Теа фон Харбоу, у которой не было своих детей, тем не менее выступала перед общественностью с такими речами: «Мы поднимемся против уродования наших тел и наших душ руками непрофессионалов. Мы просим: дайте нам врачей, которые бы помогли нам! Мы также поднимемся против убийства детей в утробе матери, если обследование не проведено добросовестным врачом должным образом!»⁶² Она написала сценарий фильма «первое право ребенка», в котором беременная женщина предпринимает неудавшуюся попытку самоубийства. «Первое право ребенка — это когда его ждут» — было мыслью, которую хотела донести Теа фон Харбоу

⁶¹Durand-Wever, *Meine Cousine Thea*. Цит по: Keiner, *Thea von Harbou*, a.a.O., S. 274.

⁶²Цензурная карта «Das erste Recht des Kindes», Prüf.-№ 32 298, 14.2.1932. Kinemathek. Berlin.

до зрителя. Но уже вскоре картина была запрещена национал-социалистическими ведомствами — abortionы считались в Третьем рейхе преступлением.

Интерес к социальным проблемам привел к созданию нового фильма «M — убийца среди нас»⁶³. Этот фильм считается лучшей работой Ланга. Действие основано на реальных событиях, а именно на серии убийств, совершенных дюссельдорфским убийцей Куртеном. Фильм снят в стиле репортажа хроники: «Восемь детей убиты. Берлин ищет убийцу. Новое преступление — убийца; ребенок. В городе паника. Облавы. Люди из организации преступников “Рингферайн” активизируются, так как полиция ничего не может поделать. Убийцу находят. Он предстает перед трибуналом “Рингферайна”. Вмешивается полиция»⁶⁴. Девизом этого первого звукового фильма дуэта Харбоу—Ланг стал: «Прочь из студии, да здравствует действительность!»

Теа фон Харбоу занималась кропотливым изучением всех обстоятельств, она перебрала даже материалы берлинского полицей-президиума. Затем она на специально сконструированной широкой печатной машинке сочинила сценарий, который уже ее современники оценили как «шедевр сценарного искусства». В фильме обсуждается тема преступлений, совершенных на почве сексуальных извращений. Фильм представляет собой своеобразный призыв к применению в отношении таких преступников смертной казни. Именно этот фильм сделал Йозефа Геббельса, руководителя отдела пропаганды национал-социалистов и гаулайтера Берлина, поклонником Ланга. «Посмотрел “M” Фрица Ланга. Идеальный

⁶³Позже получившего название «M — город ищет убийцу» (*M — Eine Stadt sucht einen Mörder*).

⁶⁴Leo Hirsch. “M”, статья в «Berliner Tageblatt» за 12.5.1931.

фильм против чрезмерной гуманности. За смертную казнь. Хорошая работа», — записал он 21 мая 1931 года в своем дневнике. На будущее он набросал: «Ланг станет когда-нибудь нашим режиссером»⁶⁵.

В 1931 году фон Харбоу и Ланг в сопровождении Норберта Жака, создателя романа о докторе Мабузе, отправились в Стамбул на учебу. Во время поездки часто разговаривали на профессиональные темы и с ностальгией вспоминали о том, что великому финансовому успеху фильма «Доктор Мабузе, игрок» уже более десяти лет. Внезапно у одного из них возникла мысль — а что, если сделать продолжение фильма про доктора Мабузе? Ведь концовка фильма — взятие преступного центра — вполне располагала к продолжению. С воодушевлением они принялись за возрождение демонического Мабузе, который помимо всего прочего еще и приносил неплохие доходы его создателям. Так в 1932 году возник триллер «Завещание доктора Мабузе»⁶⁶.

12 января 1933 года Тea фон Харбоу пришла в ателье Конрада фон Молоса, который занимался монтажом фильма. Там она встретила, как она позже сама это описывала⁶⁷, симпатичного индийца Айи Тендулкара, с которым у нее завязалась очень оживленная беседа. Молодой человек, приверженец идей семьи Ганди, находился в Германии на учебе. Кроме того, он работал в журнале «Weltbühne» консультантом по вопросам Индии. Они болтали об очаровании Востока, о борьбе индийцев за независимость против Англии. Беседа быстро перетекла в дружбу, а дружба, в свою очередь, — в любовный роман.

⁶⁵ Запись от 21.5.1931. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil 1: Aufzeichnungen 1924–1941. Sämtliche Fragmente. 4 Bde., München 1987 ff.

⁶⁶ Das Testament des Dr. Mabuse.

⁶⁷ Показания Тea фон Харбоу следователю военной администрации Германии от 3.8.1947, Bundesarchiv Berlin.

Интимные отношения между сорокадвухлетней Теа и двадцатипятилетним Айи нарушали все неписаные законы и вызвали много шума даже в довольно толерантных к ситуациям подобного рода берлинских кинокругах. Когда состоятельная и щедрая сценаристка купила своему молодому любовнику автомобиль и засыпала его подарками, то это с насмешками обсуждалось во всем Берлине. «Вероятно, это была настоящая любовь, — так охарактеризовал ситуацию один из немногих посвященных. — Но лично я — как друг Фрица Ланга — с отвращением относился к этой неестественной ситуации, так как Айи был значительно моложе фон Харбоу»⁶⁸.

Но брак между Лангом и фон Харбоу к тому времени уже несколько лет был действительным только на бумаге. Уже после первого совместного года жизни выявились непреодолимые противоречия между Фрицем и Теа, которая позже довольно холодно писала об этом так: «Мы были женаты одиннадцать лет, потому что за десять лет мы не нашли времени развестись»⁶⁹. Несмотря на это, Теа не проявила должного равнодушия, когда Фриц Ланг в 1928 году начал отношения садо-мазохистского характера с Гердой Маурус, исполнительницей главной роли в фильмах «Шпионы» и «Женщина на Луне». Теа тогда страдала, но молчала об этом, и трио продолжало и далее жить в одном доме⁷⁰. Один из друзей супругов писал о сложившейся ситуации так: «Теа была тогда женщиной средних лет. Она была начитанной, изысканной и знала больше, чем показывала. Она вдохновляла Фрица Ланга, в духовном

⁶⁸ Интервью Конрада фон Моло. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.J., S. 291 f.

⁶⁹ Сообщение секретаря фон Харбоу — Эльфриды Нагель. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 303.

⁷⁰ Сообщение Ганса Фельда, 23.7 1980 Цит по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 286.

плане она намного превосходила его, но он не особенно хорошо с ней обращался... Она умела обращаться с разными людьми, но только не с Фрицем Лангом, так его невозможно было укротить. История с Гердой Маурус изменила их жизнь, они начали жить раздельно. Но что было удивительно, это их работа, которая их объединяла — иногда они дни и ночи проводили в Бабельсберге...»⁷¹

И в самом деле, с творческой точки зрения идеальное сотрудничество супружеской четы не могли нарушить ни одна из многочисленных любовных историй на стороне и выплески темперамента человека с таким тяжелым характером, как Фриц Ланг. На премьеры его фильмов, которые проходили в Вене, Лондоне, Стамбуле, супруги в полной гармонии всегда ездили вместе.

Но когда в жизни Теа фон Харбоу появился Айи Тендулкар, все кардинально изменилось. В 1933 году у Фрица Ланга была связь с Лили Латте. Но своей жене он подобных вольностей не позволял. Ее отношения с молодым индийцем он воспринимал как оскорбление своей мужской чести. Когда весной 1933 года Теа фон Харбоу окончательно порвала с мужем, он отреагировал с яростью, показав при этом свою оскорблённую гордость. «Он был вне себя, что Теа его оставила», — писал их общий друг Конрад фон Моло⁷². Это был разрыв, после которого о сотрудничестве между Теа фон Харбоу и Фрицем Лангом не могло быть и речи. С кинолентой «Завещание доктора Мабузе» завершился их брак, их совместная карьера — после девяти больших совместных проектов, — и была подведена тем самым завершающая черта под важной главой в истории кино.

⁷¹Ebd.

⁷²Интервью Конрада де Моло. Цит. по: Keiner, Thea von Harbou, a.a.J., S. 293.

Различные политические взгляды накануне захвата власти национал-социалистами не оказали влияния на разрыв творческой супружеской пары. Теа фон Харбоу испытывала большую симпатию к нацистам, хоть и с небольшими оговорками, Ланг же занял расплывчатую позицию — «он рвался и метался из стороны в сторону, и я видел, что он с удовольствием бы занял сторону нацистов», — заметил друг и ассистент Фрица Ланга Конрад фон Моло⁷³. Режиссер вел себя, как говорили о нем его друзья, как национал-социалист, как «прусский юнкер» и думал, что тем самым защитил себя от грубостей антисемитизма национал-социалистов — ведь его мать была еврейкой. Тем не менее Харбоу и Ланг подписали 16 марта 1933 года национал-социалистическое Коммюнике союза авторов, пишущих на немецком языке⁷⁴, и Фриц Ланг был одним из 26 режиссеров — сторонников нового режима, которые 27 марта 1933 года основали Национал-социалистическую производственную ячейку организации немецких по происхождению кинорежиссеров (*Nazionalsozialistische Betriebszellenorganisation der deutschstämmigen Filmregisseure — NSBO*)⁷⁵. По свидетельствам современников, функционеры НСБО терроризировали на своих кинофабриках социалистов и коммунистов и занимались распространением идеологии национал-социализма. С того дня, как нацисты вошли в правительство, за кулисами шла отчаянная борьба за посты в области средств массовой информации. Доктор

⁷³Keiner, Thea von Harbou, a.a.J., S. 293. Кондар фон Моло был ассистентом режиссера и монтажером во время работы над фильмом «Завещание доктора Мабузе». Интервью с Моло. Цит. по: Keiner, Thea von Harbou, a.a.O., S. 116.

⁷⁴«Film-Kurier» от 15, 16.3.1933.

⁷⁵Сообщение в «Die Kinematograph» (Берлин) от 4.4.1933.

Йозеф Геббельс использовал все средства, чтобы прекратить эту жесткую конкуренцию, и 14 марта 1933 года ему было поручено принять руководство новым Имперским министерством народного просвещения и пропаганды. Свои планы в области немецкой киноиндустрии он представил уже 28 марта 1933 года в праздничном зале одного из берлинских отелей. «Сегодня вечером я впервые выступаю с речью перед деятелями кино. Я с большим успехом раскрою им новую программу развития киноискусства в нашей стране. Я убежден, что все участники этого собрания охотно будут сотрудничать по выполнению этой программы. Фильм может быть полезен только тогда, когда он пропитан в духе Германии и черпает силы в сущности немцев...» — записал он в своем дневнике⁷⁶.

Среди тех, кто охотно принял приглашение министра были Теа фон Харбоу и Фриц Ланг. Но они пришли не вместе, и эта встреча стала последней. Оба единодушно внимали речам Геббельса. Польщенные, они слушали о том, что фильм «Нибелунги», имевший некогда огромный успех, приводился в качестве примера, который в превосходной степени объединяет в себе искусство и общественные современные тенденции: «Все же материалы прошлого могут стать современными и даже потрясти борцов национал-социалистического движения». Затем министр уточнил: «Мы не думаем о том, чтобы хоть в какой-то мере терпеть, чтобы те идеи, которые в новой Германии были уничтожены с корнем, каким-либо образом вновь вернулись в кино в закамуфлированном или в открытом виде». Одного лишь правильного образа мыслей, копирования старых символов, а также неуклюжих попыток диалогизировать по поводу партийной про-

⁷⁶Запись от 28.3.1933, Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

граммы, очевидно, уже недостаточно: «Обязательно наличие производственных способностей и качества!»

После высокой похвалы, которой удостоились Теа фон Харбоу и Фриц Ланг из уст министра пропаганды, на следующий день последовал шок: фильм «Завещание доктора Мабузе» был запрещен. Триллер, премьера которого была широко анонсирована всеми газетами, стал первым фильмом, показ которого был запрещен недавно созданной национал-социалистической цензурой 29 марта 1933 года из-за опасения возникновения общественных беспорядков⁷⁷. Внутри министерства ходили слухи, что причиной запрета стала концовка фильма — доктор Мабузе впадает в безумие, что не соответствовало представлениям режима о справедливом наказании.

То, что случилось позже, стало легендой в биографии Фрица Ланга. Один легковерный американский автор с «мечтательной непринужденностью» даже написал роман о последних днях Ланга в Берлине⁷⁸, а сам Ланг рассказывал о своем « побеге» несколько версий, которые с годами становились все драматичнее⁷⁹.

Произошло же вот что. Геббельс в конце марта 1933 года пригласил режиссера на встречу в Министерство пропаганды. «Мне было не по себе», — писал об этом Ланг и описывал ужасающую церемонию: как он шел, содрогаясь от страха, по длинному, холодному коридору мимо вооруженных штурмовиков, которые кричали: «Хайль Гитлер!» Затем режиссера принял имперский министр. «Я был вызван к Геббельсу не для того, чтобы отчитаться, чего я очень боялся, а, к моему удивлению,

⁷⁷Kraft Wetzel, Peter A. Hagemann, Zensur – Verbotene deutsche Filme. 1935–1945, Berlin 1978, S. 161 ff.

⁷⁸Howard A. Rodman, Langopolis, Berlin 1988.

⁷⁹McGilligan, Fritz Lang, a.a.O., S. 174 ff.; Curt Riess, Das gab's nur einmal, Hamburg 1956, S. 438.

чтобы мне рассказали, что Гитлер дал поручение Геббельсу предложить мне руководящий пост в немецкой киноиндустрии. «Фюрер посмотрел ваш фильм „Метрополис“ и сказал: это тот человек, который создаст для нас национал-социалистическое кино». Я уехал из Германии в тот же вечер. Разговор с Геббельсом продолжился до половины третьего дня; за это время закрылись почти все банки, и я не смог взять с собой денег. Дома у меня было, к счастью, достаточно средств, чтобы купить билет до Парижа, и на Северный вокзал (*Gare du Nord*) я прибыл, не имея в кармане ни пфеннига»⁸⁰.

В то время полный трагизма рассказ Ланга не подвергался ни малейшему сомнению, и беседа с Геббельсом вошла, таким образом, в историю как «беседа, которая из самого знаменитого режиссера Германии сделала вечного эмигранта». Теа фон Харбоу, которая знала всю правду, никогда не опровергала рассказы своего бывшего мужа. Причиной этого был характер Теа. Ее секретарша Элфрида Нагель писала: «Фрау Харбоу могла без остатка отдать все, что у нее было, человеку, который был для нее дорог. Если она разочаровывалась в этом человеке, то она просто вычеркивала его из своей жизни и никогда больше не говорила о нем»⁸¹.

После Второй мировой войны, когда начали проводиться исследования о истории Третьего рейха, были опубликованы дневники Геббельса⁸², в которых министр пропаганды с педантичной точностью записывал каждую деталь

⁸⁰Eisner, Lang, a.a.O., S. 14 f.

⁸¹Интервью с Элфридой Нагель, урожденной Заринг. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 303 ff.

⁸²На русском языке издано лишь несколько разрозненных отрывков из дневников Геббельса: в книгах М. Ржевской «Берлин, май, 1945 год» и «Геббельс: портрет на фоне дневников», а также Агапова А.Б. «Дневники Йозефа Геббельса: Прелюдия «Барбароссы». – Прим. науч. ред.

своего дня. Тот разговор, столь важный для немецкой киноиндустрии, в них не упоминается. То место, которое, по словам Ланга, Геббельс предлагал занять ему, то есть возглавить ведомство киноиндустрии, никогда не существовало в подобной форме, так как новые власти имущие принципиально назначали на все важные посты в киноиндустрии политиков, а не деятелей искусства⁸³. Как на самом деле происходил отъезд Ланга из Германии, выяснилось только тогда, когда литературное наследие режиссера перешло в Берлинский фонд германской кинематеки⁸⁴.

Штампы в паспорте Ланга доказывают, что режиссер в марте 1933 года ни в коем случае не покидал Германии вспыхах. Напротив, известно, что он подал на развод, съездил в Англию, Бельгию и Австрию, но каждый раз возвращался в Берлин. 31 июля 1933 года Ланг с Эрихом Поммером отправился в Париж, чтобы начать совместную работу над фильмом «Лилиом». При этом средств у него было достаточно – что полностью противоречит его более драматичной версии. Ему удалось обойти строгий закон о вывозе валюты за границу – он обещал одному знакомому устроить его на работу, за что тот должен был привезти в Париж его «почту» из Берлина. В Париже выяснилось, что посредник, который понятия не имел, что находится в этой почте, перевез через границу контрабандой 100 000 рейхсмарок. Работы, однако, он никакой не получил⁸⁵.

Планировал ли Ланг уже тогда свою эмиграцию или нет, остается неясным и по сей день. По крайней мере,

⁸³Felix Moeller, *Der Filmminister. Goebbels und der Film im Dritten Reich*, Berlin 1998, S. 161.

⁸⁴См. статью «Ein Schlaufwandler bei Goebbels» в журнале «Der Spiegel» за 26.11.1990.

⁸⁵Беседа с Конрадом фон Мало 10.3.1981. Цит. по: Keiner, Thea von Harbou, a.a.O., S. 291 ff.

никто ничего об этом не подозревал. Ничего не знал об этом ни тот бедняга, который провез для Ланга крупную сумму через границу, ни министр пропаганды Геббельс. Ничего не подозревавший Геббельс 29 октября 1933 года в кругу друзей по случаю своего дня рождения устроил частный просмотр фильма «Завещание доктора Мабузе». Он наслаждался запрещенным фильмом своего любимого режиссера, возлагая на него большие надежды и строя планы на будущее национал-социалистического кино⁸⁶.

28 ноября 1933 года Фриц Ланг в последний раз приехал в Германию, чтобы разобраться со своими имущественными делами. Еще одной целью его приезда было завершение бракоразводного процесса, который длился с апреля 1933 года⁸⁷ и вызвал в кинематографических кругах большой шум. В суде Ланг объявил, что его жена за последние полтора года, несмотря на повторяющиеся напоминания, упрямо и без объяснения причин отказывалась исполнять свой супружеский долг. Теа фон Харбоу подтвердила это, не вдаваясь в комментарии, на что судья сделал строгий выговор, и брак был расторгнут по вине супруги. Лили Латте, любовница Ланга, и Айи Тендулкар, любовник Харбоу, упомянуты на суде не были. Все движимое имущество было отчуждено в пользу Ланга, который по решению суда был признан невиновной стороной. Среди наиболее ценных вещей Ланг получил коллекцию предметов искусства и многочисленные картины современных художников, в том числе восемь картин Эгона фон Шиле⁸⁸.

⁸⁶ Запись от 30.10.1933. Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

⁸⁷ Описание бракоразводного процесса см. McGilligan, Fritz Lang, a.a.O., S. 182 f.

⁸⁸ Эгон фон Шиле (1890–1918), австрийский художник и рисовальщик, стал известен как автор эротических рисунков и картин. — Прим. науч. ред.

Общее имущество супругов было оценено примерно в 40 000 рейхсмарок.

Та вражда между Теа фон Харбоу и Фрицем Лангом, которая сопровождала их во время всего бракоразводного процесса, продлилась на десятилетия. Даже после Второй мировой войны, когда возник вопрос об общих авторских правах, личной встречи между ними так и не произошло.

В июне 1934 года Фриц Ланг, который с ноября 1933 года постоянно жил в Париже, вместе с Эрихом Поммером, новым европейским директором кинокомпании «ХХ век – Фокс», отправился в Голливуд, где нашел свою вторую родину и начал международную карьеру. Лишь в 1956 году он ненадолго приезжал в Германию. Несколько искаленная и приукрашенная версия о его « побеге » никак не меняла того факта, что Ланг намеренно повернулся спиной к Третьему рейху, но все же оставляла открытым вопрос о причинах его колебания: как правило, симпатизирующие Третьему рейху не отправлялись в эмиграцию. На самом деле постоянные сложности на киностудии УФА и расовые законы, изданные нацистами, которые угрожали и наполовину евреям, должно быть, стали решающим фактором. Помимо этого, свою роль сыграла не только оскорбленная часть покинутого супруга, но и пример многих других эмигрантов, а также манящие перспективы Голливуда, где Ланг надеялся сделать карьеру.

Еще во время бракоразводного процесса Теа фон Харбоу совершила поездку в Голландию, чтобы представить там свой новый фильм «Первое право ребенка», который был запрещен в Германии с мая 1933 года. Печальный опыт с цензурой, введенной нацистами, тем не менее не мог удержать писательницу от вступления в Национал-социалистическое профессиональное кинообъединение (NS-Reichsfachschaft Film) 12 октября 1933 года. Для

этого бывшей супруге человека, которого нацисты определили как «наполовину еврей», пришлось заполнить анкету и сделать обязательную подпись: «Ни я, ни мои родители не являются потомками евреев либо людей другой негерманской расы»⁸⁹. Затем Теа фон Харбоу впервые попробовала себя в ипостаси Фрица Ланга, став режиссером фильма «Элизабет и дурак»⁹⁰. Тем самым осуществилось ее желание, которое она впервые почувствовала, когда работала на съемочной площадке в качестве консультанта и ассистента на съемках фильмов по ее сценариям. Пресса презрительно писала о режиссерском дебюте фон Харбоу в фильме, который рассказывал о деревенском дураке, оказавшемся в женском монастыре, приклеив к нему ярлык «конгломерата отталкивающих тем»⁹¹. Вновь вмешалась национал-социалистическая цензура на этот раз уже вследствие «попрания религиозных чувств, неверного представления о полиции и нарушения доверия в авторитет государства». Раздосадованная, но сохранившая свою верность режиму, Теа фон Харбоу в конце 1933 года взялась за перо. Она написала письмо Карлу Ауэну⁹², руководителю Национал-социалистического профессионального кинообъединения, и раскритиковала новые порядки в немецкой киноиндустрии: «Всеобщая неуверенность ведет к убийственному уродованию кинематографа. С одной стороны, страх способствует тому, что создатели фильмов стараются избежать любого столкновения с цензурой, и дело дохо-

⁸⁹ Заявление от 12.10.1933. Thea von Harbou, Personalien, RKK 2600: Harbou; Box 0076, File 13, Bundesarchiv Berlin.

⁹⁰ «Elisabeth und der Narr», первоначально фильм назывался «Элизабет, белая сестра святого Витта» («Elisabeth, die weisse Schwester von St. Veith»). – Прим. науч. ред.

⁹¹ «Film-Kurier» (Берлин), 25.1.1934.

⁹² Карл Ауэн (1892–1972), немецкий актер.

дит практически до инфантилизма. С другой стороны, самыми прекрасными "немецкими темами" и литературными произведениями теперь распоряжаются люди, которые под влиянием конъюнктуры немецкой идеи совершают опасные дела, не имея внутреннего убеждения, ни даже духовной искры, и считают, что только с ними можно обсуждать подобные темы». Об отъезде из Германии многочисленных деятелей кино она также написала, используя сложный, практически «заумный» язык: «...иностранные и очень влиятельные богатые люди... объяснили мне, что при подобных обстоятельствах предпочтут вкладывать средства в фильмы, снимаемые в Праге либо Париже... это, конечно, означает, что, как следствие этого, безработица охватит немецких работников киноиндустрии». Намекая на назначение на посты в области кинопроизводства многочисленных партайгеноссе, верных линии партии, что зачастую только способствовало хаосу в отрасли, Харбоу считала, что «ни один человек в мире киноиндустрии не знает больше, чем тот, кто, собственно, может сказать решающее слово, которое гарантирует ее развитие». Затем сценаристка переходила к своей просьбе: «...нельзя допустить того, что эти неловкие меры уничтожат доверие к немецкому кино. Под неловкими мерами я понимаю промахи киноцензуры, которые имели место с фильмом "Элизабет". Этот фильм, в безобидности которого имела возможность убедиться кинопалата, из-за сомнений и опасений, которые выразили полицейские эксперты, был сначала запрещен, в то время как он был рекомендован к прокату другим полицейским экспертом»⁹³. «К сожалению, нет», — сделал пометку на полях папки национал-

⁹³Письмо Карлу Ауэну от 25.11.1933. RKK 2600: Harbou; Box 0076, File 13, f. 7 ff., Bundesarchiv Berlin.

социалистический функционер Ауэн. В заключение письма Тea фон Харбоу с сарказмом процитировала Гёте: «*Üegnunf wird Unsinn, Wohltat Plagé!*» («Разум станет бессмыслицей, благодеяние – проклятием!»). Руководители кинообъединения такая концовка не смущила. Он сделал лаконичную пометку на конверте письма: «Мабуз! Первое право ребенка!», чтобы напомнить коллегам об уже запрещенных фильмах фон Харбоу, и отправил письмо дальше в главную службу по кинцензуре.

Министр пропаганды Геббельс был, однако, благодарен, что в Германии осталась хотя бы половина знаменитой кинопары Ланг–Харбоу. Он заступился за фон Харбду, и фильм Тea был разрешен к показу. Конфликт был тем самым исчерпан⁹⁴. Тea фон Харбоу пыталась еще раз выступить в качестве режиссера в фильме «Агра грёз» (*Traumspiel*) по драме Герхарта Гауптмана «Вознесение Ганнеле», но работа вновь была не столь убедительной, как ее сценарии, и потому великая сценаристка вновь вернулась к прежней профессии.

Со временем Тea фон Харбоу сумела договориться с национал-социалистическим режимом, ведь патриотически настроенная писательница нашла в национал-социализме многое, что перекликалось с ее собственными идеями. Таким образом, она вошла в ряд тех деятелей кино, которые верно и надежно служили Третьему рейху и за это щедро вознаграждались всеми новыми и новыми заказами. Теневые стороны нацистской диктатуры фон Харбоу считала издержками переходного периода молодой еще политической системы, старалась избегать критики и любой конфронтации с властью имущими. Будучи окруженной еврейскими друзьями и коллегами, она, хотя

⁹⁴ 24.1.1934 состоялась премьера «Элизабет» в берлинском Мюцартовском кинозале.

и отвергала все более ожесточающиеся расовые законы, в некоторых случаях вступалась за знакомых и иногда искала возможности обойти эти законы, как это было в случае с ее секретаршой-еврейкой.

«Я официально оставила свою еврейскую секретаршу [Хильду Гуттман]... несмотря на протесты министра пропаганды, достаточно долгое время после передачи власти; позже в качестве маскировки фрейлейн Гуттман я взяла на работу бывшего секретаря Фрица Ланга... но работала только с фрейлейн Гуттман. Она сопровождала меня в поездках к Эмилю Яннингсу. Фрейлейн Гуттман первая разорвала наши очень гармоничные рабочие отношения, уехав в Лондон, где заняла место у двоих адвокатов, о которых я знаю только то, что они негры. Я никогда не забуду слова, на которые она решилась, разрывая нашу дружбу: “Давайте расстанемся, моя дорогая госпожа, прежде чем вас вынудят сделать это”», — писала Теа фон Харбоу после 1945 года⁹⁵.

Ее произведения, созданные после 1934 года, полностью соответствовали национал-социалистическому мировоззрению. Писательница создала, как от нее и требовалось, рутинные развлекательные произведения, такие как «Идеальный супруг», «Турандот» или «Муттерланд», но были и значительные политические фильмы⁹⁶. В конце 1934 года Теа фон Харбоу пригласили участвовать в работе над первым крупным пропагандистским фильмом Третьего рейха «Старый и новый правитель» (*Der alte und der junge Herrscher*), темой которого был конфликт между королем Фридрихом Вильгельмом I и

⁹⁵Показания фон Харбоу следователю военной администрации в Германии от 3.8.1947.

⁹⁶Wolf-Urich Haentsch, *Thea von Harbou und der Film im Dritten Reich, Eine Autorin zwischen Politik und Unterhaltung*, Frankfurt am Main 1986, S. 70 ff.

его сыном Фридрихом II. Отец, довольно симпатично сыгранный Эмилем Яннингсом, проявляет большое беспокойство о том, что кронпринц интересуется только французской литературой и музыкой и самым грубым образом пренебрегает своими офицерскими обязанностями. После ожесточенных споров проваливается попытка Фридриха при поддержке его друга Каттэ бежать из отцовского дома, и верного спутника казнят на глазах наследного принца. Лишь у смертного одра происходит примирение между отцом и сыном.

Геббельс лично заказал этот фильм, финансирование производило имперское правительство, а за съемками непрерывно наблюдали сотрудники Министерства пропаганды (Эрих Крёнке), что гарантировало корректное оформление «государственного фильма». Верный линии партии сценарий Теа фон Харбоу ловко проводил параллели с современными событиями. В нем она сравнивает прусское государство с «новой» Германией и внушает публике, что только милитаризм, а не эстетика определяет будущее народа. Ее герой, король, уничтожает книги своего сына со словами: «В огонь этот мусор!», чем аргументированно разъясняет массовое сожжение книг национал-социалистами в мае 1933 года. Адольф Гитлер становится прототипом короля: каждый пруссак принадлежит своему фюреру. Его воля — закон, и что не покоряется ему, должно быть уничтожено! Тем самым она, хоть и несколько запоздало, оправдывает кровавое истребление верхушки СА во время так называемой «Ночи длинных ножей». В остальном же дела короля, то есть фюрера, слишком «велики, чтобы быть понятыми мелкими душами»⁹⁷.

Сценарий Теа фон Харбоу, режиссерское мастерство Ганса Штейнхофа — он заявил о себе уже с выходом филь-

⁹⁷Haentsch, Thea von Harboe, a.a.O., S. 83.

ма «Гитлерюнге Квекс», а также актерский талант Эмиля Яннингса, который вскоре стал звездой всегерманского масштаба, вызвали в национал-социалистических кругах большое уважение и восхищение. Прессы, тогда уже выступавшая как единое целое, ликовала: «Это политический фильм! Но тема была раскрыта так, что даже самый простой немец из народа мог понять истинную правду, лежащую в основе этого фильма»⁹⁸. На грандиозной премьере этого фильма в Берлине 5 февраля 1935 года в УФА-Паласте появились помимо министра пропаганды Геббельса и рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера все, кто занимал в национал-социалистической культуре высокое положение.

8 февраля 1935 года фюрер и доктор Геббельс, как сообщали газеты, «в едином порыве встретились с деятелями кино»⁹⁹. Поводом стало открытие самого большого киноархива в мире в Берлине-Далеме. Вначале для развлечения приглашенных гостей старые фильмы со сценами уличного движения были прокрученены наоборот, что, как сообщали газеты, вызвало безудержную радость публики. Кульминацией вечера должен был стать показ нового фильма «Старый и молодой правитель». Когда неожиданно появился Гитлер, то демонстрацию фильма тотчас прервали, так как фюрер и рейхсканцлер уже видел этот фильм. Гитлер с воодушевлением болтал с многочисленными выдающимися деятелями кино. Тогда Теа фон Харбоу впервые услышала от Гитлера, как она позже сама писала об этом, запоздальные слова благодарности и восхищения ее талантом. Гитлер ей рассказал, как он ценит ее ранний фильм «Нибелунги» и что эта картина входит в число картин, которые

⁹⁸ «Reinisch-Westfälische Filmzeitung» 7, № 66 2.2.1935.

⁹⁹ «Deutsche Filmzeitung» (Мюнхен), 10.2.1935.

часто крутят Бергхофе. Затем сценаристка с большой радостью внимала его планам по современной адаптации немого кино. Ей очень польстило, что Гитлер лично в высшей степени вежливой форме попросил ее участвовать в этом проекте. Позже Геббельс так написал об этом пожелании Гитлера: «Фюрер хочет, чтобы был снят новый звуковой фильм о Нibelунгах. Этот фильм должен был стать грандиозным. Учебное пособие для школ. Образцовое произведение. По возможности уже в цвете. Он посмотрел старый немой фильм, и тот произвел на него очень глубокое впечатление»¹⁰⁰. В марте 1935 года выяснилось, что присутствовавший на том приеме и долго беседовавший с фюрером актер Альфред Абель¹⁰¹, столь любимый Гитлером, был евреем. Ему немедленно было запрещено заниматься профессиональной деятельностью. Тea фон Харбоу вспоминала об этом: «Он [Абель] позвонил мне тогда в совершенном отчаянии и попросил у меня совета; сразу после этого я попросила аудиенции у Геббельса и вскоре была принята им. На мою просьбу относительно Абеля он спросил меня: “Вы понимаете, как вы будете выглядеть в глазах других людей, если вы будете помогать евреям?” Я ответила: “В случае с таким актером, как Альфред Абель, разовый вопрос не должен играть никакой роли”. Спустя восемь дней Геббельс вновь вызвал меня и сказал: “Могу порадовать вас, фрау фон Харбоу, вопрос с Альфредом Абелем решен положительно. Позвоните ему и сами сообщите ему эту новость”», — писала Тea фон Харбоу об этом разговоре с Геббельсом¹⁰².

¹⁰⁰Запись от 31.12.1936. Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

¹⁰¹Альфред Абель (1879–1937), немецкий актер и режиссер. Играли в фильме Ланга «Метрополис».

¹⁰²Показания Тea фон Харбоу следователю военной администрации Германии от 3.8.1947. Bundesarchiv Berlin.

В конце мая 1935 года фильм «Старый и новый властитель» был объявлен обязательным для школьной программы. Тысячи учителей, которые должны были показать фильм восьми миллионам детей, были проинструктированы, что после просмотра фильма должны обязательно состояться дискуссии на темы: «Проблема поколений отцов и детей», «Плоды грубого воспитания» и «Государственный разум и безграничный индивидуализм», причем интерпретировать все эти проблемы стоило строго в духе национал-социализма.

На многочисленные чествования и торжественные приемы, которые устраивались в честь коллектива съемочной группы, Теа фон Харбоу неизменно появлялась одна. Ее индусский спутник жизни, с которым она с 1933 года жила в Берлине на Гельферштрассе¹⁰³, не участвовал в этих мероприятиях. Он всегда оставался на заднем плане. Несмотря на то что, согласно расистским законам Третьего рейха, индусы и считались арийцами, связь Теа фон Харбоу с доктором Тендулкаром в национал-социалистических кругах не приветствовалась. Писательница не стала оспаривать такое положение вещей и жила со своим любовником очень уединенно. «Ее редко можно было увидеть в обществе, — заметил один знакомый, — потому что она много времени проводила дома, и именно дом был центром ее существования»¹⁰⁴.

В узкий круг друзей писательницы входил актер Эмиль Яннингс, с которым она была знакома еще с 1915 года, режиссер Вейт Харлан и его супруга и, как ни странно, первый муж Теа — Рудольф Клейн-Рогге, с которым она на всю жизнь сохранила дружеские отношения. Эмиль

¹⁰³Позже Подбельски-аллее, а также Берлин-Шарлоттенбург, Франкеналлее.

¹⁰⁴Сообщил Феликс Лютцендорф в марте 1981 года. Цит. по: Keiner, Thea von Harbou, a.a.O., S. 295 f.

Яннингс после успеха фильма «Старый и молодой властитель» считался звездой национал-социалистического кино. Когда Геббельс предложил ему художественное руководство другим «государственным кинопроектом» под названием «Властитель», то Яннингс с удовольствием согласился¹⁰⁵. В начале июля 1936 года актер, выступавший теперь в роли продюсера, предложил написать сценарий Теа фон Харбоу, а в качестве режиссера пригласил Вейта Харлана. Теа фон Харбоу, Вейт Харлан и еще несколько участников проекта собрались в доме Яннингса на Вольфгангзее. В идиллической атмосфере австрийского Зальцкаммергута состоялись первые переговоры по фильму «Властитель», который планировался на основе драмы «Перед заходом солнца» Герхарта Гауптмана¹⁰⁶. «Тогда я жил в его доме на Вольфгангзее, — писал Вейт Харлан. — Теа фон Харбоу, которая писала сценарий фильма по театральной пьесе Гауптмана, также жила у Яннингса. Она все время вязала пулlover и при этом диктовала своей секретарше сцены, которые вечером прочитывались вслух и обсуждались... У Яннингса никогда не было дара к написанию сценариев. Но отдельные сцены он мог рассказать так пластично, что нужно было лишь внимательно слушать его, чтобы представить все это наяву. Теа фон Харбоу стенографировала многое из того, что рассказывал Яннингс, и следствием этого стало то, что некоторые сцены были записаны очень оригинально, так, как Яннингс их импровизировал»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ «Ein neuen Jannings-Film entsteht». In: Bild- und Textrightinformationen der Tobis-Syndikat, Berlin o.J.; статья «Der Herrscher» в газете «Frankfurter Zeitung» № 143/144, 19.3.1937.

¹⁰⁶ Boguslaw Drewniak, Der deutsche Film 1938—1945. Düsseldorf 1987, S. 506.

¹⁰⁷ Haentsch, Thea von Harbou, a.a.O., S. 96.

«Властитель» описывает судьбу Маттиаса Клаузена [его роль исполнял Эмиль Яннингс], пожилого овдовевшего крупного промышленника, который намеревается жениться на своей молодой секретарше. Его семья сопротивляется такому решению, дети грозятся, что оформят опеку над ним. Клаузен хотя и отказывается в конце концов от своей возлюбленной, но завещает свои огромные сталелитейные заводы государству, которое продолжает дело его жизни¹⁰⁸.

То, как Теа фон Харбоу неполитическое произведение Гауптмана превратила в оду сталелитейной промышленности, столь необходимой Германии, собирающейся вести войну, и снабдила сценарий взрывоопасным политическим содержанием, удивило даже экспертов национал-социалистической пропаганды. Они не скрывали своего восторга: «“Властитель” – это шедевр киноискусства! Фильм сделал из бюргера-издателя национал-социалистического фюрера военной экономики! Из человека, для которого, по Гауптману, важно лишь личное удовольствие и благополучие, фон Харбоу сделала думающего социалиста, действующего во благо общества. Издатель у Гауптмана погибает вместе с миром, правитель же фон Харбоу побеждает его. При этом фильм mestами слово в слово повторяет драму – подобные мутации раньше считались невозможными»¹⁰⁹. Диалоги фон Харбоу изобилуют национал-социалистическими лозунгами, но в партийных кругах наибольший восторг вызвали выдержки из речей Гитлера, гармонично вписанные в сценарий. Так без прикрытия в фильме можно было услышать «Фюрер – образец», и аналогично Гитлеру – «первому рабочему государства» – промышленник

¹⁰⁸Karin Bruns, Kinomythen, a.a.O., S. 214, 218 ff.

¹⁰⁹Wulf, Theater und Film im Dritten Reich, Berlin, 1964, S. 337.

в фильме называется «первым рабочим завода». Когда Клаузен цитировал: «Нет, господа! Мы здесь для того, чтобы миллионам и миллионам рабочих дать хлеба. Мы здесь для того, чтобы работать на благо народа... все это необходимо для него! Без возражений!.. Даже если я тем самым... все предприятие веду к пропасти...», — то даже простые люди без труда узнавали слова и интонацию своего любимого фюрера.

4 марта 1937 года Тea фон Харбоу, уже уважаемая в национал-социалистических партийных кругах сценаристка, была приглашена на официальный обед во французское посольство, которое почтил своим присутствием также доктор Йозеф Геббельс. Он записал в своем дневнике: «...здесь много интересных людей. Я везу Тea фон Харбоу домой. Она рассказывает мне о своих новых кинопланах. Очень умная женщина»¹¹⁰. И в самом деле знаменитая писательница могла рассказать министру очень многое, так как предстояла премьера «Властителя». Под звуки увертюры из оперы Бетховена «Эгмонт» и в присутствии многочисленных высших партийных чинов премьерный показ состоялся 17 марта 1937 года одновременно в Берлине, Гамбурге и Дюссельдорфе. В том же году кинокартина была отмечена национальной кинопремией.

1937 год стал для Тea фон Харбоу самым продуктивным годом за весь период Третьего рейха. В то время как Фриц Лант стал в США решительным противником нацизма, интерпретировал свои старые фильмы теперь уже как критику режима и основал «антинацистскую лигу», его бывшая супруга в бешеном темпе писала сценарии для самых значительных режиссеров гитлеровской Германии. По ее проекту возникли «Не обещай мне ничего»

¹¹⁰ Запись от 5.3.1937. Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

(режиссер Вольфганг Либенейнер), «Разбитый кувшин» (режиссер Густав Уики), а также «Материнская любовь», фильм, снятый совместно немецкими и итальянскими кинематографистами, со знаменитым тенором Бенжанимо Джильи и оперной певицей Марией Чеботари.

Теа фон Харбоу выступала также с докладами в Немецкой академии киноискусства, основанной 1 ноября 1938 года в Берлин-Бабельсберге, основные задачи которой Геббельс лично — чтобы исключить малейшую тень сомнения — обрисовал еще при закладке первого камня в фундамент. Темами выступления Теа стали «Борьба нордического человека за его место в картине мира», «Расовые соображения национал-социалистов», «Тень евреев над миром», а также «Возрождение Германии на пути за воевания мирового господства»¹¹¹.

«Руководительница съемок», как звучала должность Теа фон Харбоу в Третьем рейхе, на основе своих сценариев, отличавшихся верностью линии партии, стала не-пререкаемым авторитетом в мире немецкого кино. Ее советы постоянно спрашивали те, кто хотел придать текстам, запрещенным нацистской цензурой, вполне приемлемый для режима вид. В случаях, когда компромисс казался возможным, ведомство цензуры само предлагало кинопродюсерам привлечь фрау фон Харбоу. Сотрудничать с ней было приятно. «Она предлагала вырезать некоторые места и перемонтировать фильм. Она помогала придать этому фильму определенный дух... Она не поучала, как полицейский...», — позже вспоминал один из режиссеров¹¹².

¹¹¹Wulf, Theater und Film, a.a.O., S. 302 ff.

¹¹²Arthur M. Rabenalt. Цит. по: Keiner, Thea von Harbo, a.a.O., S. 284.

Одним из тех, кого Тea фон Харбоу часто консультировала по доброй воле, был еще ее хороший друг Эмиль Яннингс, которому она помогала также при работе над антибританским фильмом «Папаша Крюгер». Сценаристка входила в тот близкий круг кинодеятелей, которые собирались в «феодальной» летней резиденции Яннингса. Летом 1938 года Йозеф Геббельс посетил своих верных кинематографистов на Вольфгангзее. Имперский министр пропаганды совершил для этой цели поездку в «возвращенный в Германский рейх» Зальцкаммергут, посетил Линц и Леондинг, где почтил годы, проведенные здесь фюрером, встречался со школьными друзьями Гитлера и навестил могилы родителей фюрера. В Сент-Вольфганге его ожидал «государственный актер» и член Сената культуры Эмиль Яннингс. «Посетил с Яннингсом [в пасторской церкви Св. Вольфганга]. Был в резиденции Яннингса — это настоящий рай. Он живет здесь как настоящий князь. Долго спорили о кино. С Яннингсом, Краузе¹¹³, госпожой Харбоу. Спор был горячим. Но все склоняются к моей точке зрения. Поездка в Зальцбург под проливным дождем...» — записал Геббельс в своем дневнике¹¹⁴.

Большинство крупных деятелей национал-социалистической киноиндустрии регулярно просили совета и помощи у Тea фон Харбоу: «Когда Вейт Харлан начинал работу над материалом, то Тea фон Харбоу всегда принимала в этом участие, даже если автором сценария была не она; так она превратилась в своего рода печать качества для него, и он всегда прислушивался к ее опыту и учитывал ее советы», — вспоминал Феликс Лютцкен-

¹¹³ Вили Краузе, в 1934–1936 годах имперский драматург (*Reichsfilm-dramaturg*), в 1935–1938 годах — кинорежиссер.

¹¹⁴ Запись от 22/23.7.1938. Goebbels, *Tagebücher*, а.а.о.

дорф¹¹⁵. Она охотно помогала Харлану советами и на съемках фильма «Еврей Зюсс» — самого антисемитского фильма Третьего рейха.

Начало Второй мировой войны поставило перед немецкой киноиндустрией новые сложные задачи. Уже спустя полгода после начала войны в Министерстве пропаганды сходились в едином мнении, что снимать фильмы можно было доверить только по политически надежным сценариям проверенных авторов. «Кино нужны поэты!» — писала нацистская пресса по поводу рабочего заседания в январе 1940 года, когда сценаристам разъясняли их новые задачи, обусловленные войной. В списке тех, кого признали «пригодными для в художественном смысле безупречного оформления кинокартин», Теа фон Харбоу занимала первое место. Помимо этого, с удовлетворением было воспринято ее решение, принятое ею в конце 1940 года, наконец вступить в НСДАП¹¹⁶.

После окончания войны фон Харбоу объясняла свой поступок так: «Хотя я и была членом НСДАП с 1941 года, но никогда не выполняла никакой партийной работы, и честно сознаюсь, что до последнего момента не знала, к какой ортсгруппе я все-таки принадлежу. Я платила взносы, и тем самым дело было для меня закончено»¹¹⁷. Она утверждала, что вступила в партию только для того, чтобы помочь другим: «Я использовала все свои возможности, чтобы в 1940 году в Министерстве иностранных дел оказать помощь индусам, которые оставались в Германии, и индийским военнопленным. Там мне объясни-

¹¹⁵Интервью с ним в марте 1981 года. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 295.

¹¹⁶Показания Теа фон Харбоу следователю военной администрации Германии от 3.8.1947. Bundesarchiv Berlin.

¹¹⁷Ebd.

ли, пожимая плечами: «Как вы можете надеяться, что чего-то добьетесь здесь? Вы даже не член партии». Тогда я и подала заявление на вступление в НСДАП»¹¹⁸.

1 ноября 1941 года Теа фон Харбоу, которая тогда без малейших моральных стеснений оказывала поддержку создателям антисемитского пропагандистского фильма «Еврей Зюсс», пережила трагедию, которая глубоко потрясла ее. Дело касалось кинозвезды Иоахима Готтшалка, который сыграл в фильмах «Всю свою жизнь» и «Ты и я», и было следствием немилосердных расовых законов нацистского режима. Из-за своей жены-еврейки Готтшалк считался «имеющим родственные связи с евреями», был объявлен врагом государства, получал все меньше и меньше предложений и пришел в конце концов в полное отчаяние из-за сложившейся ситуации. Наконец ему удалось получить ангажемент в театре «Berliner Volksbühne», директор которого протежировал его. Готтшалку позволили даже играть в кино. В октябре 1941 года произошло роковое событие. Актер, очень популярный, но в то же время очень скромный, отправился в кабачок вместе со своей женой Метой, чтобы отпраздновать выход своего фильма «Шведский соловей». Геббельс также пришел на празднование, поздравил его и поцеловал фрау Готтшалк руку, по своему обычаю, не подозревая истинное положение вещей. Завистники из кинематографических кругов и верные партайгеноссе не могли не использовать эту ситуацию и распространили слух, что министр чувствует себя скомпрометированным женщиной неарийского происхождения. Несмотря на то что Геббельс сам опровергал это утверждение, сотрудники Имперской палаты кино в ультимативной форме потребовали, чтобы актер развелся. Готтшалк не видел никак-

¹¹⁸Ebd.

кого выхода. Вместе со своей женой и сыном Михаэлем, недавно принятым в Гитлерюгенд, 1 ноября 1941 года они добровольно ушли из жизни. Вся семья отравилась, приняв смертельную дозу снотворного. Этот случай попытались сохранить в тайне, и участие в похоронах, за которыми строго наблюдало гестапо, было запрещено. Теа фон Харбоу проявила гражданское неповиновение и была одной из немногих, кто ослушался этого запрета¹¹⁹.

После 1945 года Теа фон Харбоу не написала ни одного киносценария — время «великого мастера немецкой кинопрозы» окончательно кануло в Лету. Ее произведения соответствуют стандарту немецкого кино во время власти нацистов, который — если не учитывать некоторые действительно великие пропагандистские фильмы — зажатый контролем, индоктринацией и цензурой как в плане содержания и фабулы, так и в художественном аспекте, находился на довольно низком уровне. Больше не было режиссера Фрица Ланга, который идеально умел изображать на экране видение Теа фон Харбоу. В финансовом плане работа Теа фон Харбоу, которая внесла огромный вклад в стабилизацию системы национал-социалистического режима, была достаточно успешной. Так, ее доходы без вычетов налогов, согласно ее декларации о доходах за 1939 календарный год, составили 134 500 рейхсмарок¹²⁰. Когда писательнице по окончании Второй мировой войны пришлось опубликовать данные о доходах за 1931—1945 годы, то выяснилось, что она зарабатывала на гонорарах за статьи, книги и киносценарии в среднем по 100 000 рейхсмарок в год¹²¹. В то время как сред-

¹¹⁹ Boguslaw Drewniak, *Das Theater im NS-Staat*, Düsseldorf 1983, S. 166.

¹²⁰ Сообщение от 5.2.1940. Bestand Thea von Harbo. Bundesarchiv Berlin.

¹²¹ Показания Теа фон Харбоу следователю военной администрации Германии от 3.8.1947. Bundesarchiv Berlin.

ние заработка по стране составляли 100 рейхсмарок в месяц, Теа фон Харбоу была очень обеспеченной женщиной. Однако совершенно бесплатно писательница участвовала в деятельности Германского рабочего фронта (ДАФ), в который она вступила в 1936 году: в мирное время она занималась конторской работой, в военное — тяжелой физической. Так, в 1942 году сценаристка в течение шести месяцев занималась сваркой цепей противоскольжения, с 1943 года монтировала для фирмы «Сименс» микрофоны, а также участвовала в работах по ликвидации последствий бомбардировок. В противовес многим своим коллегам она не покинула Берлин и до самого конца войны помимо своей профессиональной деятельности ухаживала за ранеными в берлинском лазарете в Вестэнде. При этом ей никогда не приходила мысль усомниться в национал-социалистической системе, несмотря на то, что ее жилье два раза подвергалось сильнейшим бомбардировкам, ведь как сценаристка Теа фон Харбоу до самого конца создавала сценарии для поддержания боевого духа народа, ведущего войну. Она относилась к числу тех официальных авторов, число которых все сокращалось и которых строго контролировали, которым руководитель отдела по вопросам кино Министерства пропаганды считал своим долгом напомнить еще в конце 1944 года: «Не расслабляться, а неустанно воздействовать на небольшое количество подходящих авторов и драматургов и самым строгим образом просеивать и эти круги!»¹²²

Теа фон Харбоу успела поучаствовать в последнем крупном пропагандистском кинопроекте Третьего рейха, в фильме «Кольберг», который Геббельс заказал Вейту Харлану, произнеся при этом величественные слова:

¹²²Drewniak, Der deutsche Film, a.a.O., S. 142.

«Я поручаю вам создать великий фильм. Ваша задача заключается в том, чтобы на примере города, который даст имя фильму, показать, что единая политика, проводимая на родине и на фронте, победит любого противника... я уполномочиваю все отделения вермахта, государства и партии предложить вам помочь...»¹²³ Премьера «Коль-берга» символичным образом состоялась 30 января 1945 года в окруженному англо-американцами французском городе Ла-Рошель, и коменданту гарнизона которого, вице-адмиралу Шервитцу, была оказана огромная честь: «Премьера состоялась сегодня в театре Ла-Рошели, и первыми зрителями стали солдаты, оборонявшие город... Я воссоединяю свою благодарность с хвалой своей героически сражающейся родине...»¹²⁴ — атлантическая крепость Ла-Рошель была оставлена немцами 17 марта 1945 года.

Теа фон Харбоу верно служила своему работодателю до самого краха режима. Свой последний гонорар она получила в конце апреля 1945 года за заказной фильм под оригинальным названием «Жизнь продолжается», режиссером которого был Рольф Либенайнер¹²⁵. И только за десять дней до конца Второй мировой войны ее карьера в Третьем рейхе закончилась.

В июле 1945 года британская военная администрация наложила запрет на публичные выступления в Берлине известной сценаристки (как члена НСДАП). Затем она была интернирована в лагере Штаумюле¹²⁶, проверяясь ее роль в истории Третьего рейха. Теа фон Харбоу счита-

¹²³Curt Riess, *Das gab's nur einmal*, Hamburg 1956, S. 720 f.

¹²⁴Ebd., S. 722.

¹²⁵R 109 II/53. Bundesarchiv Berlin.

¹²⁶Распоряжение от 10.10.1945. Bestand Thea von Harbou. Bundesarchiv Berlin.

ла, что эти меры предприняты против нее не вследствие ее деятельности в нацистской киноиндустрии по распространению национал-социалистических идей, а следствием придирок британцев — как месть за ее связь с индусом¹²⁷.

На все вопросы о ее деятельности в Третьем рейхе Теа фон Харбоу ответила подробно и по существу. Тем самым она отличалась от многих своих коллег, которые уже в мае 1945 года начали страдать пробелами в памяти. Так, ее друг Эмиль Яннингс сообщал, что вел скромную жизнь затворника и всегда яростно критиковал Третий рейх, пока Геббельс угрозами заключить его в концентрационный лагерь не заставил его работать над фильмами, которые заказывало Министерство пропаганды¹²⁸.

Осенью 1945 года Теа фон Харбоу позволили вернуться в Берлин, но ей было по-прежнему запрещено заниматься профессиональной деятельностью. Она добровольно работала в одной строительной фирме, вначале на разборе руин, затем на ручном производстве черепицы¹²⁹. Благоволящие Теа фон Харбоу биографы интерпретировали ее физический труд как потребность искусить свое участие в национал-социалистическом режиме и писали: «...она хочет загладить свою вину, которая заключается в том, что она годами верила в Гитлера»¹³⁰. Но это было не так. «Я хотела показать, что моя воля работать над восстановлением разрушенного войной, не исчерпывается одними словами, — признавалась пяти-

¹²⁷Показания Теа фон Харбоу следователю военной администрации Германии от 3.8.1947. Bundesarchiv Berlin

¹²⁸Oliver Rathkolb, Fhrertreu ind gottbegnadet. Künstlereleiten im Dritten Reich, Wien 1991, S. 245 ff.

¹²⁹Справка Строительного управления от 18.6.1947. Bestand Thea von Harbou. Bundesarchiv Berlin.

¹³⁰Reiss, Das gab's nur einmal, a.a.O., S. 749.

десятисемилетняя писательница. «Я все еще вижу, как она появляется передо мной в застиранном летнем плаще, в платке на голове и с большим рюкзаком за спиной, набитом собранными дровами... при этом она утверждала, что эта работа [на строительстве] является для нее великим событием и доставляет ей огромное удовольствие, и поскольку наконец над ней не висит издательский договор, то она может писать то, что ей по сердцу», — вспоминала ее кузина о встрече с Теа в то время¹³¹. Заработок разнорабочего, который получала Теа, был необходим ей, чтобы выжить. Свои огромные гонорары она всегда тратила без остатка, часть денег она спрятала, а многое из имущества раздарила.

В октябре 1946 года писательница тяжело заболела тендовагинитом, и ей пришлось оставить ее тяжелую физическую работу. Владелец строительной фирмы, который лишь при увольнении Теа фон Харбоу узнал, кто была его разнорабочая на самом деле, очень сожалел, что потерял одного из своих лучших работников. «Она всегда выполняла свою работу пунктуально, и до сегодняшнего дня ни разу не отсутствовала без уважительной причины», — записал он в ее рекомендации¹³². Затем Харбоу работала монтером в «Silberschmied». В 1949 году она получила свидетельство о денацификации, в котором ее признали «не сотрудничавшей с режимом» («vom NS-regime unbelastet»), что представляло собой, по сути, полную реабилитацию¹³³. С нее был также снят запрет на занятие профессиональной деятельностью, и быв-

¹³¹ Интервью с Дюран-Вефер. Цит. по: Keiner, Thea von Harboe, a.a.O., S. 275.

¹³² Справка от 8.8.1946. RKK 2600: Harboe; Box 0076, File 13, Bundesarchiv Berlin.

¹³³ Постановление о денацификации от 8.8.1946. RKK 2600: Harboe; Box 0082, File 20, Bundesarchiv Berlin.

шая «королева кинодраматургии» начала все сначала, попробовав себя в синхронизации иностранных картин, среди которых была культовая экранизация «Третьего человека» по Грэму Грину. Вскоре начали поступать заказы на сценарии к кинофильмам. После заключения контракта с «Real-Film» в 1950 году писательница вновь смогла взять на работу свою бывшую секретаршу и доверенное лицо из более счастливых дней жизни, Эльфриду Нагель.

К послевоенным работам Теа фон Харбоу относятся сценарии трагических любовных фильмов «Придет день», «Доктор Хольль», который стал ее первым крупным успехом после 1945 года, и кинокартина «Твое сердце — это моя родина», вышедшая на экраны в 1952 году. Они представляли собой тип легкого игрового немецкого кино, без претензий на искусство. Теа фон Харбоу жила благодаря славе давно прошедших дней.

Современная пресса писала о ней как о «родоначальнице немецкого киносценария». Она сама производила такое впечатление на людей, перед которыми выступала с докладами во время своих многочисленных поездок, даже внешне — в национальном костюме с вышитым берлинским мишкой на груди и гербами потерянных восточных провинций по краю юбки, она с ностальгией вспоминала о своих старых фильмах, имевших оглушительный успех. В то же время она с негодованием отзывалась о современных кинопродюсерах, стремящихся только получить выгоду от проката своих фильмов, отличавшихся низким качеством. Сценаристка воспринимала и защищала свою работу с национал-социалистическими режиссерами Вейтом Харланом и Рольфом Либенайнером, хвалила старые времена на киностудии УФА и говорила о возвращении немого кино как единственного средства для спасения киноискусства. С осуждением фон

Харбоу относилась к тому, что фильмы Харлана были запрещены и объявлены вне закона.

На IV Берлинском кинофестивале в 1954 году был показан ее фильм «Усталая смерть» в ретроспективе фильмов в «Дельфи-Паласте». Теа фон Харбоу выступила перед публикой с докладом о содержании и истории возникновения этого фильма, который в 1921 году принес ей мировую славу.

Спустя много лет, в течение которых много раз критиковалось ее участие в национал-социалистической киноиндустрии, а с другой стороны, умалчивался или сокращался до китча, политически сомнительного, ее значительный вклад в создание фильмов с Фрицем Лангом. Писательница и сценаристка наконец-то познала настоящее признание своего произведения, и это стало оправданием, хотя и запоздалым. Ее выступление, задуманное как чествование сценаристки и так же воспринятое ею, вызвало у шестидесятишестилетней Теа болезненные воспоминания о ее бывшем триумфе, неразрывно связанном с Фрицем Лангом. Кинотеатр она покидала в заметном душевном волнении. На лестнице она упала и сильно ушиблась. Она сломала бедро, и врачи слишком поздно обнаружили другие внутренние повреждения. Спустя несколько дней после госпитализации — 2 июля 1954 года — Теа фон Харбоу скончалась от последствий сотрясения мозга. Пресса написала, обыграв название одного из ее самых успешных фильмов, что «никогда не устающая смерть» взяла ее к себе¹³⁴.

¹³⁴Keiner, Thea von Harboou, a.a.O., S. 168.

ЗАРА ЛЕАНДЕР

Дива Третьего рейха

15 марта 1907 — 23 июня 1981

В субботу 20 марта 1937 года имперский министр пропаганды доктор Йозеф Геббельс был в гостях у фюрера. Непринужденно болтая, давние знакомые смотрели шведский фильм с участием Зары Леандер¹, который привел Гитлера в необычайно хорошее настроение. Геббельс же не разделял этого восторга, но промолчал, а дома записал в своем дневнике: «Смотрел фильм с Зарой Леандер. Ничего особенного. Я думаю, что ее сильно переоценивают. Фильм сам по себе не представляет художественной ценности»².

Спустя некоторое время шведка, однако, стала пользоваться большим успехом в Германии, а фильмы с ее участием, снятые на студии УФА³, стали рекордсме-

¹Это был, скорее всего, фильм 1935 года «Скандал» с песнями «Liebe ist ein Glück», «Sag kein Wirt mehr».

²Запись от 21.3.1937. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941. Sämtliche Fragmente. 4 Bde., München 1987 ff.

³Созданная в 1917 году берлинская фирма «Universum-Film Aktiengesellschaft» (УФА) была до 1945 года крупнейшей кинокомпанией

нами по кассовым сборам. Геббельс, занимавший высший пост в области культуры в национал-социалистической Германии, без особого энтузиазма и даже несколько удивленно воспринимал чудовищную популярность этой шведской актрисы, которая представляла собой прямую противоположность национал-социалистическому идеалу женщины. Но затем он все же отринул все идеологические сомнения в сторону и пересмотрел свой первоначальный неблагоприятный отзыв. По образцу Греты Гарбо, «Женщины-богини», и Марлен Дитрих, «Голубого ангела»⁴, — обе они, к его глубокому сожалению, находились вне зоны его власти — он создал образ Зары Леандер — легендарной дивы Третьего рейха⁵. Вскоре миллионы зрителей смогли посмотреть новые фильмы с участием Леандер, которые снимались бешеными темпами, миллионы услышали песни в ее исполнении, которые каждый день звучали по радио. Речь в фильмах и песнях шла о любви, печали, тоске. Голос Зары — глубокое контратанто — невозможно было спутать ни с каким другим он не мог оставить никого равнодушным. Этот голос доносился даже из громкоговорителей в концентрационных лагерях для развлечения офицеров СС. «Yes, Sir!» («Да, сэр») и «Davon geht die Welt nicht unter!» («От этого мир не перестанет существовать») — самые популярные из них. Неожиданным побочным эффектом этих песен в лагерях была радость заключенных, слушавших эти песни. «Сквозь эфир, через весь мир звучит мой

Европы. В 1932 году ее главным акционером стал промышленник и медиамагнат Альфред Гугенберг.

⁴ «Женщина-богиня» и «Голубой ангел» — названия фильмов, где играли соответственно Гарбо и Дитрих. — Прим. пер.

⁵ Марлен Дитрих уехала в США в 1929 году. В 1934 году она ответила отказом на приглашение Геббельса вернуться в Германию и в 1937 году получила американское гражданство.

голос в звездной ночи; я — это голос, который принесет счастье в сердце одинокого человека...» — эта песня, как признавались многие пережившие ужасы концентрационных лагерей, утешала их в то страшное время⁶.

Сильно накрашенная, курившая одну сигарету за другой, элегантная актриса и певица исполняла «грешные» песни, аура которой импонировала среди прочих также гомосексуалистам и трансвеститам, что не очень подходило творческой концепции, разработанной для Зары Леандер нацистами. Для них она не олицетворяла идеал женщины и актрисы, а была скорее идолом, который они вынуждены были терпеть. В качестве утешения для власти имущих служили огромные финансовые успехи фильмов с участием Леандер за границей. Ведь дива придавала Третьему рейху, от которого исходил явный запах доморощенности, некий налет фешенебельности, чем вносила ценный вклад в четко слаженную работу механизма пропаганды национал-социализма. Публика же воспринимала Зару Леандер как «человека, который пришел извне, и пока он будет находиться на экране, то дверь в этот внешний мир будет приоткрыта»⁷. Ею восхищались как женщиной-вамп, губящей мужчин, — этот образ возник благодаря роли в фильме «Falska Millionaeren» («Фальшивый миллионер») в 1931 году, как матерью, готовой на жертвы, как трагической возлюбленной. То, что Геббельс представил ее «как большую звезду с множеством лиц и настроений», ни в коем случае не помешало шведской актрисе, обладающей отличным чувством юмора, высокой работоспособностью и не пьянеющей даже от значительного количества алкоголя. Наоборот,

⁶Документальный фильм «Ich sag' nicht ja, ich sag' nicht nein» Геро фон Бема, декабрь 2000.

⁷Curt Riess, Das gab's nur einmal, Hamburg 1956, S. 539.

она чувствовала себя польщенной и считала, что этот имидж «содержал в себе добрую долю правды». В конце концов, то, как она сама себя видела в той роли, которую задумал для нее министр пропаганды, раскрывает ее собственный рассказ:

«Если я и знаю какого-либо человека достаточно хорошо, то это Зара Леандер. О ней я могу рассказать все по существу. Я знаю, что у нее отсутствует даже малейшая капля таланта, чтобы быть вынужденной, живым величественным мехом, обвивающим шею мужчины. У нее грубая конституция и железная воля, и она хочет, чтобы ее признавали равной. Она могла выиграть у любого мужчины в соревновании «кто больше выпьет», а в покер снять последнюю рубаху. Естественно, что она никогда не опускалась до рукоприкладства, прежде всего потому, что она ненавидит насилие, но и также потому, что она так плохо видит. Но она делала с серьезными мужчинами серьезные дела, и редко кому удавалось ее облапошить. Дикий Запад в первые годы освоения американских земель отлично подошел бы этому женскому портрету, который я здесь нарисовала... может быть, в следующей жизни я стану паучихой, пожирающей мужские особи»⁸.

На самом деле Зара Леандер, появившаяся на свет 15 марта 1907 года в шведском Карлстаде, лишь очень отдаленно соответствовала этому портрету. Дочь Андерса Лоренца Хедберга, по профессии конструктора приборов, была очень чувствительным, боязливым ребенком. Она выросла вместе с четырьмя братьями, и условия жизни в ее детстве ни в коем случае не походили на условия Дикого Запада. Наоборот, обстановка, окружавшая будущую кинозвезду, представляла собой наложенный,

⁸Биография Зары Леандер: *Es war so wunderbar!*, Hamburg 1973, S. 91, 99.

«бюргерский» быт, который к тому же был надежно защищен немецкой няней, которую взяли на работу в семью из-за нескольких иностранных языков, которыми она владела. О своем детстве кинозвезда Зара Леандер впоследствии вспоминала охотно и с ностальгией: «Мы жили в квартире на первом этаже. В квартире было 10 комнат, а в семье 10 человек, включая няню и прислугу. У нас был красивый и благородный дом в стиле того времени: высокие кресла в чехлах в угловой комнате-салоне, крупная столовая мебель из дуба, в мамином салоне стояла «дамская мебель», кафельная печь, которую затапливали каждое зимнее утро в шесть часов... дом мне казался красивым и уютным...» Когда Заре исполнилось четыре года, она начала посещать уроки игры на фортепиано и на скрипке, и в 1913 году в возрасте шести лет уже публично выступала на конкурсе Шопена.

Зара ежедневно музиковала со своим отцом, добродушным, чувствительным колоссом, весившим 140 килограмм, с которым, однако, время от времени случались вспышки ярости. Во время таких приступов он был готов голыми руками сломать изразцовую печь. Но в целом он был другом дочери и часто заступался за нее перед доминирующей матерью. «Если не хочешь, то и не надо!» — часто спорили отец и дочь между собой. Но споры эти в большинстве случаев заканчивались фразой: «Но маме мы ничего не скажем!»

Матильда Хедберг, мать Зары, держала в своих руках управление домашним хозяйством. Обожающая порядок, педантичная, лишенная чувства юмора, она царила и правила обитателями ее десятикомнатной империи, как вспоминала позже Зара. «Она приказывала, и мы подчинялись», — писала Зара, которая считала мать «самой большой загадкой в ее жизни». Никому в семье Хедберг не разрешалось опаздывать к ужину, хотя по причи-

не представлений матери о здоровом питании по вече-рам подавались исключительно скучный мучной суп, какао и хлеб с маслом. Слабостью Матильды Хедберг были красивые мужчины – разумеется, только платони-чески. Часто без ведома своего ревнивого мужа она ходи-ла в кино, чтобы посмотреть, тайком утирая слезы, не-мые кинокартины, такие как «Любимая жена мараджи».

До подросткового возраста в Заре Леандер никто не угадал бы будущую красавицу. Напротив, Зара страдала от ее необычно высокого роста, рыжих волос, от много-численных веснушек на лице. Относительно веснушек дочери мать довольно бестактно замечала: «С мужчиной тебе нужно знакомиться зимой!»⁹ Но больше всего Зара стеснялась своего голоса, который приобретал все более низкий оттенок и все более становился похожим на муж-ской и тем самым, конечно, не подходил молодой девуш-ке. Но несмотря на всю свою робость, она с детства меч-тала о публичной профессии. После того как в детстве она с бабушкой посмотрела постановку пьесы Ибсена «Пер Гюнт», она поставила себе цель сделать карьеру на сцене и грезила о том, чтобы люди восхищались ею. Пока она еще не знала, как может вызвать зрительскую любовь. Отец смеялся над этими секретами, которые Зара дове-рила ему, мать же – как обычно – ничего не должна была об этом знать, а братья отреагировали довольно насмеш-ливо: «Ты хочешь на сцену? Ты, с твоей рожей, твоими большими ногами и широкими лапами? Нет, Зара, ты слишко уродливая для сцены!»

С 1914 по 1922 год Зара посещала гимназию, которая была для нее просто «адом», поскольку она была доволь-но ленивой ученицей, а помимо гимназии еще и различ-

⁹Интервью Зары Леандер журналу «Stern», № 7, 1963.

ные курсы по ведению домашнего хозяйства, с такими традиционно женскими занятиями, как шитье и кулинария. Ничто и никогда на свете не было для нее таким скучным, как эти курсы. Она уныло ломала себе голову над дилеммой: дома она не решалась даже заговаривать о сценической карьере, а все остальное ее не интересовало. В этой ситуации все задействованные в этой «трагедии» лица с облегчением восприняли новость о том, что Рут Силфверхильм, подруга матери Зары, пригласила девушку к себе погостить в Ригу на достаточно длительный срок. Почти два года провела Зара в латвийской столице, городе с бурно развивающейся культурой, и пребывание это оказалось благотворное воздействие на будущую звезду. Приятным сюрпризом для Зары стало то, что Рут Силфверхильм всерьез восприняла художественные амбиции своей подопечной и по возможности способствовала их раскрытию. Она была очарована томным контральто Зары и аккомпанировала ей на фортепиано. «Именно в ее присутствии я впервые отважилась по-настоящему запеть, и я почувствовала, что звуки вдохновляли и ее тоже», — вспоминала актриса и певица¹⁰. Эти любительские уроки пения у тети Рут были как началом, так и концом художественно-музыкального обучения — продолжения занятий на более высоком профессиональном уровне с природным талантом не последовало. Заре не суждено было насладиться также и уроками сценического мастерства. В 1926 году она не смогла выдержать вступительный экзамен в знаменитой актерской школе фон Драматена, в Королевском драматическом театре Стокгольма. Мария Шильдкнехт, директриса школы, бросила на исполнение Зарой Саломеи Оскара Уайльда коротко и резко: «Совершенно бездарна, но выг-

¹⁰Leander, Es war..., a.a.O., S. 31.

лядит ослепительно!» Последний эпитет бывший гадкий утенок воспринял с удовлетворением. Попытка спеть песню перед руководителем Королевской сцены в Стокгольме также жестоко провалилась. Джон Форсэлл, который впоследствии станет ее свекром – в 1932 году она во второй раз вышла замуж за журналиста Видара Форсэлла, сына дирижера, – сухо заявил: «Выглядит интересно, но слишком громко кричит. Посоветовал ей идти в оперетту»¹¹. Зара похоронила свою мечту стать второй Гретой Гарбо, ограничившись обожанием своего кумира, и устроилась на работу секретаршей в стокгольмском книжном издательстве «Линдфорс»¹².

Но этой профессией, приносящей исправный заработка, Зара занималась недолго. Во время своего короткого выступления в Королевской актерской школе она познакомилась со студентом этого учебного заведения, красавцем Нильсом Леандером, сыном пастора, и влюбилась в него. Когда в 1926 году она забеременела, то они поженились, не по великой любви, а чтобы соответствовать требованиям неписанных законов приличия. Так как у молодой пары совершенно не было средств к существованию, то семья жила в доме родителей Нильса. В 1927 году на свет появилась дочь Боель, в 1929 году сын Горан. Супруг к тому времени закончил свое обучение, и его жена не без зависти воспринимала его ангажементы и турне, в то время как она чаще всего была прикована к дому. Об этом времени, когда она сидела дома, стирала пеленки, не имела собственных средств и жила в одном доме с родителями мужа, актриса и певица

¹¹Ebd., S. 40.

¹²На этой должности ее позже сменила самая известная шведская детская писательница Астрид Линдгрен. Сообщение «Aftonbladet» от 15.11.1970.

впоследствии вспоминала с содроганием: «Это были годы, когда я изо дня в день влачила свое жалкое существование, годы, полные слез, досады, отчаяния». Загородный дом пастора, в котором пианино использовалось только для исполнения духовной музыки, казался Заре преддверием ада.

Заниматься своим чудесным контратанго, если верить ее словам, она могла лишь в отхожем месте, которое находилось во дворе. Там она надолго запиралась, чтобы полным голосом петь песни, такие как «Wollt Ihr einen Star sehen, seht mich an!» («Вы хотите увидеть звезду, так посмотрите на меня!»). В то время как пастор и его супруга уже начинали беспокоиться, что их невестка страдает хроническими заболеваниями мочевого пузыря, Зара готовила « побег» из пасторского дома. В ее мемуарах она очень драматично рассказывает, как в возрасте двадцати двух лет, похудев и почти захирев от лишений тупой сельской жизни, ей все же удалось остаться привлекательной. О том, как тайно училась пению, после того, как она прочитала в «Oestergoetlands Dagblad», что неподалеку от ее деревни выступает с гастролями знаменитое ревю Эрнста Рольфа. О том, наконец, как она на последние деньги купила билет в один конец, поехала в Норркёпинг, спела там в одном из заведений и получила приглашение на работу. Ее супруг, с которым она развелась еще в 1931 году, вспоминает о начале карьеры своей жены совершенно по-другому и намного более прозаично. Именно он помог Заре получить первые эпизодические роли в театре. Да, она даже стояла вместе с ним на сцене. Он писал об этом периоде их жизни: «В доме моего отца часто бывали актеры. Попытки Зары начать артистическую карьеру, несмотря на то, что у нас были маленькие дети, всегда воспринимались благо-

склонно. Ей больше не надо было тайно репетировать в туалете... Я сам отвез Зару на машине моего отца в Норркёпинг, где как раз гастролировал Эрнст Рольф со своей труппой. Я попросил одного хорошего знакомого организовать для Зары прослушивание. Когда Рольф увидел меня, он закричал: «Господин Леандер, исчезните!» Но, увидев в коридоре Зару в черном платье, зеленой шали, которая выгодно оттеняла ее рыжие волосы, он спросил: «Речь идет о ней?»... Заре разрешили спеть, ее сразу же взяли в труппу, она получила аванс в 100 крон, и уже 27 октября 1929 года состоялось ее первое выступление. Она заменила одну заболевшую актрису и исполнила песню «Wollt Ihr einen Star sehen, schaut mich an!» («Хотите увидеть звезду, так посмотрите на меня!») на мелодию песни «Wenn der weisse Flieder wieder blüht!» — «Когда вновь зацветет белая сирень»)¹³.

«В то время Зара впервые заинтересовалась деньгами», — как позже с упреком вспоминала ее мать. Молодую певицу объявлял сам Эрнст Рольф. Он вышел вместе с ней пред занавес и объявил, что никогда не обольщал излишними надеждами молодых, невинных людей, решивших избрать для себя тяжелую театральную стезю. Но в этот раз он сделает исключение: «Она так талантлива, что у меня не было сил сказать ей “нет”. Ее зовут Зара Леандер, и это имя нужно запомнить»¹⁴.

Молодая актриса под впечатлением своего дебюта немедленно и самым радикальным образом порвала со своей прежней жизнью. Своих детей — двухлетнюю Боель и годовалого Горана — она оставила на попечение своей матери, недавно потерявшей мужа. Отец Зары Андерс

¹³ Интервью шведскому еженедельнику «Se» в июне 1972.

¹⁴ Интервью Пауля Зейлера в документальном фильме «Ich sag' nicht...».

Хедберг скончался в 1929 году в возрасте 57 лет. Так Зара стала самым молодым участником труппы «Ревю Рольфа», сменив монотонное спокойствие пуританского пасторского дома своего свекра на волнительную и непостоянную жизнь актера-скитальца. Зара Леандер нашла тот образ жизни, который соответствовал ее натуре и который она, за исключением одного короткого периода жизни, перестала вести лишь незадолго перед смертью. Она наслаждалась этим изменением ее жизни, хотя поначалу ей приходилось довольствоваться ежедневным гонораром в 15 крон, что позволяло ей жить в самых дешевых гостиницах и квартирах и есть только тогда, когда удавалось что-то незаметно приготовить в отсутствие квартирной хозяйки, обычно строго запрещавшей готовить пищу в арендованной комнате. Свой скучный гардероб ей приходилось постоянно чинить, так как средств на новые наряды у будущей звезды не было.

Брак Зары пал жертвой карьеры, но звучную фамилию супруга Зара оставила. В семье «Леандер» было нечто рафинированное, она, казалось, была специально создана для актрисы. Зара понимала это и продолжала и дальше называть себя так. Песенку «Хотите увидеть звезду» она тем не менее позже без жалости вычеркнула из своего репертуара — она слишком напоминала ей о «времени, когда она была рабыней в Остергётланде».

Зара Леандер имела шумный успех. Уже в сентябре 1930 года она стала необычайно популярной со своим ревю «Stockholm blir Stockholm» («Стокгольм остается Стокгольмом») в столице страны. Она записывает свою первую пластинку. Театр Ваза праздничной премьерой отметил годовой юбилей творческой деятельности молодой звезды, которой был торжественно вручен лавровый венок. До 1936 года Зара Леандер гастролировала с двенадцатью ревю по Скандинавии — одним из них было

ревю Карла Герхарда, некоронованного короля шведского ревю. Она снялась в двенадцати фильмах. Ее необычный голос смогли услышать и кинозрители – ведь с 1929 года началась эра звукового кино. Она выпускает 41 пластинку. Она играет в комедии («Школа кокеток») и в других спектаклях. И после того как вначале скептически настроенный композитор Франц Легар позволил ей исполнить партию Ханны Главари, для чего пришлось допустить исполнение этой роли на две октавы ниже, чем обычно, Зара Леандер достигает безумного успеха в оперетте «Веселая вдова».

Актриса становится восходящей звездой шведской музыкальной сцены. В декабре 1932 года журнал *«Vesko-Journalen»* посыпает свою сотрудницу Маригит Зиверц взять интервью у молодой звезды и сфотографировать ее в ее домашней обстановке – в простой двухкомнатной квартире – в окружении родных. Мать Зары, которая вела ее домашнее хозяйство и ухаживала за детьми, встретила журналистку, сияя от гордости. Но корреспондентка, к ее удивлению, вскоре замечает, что это восхищение ни в коей мере не относится к знаменитой дочери. Матильда Хедберг радовалась безмерно, что один из ее племянников в этот день чрезвычайно успешно выступил в Стокгольмском университете с защитой своей докторской работы на тему «Демографическое исследование кочевого и оседлого населения Швеции». Его академическую биографию семья воспринимала с исключительной гордостью и уважением, в то время как деятельность Зары считалась досадным разочарованием! Мать была далека от того, чтобы похвалить дочь или хотя бы признать ее профессию, и многообещающую карьеру дочери воспринимала с нескрываемым отвращением. При любой подходящей и неподходящей возможности она подчеркивает, что Зара в их семье является

исключением, достойным сожаления: среди предков семьи были помещики, крестьяне, купцы, государственные служащие – сомнительным миром театра действительно никто не интересовался.

Единственное, что объединяло мать и дочь, это их слабость к красивым мужчинам. Молодая разведенная актриса, когда ей позволяло время, по воскресным вечерам любила посидеть со своей матерью в стокгольмском ресторане «Fenix-Kronprinsen», чтобы выпить там кофе, слушая и наблюдая концертную программу и наслаждаясь веселой и непринужденной атмосферой. Абсолютное взаимопонимание, столь необычное для них, царило между матерью и дочерью, когда они в восхищении внимали выступлению привлекательного капельмейстера, любимца всех стокгольмских дам. Позже Зара вышла замуж за Арне Хюльперса (это был третий ее брак), но до этого должны были пройти десятилетия, а также второе замужество Зары – в 1932 году она стала женой журналиста Видара Форселя.

В 1936 году Зара Леандер, карьера которой ограничивалась до сих пор Скандинавией, совершила прорыв и стала звездой международного масштаба. Все началось с того, что Макс Хансен – родившийся в Дании тенор оперетты, который сделал себе имя в Германии и завоевал там даже прозвище «Маленький Карузо», – из-за своих фривольных куплетов о возможной гомосексуальности Гитлера попал в поле зрения гестапо. Он буквально бежал из Берлина и отправился в Вену. Там он записал тексты для давно уже планировавшейся музыкальной комедии. «Аксель у дверей рая» была пародией на Грету Гарбо, которая, как известно, всячески избегала общения с прессой. Действие разворачивается в Голливуде, где отчаянный молодой репортер (его роль исполнил Макс Хансен) переодевается стариком, чтобы взять

интервью у кинозвезды. После нескольких встреч между звездой и журналистом возникает романтическая история с непременным хэппи-эндом. Летом 1936 года работа над этим спектаклем продвинулась настолько, что Макс Хансен начал подыскивать композитора. Именно с этой целью он отправился в Богемию на курорт Карловы Вары, где на отдыхе находилось несколько крупных венских театральных деятелей. Композитор оперетты Роберт Штольц отклонил его предложение, но его коллеге Ральфу Бенатцки, автору оперетты «Im weissen Roessl», впервые поставленной на сцене в 1932 году, сюжет понравился. В Карловых Варах в то время также находился директор известного и уважаемого венского театра Артур Хеллерер, который даже изъявил желание открыть этим спектаклем сезон в своем театре. Не было только будущей звезды, которая бы смогла достойно выступить в роли Греты Гарбо. Макс Хансен вспомнил о Заре Леандер и пригласил ее на курорт, чтобы она смогла выступить там перед постановщиком будущего спектакля. «...Зара вошла и сразу всем понравилась. Выглядела она просто потрясающе. Бенатцки сел за рояль и начал играть. Она запела, и от удивления он чуть не упал со стула. Он повернулся ко мне и сказал: "Макс, я написал эту партию для высокого сопрано, а ты рекомендуешь мне ее!" Затем он закрыл крышку рояля и повернулся к Заре: "Сейчас я пойду домой и напишу совершенно новые песни, специально для нее. Она первое контральто, которое мне попалось!"»¹⁵.

Молодая певица была утверждена на роль. Она восприняла это с радостью и даже не спросила про гонорар. Ведь у нее была главная роль во всемирной премьере пьесы Ральфа Бенатцки, с которым она впоследствии про-

¹⁵ Leander, Es war..., a.a.O., S. 115.

работала несколько десятков лет. Для нее он специально написал множество модных эстрадных песенок, среди них «Ich habe tiefe Sehnsucht in mir!» («Во мне живет глубокая тоска!»), «Ich steh' im Regen» («Я стою под дождем») и «Yes, Sir!» («Да, сэр!»).

Премьера «Акселя у дверей рая» состоялась 1 сентября 1936 года в венском театре. На премьере присутствовал австрийский бундесканцлер доктор Курт Шушнigg. Сенсационный успех Зары Леандер стал очевиден уже на генеральной репетиции, когда она, с ее рыжей горящей гривой волос и зелеными глазами вышла за рампу и зажигательно спела шансон «Ich bin ein Star, ein grosser Star mit vielen Launen!» («Я звезда, я большая звезда с капризами!»). Макс Хансен, который из-за кулис с опаской наблюдал за реакцией избранной публики, состоящей в основном из специалистов, людей, работающих в оперетте, позже писал: «Она пела голосом, который проникал в самые дальние уголки зрительного зала... Настороженные зрители выпрямились в своих креслах. Что это такое? Примадонна, голос которой не сопрано и даже не альт? Вскоре Зара совершенно завоевала публику — было понятно, что она представляет собой нечто необычное и очень ценное...»¹⁶ Критики со всей Европы хвалили шведку, которая в своей оперетте в роли Глории Миллс так дерзко имитировала знаменитую Грету Гарбо. «Зара покоряет сердца венских зрителей», — писала шведская газета «Диднинген» 3 сентября 1936 года, «такого бурного восхищения мы не переживали с пика популярности классической оперетты». Смелое декольте певицы было одной из основных тем разговоров венских жителей. Публика считала, что игра Хансен была на порядок ниже, чем игра Зары, но тоже божественна.

¹⁶Макс Хансен. Цит. по: Leander, Es war..., a.a.O., S. 123.

Даже избалованные венской музыкальной и театральной сценой зрители похвалили актрису: «Зара Леандер отлично сыграла кинодиву [Грету Гарбо]»¹⁷.

Лишь на мать Зары не произвел впечатление феноменальный мировой дебют дочери — для нее Зара, как и раньше, была белой вороной. Как-то они вдвоем шли по венской улице, и прохожие с восхищением приветствовали Зару. Они окружали певицу и выражали свой восторг. Но мать Зары Матильда отнеслась к этому очень строго: «Ты ведь просто поешь!» — чем очень обидела дочь, напрасно ждавшую материнского признания. «Даже когда меня чествовали в Вене как королеву оперетты, мама не поняла, что это для меня значит. За всю свою жизнь она не попыталась понять, чем я занимаюсь и что это значит для меня и для других», — горько замечала она в своих мемуарах¹⁸.

Популярности Зары Леандер очень способствовала экранизация студией MGM «Дамы с камелиями» с Гретой Гарбо и Робертом Тэйлором в главных ролях, которая шла тогда во всех кинотеатрах, что еще более усилило «гарбоманию», царящую тогда во многих странах Старого и Нового Света. В Берлине фильм посмотрели Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс. Последний даже прослезился, так растрогал его этот фильм. По поводу высокого качества фильма он сказал следующее: «У нас не хватает денег... и солнца Калифорнии».

«Аксель у дверей рая» шел в Вене ежедневно при переполненных залах. Доходы от него по подсчетам Зары, которая до сих пор жила с мужем в скромной квартирке, составляли до 12 500 австрийских шиллингов в день. Сама она получала лишь жалкие 64 шиллинга. 18 шил-

¹⁷ «Tonfilm, Theater, Tanz», октябрь 1936.

¹⁸ Leander, Es war..., a.a.O., S. 13.

лингов в день стоила квартира с завтраком и правом пользования граммофоном. Остальные 46 шиллингов находились в полном распоряжении супружеских пар, которые решали свои финансовые проблемы очень простым способом: Видар Форсэлл не обедал, а за Зару платили коллеги. Ужин в ресторанчике «Rathauskeller», правда, был настоящим — они даже позволяли себе бутылку вина. Если супругам предстояло совершить поездку на своей машине, марки «La Salle», то они заправляли бензин и ничего не ели.

В этой ситуации приглашение на элегантный осенний бал оперного тенора Рихарда Таубера очень смущило супружескую пару. Зара Леандер, которая ежедневно выступала на сцене в дорогих костюмах, извинилась, что не сможет присутствовать на балу по причине отсутствия вечернего туалета. Газеты с жадностью подхватили это и посмеялись над якобы оригинальной отговоркой шведской звезды сцены. Зара, однако, поклялась себе, никогда больше не работать за низкие гонорары. Это была клятва, которую она сдержала, и лишь однажды — в 1948 году — нарушила ее. Поставить новые финансовые требования оказалось для нее делом довольно простым, так как она помимо основной своей деятельности в театре также снималась в фильме «Премьера», в котором исполнила ставшую популярной песенку «Merci mon amour, es war wunderschoen» («Спасибо, моя любовь, это было прекрасно»)¹⁹, ежедневно получала довольно заманчивые предложения из Парижа, Лондона и Голливуда. Постоянно появлялись все новые «охотники» за талантами, которые уверяли новую звезду, что у нее необыкновенный голос, и прочили ей славу. «полу-Греты Гарбо, полу-Марлен Дитрих».

¹⁹Производство «Gloria-Syndikat-Film», с Аттилой Хёрбингером и Тео Лингеном. Премьера состоялась 25.2.1937.

Немецкий режиссер Карл Фрёлих вернулся домой из Вены под большим впечатлением и в полной уверенности, что шведка не против сняться в кино в Берлине. За ним последовал молодой национал-социалист доктор Йоханнес Вейдеман, который с 1936 года являлся заместителем отдела кино в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды и с 1937 года — вице-президентом Имперской палаты кино. Как это было принято в Вене, встреча произошла в кофейне. Зара, которая ожидала увидеть почтенного пожилого господина, чуть было не пропустила посланника доктора Геббельса. Прозондировав почву в беседе с актрисой, доктор Вейдеман в конце концов убедился, что Зара Леандер соответствует предъявляемым к ней требованиям. Тогда он проинформировал актрису об огромных гонорарах, которые ожидают ее в Третьем рейхе, а также заверил, что ее происхождение безупречно с точки зрения расовых законов. Тем самым Гugo Корелл, шеф студии УФА, получил зеленый свет, и началась жесткая торговля.

Уже 28 октября 1936 года был заключен договор, который гарантировал молодой звезде рекордный для немецкой киноиндустрии заработок. Договор обязывал Зару Леандер сняться в трех фильмах в промежуток времени между 1 марта 1937 и 28 февраля 1938 года. За это ей полагалась выплата 200 000 рейхсмарок, 53 процента из них в шведских кronах переводились на банковский счет в Стокгольме. Актриса также имела право голоса при выборе композитора и при отборе отснятого материала. При продлении договора гонорар увеличивался до 300 000, а затем и до 400 000 рейхсмарок²⁰. В соответствии с тогдашним законодательством Германии, согла-

²⁰Договор с Зарой Леандер. R 1091, № 2874. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

шение нуждалось в согласии «господина супруга». Пресса сообщала: «Ведущая кинокомпания Германии УФА заключила с Зарой Леандер договор о ее участии в нескольких фильмах в Берлине. Местные газеты уже называют ее “новая Грета Гарбо”»²¹.

Ангажемент Зары Леандер был реакцией неуверенной в себе индустрии развлечений, управляемой национал-социалистами. Ее лучшие кадры оказались утраченными в результате эмиграции, начавшейся с приходом Гитлера к власти. Исключение из киноискусства евреев и противников режима повлияло на то, что снимать стали в основном «добропорядочные» «рутинные» фильмы, зажатые строжайшей цензурой. Они не выдерживали никакой конкуренции с Голливудом. Немецкий же зритель предпочитал, наоборот, американские киноленты, как жаловался журнал «Der Deutsche Film» в мае 1937 года: «Очень часто американские фильмы идут в берлинских кинотеатрах по четыре, восемь, двенадцать недель, в то время как немецкие фильмы быстро снимаются с проката».

К конкурентам с маркой «made in Hollywood» относились и лента, отмеченная пятью Оскарами, «Это случилось ночью», и мюзикл «Бродвейская мелодия», и вышедшая на экраны в 1937 году мелодрама «Сан-Франциско» с Кларком Гейблом и Дженнетт МакДоналд в главных ролях²².

В начале 1937 года новая актриса киностудии УФА, на которую возлагали большие надежды, приехала в Берлин. Она въехала в маленькую квартиру на Шумахерплатц, 9, затем сменила ее на меблированные апартамен-

²¹ Шведская газета «Dagenes Nyheter» от 1.11.1936.

²² Markus Spieker, Hollywood unterm Hakenkreuz. Der amerikanische Spielfilm im Dritten Reich, Trier 1999, S. 46 ff.

ты, занимавшие весь этаж виллы одного банкира на Ам Вильдпфад, 24. Позже она сняла маленький элегантный домик на Макс-Ейт-штрассе. Все эти съемные дома и квартиры актриса рассматривала все же в качестве перевалочного пункта, как «зал ожидания» того момента, когда ее стремительно растущее состояние позволит приобрести усадьбу в родной Швеции.

15 марта 1937 года «рыжеволосая, зеленоглазая красавица», как о ней писали рекламные листовки, впервые появилась в ателье киностудии Бабельсберга. К тому времени везде уже царили расово-политические порядки национал-социалистического правительства. В театральных и кинематографических кругах царили страх и неуверенность в завтрашнем дне, так как Геббельс составил «черный список» нежелательных деятелей искусства и — как он сам гордо говорил — к 1937 году из немецкой культурной жизни были исключены уже 3000 «евреев и симпатизирующих евреям»²³. Помимо этого министр пропаганды и одновременно президент Имперской палаты культуры²⁴ издал директиву, в соответствии с которой членство евреев в палате исключалось в принципе. «Наполовину евреи» («метисы первой степени») и приравненные к ним «арийские» деятели культуры, находящиеся в законном браке с евреями, могли быть членами палаты лишь «в совершенно особых случаях» и с личного разрешения Геббельса — пресловутого Sondergenehmigung («Особое разрешение»), ставшего предметом вожделения многих представителей сферы искусства.

²³Oliver Rathkolb, Fhrertreu und gottbegnadet. Künstlereliten im Dritten Reich, Wien 1991, S. 26 ff.

²⁴В соответствии с законом от 22.9.1933, членство в Имперской палате культуры было обязательным для всех работников сферы искусства.

«Евреи на четверть» («метисы второй степени») находились под пристальным наблюдением. «Если они не выступали против государства и не были иудеями», то они могли быть приравнены к арийцам²⁵.

Зара Леандер игнорировала все требования вступить в Имперскую палату культуры, но нацисты были вынуждены молча «проглотить» это, чтобы не вызывать скандала. С практикой немецкой расовой политики новая кинозвезда познакомилась уже на премьере своего первого немецкоязычного фильма «Премьера» в феврале 1937 года. В сцене ревности пользовавшийся всеобщей любовью актер Тео Линген играл комическую роль. Идеолог НСДАП Альфред Розенберг запротестовал и привел следующий аргумент: «Известно, что Тео Линген — противник расовой теории и даже симпатизирует евреям. То, что актер с такой неудачной внешностью, при том что рекламные проспекты большого формата, будет находиться на всех крупных кинотеатрах, приведет к тому, что расовый инстинкт немецкого народа будет фальсифицирован, и, кроме того, это может создать у публики впечатление, что аризация немецкой культурной жизни на деле не достигла какого ни было значительного прогресса»²⁶.

Огромные гонорары Зары Леандер (при том что истинные суммы прессы еще и преувеличивала) заставили прусского премьер-министра Германа Геринга разработать с согласия Гитлера план, который по сравнению с планом Геббельса гарантировал бы большее влияние нацистов на культурную жизнь²⁷. Геринг, будучи председа-

²⁵Boguslaw Drewniak, *Das Theater im NS-Staat. Szenarien deutscher Zeitgeschichte 1933—1945*. Düsseldorf 1983, S. 13, 19, 165 ff.

²⁶Письмо от 4.3.1937. NS, № 35; Bundesarchiv Berlin.

²⁷Gerd Rühle, *Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das zweite Jahr*. Berlin 1934, S. 169. Закон от 18.1.1934.

телем Прусского театрального комитета и супругом бывшей актрисы Эмми Зоннеман²⁸, вращался в актерских кругах и часто протежировал кого-либо из актеров. О заработках в киноиндустрии он был очень хорошо информирован. Так, к примеру, ни для кого не было секретом, что Ганс Альберс²⁹ в 1937 году заработал почти полмиллиона рейхсмарок³⁰, но доходы других звезд редко превышали 30 000 рейхсмарок за фильм³¹.

Геринг потребовал декларацию и, получив ее, прочитал следующее: «...доходы фрау Леандер меньше, чем предложение американских киномагнатов, которое она получила во время переговоров с УФА. Похоже, что сообщения прессы, не имеющие под собой твердых оснований, привели к тому, что некие иностранные печатные издания печатают откровенную ложь по поводу фантастических гонораров, выплачиваемых в валюте, которые Германия якобы выплачивает иностранным кинозвездам вместо того, чтобы погашать иностранные долги. На самом деле фильмы с Зарой Леандер приносят реальные доходы в валюте»³².

²⁸ Эмма Геринг, урожденная Зоннеман (1893–1973), была профессиональной актрисой и выступала на провинциальной сцене. Первым браком была за актером из Штуттарта, но брак был неудачным, и они развелись. С 1924 года состояла в постоянной труппе Веймарского национального театра и специализировалась на ролях романтических героинь. В 1935 году вышла замуж за Германа Геринга. – Прим. науч. ред.

²⁹ Ганс Альберс (1892–1960) – красавец с нордической внешностью – был главным героем-любовником германской сцены, создаваемые им образы всегда отличались идеализмом и самопожертвованием. – Прим. науч. ред.

³⁰ Hans Veigl, Sabine Dermann, Alltag im Krieg. Bombenstimmung und Götterdämmerung. 1939–1945, Wien 1998, S. 43.

³¹ Хильда Краль в фильме «Жизнь продолжается». Ассистент режиссера получал 300 рейхсмарок в неделю. Акты Имперской палаты культуры R 109II/53-Gehülf bei der Ufa. Bundesarchiv Berlin.

³² Письмо Герингу от 12.1.1938. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

Министр пропаганды Геббельс вначале не был в восторге от новой и дорогой звезды. Его злило, что Вейдеман и УФА ангажировали иностранку, вместо того, чтобы найти новую Грету Гарбо в Германии. При каждой возможности он критиковал ответственных за эту ситуацию. «Зара Леандер, которую нашел Вейдеман, доказывает, что она враждебна Германии», — записал он, явно взволнованно, после того, как прочитал необычный пункт договора по поводу оплаты в шведских кронах³³. Спустя какое-то время министр, лично просматривавший тексты всех киносценариев, записал: «Просмотрел вечером “Премьеру” с Зарой Леандер. Ничего особенного. Вейдеману нечего рассчитывать на громкий успех»³⁴.

Спустя два дня Геббельс еще раз посмотрел этот фильм и должен был признаться в несколько обратном: «...все же лучше, чем мне показалось на первый беглый взгляд. Бойкие сцены в стиле ревю и довольно захватывающее действие. Леандер, возможно, станет чем-то большим. Если найдется достойный режиссер и материал»³⁵.

Когда спустя какое-то время Йоханнес Вейдеман подал прошение о назначении его в руководство УФА, Геббельсу подвернулась удачная возможность отомстить: «Отличный случай, я мог бы прибрать его к рукам»³⁶. Для министра развитие немецкого кино, которое должно было соответствовать голливудскому стандарту, было чрезвычайно важным делом. «Как легко с этим справляются американцы, — записал он как-то, — можно только восхищаться их искусством»³⁷. Он не переставал читать проповеди деятелям киноискусства: «Национал-социалистическое

³³Запись от 15.1.1937. Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

³⁴Запись от 6.2.1937. Ebd.

³⁵Запись от 8.2.1937. Ebd.

³⁶Запись от 1.4.1937. Ebd.

³⁷Запись от 12.5.1937. Ebd.

мировоззрение не должно стать извинением художественного бессилия». Но то, что предлагала отечественная кинопромышленность, все равно не выдерживало конкуренции с 264 американскими фильмами, шедшими в кинотеатрах Германии с 1933 по 1940 год. Хотя немецких фильмов шло в три раза больше, у публики всегда был выбор.

Зара Леандер сыграла в своем первом фильме «К новым берегам» (*Zu neuen Ufern*), который был снят на киностудии УФА, певицу варьете, которая берет на себе вину за мошенничество, совершенное ее возлюбленным, ее депортируют в Австралию, где она находит свое новое счастье. Фильм должен был пропагандировать идеал «здоровая женщина — здоровый народ». В этом фильме она исполнила песни «Я стою под дождем» (*Ich steh' im Regen*), «Да, сэр!» (*Yes, Sir!*) и «Глубокая тоска» (*Tiefe Sehnsucht*). Премьера состоялась 31 августа 1937 года. Спустя два месяца после премьеры удивленный Геббельс записал в дневнике следующее: «Коммерческий успех фильма огромен!»³⁸

В «Ла Хабанера» (*La Habanera*), в ее втором фильме с УФА, Зара играет женщину, томящуюся в несчастливом браке под горячим солнцем Пуэрто-Рико, пока не появляется ее освободитель в образе шведского врача. Героиня Зары проходит долгий путь осознания того, что нордические люди лучше понимают друг друга. Фильм заканчивается хэппи-эндом, в котором она поет хабанеру «Ветер рассказал мне песню» (*Der Wind hat mir ein Lied erzählt*). 18 декабря 1937 года фильм был впервые показан в немецких кинотеатрах.

Остатки скептицизма министра перешли в бурное восхищение, когда в 1938 году вышел на экраны фильм «Родина» (*Heimat*) — экранизация «в духе времени» драмы Гер-

³⁸Запись от 6.10.1937. Ebд.

мана Зюдермана. Этот первый цветной немецкий фильм стал лидером по кассовым сборам. До падения Третьего рейха 28 миллионов зрителей посмотрели эту сентиментальную кинокартину, в которой Зара Леандер сыграла певицу, которую отец (его сыграл Генрих Георге) выгоняет из дома после рождения внебрачного ребенка. В конце концов жестокосердный отец приходит к осознанию того, что любовь важнее чем мещанская мораль. Фильм заканчивается звуками из «Страстей по Матфею» Баха. Голос Зары возвышается над хором, в то время как плачущий слезами радости дедушка бережно держит на руках внука.

Режиссер и пионер звукового кино Карл Фрёлих получил за кинокартину, премьера которой состоялась 25 июня 1938 года на биеннале в Венеции, приз за лучшую режиссерскую работу. Фильм «Родина» был высоко оценен и в профессиональных кинематографических кругах. Кроме того, он самым идеальным образом соответствовал представлениям власти имущих НСДАП. Ведь история о певице, которая после долгих лет эмиграции «вернулась домой в рейх», была не просто развлечением для широкой публики, но выполняла важную идеологическую роль с точки зрения национал-социалистического мировоззрения: правовое уравнивание внебрачных детей для повышения уровня рождаемости немецкого народа.

Йозеф Геббельс, ставший теперь поклонником Зары Леандер, послал ей 40 алых роз и пригласил к себе для личной встречи. «За большим-пребольшим столом в большой-пребольшой комнате сидел маленький-премаленький человечек», — насмешливо писала об этом свидании актриса. При прощании он несколько смущенно заметил: «Ваше имя кажется мне немного еврейским — Зара?» Несмотря на это, между находившейся на самом пике популярности кинодивой и маленьким министром пропаганды в течение всего времени сохранялись дру-

жеские взаимоотношения. Еще долгое время после падения Третьего рейха Зара Леандер в своих интервью подчеркивала, как она ценила шефа немецкой киноиндустрии: «Можете говорить обо мне все, что угодно. Но Геббельс был в высшей степени интересным человеком, у него было отличное чувство юмора, он мог понять любую ситуацию. А всё остальное — это не мое дело...»³⁹ У министра пропаганды и кинодивы, которая получала приглашения на прием к нему по меньшей мере раз в месяц, были удивительно гармоничные отношения. «После обеда приглашены проф. Фрёлих [президент Имперской палаты кино] и фрау Леандер. Много спорили о кино и тысяче других проблем», — записал Геббельс в своем дневнике⁴⁰.

В то время наряду с Гитлером без стеснения вмешивался в культурную жизнь и главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг⁴¹. Он постоянно требовал от фильмов более четкого национал-социалистического направления. Йозеф Геббельс и Зара Леандер считали, что в эти трудные времена киноиндустрия должна предлагать безобидную легкую продукцию развлекательного характера без «указующего политического перста». «Мы должны вдохнуть жизнь! Не нужно пустых теорий! Жизнь! Жизни! — было девизом министра пропаганды⁴², а Зара Леандер поддерживала его в этом мнении. «Только додорощенные психологи-любители и фанатики могут утверждать, что Геббельс в этом пункте не прав»⁴³. На

³⁹ Интервью Зары Леандер в документальном фильме Геро фон Бёма.

⁴⁰ Запись от 29.1.1940, Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

⁴¹ Розенберг был назначен Гитлером в 1934 году уполномоченным фюрера по вопросам мировоззренческо-философского воспитания НСДАП.

⁴² Запись от 8.2.1937, Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

⁴³ Leander, Es war..., a.a.O., S. 131 f.

самом деле шеф киноиндустрии, который не хотел отдавать публику, вел себя очень дифференцированно. Из 1094 игровых фильмов, произведенных в Третьем рейхе, 47 процентов составляли комедии, 27 процентов так называемые «проблемные фильмы», 11 процентов приключенческие картины и лишь 14 процентов чистые пропагандистские фильмы. Во время Второй мировой войны Геббельс форсировал производство легких, развлекательных фильмов, так как пришел к пониманию того, что «война подобного масштаба может быть выиграна только народом, у которого хорошее настроение»⁴⁴. Фильмы с участием Зары Леандер также должны были развлекать, отвлекать от печальных мыслей, укреплять волю, поднимать дух. Она не снималась в брутальных фильмах, подобных антисемитской ленте «Еврей Зюсс» или «Я обвиняю», которая стала своеобразной рекламой эвтаназии⁴⁵. Но это не значит, что в ее фильмах отсутствовала пропаганда национал-социализма. Просто она была тщательно замаскирована.

В своих мемуарах кинодива лишь вскользь касается оживленных бесед в доме Геббельса. Намного больше внимания она уделяет неудачному разговору тет-а-тет с министром пропаганды, за которым закрепилась слава, что он использует свое положение в киноиндустрии, чтобы соблазнять молодых, стремящихся сделать карьеру актрис. Прелести скандинавской звезды не долго оставались незамеченными дамским угодником. «Зара Леандер – необычное явление!» – записал он в своем дневнике. Если

⁴⁴Veigl, Derman; *Alttag im Krieg*, a.a.O., S. 186.

⁴⁵Эвтаназия, программа насилиственного умерщвления людей, страдающих наследственными болезнями; как медицинский термин означает «облегчение умирания обезболивающими средствами». Всего в 1939–1941 годах, в соответствии с этой программой, в Германии было уничтожено («дезинфицировано») более 70 тысяч человек. – Прим. науч. ред.

верить рассказу Зары, то она получила «частное приглашение фамильярного характера» на виллу министра в Шваненвердере. Приехав туда, звезда поняла, что она будет единственной гостьей. Геббельс, который доставал диве лишь до плеча, побренчал на пианино, налил ей шампанского и сказал, что целью его приглашения является «совместное проведение уютного вечера за приятной беседой». Но Зара, как она сама об этом пишет, не поддалась на намеки довольно однозначного характера. Министр в конце концов смирился с таким положением вещей, но не хотел списывать этот вечер окончательно со счетов, попытавшись выведать у актрисы о политических воззрениях ее коллег и о содержании их разговоров.

Помимо работы в кино Зара Леандер посвящала много времени записи песен, которые должны были впоследствии стать шлягерами. Компания грамзаписи «Одеон» поставила на конвейер производство пластинок с записями Леандер, немецкие радиостанции крутили ее песни на своих волнах, чем делали ей самую лучшую и доступную рекламу. Так придуманный Геббельсом «Концерт по заявкам служащих вермахта», впервые прозвучавший по радио 1 октября 1939 года, был вскоре просто немыслим без шансона Леандер. Эта полюбившаяся радиослушателям передача была связью между родиной и фронтом и собирала практически все население страны перед громкоговорителями. Песни Зары Леандер звучали также по всем солдатским радиостанциям. Ее шлягеры звучали так часто, что отчет СД об опросе общественного мнения в конце концов установил пресыщение слушателей творчеством шведской звезды⁴⁶.

⁴⁶ Meldungen aus dem Reich. Auswald aus dem geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS von 1939–1944. Hrsg. von Heinz Boberach, München 1956, № 257.

Если бы в 30-х и 40-х годах XX века присуждались «золотые диски», как с гордостью писала сама Зара Леандер, она могла бы обклеить ими все стены своего дома. Согласно Геббельсу, радио было «самым современным, самым важным инструментом формирования общественного мнения, которое когда-либо было изобретено». С самого начала захвата власти национал-социалистами радио находилось в их распоряжении. Национал-социалистическому режиму было чрезвычайно выгодно, что в результате реформы радио 1932 года все региональные немецкие радиостанции перешли в собственность государства⁴⁷. Так, уже в 1933 году можно было добиться передачи программ с единым содержанием по всей стране. Развитие и распространение радиоаппаратуры поддерживалось самым тщательным образом. Вскоре почти в каждом доме, в каждой семье был свой радиоприемник, самый дешевый из которых стоил всего 65 рейхсмарок и назывался «народный приемник»⁴⁸. Тем самым руководство радиостанций могло в любое время суток предлагать развлекательные программы для миллионной публики, причем главным было отнюдь не их национал-социалистическое содержание.

Подобные же возможности предлагало и кино, что ни в коем случае не было оставлено без внимания Геббельсом и его соратниками, которые использовали это средство для внушения народу необходимых режиму политических и идеологических принципов. При захвате немецкой киноиндустрии у национал-социалистических ведомств возникли трудности по причине сложных отношений по вопросу собственности. Ог-

⁴⁷Winfried B. Lang, *Die Entstehung des Rundfunks in Deutschland*, Frankfurt am Main 1970.

⁴⁸Конструктор «народного приемника» Отто Грессингт в 1939 году получил Национальную радиопремию.

ромное количество продюсеров и прокатчиков (и среди них такие гиганты, как «MGM», «Парамаунт» и «XX век – Фокс») развернули настоящую борьбу за прибыльный рынок, который в 1937 году состоял из 5300 кинотеатров. Киноиндустрия процветала, а интерес публики к кино был огромен. В годы Великой депрессии походы в кино были самым популярным временным пропагандированием. Согласно статистике 10,5 процентов немецкого населения ежедневно пытались бежать от мрачной реальности, чтобы погрузиться в призрачный мир кино⁴⁹. Пропагандистские возможности этой отрасли развлечения были огромны, и нацисты предпринимали усилия, чтобы не только контролировать немецкую кинопромышленность, но и управлять ею. В 1937 году огосударствление важнейших немецких кинокомпаний продвинулось достаточно далеко, и министр пропаганды выразил свое удовлетворение этим процессом следующими словами: «Финансовый переход УФА практически гарантирован, а также “Терры”, в нашем большом концерне не хватает только “Баварии” – над этим мне еще придется творчески поработать»⁵⁰. В марте были закончены переговоры, и Геббельс мог с триумфом записать: «Наконец-то куплена УФА! С середины апреля я обеспечу работу Наблюдательного совета!»⁵¹ Тем самым в распоряжении нацистов оказался самый мощный кино-, радио-, пресс-, а также театральный концерн в мире, и руководитель всей этой гигантской империи дал себе слово, что будет «работать на благо всего народа! Какая замечательная задача!»⁵²

⁴⁹Josef Wulf, Theater und Film im 3. Reich, Berlin 1964, S. 623.

⁵⁰Запись от 12.2.1937, Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

⁵¹Запись от 20.3.1937, Ebd.

⁵²Запись от 17.3.1937, Ebd.

Ложкой дегтя в этой бочке меда было то, что американским фильмам, по мнению руководителей НСДАП, намного лучше удавалось претворить на экране национал-социалистический образ мыслей, чем немецким кинематографистам. Так, «Фёлькише бебахтер» хвалил героеввестернов: «Они не рассусоливают долго, они действуют. Они захватывают врасплох и тут же казнят»⁵³. То, что в США ограничивалось лишь киноэкраном, пресловутая Народная судебная палата претворяла в жизнь. Фильм «Бенгали» с Гарри Купером восхитил руководство НСДАП. «Дюжина белых мужчин защищает народ от трехсот индейцев и спасает город от хаоса!» — восторженно воскликнула газета «Der Angriff»⁵⁴. Несмотря на это, в фаворе у политического руководства страны были именно немецкие фильмы, а иностранные же последовательно вытеснялись с экранов. Чтобы отвадить зрителей от последних, Геббельс разрешил прокатывать иностранные фильмы худшего качества. Пресса получила директиву ограничить количество рецензий на них. Голливуд сделал ответный ход, и в начале ноября 1938 года в Берлин с рекламной акцией приехал Гарри Купер. Во время посещения павильонов киностудии в Бальбельсберге произошла встреча между калифорнийским киноидолом и кинодивой Третьего рейха.

УФА не стала предоставлять слушаю «операцию Зара Леандер» и задействовала свою дорогую звезду, которая после феноменальных успехов заработала почти один миллион рейхсмарок. Согласно строго разработанному плану, на каждый фильм Заре отводилось три-четыре месяца: два месяца уходили на пробы костюмов и грима, а также на запись песен, в последующие два месяца проводились непосредственно съемочные работы. Рабочий

⁵³Markus Spieker, Hollywood unterm Hakenkreuz, a.a.O., S. 67.

⁵⁴Ebd.

день в студии начинался в пять часов утра и с небольшими перерывами продолжался до 19 часов. Рабочая неделя продолжалась шесть дней. «Так проходила жизнь, день за днем, неделя за неделей, год за годом. Она мало походила на роскошную жизнь», — вспоминала Леандер о времени, проведенном в УФА, о том, как ей приходилось соблюдать строжайшие предписания по поведению в обществе. В них говорилось, когда и где должна была появляться звезда во время проведения съемочных работ.

Каждый фильм с участием Зары Леандер открывался гала-премьерой в «УФА-Паласте». Во время таких премьер наряды полиции оцепляли улицы, дети махали флагами, а колонна мотоциклистов сопровождала кортеж дивы. Огромные прожекторы освещали появление актрисы. Ее сопровождение всегда строилось по одной и той же схеме: восемь мужчин во фраках шли за Зарой, которая ехала в открытом автомобиле. Горан Форселл, сын Зары Леандер, вспоминал: «Моя сестра и я не могли поверить во все это. Неужели это была наша мать, эта шикарная женщина, которую сопровождал полицейский кортеж?»⁵⁵ На каждую премьеру под руководством шефа по рекламе Карла Опица составлялся протокол, разработанный с точностью до минуты. Актриса знала заранее, какие цветы ей преподнесут по прибытии, она знала, какие блюда и в какой последовательности будут подавать на праздничном обеде, знала содержание всех запланированных речей. Она была также проинформирована о своих соседях по столу, хотя, конечно, и они хорошо знали о пикантных подробностях жизни Зары. Но предметом особо щадительной заботы были, конечно, наряды Зары. Дорогие, откровенные, необычные, они должны

⁵⁵Интервью Горана Форселла в декабре 2000 года, показанное в документальном фильме Гero фон Бёма.

были соответствовать представлениям публики о суперзвезде. Для нее создавали эксцентричные платья, обращая внимание на каждую деталь, энергичные костюмы УФА заполняли целые папки предписаниями к нарядам. Они касались мехов, платьев, обуви и предметов украшений, и даже чулок и духов. Одеваться по своему выбору Зара Леандер могла лишь в очень редких случаях, так как в основном все обеды, коктейли, «пятичасовой чай» и ужины шли в соответствии со строгим регламентом. Её проблемы с весом и очень сильную близорукость тщательно скрывали, используя все возможные средства. Безупречная дива не должна была ни в коем случае носить очки, но и не могла ощупью находить дорогу. УФА предоставила звезде двух высоких элегантных господ, задачей которых было скрывать досадные промахи на публичных выступлениях. Незаметно, но довольно эффективно, они «управляли» Зарой, шептали ей на ухо или легкими толчками давали понять, куда сейчас необходимо идти или что делать. «Сейчас помедленнее. Низкая ступенька. Слева: пожилой господин снимает шляпу — наверное, просто хочет любезно поклониться? Нет, теперь влево, там ящик с письмами! Осторожно — вращающаяся дверь! Сейчас красный ковер, десять метров прямо. В конце стоит хозяин дома. Справа наискосок приближается хозяйка дома. Мадам, ваша улыбка налево совершенно не нужна. Нет, там только мраморная колонна. Она все время была там. Да, да, это правда! Официант с подносом. Шампанского, пожалуйста...»⁵⁶ Пить шампанское диве также помогали ее сопровождающие, тайком смешивая игристое вино с водкой.

Вскоре Зара Леандер стала настолько популярной, что уже не могла ходить за покупками в берлинские магази-

⁵⁶Leander, Es war..., a.a.O., S. 141.

ны. Стоило ей появиться в магазине, как мгновенно собиралась огромная толпа. УФА решила эту проблему, выбрав определенные магазины и попросив владельцев закрывать их в определенные часы для других покупателей, чтобы звезда могла спокойно сделать покупки.

Помимо обязательств, касающихся кино, которые были расписаны в деталях и которые соответствующим образом вознаграждались, дива выполняла обязательный план общественных выступлений в рамках пропагандистских кампаний Геббельса. Эти задачи были в ведении партийных ведомств и понимались как нечто само собой разумеющееся и по требованию в краткий срок должны были быть предоставлены на рассмотрение. Никакой договорной основы эти обязательства не несли. Но звездой они воспринимались в качестве неоплачиваемого «дела чести» и стали для Зары гнетущей необходимостью. Это было обоюдно выгодным делом: Третий рейх использовал Зару Леандер, а Зара Леандер использовала Третий рейх.

Наряду с множеством других мероприятий в июне 1938 года Зара Леандер приняла участие в Данцигской культурной неделе и вышла на поклон к публике после показа ее фильма «Родина». Лично присутствовавший министр пропаганды записал об этом выступлении: «Весь город был на ногах. Прежде всего людей привлек показ фильма «Родина». Фон Арент превосходно украсил главную улицу. Лицо этого города удивительно немецкое. В здании городского театра проходит культурный митинг. Обед в красивом, старинном зале ратуши... Митинг ГЮ [Гитлерюгенда] перед Артусхоф. Огромное восхищение...»⁵⁷ Затем в сопровождении Геббельса Зара Леандер на самолете вернулась в Берлин.

⁵⁷Запись от 27.6.1938, Goebbels, Tagebücher, a.a.O.

15 марта 1941 года Геббельс послал телеграмму с оплаченным ответом, в которой в ультимативной, не терпящей возражений форме было написано следующее: «Имперский министр Геббельс просит принять участие в концерте по заявкам 23 марта в день вермахта. Прошу немедленно телеграфировать ответ»⁵⁸.

Актриса раздавала автографы в захваченном Париже и присутствовала на всех официальных приемах. Когда по слухам заключения союза с Югославией⁵⁹ принц-регент Павел с супругой Ольгой приехали в Германию с официальным визитом, рейхсмаршал Геринг дал в замке Шарлоттенбург большой прием. Были приглашены многие известные актеры и, конечно, «Немецкая дива». Во время обеда в парке, освещенном огромными факелами, при волнующих звуках оркестра Зара Леандер вела беседу с крупным мужчиной, сидевшим напротив, который заговорил с ней по-шведски и представился Германом Герингом. «Вокруг нас воцарилась мертвая тишина, наш язык никто не понимал», — вспоминала Зара Леандер, которая болтала тогда о своей родине на родном языке с рейхсмаршалом, который в первом браке был женат на шведке Карин фон Фок. «И вдруг в честь меня прозвучала старинная шведская уличная песенка “Пятнадцать эре стоит шнапс”», — радовалась звезда. Когда принц-регент с супругой удалились, Геринг и Леандер все еще болтали, поглощая колбаски и запивая их пивом и шнапсом. На прощание Геринг полез в карман своей жены, достал горсть конфет и заявил: «Это лучший шоколад, который

⁵⁸ 15.3.1941. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

⁵⁹ Павел, несмотря на давление со стороны Великобритании и США, а также вопреки общественному мнению, 25.3.1941 подписал декрет о присоединении Югославии к прогерманскому Тройственному союзу. Его действия вызвали волну негодования в Югославии, и через два дня — 27 марта — принц был смешен в результате государственного переворота. — Прим. науч. ред.

только есть на свете. Специально для меня его делают монахини в Баварии. Возьмите его для своих детей».

В марте 1939 года нацисты праздновали «День народного кино». Пожертвовав на «Зимнюю помощь», в этот день можно было бесплатно ходить во все кинотеатры. В еженедельном киножурнале УФА зрители увидели элегантную диву, которая с коробочкой в руках в сопровождении партийных бонз собирает пожертвования. По движениям Зары видно, что непривычная деятельность не доставляет ей никакого удовольствия. Но актрису заставили все же этим заниматься, так как узнаваемость Зары в то время была так высока, что *Tobis-Trichter* — юмористическое приложение к немецкому еженедельному журналу, использовало часто в своей программе пародию на Леандер, которую без труда мог разгадать любой зритель⁶⁰.

15 марта 1939 года Зара отметила свой тридцать второй день рождения. По этому поводу УФА устроила для суперзвезды шикарный прием, не пожалев ничего — ни денег, ни затраченных усилий. Вилла Зары в Далеме была декорирована специально привезенным для этой цели золотым дождем, а официанты и лакеи были одеты в фиолетовые, позаимствованные в костюмерном фонде кинокомпании ливреи. Стол украшали лиловые орхидеи, а для новорожденной было приготовлено роскошное платье нежного лилового цвета. Дети Зары — Боель и Горан — были одеты в праздничные национальные шведские костюмы. Многочисленные представители высшего света смешались в пестрой толпе приглашенных с работниками киноиндустрии. Имперский министр Геббельс от всего сердца поздравил именинницу и произнес пламенную речь. Он сделал комплимент Заре Ле-

⁶⁰Wulf, Theater und Film, a.a.O., S. 49.

андер, назвав ее локомотивом немецкой киноиндустрии, упомянул все ее фильмы, снятые на УФА, которые стали настоящим подарком для публики. Он похвалил также фильм «Родина», кинокартину, ставшую наиболее успешной в немецкой карьере звезды, и, обыграв тему фильма, выразил надежду на то, что дива и в своей настоящей жизни найдет в Германии свою родину. Эту веселую праздничную беседу прервал телефонный звонок из Швеции. Звонил супруг Зары Видар Форселл. Он с волнением сообщил, что наконец-то смог исполнить самое большое желание своей жены: после долгих поисков ему удалось приобрести красивую и представительную усадьбу в местечке Лёнё, Викболандет, в общине Ёстра Хусби южнее Стокгольма. Он поздравил с приобретением свежеиспеченную хозяйку замка, чьи безумные гонорары позволили ему сделать эту покупку. Зара не скрывала, какую огромную радость доставила ей новость о приобретении недвижимости на Балтике, на что Гебельс сделал кислое лицо. Это заметили все гости и начали прощаться.

Спустя три недели, 6 апреля 1939 года, Зара Леандер впервые увидела свою шведскую недвижимость, которую раньше знала лишь по фотографиям. Когда она шла вдоль бухты Лёнё и увидела желтое здание на пригорке, она поняла: «Это был именно тот дом, о котором я мечтала в годы юности. Но только он был еще прекраснее. Прекраснее, чем та мысль, так как это была правда...»⁶¹

Поместье Лёнё охватывало 60 000 квадратных метров земли. Ландшафт менялся — от леса до плодородных полей. К владению относились также 150 гектаров пахотной земли, сдаваемой в аренду, а также обширные водоемы, в которых в изобилии водилась сельдь. Среди водо-

⁶¹Leander, Es war..., a.a.O., S. 205 f.

емов находились не менее 22 островов и отмелей. В центре этого чудесного поместья стоял двухэтажный Т-образный дом. Построен он был в 1910 году знаменитым архитектором профессором Исааком Густавом Классоном, автором проекта Нордического (Северного) музея в Стокгольме. В доме было 39 комнат, которые новая владелица обставила ценной антикварной мебелью и украсила картинами. Ее любимым местом в доме стала большая библиотека, находящаяся на первом этаже.

Когда актриса возвращалась из отпуска, который всегда проводила в Швеции и который был гарантирован ей действующим контрактом, то первым делом она связывалась с министром пропаганды. Она информировала его о настроениях, царящих среди ее земляков, всегда даже несколько преувеличенно, подчеркивая поддержку, оказываемую национал-социалистам в Швеции. Она рассказывала Геббельсу то, что он хотел услышать. «Поболтал с фрау Леандер. Она только что вернулась из Швеции и рассказывала о стране очень интересные вещи», — записал министр в сентябре 1940 года. Он продолжал записи, с удовлетворением отмечая: «Швеция относится к нам намного позитивнее, чем раньше. Победу Англии считают невозможной, к Норвегии [независимой Норвегии] симпатий больше не испытывают. Собственная политическая самостоятельность в будущем считается неприемлемой. Интересный взгляд на шведский менталитет...»⁶² Геббельс ценил беседы с кинодивой уже потому, что сведения, полученные «изнутри», способствовали его успеху в борьбе за благосклонность фюрера. Тем самым он затмевал Геринга, который, к большой досаде министра пропаганды, всегда считался экспертом по Швеции.

⁶²Запись от 4.9.1940, Goebbels, Tagebücher, a.a.O

Зара Леандер восприняла начало Второй мировой войны в сентябре 1939 года как катастрофу — как и большинство населения страны и как правящая верхушка НСДАП. Мощное сокращение финансирования киноизделий в целях экономии средств для ведения войны серьезно беспокоило ее. Так, среди 26 проектов, которые были заморожены УФА, был и крупнобюджетный фильм с Зарой Леандер в главной роли «Мона Лиза». Изменившиеся обстоятельства заставили диву сделать выводы. Она вернулась в Швецию, чтобы переждать там какое-то время. Газета «Film-Kurier» поспешила успокоить читателей сообщением, что любимица публики отправилась на родину «в давно запланированный отпуск» и что «подготовительные работы для новых фильмов с Зарой Леандер идут полным ходом». Только в ноябре 1939 года актриса вернулась в Берлин. К этому времени в Германии распространился слух, что английский король Георг VI отказался от короны, а премьер-министр Чемберлен подал в отставку, чтобы предоставить свободу действий королю Эдуарду VIII, симпатизирующему Германии, который в 1936 году отрекся от престола. Это известие вызвало бурю радости в Германии. На предприятиях и в государственных учреждениях громко праздновали это событие, а люди обнимали друг друга на улицах. Но министр пропаганды Геббельс поспешил опровергнуть эти слухи, и надежды на быстрое окончание войны исчезли.

Зара Леандер призналась министру пропаганды в том, что боится. «Она очень беспокоилась о своих детях. Она боится, что Швеция будет втянута в конфликт. Я немножко ее успокоил. Женщины ничего не понимают в политике», — записал Геббельс в своем дневнике⁶³.

⁶³Запись от 11.1.1940, Ebd.

Когда люфтваффе начали бомбардировку английских городов, а Королевские ВВС 8 октября 1940 года нанесли мощнейший бомбовый удар по имперской столице Берлину, Зара Леандер и Вилли Биргель, которого она считала нечутким и холодным человеком, были на съемках в павильонах Бабельсберга. «Сердце королевы» (*Das Herz der Königin*) был историческом фильмом, окрашенным философией национал-социализма. Как и кинокартина «Папаша Крюгер», снятая в 1941 году, этот фильм служил психологическим оправданием ведения войны против Англии. «Сердце королевы» — фильм о судьбе шотландской королевы Марии Стюарт — тем не менее не в полной мере оправдал ожидания Геббельса. «К сожалению, он не впечатлил меня. Только роскошь. Должен был стать антианглийским и антицерковным, а получил — наоборот, проанглийским и процерковным. Его нужно во многом изменить. Это потребует от нас огромных усилий. Я готов работать бесконечно, чтобы искоренить психологические ошибки в моем ведомстве. Не самое приятное задание...» — критиковал он новый фильм⁶⁴.

Несмотря на это, он пригласил исполнителей главных ролей к себе в дом. «Чай для кинематографистов... очень интересно и очень полезно... Фрёлих, Леандер, Биргель, Макебен и другие... Пестрая толпа артистов... много споров и новых мыслей. Сирена — воздушная тревога. Когда же Черчилль капитулирует?»⁶⁵ В другой раз он записал: «Фрау Леандер сообщает мне о своей работе. Она рада, что она с нами»⁶⁶.

Но радость Зары быстро закончилась, когда Геббельс, подчеркивая ее симпатию к Германии, которую при каж-

⁶⁴Запись от 21.8.1940, Ebd.

⁶⁵Запись от 24.11.1940, Ebd.

⁶⁶Запись от 7.12.1940, Ebd.

дом подходящем случае Зара публично выражала, все более настойчиво стал советовать ей принять немецкое гражданство, указывая при этом на преимущества этого шага: множество обременительных формальностей отпали бы сами собой, а также стал бы неактуальным пункт о выплате части гонорара в шведских кронах. В качестве вознаграждения за неоценимые услуги во имя немецкого народа Геббельс был готов предоставить Заре виллу в Берлине, а также большое загородное поместье – в Германии или на какой-либо из завоеванных территорий, по желанию актрисы. Властелин киноиндустрии намекнул также на то, что возможно и получение «ценных подарков» из фонда развития кино, которые уже получили заслуженные деятели искусства, такие как Эмиль Яннингс, Вейт Харлан, Гейнц Рюман⁶⁷. Зара Леандер прекрасно осознавала, в какое затруднительное положение она попала бы, приняв все эти предложения министра пропаганды, и вежливо отклонила их.

Актриса продолжала добровольно работать на национал-социалистическую пропаганду, но ее готовность к сотрудничеству заканчивалась со спорами о принятии ею немецкого гражданства. Гитлер осудил упрямую позицию актрисы, что в высших партийных кругах посчитали афронтом против чести Германии. К досаде власть имущих, Зара никогда не высказывала желания вступить в партию, стояла в стороне от Имперской палаты кино и даже отклонила публикацию своих фотографий в ее альманахе⁶⁸. В то время как другие деятели искусства подчеркивали, что они «были рады и горды принять участие в новом великом немецком проекте», Зара Леандер в отличие от Аттилы Хёргера, Вильгельма Фюртвэнгле-

⁶⁷Drewniak, Das Theater im NS-Staat, a.a.O., S. 162 f.

⁶⁸1938/39. Personalakt Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

ра, Паулы Весселы, Герберта фон Кааяна, Карла Бёма и других не подписала никаких прокламаций⁶⁹. Нацистская бюрократия реагировала на это придирками и требовала, несмотря на существование долгосрочных договоров на каждый фильм Леандер специального паспортного режима для актрисы.

В то время как на ее знаменитых коллег как из рога изобилия сыпались различные знаки отличия, медали, титулы, а другие, как, например, венская актриса Роза Альбах-Ретти, страдали от «тишины, царящей в берлинской тюрьме», Зару Леандер не коснулось ни то, ни другое. Ее не интересовала возможность состоять в списке фюрера как «осененная высшей благодатью». Но материальные преимущества, которые она имела от национал-социалистического режима, актриса, возглавлявшая с 1939 года список наиболее высокооплачиваемых актеров, принимала довольно охотно⁷⁰. Как «настоящий друг кино», Гитлер хотел, чтобы 40 процентов доходов известных деятелей искусства составляли бы доходы от рекламы. В одном из секретных документов, который не был предназначен для «публикации в специальных изданиях», Геббельс дал определение понятию «знаменитый» и приводит список актеров, возглавлявших который Зара Леандер⁷¹.

В 1939 году подготовка музыкального мира к столетнему юбилею Петра Ильича Чайковского была в полном разгаре. Третий рейх также не хотел остаться в стороне от этого события и решил в качестве жеста доброй воли внести вклад в празднование. Причины этого были ис-

⁶⁹ Veigl, Derman, Alltag im Krieg, a.a.O., S. 41 ff.

⁷⁰ Drewniak, Das Theater im NS-Staat, a.a.O., S. 151.

⁷¹ Письмо Геббельса к Заре Леандер от 17.5.1938. См.: Drewniak, Das Theater im NS-Staat, a.a.O., S. 135 ff.

ключительно политического характера, так как гитлеровская Германия стремилась тогда заключить союз с большевиками, которые долгое время были заклятыми врагами национал-социалистов. К юбилею композитора был запланирован выход фильма о любви с Зарой Лейандер в главной роли. Было отклонено шесть сценариев, пока наконец Гёза фон Чиффра⁷², воскликнувший: «Подумайте о Заре, ее роль важнее, чем Чайковский!», не фальсифицировал исторические события. Фильм, в котором Чайковский выступает как «трагический влюбленный, который разрывается между двумя женщинами», отрицал гомосексуальные склонности композитора⁷³. В прокат фильм, снятый режиссером Карлом Фрёлихом, в котором использовалась музыка композитора, вышел под названием «Это была бурная бальная ночь» (*Es war eine räuschende Ballnacht*). Зара пела «Только не плакать от любви», когда Чайковский умирал у нее на руках. Премьера фильма состоялась за десять дней до заключения советско-германского пакта о ненападении (25 августа 1939 года). Фильм стал шлягером сезона как в Германском рейхе, так и за границей. После нападения на Россию Геббельс издал приказ, запрещающий произведения композитора, и фильм также стал жертвой этого приказа.

Шведскую актрису терпели в качестве лица немецкого кинематографа лишь ради ее огромной популярности. В 1941 году инициатива министра пропаганды, собиравшегося присвоить ей звание государственного деятеля культуры, была отклонена Гитлером⁷⁴, хотя знаме-

⁷²Geza von Cziffra, *Kauf dir einen bunten Luftballon. Erinnerungen an Götter und Halbgötter*, München 1975, S. 258.

⁷³Wulf, *Theater und Film*, a.a.O., S. 444.

⁷⁴В соответствии с имперским законом от 1.7.1937 подобные звания присваивались лично Гитлером.

нитая звезда стояла на первых местах на всех заявках. В 1942 году после успеха фильма «Большая любовь» (*Die grosse Liebe*) Геббельс попытался еще раз как-то отметить заслуги Зары Леандер на государственном уровне. По его мнению, это «способствовало бы тому, чтобы укрепить ее связь с немецкими деятелями кино». Документ о присвоении звания был уже издан, однако Гитлер не подписал его. Для Геббельса это была информация, не нуждающаяся в комментариях: фюрер не желает, чтобы Зара Леандер получила это звание»⁷⁵.

На киностудии УФА Зара Леандер снялась в десяти фильмах. Все они были показаны в Бергхофе, в резиденции фюрера и рейхсканцлера в Баварских Альпах. Там они наряду с американскими фильмами были неотъемлемой частью вечерних кинопоказов. Гитлер ценил одаренную шведскую актрису и выделял ее на официальных приемах, а также на встречах с деятелями искусства в Мюнхене особой, подчеркнутой сердечностью. Но в Оберзальцберг Зара никогда не приглашалась. Сама Зара очень мало упоминала о фюрере в своих мемуарах, и один рассказанный ею анекдот о случайной встрече с фюрером в одном из берлинских ресторанов, где дива праздновала завершение съемочных работ над одним из фильмов, звучит несколько неубедительно: «Меня пригласили за стол Гитлера. Он вежливо поднялся. Я села, мысленно спросив себя, о чем можно говорить с господином по имени Гитлер...» В конце концов Зара заговорила о волосах фюрера: «Скажите, господин рейхсканцлер, вы когда-нибудь пытались что-либо сделать со своими волосами?» Гитлер якобы ответил: «Вы даже не представляете себе, чего я только не пробовал: масло, помаду, воск для волос и всякие смешные чернила. Но

⁷⁵R55, №118, S. 3, 9, 118; Bundesarchiv Berlin.

ничего не помогает...»⁷⁶ Странная аудиенция, по словам Зары Леандер, подошла к концу, стоило ей достать портсигар.

Еще в 1939 году шведские журналисты критиковали Зару Леандер за ее ангажемент в национал-социалистической Германии. Зара равнодушно принимала это к сведению и в качестве контраргумента приводила следующий факт: у нее контракт с УФА, а не с Геббельсом и не с нацистским режимом. Кроме того, в «фильмах не идет речь о нацистах». Тем самым она намекала на то, что политика заканчивалась у ворот киностудии. И в самом деле, среди известных актеров было очень мало фанатичных национал-социалистов. Многие, так же как и Зара, считали, что они вошли в соглашение с коричневой диктатурой, чтобы иметь возможность и далее заниматься своей профессией. Они словно опустили на глаза шоры, снимались в фильмах на звукоизолированной студии в Бабельсберге в полной отрешенности от происходящих событий. Они практически не замечали внешнего мира. Один из современников описывал эти события: «Мы как будто были на нейтральной земле, словно со сцены мы наблюдали, как продолжалась эта война, и некоторым образом мы были оторваны от всего...»⁷⁷

Не участвующие в этой войне артисты создали свой ирреальный мир и сами погрузились в нереальное. В то время как Берлин лежал в руинах, на студии создавались веселые комедии. Счастливые, что им удалось избежать отправки на фронт, они не прекращали производство кинокартин, даже когда Красная армия прорвалась к

⁷⁶Leander, Es war..., a.a.O., S. 179.

⁷⁷Интервью Феликса Лютцендорфа в марте 1981 года. Цит. по: Reinhold Keiner, Thea von Harbou und der deutsche Film bis 1933, Hildesheim, Zürich, New York 1984, S. 103.

Франкфурту-на-Одере⁷⁸. Но в Третьем рейхе были и такие деятели искусства, которые довольно скоро повернулись спиной к национал-социалистической киноиндустрии. К таким относился Детлеф Зирк, режиссер первых двух фильмов с участием Зары Леандер, снятых на студии УФА — «К новым берегам» и «Ла Хабанера». Несмотря на огромный успех его фильмов и великодушно выданное «специальное разрешение» его жене-еврейке, он эмигрировал в Америку в 1937 году. В Голливуде его стали называть Дуглас Сёрк. В 1942 году он снял фильм «Безумец Гитлера», в котором речь шла об убийстве Рейнгарда Гейдриха. Когда его спросили о политических взглядах Зары Леандер, он лаконично ответил: «Она не нацистка и не ненацистка, она хотела сделать карьеру». Эту точку зрения разделяют многочисленные биографы Леандер, а также ее сын, который писал: «Моя мать никогда не интересовалась политикой. Когда она голосовала [в Швеции], то всегда выбирала либералов. В Германию она поехала, как и многие, многие другие, чтобы продать свое искусство»⁷⁹.

Но именно Зара Леандер в отличие от многих своих немецких коллег, которые, уезжая в эмиграцию, отправлялись в никуда, могла бы без особого труда покинуть мир коричневого кино. Ее фильмы с успехом шли во всем мире, ее знали даже в Нью-Йорке. В американском прокате шли «To new shores» («К новым берегам»), «Home is calling» («Ла Хабанера»), «Blüfox» («Голубая лиса»), а также фильм «Desert song» («Песня пустыни»), позже запрещенный в США из-за массированной пропаганды вой-

⁷⁸ Интервью актера Карла Шёнбёка, осень 2000 года, в документальном фильме Геро фон Бёма.

⁷⁹ Интервью Горана Форселла в декабре 2000 года в документальном фильме Геро фон Бёма.

ны⁸⁰. Уже в 1938 году Зара Леандер прославилась на весь мир. Читатели одной швейцарской газеты, посвященной кино, в мае 1940 года назвали ее звездой номер один. Свои песенки она исполняла на многих языках мира, она сама синхронизировала свои французские фильмы, а также хорошо говорила по-английски. До вступления в войну США она получала предложения из Голливуда — Мекки киномира. Но она предпочла остаться в Германии. Она утверждала, что причины ее решения не политические, а имеют личный характер. Сама она сформулировала их так: «Самое важное было то, что моя работа не должна была отдалять меня слишком сильно от Швеции и моих детей. Уже спустя две недели я начинала испытывать сильнейшую тоску по родине, и так было всегда. Лучше Лондон, чем Голливуд, лучше Берлин, чем Лондон»⁸¹. Чтобы звезда не страдала так сильно от разлуки с родиной и детьми, УФА, согласно контракту, оплачивала перелет в Стокгольм и обратно, который Зара совершала каждые две недели. Дети Боель и Горан ходили в шведскую школу, а второй супруг Зары — Видар Форсэлл в отсутствие хозяйки управлял огромным поместьем Лёнё. Дети Зары очень дорожили таким заведенным порядком и, став уже взрослыми, с удовольствием вспоминали: «У нее было все, что было нужно матери. И она обо всем заботилась... Школа, одежда — обо всем. Она звонила каждый день. Да, она была самой чудесной матерью, а наша жизнь была пестрым калейдоскопом, в котором было место и консервативному воспитанию, и бурной радости фестиваля в Рио...»⁸²

⁸⁰David Stewart Hull, *Films in the Third Reich*, Berkeley, Los Angeles 1969, S. 248.

⁸¹Leander, *Es war...*, a.a.O., S. 129.

⁸²Интервью Горана Форсэлла в декабре 2000 года в документальном фильме Геро фон Бёма.

Ценой за частые встречи с семьей и огромное богатство стало заключение договора с жестокой диктатурой. Существующая — по крайней мере в части страны — симпатия шведского населения к национал-социалистическому режиму Германии и одобрительный прием ее фильмов в Швеции укрепили актрису в ее позиции. Так, к примеру, фильм «Это была бурная бальная ночь» 26 октября 1939 года был впервые показан в рамках фестиваля и в присутствии многих известных личностей. «Бурные аплодисменты переросли в овации», — сообщал «Film-Kurier» 28 октября. В Стокгольме фильм шел четыре месяца, в то время как выступления эстрадного артиста Карла Герхардса, друга Зары Леандер, критично относившегося к национал-социализму, были запрещены⁸³. Дива с одобрением восприняла тот факт, что шведский король Густав V во время своего визита в Берлин 15 февраля 1939 года вручил Герману Герингу высшую шведскую военную награду — Большой крест ордена Меча с цепью. Заре также было известно, что король в июне 1941 года в частной телеграмме Гитлеру после нападения на Советский Союз пожелал «больших успехов в разгроме большевизма». На премьеру своего фильма «Родина» Зара Леандер приехала в Швецию, где ее встречали с таким же восторгом, как и ее землячку Кристину Зёдербаум, которая сыграла в фильме «Еврей Зюсс». В соответствии с соглашением от 19 июня 1942 года, Швеция разрешила неограниченный экспорт немецких фильмов, в то время как Германия обязывалась использовать 25 процентов дохода от проката своих фильмов на закупку шведских кинокартин⁸⁴. Деловые отношения между обеими странами процветали вплоть до окончания Второй ми-

⁸³ «Spiegel» 5/1988.

⁸⁴ Wulf, Theater und Film, a.a.O., S. 750 ff.

ровой войны. Швеция поставляла железную руду из рудников Кируна, а Германия отвечала углем и коксом, даже если население Германии замерзало от нехватки топлива.

В конце 1941 года военные действия стали расширяться. Германия воевала на нескольких фронтах, когда Адольф Гитлер 11 декабря 1941 года сообщил на заседании рейхстага, собравшемся в берлинской Кролл-опере, об объявлении войны США, что, по сути, означало начало глобальных военных действий. Геббельс, как министр пропаганды, должен был сделать свои выводы из сложившейся ситуации. Благодаря регулярно составляемым отчетам СД, которая занималась исследованием настроений населения⁸⁵, он знал, что лишь немногие немцы верили заверениям фюрера, который обещал победоносное завершение войны следующим летом⁸⁶. Напротив, возрастило число тех, кто предсказывал поражение Германии. В этой ситуации Геббельс заказал пропагандистский фильм для поднятия морального духа народа. В фильме «Большая любовь» Зара Леандер играет певицу варьете Ханну Хольберг, которая во время воздушного налета знакомится с пилотом Венделандом, которого играл Виктор Штааль. Тем самым режиссер получает отличную возможность показать, как следует вести себя немецкому гражданскому населению в бомбоубежище: героиня храбро ждет завершения бомбежки, безропотно терпит все неудобства, проявляет дружескую поддержку и даже умудряется слегка шутить в этой опасной ситуации. В общем, фильм демонстрировал «идиллию»

⁸⁵Имеется в виду служба, подчиненная III управлению Главного управления имперской безопасности (СД / Германия), во главе которого стоял Отто Олendorф. – Прим. науч. ред.

⁸⁶Meldungen aus dem Reich. Auswald aus dem geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS von 1939–1944. Hrsg. von Heinz Boberach, München 1968, S. 219.

в бомбоубежище. Кроме того, публика имела возможность идентифицировать некоторые реальные исторические военные события. Высадка в Африке, поход на Францию, война на востоке Европы прерывали любовные объяснения кинопары. Запланированная свадьба срывается из-за внезалного приказа отправиться на фронт, который прерывает отпуск киногероя. Героиня, расстроившись, но, не потеряв надежды, начинает петь: «Я знаю, что когда-нибудь произойдет чудо» (*«Ich weiss, es wird einmal ein Wunder geschehen»*), затем «От этого мир не перестанет существовать» (*«Davon geht die Welt nicht unter»*) и в конце концов примиряется с неизбежным. Действие фильма заканчивается тем, что Зара Леандер обращает взор к небу и блаженным взглядом провожает эскадрилью самолетов, которые летят бомбить Россию.

Этот пропагандистский фильм, главной мыслью которого было то, что личное счастье возможно лишь после исполнения общественного долга, «съел» более 3 миллионов рейхсмарок, то есть вдвое больше запланированного. Премьера состоялась 12 июня 1942 года. Десять месяцев спустя фильм принес 8 миллионов рейхсмарок и побил все рекорды посещаемости. В 1943 году фильм «Большая любовь» посмотрело уже 27 миллионов человек. Шлягер «От этого мир не перестанет существовать» так часто звучал по радио, что вызвал явное пресыщение⁸⁷.

В отличие от восторженных критиков и верных поклонников сама Зара Леандер, даже находясь на вершине своей профессиональной карьеры, лишь с натяжкой могла сказать, что пребывает в восхищении от своих фильмов. Но она понимала, каким важным событием стало появление в 1929 году звукового кино и какую огромную роль это сыграло в ее жизни. Свои актерские способнос-

⁸⁷ Meldungen aus dem Reich, № 257.

ти они рассматривала очень критично. Впоследствии она писала: «Из меня никогда не получилась бы Грета Гарбо... и я никогда не стремилась к этому!»

В центре фильмов Зары Леандер всегда была песня. Действие как будто специально написано под ее шансоны. Хотя акцента почти не было слышно, ей почти никогда не давали играть типично немецкие роли. Часто она представляла перед зрителями как интернациональная звезда ревю, как английская исполнительница шансона, венгерка, русская или шотландка⁸⁸. Она была в роли несчастной, но поющей королевы, шведской дворянки с амбициями певицы, путешествующей в тропиках, владелицы варьете с сильным голосом, также просто матерей, которые любят петь. Она очень любила петь и любила непосредственный контакт с публикой, она очаровывала зрителей своим сценическим внешним видом. Она считала, что могла бы лучше раскрыть свой талант в оперетте, кабаре и мюзиклах.

В конце 1942 года Зара была сильно напугана одним «серьезным происшествием». Но оно не имело ничего общего с широко обсуждавшейся тогда судьбой 6-й армии, воевавшей под Сталинградом, или другими военными катастрофами. Кинозвезду намного больше шокировал факт, что УФА внезапно отказалась перевести 53 процента ее гонорара в шведских кронах на счет в стокгольмском банке, как это было оговорено в контракте. Было предпринято множество попыток прекратить такую практику⁸⁹. Но теперь Заре пришлось действительно довольствоваться «гонораром, выплачиваемым исключительно в рейхсмарках». Дива забила во все колокола. Мысль о том, что

⁸⁸ Riess, Das gab's nur einmal, a.a.O., S. 534.

⁸⁹ Письмо генеральному директору Клитцшу от 6.9.1939. Personal Akt Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

ей придется покинуть Великогерманский рейх, с которым она уже давно играла в эти игры, приняла вполне определенную форму: «Фильм “Тогда”, в котором я как раз сни-малась, должен был стать моим последним в Германии, чего бы мне это ни стоило».

После этого Зара Леандер повела себя совсем не как «многоликая звезда», как она любила себя называть, а как холодная и расчетливая деловая женщина и заботливая мать семейства. «Все должно выглядеть как обычно — никто не должен догадываться о том, что я до конца войны собираюсь жить в Лёней», — размышляла она о том, как бы ей лучше инсценировать свое возвращение. Важным пунктом были ценные предметы антиквариата, приобретая которые, по ее признанию, она провела самые прекрасные часы своей жизни. Ей предстояло вывезти предметы искусства и мебель, которые она собирала в течение нескольких лет и которые находились на ее берлинской вилле. Но для этого необходимо было получить разрешение на вывоз.

Спасти имущество Зары Леандер в стране, которая вела войну, актрисе помог министр экономики и президент Рейхсбанка Вальтер Функ. Обрадованный очевидным интересом звезды к крупному национал-социалистическому политику, шеф по рекламе УФА устроил вечеринку, пригласив на нее ministra Функа. Когда последний, ничего не подозревая, поднял бокал шампанского за здоровье известной актрисы, дива удивленно осведомилась, на самом ли деле министр предпочитает столь безобидные напитки. «Только в присутствии дам», — ответил Функ, пояснив, что обычно он пьет алкоголь по-крепче. Зара Леандер воскликнула, что она разделяет такую точку зрения, и вскорь упомянула, что может выпить водки больше, чем любой мужчина. То, что это соответствовало действительности, подтверждали мно-

гие современники, коллеги, а также сын Зары Горан. Он писал: «Моя мать пила очень много, и прежде всего шнапс, чтобы снять стресс. Но она умела обращаться с алкоголем»⁹⁰. Один из коллег актрисы, Карл Шёнбек, выразился подобным образом: «Она пила много». Но министр Функ понятия не имел об этом и принял вызов. В шутливой форме они договорились, что побежденный выполнит любое желание победителя этого соревнования. Затем они начали пить, к чему Зара была подготовлена, съев предварительно достаточно сардин в масле. Министр хотя и показал себя опытным поглотителем шнапса, но его практически пустой желудок не позволил ему выпить более полулитра водки, — к ужасу своей свиты, министр упал под стол. Уже на следующий день актриса появилась в ведомстве министра, вежливо напомнила ему об их споре. Бледный министр без особых возражений подписал документы, разрешающие вывоз предметов искусства, принадлежащих Заре Леандер. Два грузовика отправились в Швецию в тот же день. Чтобы ввести в заблуждение ведомства, которые следили за звездой, Зара начала переговоры о покупке берлинской виллы, которую она ранее просто снимала. Следующим маневром, который должен был окончательно запутать органы надзора, стало подписание 13 октября 1942 года нового контракта с УФА⁹¹.

В феврале 1943 съемки очередного фильма Зары были завершены, и она отправилась в отпуск домой. Но в этот раз, на шестой год своей карьеры в Германии, с твердым намерением закончить свое сотрудничество с УФА. Опасность этого шага она полностью осознавала, хотя позже

⁹⁰ Интервью Горана Форселя, осень 2000 года, в документальном фильме Гёро фон Бёма.

⁹¹ Ufa-Archiv. Vertragsverhältnisse Zarah Leander, Fachdarstellerin. Bundesarchiv Berlin.

и называла себя «политической идиоткой». Но она последовательно и поэтапно осуществляла свой план. Она вернулась, чтобы присутствовать на блестящей премьере в Берлинском Фильмпаласте 5 марта 1943 года. Ночь накануне премьеры она провела в бомбоубежище и своими глазами наблюдала, как был разрушен дом, стоящий напротив. Себя она поздравляла со своим решением.

Картина «Тогда» (*«Damals»*) была, если верить рекламе, «самым прекрасным фильмом с участием Леандер». В этой печальной мелодраме звезда играла женщину, брошенную своим ревнивым супругом, которая блуждает по миру и которую подозревают в совершении убийства. Она исполнила в этом фильме песни на музыку Ральфа Бенацки: «Каждая ночь приносит новое счастье» (*«Jede Nacht ein neues Glück»*), «Я не могла любить кого-то, кроме похожего на тебя» (*«Einen wie dich könnt' ich lieben»*) и «Просьба к ночи» (*«Bitte an die Nacht»*). Драма, апеллирующая к чувствам, должна была отвлечь немцев от их страхов и забот, связанных с войной. Картина должна была показать, что даже в мирное время случаются такие печальные судьбы, и печальная судьба героини Зары должна была утешить зрителей.

В середине апреля Зара Леандер записала на звуковой студии в Бабельсберге песни для своего фильма, а затем повернулась спиной к нацистскому режиму. Из соображений безопасности она даже не попрощалась со своими лучшими друзьями Гретой Вейзер и композитором Михаэлем Яри.

Она боялась, что ее задержат, так как ее контракт с УФА считался действительным до 31 августа 1943 года. Завернувшись в теплый платок, спрятав глаза за солнечными очками, она отправилась на родину не как обычно, на самолете, а на поезде, пересев затем на паром. При этом ей очень пригодился ее шведский паспорт.

Уже из Швеции, сохранявшей во время войны нейтралитет, Зара Леандер начала вести долгие переговоры с ничего не подозревавшей УФА. Переговоры омрачали странные, необъяснимые обстоятельства. Письма и телеграммы терялись, телефонные соединения постоянно срывались, а если связь была приемлемой, то дива не могла подойти к телефону. Время проходило, сотрудники УФА, ответственные за работу с Зарой Леандер, начинали нервничать, а дива отклоняла сюжет за сюжетом. В одном из писем УФА в Имперское министерство пропаганды значилось: «Был запланирован фильм "Метрополь", последующее название "Красивая пара". Фрау Леандер хотя и нашла материал интересным, но не смогла подтвердить свое участие в фильме в главной роли, начав переговоры по другому фильму — "Веселая вдова"»⁹². Это хитрое предложение вытекало из хорошо обдуманного расчета. Она знала, что экранизация оперетты Легара была сопряжена с проблемами авторских прав. Как того и ожидала Зара, кинопроект запущен не был. Внезапная болезнь помешала актрисе принять участие в другом кинопроекте «Хозяйка Хольгерзенгофа», сценарий которого был написан специально для нее. Неоднократные просьбы лично присутствовать на переговорах в Берлине она игнорировала. 31 августа 1943 года шеф киноизделий Вольфганг Либенейнер от имени УФА послал срочную отчаянную телеграмму: «Мы не получили ответа на наше письмо от второго августа тчк Нам необходим ответ на предложенные кинопроекты тчк Сегодня последний день действия договора тчк Просим объяснений зпт как может быть продолжено сотрудничество»⁹³.

⁹²Письмо в отдел «F» Имперского министерства пропаганды от 8.5.1943. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

⁹³Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

Зара дала объяснения, но не УФА, а шведской газете «Dagens Nyheter», в интервью которой с удовлетворением заявила, что ее контракт с немецкой кинокомпанией истек.

Верхушка нацистского правительства привыкла читать между строк прессы, которая подвергалась строжайшей цензуре, и очень скоро отсутствие популярной звезды было замечено. Слухи начали ходить самые необыкновенные. Отъезд дивы совпал по времени со Сталинградской катастрофой и потому стал восприниматься как признак грозящего заката рейха. Власть имущих такое бегство актрисы из Германии задело очень сильно. Она подчеркнула тем самым, что не верила в будущее Третьего рейха и что ее симпатии к национал-социализму были лишь обычным оппортунизмом.

По истечении ее контракта с УФА актриса была готова продолжить свою карьеру в Швеции. Но новые предложения не поступали, а нападки на нее, наоборот, усилились. Одна кампания в прессе сменяла другую, и все они обсуждали деятельность дивы в Третьем рейхе. Одно из летних ревю, которое собиралось пригласить Зару в качестве примадонны, быстро отказалось от своего предложения, причиной чего были многочисленные общественные протесты. Вместо этого ревю включило в свой репертуар шансон, который самым резким образом критиковал карьеру Зары в УФА. Экс-дива в ответ на это обратилась к помощи Карла Герхарда, одного из первых, кто способствовал развитию ее карьеры. Он написал в своих мемуарах: «Однажды ночью Зара позвонила мне, глубоко обиженная, так как у нее отняли роль, говорила, что ее подвергли другим оскорблением. Я предложил ей, чтобы она, долго не раздумывая, приехала ко мне. Я не трус, уговаривал я себя, и то, что говорят люди, меня не касалось, и между прочим — кто еще имел право взять

Зару на работу, как не я? Разве ее возвращение на родину не было поражением Гитлера?...»⁹⁴

14 июля 1944 года Герхард устроил для Зары пресс-конференцию, которая стала настоящим судилищем. Она была вынуждена защищаться, назвала себя «политической идиоткой», и так ее мог назвать любой, и объявила, что готова исполнять антинемецкие песни. Некоторое время спустя немецкие газеты, несмотря на строжайший запрет, вышли с заголовками «Зара — друг евреев» и сообщали о выступлении Зары перед прессой: «Известная ранее в Германии кинозвезда Зара Леандер осенью выступит в ревю в стокгольмском цирке, которым руководит Герхард — известный противник Германии. Герхард является салонным большевиком, который использует гастроли своего ревю для бессовестной агитации. Стокгольмский коммунистический листок "Ny Dag" публикует интервью с Зарой Леандер, в котором последняя объявляет свою дружественную позицию по отношению к евреям и вопрос исполнения ею антинемецких куплетов полностью предоставляет организаторам ревю»⁹⁵. Но организатор концертов все же решил отказаться от участия Зары.

Для Геббельса был слабым утешением запрет на упоминание имени дивы в средствах массовой информации, которые раньше очень охотно писали о частной жизни звезды. Лишь «Политическая служба СС и полиции» отваживалась нарушать этот запрет и ехидно намекала на сложившуюся щекотливую ситуацию: «Мы не видели ее целую вечность, эту суперженщину Зару Леандер. «Любовь может быть грехом» — это не про нее, а если бы это

⁹⁴ Цит. по: Paul Seiler, Ich bin eine Stimme, Berlin 1997, S. 71.

⁹⁵ «Der Stosstrupp» (издание Политической службы СС и полиции) от 20.7.1944.

и подходило к ней, а именно такое впечатление складывалось очень часто, то ей это было бы безразлично. “Да, сэр” — она была недалека от пути падшей женщины... “Моя жизнь для любви, да! Женщина становится красивее от любви” — это принесло ей славу и деньги. По-настоящему она была дома в барах, на танцевальных площадках и в том окружении исполнительницы шансона, в котором она и ее способности без стеснения воспринимались с восхищением. “Я знаю, когда-нибудь произойдет чудо”, и чудо произошло: Зара начинает играть верную супругу и жертвувшую всем мать, и публика тронута до слез от такого воплощения женственности. Ее гонорар возрастал, и шкала чувств современников была использована до конца, молодые девушки пытались подражать маленькой кошечке, пока не произошел этот побег... Зара уплыла “К новым берегам” от всего этого. “Только не плакать от любви”, мы не будем оплакивать эту потерю. Мы попали на удочку? “От этого мир не перестанет существовать” — звучит очень цинично, но очень соответствует ситуации»⁹⁶.

Для многих почитателей актрисы из эсэсовских кругов завуалированный смысл обвинительной статьи остался непонятным. Они лишь заметили, что их идол подвергался нападкам и не могли не отреагировать с возмущением. Издатели газеты получили множество писем, которые звучали примерно так же, как и письмо одного группенфюрера СС: «...эта возможность, о которой кто-то позаботился в главном ведомстве СС, и этого человека критика различных ситуаций в культурном секторе касается лично, поэтому он непременно хотел бы запретить. Мое понятие чести не позволяет мне говорить подобным образом об актрисе, которая определенно

⁹⁶«Der Stosstrupp» от 20.7.1944.

заслужила больше, чем этот жалкий писака, который, к сожалению, является человеком из нашего круга. Не может быть, чтобы в политической газете, издает которую Главное управление СС, выражались такими словами как потаскуха и другими подобными в отношении женщин, что в этом случае ставит пятно не только на личность актрисы, но и на всю политику культуры! Хайл Гитлер!»⁹⁷ В профессиональных кругах царила неуверенность: «Этого вполне можно было ожидать: меня постоянно спрашивают, что случилось с Зарой», — писал имперский кинодраматург имперскому фильминтенданту⁹⁸. Но последний ограничился в ответе официальной версией: «В данное время для фрау Леандер нет материала»⁹⁹.

По личному распоряжению Геббельса актриса находилась под постоянным наблюдением немецкого посольства в Стокгольме¹⁰⁰. Даже самую незначительную и ничего не значащую информацию моментально курьерской почтой передавали в Министерство иностранных дел в Берлине, а оттуда информацию переправляли министру пропаганды. Там с большим интересом следили за судьбой Зары Леандер, ставшей отщепенкой на родине. В Берлине с удовлетворением воспринимали информацию о том, что все ее попытки продолжить карьеру провалились.

В Германии не было единодушия в том, как следует относиться к случаю Зары Леандер. Ведомства Министерства пропаганды в Гамбурге, Штутгарте, Бреслау и Дессау

⁹⁷Письмо от 6.11.1944. Personalakt Zarah Leander. Bundesarchiv Berlin.

⁹⁸Письмо Карла фон Рейхсмейстера от 31.12.1944. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

⁹⁹Письмо Ганса Генриха Хинкеля от 8.1.1945. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

¹⁰⁰Bestand Zarah Leander R55, Bundesarchiv Berlin.

срочно запрашивали у Геббельса, не стоит ли запретить фильмы предательницы. Министр пропаганды поручил ответственному референту произвести подсчеты, и тот сообщил: «...могу указать уже сейчас на то, что в настоящее время в кинотеатрах рейха идет около 500 кинокопий с участием Леандер, которые в общей сложности приносят в год 3,5 миллиона рейхсмарок. От этих денег можно, безусловно, отказаться, но для немецкой системы кинопроката будет безумно тяжело восполнить этот киноматериал и составить новые кинопрограммы для пятисот кинотеатров. Кроме того, практически невозможно изъять из кинопроката фильмы "Премьера", "Ла Хабанера", "Родина", "Голубая лиса", "Сердце королевы", "Путь на свободу", "Большая любовь" и "Тогда". За границей ситуация еще сложнее... позволю себе напомнить это господину министру пропаганды еще раз и отозвать запрет на демонстрацию фильмов с участием Зары Леандер, выданный Имперским управлением пропаганды...»¹⁰¹

Референт умолчал, что запрет Гитлера на показ американских фильмов, к которому фюрер призывал уже на пресс-конференции 9 января 1939 года и который в 1941 году вступил в силу, привел к проблемам в обеспечении кинотеатров кинопродукцией. Геббельс скрипя зубами прочитал этот отчет. Он также придерживался мнения, что общественность не должна была узнать, что самая обожаемая в Третьем рейхе актриса хитростью сбежала из Германии по банальнейшей причине — страна ее триумфов не могла больше платить ей достаточную сумму в шведских кронах. Фильмы Зары Леандер продолжали идти в кинотеатрах, приносили те доходы, которых от них ждали. Песни Зары Леандер сопровождали режим до

¹⁰¹ Письмо имперского фильминтенданта от 18.7.1944. Bestand Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

самого последнего дня, и даже в отчаянной борьбе в последние дни войны еще можно было услышать ее прокуренный хриплый голос: «От этого мир не перестанет существовать»¹⁰².

После того как провалились попытки Зары Леандер проникнуть в шведский шоу-бизнес, осенью 1944 года она попыталась добиться ангажемента на шведском радио, что вызвало жесткий протест живших в Швеции эмигрантов из Норвегии и Дании. Пресса писала об этом: «В субботу по радио пела Зара Леандер. В нее не бросали тухлыми яйцами. Ее песни не были освистаны. Бывшая дива пропаганды господина Геббельса могла без помех продолжать свой номер. Фрау Леандер целиком предоставила себя в распоряжение пропаганды Геббельса. Она – насколько ей это позволял ее талант – должна была распространять блеск красивой жизни в Третьем рейхе. Она делала это не без вознаграждения... сколько ей принесла ее внешность, довольно безразлично. Самое важное то, что она полностью отдалась в распоряжение немецкому нацизму... Шведской общественности навязали посланицу немецкого нацизма... Сама фрау Леандер, видимо, ничего не понимает...»¹⁰³

После этого Зара Леандер надолго оставила свои попытки устроить профессиональную карьеру в Швеции. Шумиха вокруг нее утихла. Казалось, что блестящая карьера тридцатисемилетней кинозвезды была окончена. «Когда я поняла, что на мне, как на актрисе, поставили крест, меня просто парализовало от ужаса. Я сидела в своем дворце и наблюдала, как в темных углах пауки плетут паутину. Когда я наконец выбиралась из постели, то просто ходила туда-

¹⁰² Veigl, Derman, *Altag im Krieg*, a.a.O., S. 82.

¹⁰³ «Goteborgs Handels- och Sjufartstidning» от 23.10.1944. Bestand Zarah Leander R55, Bundesarchiv Berlin.

сюда в ночной рубашке и домашних туфлях. Постепенно я лишилась последней воли к активным действиям», — описывала она свое тогдашнее состояние¹⁰⁴.

После того как первый шок был преодолен, «владелица Лёнё» с головой окунулась в местную общественную жизнь. Она взяла в свои руки управление поместьем, при этом разругавшись с мужем, так как тот почувствовал, что его ограничивают, и уже стал видеть себя бесполезным мужем принцессы. Брак зашел в тупик, Видар Форселл уехал из поместья и в 1946 году получил развод. Значительное время Зара Леандер посвятила организации лова сельди в собственных водоемах, занималась делами беженцев стран Балтийского региона, которые нашли в Швеции приют, читала книги из своей библиотеки. Чтобы совсем не власть в забытье, она много раз ездила в сопровождении своих подросших детей в Сент-Мориц, где она выступала с концертами, — дива в белых мехах, с сигаретой в длинном мундштуке и огромных темных очках. Долгое время газеты ничего не писали о ней. Но в какой-то момент в средствах массовой информации вновь вспыхнул интерес к звезде, находящейся на вынужденной пенсии. Но вместо новостей о Заре стали появляться в основном слухи. Так, можно было прочитать, что Зара начала свою карьеру в венском ночном клубе в конкурсе на самую красивую грудь, что она, воспользовавшись своим пребыванием в Германии, шпионила в пользу Советского Союза и что, кроме всего прочего, она была любовницей Гитлера¹⁰⁵.

В конце концов летом 1947 года Ральф Бенатцки устроил для бывшей звезды выступление на женевском радио. Последующие концерты в Базеле и Берне после пя-

¹⁰⁴ Leander, Es war..., a.a.O., S. 213.

¹⁰⁵ «Die Welt» от 26.2.1947.

тилетнего перерыва стали началом послевоенной карьеры Зары Леандер. На ее концертах, которые она всегда заканчивала песней «Не говори прощай, скажи просто до свиданья» (*«Sag nicht adieu, sag nur auf Wiedersehen»*) были аншлаги. Уже в 1948 году она подготовила большое турне по Германии с Михаэлем Яри, который на протяжении нескольких лет был ее спутником жизни. В одном из интервью она объясняла свою точку зрения: «Я буду рада приехать в Германию. Мои песни родились в этой стране, и эти песни сделали меня той, кем я стала, — разве можно найти лучшее место для выступления?.. Я живу в свои песнях, они значат для меня все. Если кто-то хочет из этого сделать политические выводы, а это случается сплошь и рядом, я этого не понимаю. Так как я любила Германию, снималась там в кино, пела там свои песни, то Германия навсегда стала для меня второй родиной»¹⁰⁶.

Большое концертное турне стало триумфальным возвращением, прессы писала об этом: «Это очаровательно с ее стороны посетить Германию сейчас, когда нас, немцев, сейчас никто не любит и не уважает...»¹⁰⁷ И лишь в Швеции Зару Леандер, как и прежде, презирали, пока она при помощи одного ловкого маневра не совершила камбэк и на своей родине. Для этого актриса вступила в профсоюз музыкантов (*Svenska Musikerförbundet*) и добилась того, чтобы это объединение стало организатором ее выступления в городском театре Мальмё. В вошедшем в историю договоре от 20 мая 1949 года, который надежно защищал актрису, было написано: «Организаторы берут на себя все расходы по рекламе, оплате дорожных расходов и содержанию оркестра из 35 человек... Организатор

¹⁰⁶ Интервью от 1.11.1948 в Цюрихе. Цит. по: Seiker, Ich bin eine Stimme, a.a.O., S. 92.

¹⁰⁷ «Die Zeit» от 17.2.1949.

гарантирует, что на это выступление фрау Леандер со стороны профсоюза нет никаких препятствий. Как профсоюз, так и центральная профессиональная организация подтверждают это письменно. Музикальный союз считает, что фрау Леандер будет пользоваться успехом публики... Организаторы подтверждают, что через своих представителей до или после представления готовы объявить, что госпожа Леандер вновь желанна в шведских театрах. Зара Леандер в свою очередь обязуется, что готова выступать лишь за командировочные, и далее обязуется, что все доходы без каких-либо вычетов, полученные за выступления, будут использоваться в благотворительной акции, объявленной Музикальным союзом, и будут перечислены в пользу нуждающихся музыкантов и актеров, а также в рамках благотворительной акции Шведского объединения журналистов будут перечислены нуждающимся журналистам на их свободное усмотрение»¹⁰⁸. Тем самым было сделано все, чтобы добиться благоприятных отзывов прессы. Выступление Зары началось с песни «Да, сэр!» и заканчивалось «Прекрасно» («Wunderbar»). 1700 слушателей проводили Зару бурными овациями.

С этого дня трудностей звезда больше не испытывала. Зара Леандер вновь была в шоу-бизнесе: голос ее стал звучать еще глубже, фигура стала более стройной, стекла очков толще, а шляпы больше — она стала старше, а ее публика моложе. Она вновь стремительно завоевала Германию¹⁰⁹. Вскоре она с удовлетворением смогла констатировать, что одна немецкая газета назвала ее концертное турне по Швейцарии, Финляндии и Швеции «зарубежными гастролями».

¹⁰⁸ Договор между Зарой Леандер и Шведским музыкальным союзом. Personalakt Zarah Leander, Bundesarchiv Berlin.

¹⁰⁹ «Stern» 7/1963.

В 1949 году дочь Зары Боель вышла замуж на землевладельца по фамилии Якобссон. Венчание происходило в церкви Лёнё. Но в центре внимания прессы была вовсе не невеста, а ее моложавая мать с фотогеничной киноэкранной улыбкой¹¹⁰. В январе 1950 года Зара, заметно поправившаяся за последние годы, села на диету, и вскоре ей удалось получить большую женскую роль в фильме «Габриэла»¹¹¹. Продюсерами киноленты стали Вальтер Коппель и Дилю Трейбиш, оба – Коппель придерживался «левых» взглядов, Трейбиш по национальности был евреем – во время правления нацистов были заключенными концентрационных лагерей¹¹². Другие в команде, работающей над фильмом, были хорошими знакомыми Зары. Сотрудничество с режиссером Гёзой фон Чиффра началось в 1939 году, а Грета Вейзер играла женскую роль второго плана в фильме «Большая любовь».

В сентиментальной мелодраме, в которой Зара, исполняющая роль звезды ночных клубов и матери-одиночки, пела «Когда этого захочет Бог» (*«Wenn der Herrgott will»*), отсутствовала национал-социалистическая пропаганда, но фильм стал логическим продолжением начавшейся в Третьем рейхе кинокарьера звезды УФА. Рецепт успеха вновь оказался довольно действенным: по кассовым сборам 1951 года «Габриэла» заняла прочное второе место после культового фильма «Третий человек». В 1951 году Зара Леандер отправилась в мировое турне, в 1952 и 1953 годах она закрепила свой успех фильмами «Куба Кабана» и «Аве Мария», на показах которых растроганные зрители утирали слезы. В противовес ее возрожденной многообещающей карьере личная жизнь Зары Леандер была

¹¹⁰ «Stern» 33/1949.

¹¹¹ «Stern» 6/1950 и «Spiegel» 38/1999.

¹¹² Seiler, Ich bin eine Stimme, a.a.O., S. 96.

менее удачной. После развода с Видаром Форселлом ее спутником жизни стал композитор Михаэль Яри, а после разрыва отношений с ним — менеджер Зары Гарри Хейдеман. Певицу и актрису, вокруг которой всегда были мужчины, очень задел тот факт, что Яри и Хейдеман ушли от нее к более молодым женщинам. В конце 1955 года Зара Леандер сама предложила свою руку и сердце одному молодому пианисту и капельмейстеру, который нравился ей еще в 1932 году. Арне Хюльферс заявил, что ждал этого десятилетиями, чем очень польстил Заре, и с радостью принял такое предложение. В январе 1956 года состоялась свадьба.

Пресса, публика, ее третий супруг — все полагали, что Зара уйдет из шоу-бизнеса, когда ей исполнится 50 лет. Но дива, которая начала новую успешную карьеру, даже и не думала уходить на пенсию, свой пятидесятий день рождения она отметила открытием нового ревю, на котором исполнила песню: «Я намного лучше сейчас в моем пожилом возрасте» (*«Ich bin viel besser jetzt in meinen alten Tagen»*)¹¹³. Средства массовой информации не скучились на ехидные замечания, щедро награждая Зару Леандер пренебрежительными титулами «толстая старая звезда» и «поющая бабушка». Свежеиспеченный супруг, который радовался возможности пожить тихой спокойной жизнью помешника в Лёнё, с разочарованием понял, что такой шанс он будет иметь не часто, и честно сопровождал свою супругу на все ее деловые и творческие встречи. Обычно их было около 60 в месяц. С появлением телевидения у Зары Леандер началась новая эпоха в творчестве.

Но телевидение не только способствовало расширению популярности Зары, но и упорно интересовалось

¹¹³ Премьера состоялась 15.3.1957 в стокгольмском варьете «Berns».

прошлым кинозвезды. «Зара, ты была нацисткой?» – задавали ей вопрос в многочисленных ток-шоу, чем вызывали страшный гнев дивы, которая обычно отвечала так: «Где же это написано, чтобы именно деятели искусства что-то должны понимать в политике?» И в самом деле, складывается такое впечатление, что она никогда в полной мере не осознавала, какую символическую и важную роль играла в национал-социалистической эре. Вероятно, звезда не понимала, что она не только для нацистов, но и для всех тех, кто пережил эпоху Третьего рейха, всегда будет связана с национал-социалистическим режимом. Зара Леандер очень страдала, полагая, что она единственная актриса эпохи Третьего рейха, на кого хотят возложить ответственность за профессиональную деятельность в эпоху национал-социализма, забывая о других деятелях культуры этого периода. Многие ее коллеги (за небольшими исключениями) и в самом деле смогли без особых трудностей продолжить свою карьеру после 1945 года. К таким счастливчикам относились, например, ее частый партнер по съемкам Вилли Биргель, который «für Deutschland ritt»¹¹⁴, и ее соотечественница Кристина Зёдербаум, которая часто играла женщин, добровольно выбирающих смерть, причем всегда в воде, что закрепило за ней прозвище «рейхсуполнницы». Она играла как в пропагандистском фильме «Еврей Зюсс», так и в патриотичной драме «Кольберг». Хайдемари Хатхайер, которая в фильме «Я обвиняю» пропагандировала эвтаназию, также смогла продолжить карьеру, как и Паула Вессели, которая сыграла в национал-социалистическом фильме «Возвращение домой», а также многие другие актрисы.

¹¹⁴ «Скаkal для Германии» – в пропагандистском фильме УФА «...reitet für Deutschland».

Зара Леандер, ставшая между тем бабушкой и курившая сигарету за сигаретой, продолжала работать. Она спрашивала: «Может ли любовь быть грехом?», она советовала: «Только не плакать от любви!», и пророчествовала: «Я знаю, однажды произойдет чудо». Семь месяцев в году звезда проводила в турне. Продажи ее пластинок достигли рекордных высот, но не появлялись в хит-парадах, «потому что их высокие продажи имели не краткосрочный, а стабильный характер»¹¹⁵. Зара хотела стоять на сцене до последнего вздоха, она выступала даже тогда, когда ее старческую немощь скрыть было невозможно ничем, и на сцену она не могла выйти без посторонней помощи.

10 октября 1978 года незадолго до начала представления мюзикла «Улыбка летней ночи» в Вене у Зары произошло кровоизлияние в мозг. Спустя полгода она сказала на своей последней пресс-конференции: «Вы больше никогда не увидите меня». Спустя два года, 23 июня 1981 года, она скончалась в Стокгольме.

Но и после ее смерти бывшая «дива Третьего рейха» продолжает жить как миф – в первую очередь на ее компактных дисках, но и на бесчисленных имитациях и пародиях на эстраде, а также в шоу трансвеститов. Верные почитатели из среды гомосексуалистов покупали на аукционах ее сценические наряды с тем, чтобы носить их, фан-клубы бережно хранят все, что связано с жизнью и творчеством Зары Леандер. Пауль Зейдер – ее верный биограф и автор множества публикаций о диве, является создателем архива Леандер¹¹⁶. Ее фильмы, снятые в эпоху Третьего рейха, после 1945 года посмотрело больше зрителей, чем во времена правления нацистов.

¹¹⁵ «Stern» 7/1963.

¹¹⁶ «Die Zeit» 30/1991.

ЭЛЕОНORA БAУР

*«Сестра Пиа» – кавалер ордена Крови
7 сентября 1885 – 18 мая 1981*

• Евреи должны погибнуть и пройти через печь», – заявила «сестра Пиа» на традиционном рождественском праздновании с раздачей подарков, которое она организовала в декабре 1941 года для небольшого числа немецких заключенных в концентрационном лагере Дахау. Когда на это один из заключенных, который был уполномочен руководить рабочим отрядом, похвастался, что уже убил 96 евреев и что до сотни ему не хватает всего четыре трупа, то Пиа поцеловала его и вручила ему особый рождественский набор¹.

Оберфюрерин СС Элеонора Баур, урожденная Майер, она же «сестра Пиа», была первой женщиной, получившей орден Крови², а также единственной в Третьем рейхе, кому в любое время был обеспечен беспрепят-

¹ Из выступления Ганса Кальтенбазера на процессе Судебной палаты против Элеоноры Баур.

² Орден Крови (Blutorden) был учрежден Адольфом Гитлером в марте 1934 года для награждения ветеранов движения, участвовавших в уличных боях или отбывавших тюремное заключение за политическую деятельность.

ственный вход в концентрационный лагерь Даахау. Она использовала эту привилегию, лично предоставленную ей Гитлером, для материального обогащения и удовлетворения своих извращенных наклонностей. Все в лагере боялись резких перепадов ее настроения: в плохом она могла назначить очень жестокое наказание провинившемуся. В хорошем или сентиментальном настроении же она даже могла сделать что-нибудь хорошее. Заключенные запомнили ее как «ангела» или «дьявола» Даахау, в зависимости от того, у кого какой был опыт общения с «сестрой Пией».

Элеонора Баур родилась 7 сентября 1885 года в мелкоточке Кирхдорф, близ Айблинга, в Баварии. Ее отец Антон Майер имел четырех лошадей и занимался перевозкой грузов³. Обстановка в ее родительском доме была такой унылой, что в последующих процессах против «сестры Пии», которую обвиняли в пособничестве убийствам и в военных преступлениях, было объявлено, что «плохая домашняя атмосфера и недостаток воспитания» являются смягчающими обстоятельствами. Мать умерла сразу после рождения девочки. Отец женился повторно, и мачеха настоятельно требовала, чтобы девочка, как она выражалась: «Сама зарабатывала себе на еду». Восьмилетняя Элеонора вставала каждый день в четыре часа утра и разносила молоко. Ее образование ограничилось семилетней школой, в которой, как она позже сама хвастливо заявляла, «никогда не оставалась на второй год», а по географии, природоведению и религии даже полу-

³Биография Элеоноры Баур, составленная по материалам судебного процесса: 34448, Staatsarchiv München, à dâææ A.M. Bachmann, Schuld und Sühne. NSVerbrechen vor Gericht (ббенеен), Staatsarchiv München. Письменная автобиография, составленная 10.10.1949 для администрации рабочего лагеря Эйхштэтт, StA: 34448. f. 23, Staatsarchiv München.

чала хорошие оценки и наряду с приемлемым прилежанием отличилась даже хорошим поведением. В день выпуска из школы девочку, если верить ее собственным высказываниям, мачеха выгнала из дома.

После этого четырнадцатилетняя девочка с довольно грубыми чертами лица начала работать прислугой в частных домах и в гостиницах. Позже она перебивалась поденной работой, которая лучше оплачивалась и, кроме того, давала большую свободу, чем работа служанки. Иногда она помогала акушеркам, что позволило ей усвоить основные знания по уходу за больными. Но какой-то основной профессии она специально не обучалась, хотя позже и заявляла своим пациентам, что они должны называть ее «сестра Пиа». В возрасте семнадцати лет она была задержана полицией на мюнхенской улице Терезиенвизе за то, что склоняла к интимным отношениям одного прохожего. Ей вменяли в вину бродяжничество и проституцию. За публичный разврат она предстала перед судом по делам несовершеннолетних и провела восемь дней в полицейском участке. Ее признали виновной в «недостатке самовоспитания и чрезмерной сексуальной чувственности».

В 1905 году девушка вместе со своей подругой — медицинской сестрой — собирались в поездку в Египет. Но отправиться в путь немедленно помешала беременность Элеоноры. После того как она родила здорового крепыша, окрестила его именем Вильгельм и передала его на воспитание мачехе, девушки — искательницы приключений отправились в путь. В Египте Элеонора Майер выдала себя за медицинскую сестру и нашла место в немецком госпитале в Каире. С Рудольфом Гессом, который тогда жил в Александрии и который позже стал «заместителем фюрера», она не встречалась — они вращались в слишком разных кругах. В 1907 году Элеонора, которая

сильно тосковала по родине, вернулась в Мюнхен, где занялась частной практикой по уходу за больными и где за ней наконец закрепилось прозвище «сестра Пиа». Позже она заявляла, что организация «Синий крест» с почетом присудила ей это имя. В 1908 или 1909 году — точную дату «брака по расчету» она не запомнила — она вышла замуж за инженера Людвига Баура, который усыновил ее сына Вильгельма. В 1913 году она развелась и стала жить на доходы, получаемые от работы медицинской сестрой и от сдачи в аренду части квартиры своего бывшего мужа на Ландверштрассе в Мюнхене.

После окончания Первой мировой войны в Мюнхене царила анархия: в ноябре 1918 года лишилась престола династия Виттельсбахов, революционные советы рабочих и солдатских депутатов требовали коммунистической революции, их радикальные противники объединились в союзы (как, например, общество «Туле»), а в казармах находились десятки тысяч возвратившихся домой солдат — крайне взрывоопасный элемент. В феврале 1919 года премьер-министр Курт Эйснер был застрелен на улице. Когда в апреле 1919 года в Мюнхене свирепствовала коммунистическая радикальная советская республика, вводя различные драконовские меры, организовывая революционные трибуналы и повергая все население в ужас, национал-патриотически настроенная «сестра Пиа» записалась в Добровольческий корпус⁴ в Ульме. Она принимала активное участие в уличных боях с отрядами советской республики. Когда в ночь на 2 мая 1919 года Мюнхен был взят «Белой гвардией» (имевшей на воору-

⁴Добровольческий корпус (Freikorps), полувоенные формирования, создаваемые в Германии после Первой мировой войны. Отряды формировались, при поддержке военного командования, из националистически настроенных военнослужащих и использовались для борьбы с коммунистическим и вообще левым движением. — Прим. науч. ред.

жении артиллерию, танки, бронетехнику и даже боевые самолеты), Баур ухаживала за ранеными. Спустя годы она вспоминала: «Когда на улицах Мюнхена завязалась борьба между правительственными войсками и спартаковцами, я добровольно приняла в них участие, организовав также импровизированный пункт скорой помощи». За свое участие она получила от командующего баварскими правительственными войсками генерал-майора Арнольда фон Мёля диплом с лавровым венком.

В начале 1920 года «сестра Пиа» отправилась вместе с «Белой гвардией» на новые поля сражений – в Прибалтику, в Верхнюю Силезию и в Вюртемберг, где за свою смелость и готовность оказать помощь раненым была отмечена множеством знаков отличия за участие в подавлении коммунистических восстаний. Она получила Силезский орден Орла, медаль Красного Креста и Серебряный крест за отвагу. Балтийский крест был вручен ей лично капитаном Германом Эрхардтом⁵, основателем националистического Добровольческого корпуса Эрхардта⁶.

В феврале 1920 года Элеонора Баур вернулась в Мюнхен. Как-то она без билета ехала в трамвае, и контролер потребовал заплатить штраф. «У меня с собой по случайности не было денег. Один из пассажиров, одетый в штатское, заметил, как я была смущена, и заплатил за меня». Галантный мужчина представился Антоном Дрекселом, по профессии слесарем, господин, который сопровож-

⁵Герман Эрхардт (1881–1971) с 1899 года служил в ВМФ, в 1917 году – капитан 3-го ранга. В 1918 году во время Ноябрьской революции организовал «бригаду Эрхардта», которая стала одним из главных ударных отрядов контрреволюции. Участвовал в Капповском путче 1920 года. – Прим. науч. ред.

⁶См.: München – Hauptstadt der Bewegung. Ausstellungskatalog der gleichnamigen Ausstellung im Münchener Stadtmuseum, 1994, S. 101 ff; Marinebrigade Ehrhardt 1919–1920, S. 56.

дал его, был художником и публицистом по имени Адольф Гитлер. Разговорившись, они рассказали ей о партии, которую Дrexслер основал в январе 1919 года — Немецкой рабочей партии (ДАП). Вскоре после этого Элеонора посетила собрание в мюнхенской пивной «Sterneckerbräu». Идеи партии ее вдохновили. Ее также радовала возможность обменяться впечатлениями и воспоминаниями о Египте с Рудольфом Гессом. Вскоре она вступила в партию, получив членский номер 511. «Хочу обратить ваше внимание на то, что нумерация в партии начиналась с 500», — объясняла она годы спустя после своего вступления в партию — предшественнику НСДАП.

Новоиспеченная член партии доказала, что она закоренелая и бескомпромиссная антисемитка, активистка и агитатор. С усердием она клеила плакаты и раздавала листовки. Она принимала участие в демонстрациях и собраниях, выступала с речами и распространяла агрессивно-антисемитскую литературу. Особое наслаждение ей доставляло срывать доклады и лекции еврейских преподавателей. Она не страшилась и споров с применением насилия. «С нацеленным револьвером, — как писала «Berliner Illustrierte Nachtausgabe», — Элеонора Баур после акта саботажа против грузовика СА смогла транспортировать раненых в одну гостиницу. В уличных боях ей буквально «набили морду»⁷.

На проводимую 11 марта 1920 года на Мюнхенской улице Терезиенвизе демонстрацию женщин и голодающих Элеонора Баур попала совершенно случайно — она вернулась с посещения одной роженицы из Вестэнда и увидела, как полиция пытается разогнать огромную возбужденную толпу, закрыв подъездные улицы. Причиной

⁷ Цит. по: Hans Holzhaider, «Schwester Pia. Nutzniesserin wzisschen Opfern und Täten. In: Dachauer Hefte 10(1994), S. 101 ff.

протестов стал распространившийся слух, что евреям разрешили особую надбавку к пайку пшеничной муки. «Сестра Пиа», которая подошла к толпе возмущенных женщин со стороны угла Германн-Лингт-штрассе и Бавариаринг, быстро завладела вниманием присутствующих, сказав эмоциональную речь, в которой обвинила евреев в недостатке продуктов питания. «Восемь фунтов пшеничной муки и фунт сахара получают евреи, а мы получаем дрянь!», — подстрекала она бурлящую толпу демонстрантов начать погром. «Пойдите к евреям на Бавариаринг, у них хранятся запасы продуктов, возьмите их себе!»

На Элеонору Баур поступило донесение в полицейское управление Мюнхена, после чего было инициировано начало слушаний в народном суде Мюнхена I. На заседании суда 27 апреля 1920 года Элеонора Баур была оправдана, ее адвокат, согласно утверждению «Фелькише беобахтер», произнес блестящую речь, которая убедила судью в том, что обвиняемая, «хотя и высказывалась против евреев жестким образом», но была далека от того, чтобы призывать толпу к «совершению актов насилия против евреев и их собственности»⁸. Среди симпатизирующих Элеоноре Баур, которые внимательно следили за процессом и с удовлетворением отметили оправдательный приговор, был и партайгеноссе Адольф Гитлер. «Фелькише беобахтер» от 11 мая 1920 года сообщала об этом событии: «Доказательство настоящего еврейского мошенничества... Вахмистр отважился, что очень печально, протянуть руку помощи евреям и свидетельствовать против немецкой женщины... Прокурор затребовал 60 дней тюремного заключения... Но он зря старался...»

⁸StAM Staatsanwaltschaften 2313, Bl. 5 ff. Цит. по: Bachmann, Schuld und Sühne, a.a.O., S. 6 f.

В мае 1921 года Элеонора Баур приняла участие в боях Добровольческого корпуса в Оберланде в Силезии, где она была ранена в бедро при штурме Аннаберга. В 1923 году она вышла замуж во второй раз. На свадьбе с директором отеля «Кёнигсхоф»⁹, по фамилии Шпонзель, который был на десять лет младше ее, перед церковью Святого Матфея в Мюнхене появилась охрана из штурмовиков в стальных шлемах и со знаменем со свастикой. Участие в мюнхенской попытке путча НСДАП в ноябре 1923 года, целью которого было свержение имперского правительства, было для новоиспеченной супруги служащего гостиницы, второму браку которой также не было суждено продолжаться долго, само собой разумеющимся. Она была свидетельницей того, как Гитлер вечером 8 ноября ворвался в мюнхенский «Бюргербройкеллер», выстрелил в потолок зала и провозгласил «национальную революцию», то есть свержение баварского и немецкого правительства. Утром 9 ноября она приняла участие в марше путчистов по Мюнхену. «Ударный отряд Адольф Гитлер» маршировал по левой стороне улицы, полк СА «Мюнхен» по центру, а колонна «Бунд Оберланд», в которой находилась «сестра Пия», — по правой стороне. Она шла в четвертом ряду за Гитлером, когда перед Фельдхеррхалле начались столкновения с регулярными войсками. В завязавшейся потасовке погибли 13 мятежников, один прохожий и четверо полицейских. И хотя у самой Элеоноры из бедра шла кровь, верная соратница по борьбе поспешила на помощь раненому Адольфу Гитлеру. Затем она позаботилась о раненых и убитых. Спустя два дня она последовала за скрывшимся председателем НСДАП в его убежище — в дом Ханфштенглей в Уффинге на Штаффельзее, — чтобы ухажи-

⁹«Königshof» — нем. «Королевский двор». — Прим. науч. ред.

вать за раненым Гитлером. Гитлер никогда не забывал, что она для него сделала.

Даже после распуска партии «сестра Пиа» была активным членом движения, и, когда запрет на НСДАП был снят, она занялась активной деятельностью. В 1928 году ее разыскивала полиция в связи с попыткой взрыва, которую Элеонора Баур предприняла с помощью бывших солдат Добровольческого корпуса в долине Изара. В 1932 году полиция обвиняла ее в участии в драке между национал-социалистами и членами Союза имперского знамени.

После захвата власти нацистами Элеонора Баур была назначена рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером «сестрой-попечительницей» в Имперском руководстве СС, а также получила звание оберфюрерин СС. Щедрые дотации из партийной кассы позволили разведенной к этому времени уже и со вторым мужем Элеоноре Баур переехать в новую квартиру на Войтштрассе, 6. Началась уютная тихая жизнь, которую заметно облегчили собственная кухарка и горничная. Сын Вильгельм воспитывался на средства партии и впоследствии сделал неплохую карьеру, став руководителем центрального издательства НСДАП и вице-президентом Имперской палаты литературы. СС предоставила в личное распоряжение глубокоуважаемой «героине периода борьбы», которая могла похвастаться знакомством со всеми партийными начальниками, «Мерседес» с шофером. Элеонора Баур за это самым сердечным образом поблагодарила Гиммлера, который назвал ее «моя черная жемчужина». Ее состояние на тот момент составляло 10 000 рейхсмарок, и теперь она могла позволить себе длительный отпуск в швейцарском Локарно. Заслуги ветерана движения были должным образом отмечены и национал-социалистической прессой. Так, «Berliner Illustrierte Nachtausgabe» 31 октября 1934 года посвятила ей статью под заголовком «Сест-

ра Пиа — храбрый солдат». Поводом к этому стало предстоящее вручение ордена Крови, который 8 ноября 1934 года был лично вручен ей Адольфом Гитлером в «Бюргербройкеллер» на ежегодном праздновании годовщины путча. Фюрер и рейхсканцлер спросил новоиспеченную обладательницу ордена Крови, сможет ли он исполнить какое-нибудь ее желание. «Сестра Пиа», которая испытывала сочувствие ко всем больным, попросила разрешения взять на попечение заключенных концентрационного лагеря Даахау и членов их семей. Просьба была с радостью исполнена. Элеонора Баур с гордостью надевала орден Крови вместе с Крестом Оберланд на все партийные празднования и без малейшего стеснения использовала все преимущества, которые вытекали из «привилегий Даахау».

Она была единственной женщиной, которая имела неограниченный доступ в концентрационный лагерь Даахау. И хотя там у нее не было конкретного поста, принимали ее там со всеми почестями, которые оказывали только высшим офицерским чинам СС, — командир караульной службы выпустил приказ, чтобы заключенные всегда уважительно ее приветствовали. Если они забывали об этом, то посетительница давала им пощечину. В лагере «сестра Пиа», если у нее возникали трудности в общении с некоторыми комендантами, использовала свои контакты с нацистской верхушкой.

В 1935 году Элеонора Баур отпраздновала свой пятидесятилетний юбилей в кругу своих друзей и знакомых из СС, даже музыканты на этом празднике были эсэсовцами.

«Мой день рождения был прекрасен! Все думали только обо мне! Фюрер, Гесс, мой добрый славный рейхсфюрер [Гиммлер]. Вечер я провела в кругу моих любимых “Виам” из Даахау. Они несли меня на руках», — описы-ва-

ла она в письме празднование юбилея баварскому премьер-министру Людвигу Зиберту¹⁰. Было много других поводов, которые она праздновала с персоналом СС концентрационного лагеря. На одном таком кутеже на стенах «подвальчика фюрера» появился портрет Элеоноры Баур с надписью «Сестра Пия, наш лучший эсэсовец» — маленький знак благодарности за то разнообразие, которое она вносила в монотонное течение лагерной жизни.

Так, во время празднования Рождества в 1938 году двенадцать заключенных жестоко избивались, а остальные заключенные должны были в это время петь рождественские песнопения. После этого избитых заключенных заперли на неделю в карцер, в котором не было света. Сделано это было для «повышения праздничного настроения», как выразился комендант концентрационного лагеря.

Праздники в лагере проводились и после начала Второй мировой войны, и в то время как в Мюнхене с 1939 года население страдало от проблем со снабжением продовольствием, «сестра Пия» наслаждалась всеми благами — концентрационный лагерь был для нее магазином самообслуживания, удобным и бесплатным. Так, в заявлении одного заключенного, который провел за решеткой с 1938 по 1944 год, значится следующее: «Было известно, что ее домашнее хозяйство поддерживается из запасов, предназначенных для заключенных концентрационного лагеря Даахау, то есть она использовала продукты из кухни для заключенных или дрова, а позже и стройматериалы для своих личных целей. Каждый раз появляясь в лагере, она ящиками таскала продукты для «ее» заключенных, которые никогда не получали их, она каждый день забирала с собой килограммы сливочного

¹⁰ Цит. по: Holzhaider, «Schwester Pia», a.a.O., S. 109.

масла, колбасы, сала. По приказу сестры Пиа в мастерских лагеря производили предметы мебели, а также другие предметы быта и даже роскоши...»¹¹ По ее поручению заключенные должны были похищать ткани и белье со складов с одеждой. Если их при этом ловили с поличным, то провинившийся получал 25 ударов палкой, а если они выдавали заказчику этого преступления, то получали двойную порцию.

Часто ужасная сестра приходила лишь для того, чтобы позабавиться над страданиями узников концлагеря. Так как она с удовольствием смотрела на издевательства над заключенными, то часто приходила в ту часть лагеря, в которой находились козлы, к которым привязывали заключенных за малейшие провинности и наказывали ударами палкой – от 25 до 100. Элеонора Баур поддерживала дружеские отношения с лагерным врачом доктором Зигмундом Рашером, с которым она познакомилась в больнице Швабинга и о котором ходила дурная слава. Она охотно общалась с его женой Нини (Каролиной) и многочисленными детьми этой супружеской пары, о которых позже с удивлением узнала, что все они были похищены. Но больше всего ее интересовали жестокие опыты с ледяной водой, которые доктор Рашер проводил в концлагере. Для этой цели в концентрационном лагере Дааху рядом с блоком № 5 был сооружен бассейн размером два на два метра, в который окунали юных пленников. Температура воды при этом составляла примерно 2 °С. Пока не наступала смерть от переохлаждения доктор Рашер снимал точные показания термометра и тщательно заносил эти данные в таблицы, которую он рассчитывал использовать для написания работы для получения докторской степени. Крики умирающих в ужас-

¹¹Рассказ о жизни в лагере заключенного Ганса Шварца от 19.9.1947.

ных муках часто мешали ему при работе. «Сестра Пиа», напротив, наслаждалась наблюдением за этими экспериментами. Однажды она присутствовала на очередном опыте, и ей был задан вопрос, не следует ли оглушить заключенных, одетых в летные комбинезоны, до того, как они потеряют сознание от холода. «Сестра» решительно выступила против этого предложения: «Когда немецкий самолет с пилотом упадет в море, то пилот будет находиться в сознании», — объяснила она свою точку зрения и добавила, что «результаты опыта должны помочь немецким солдатам»¹². Элеонора Баур, чье «женское любопытство» было разбужено, как позже она сама об этом писала, наблюдала также «опыты по отогреванию замерзших людей теплом человеческого тела». При этом заключенных, находящихся уже в бессознательном состоянии от переохлаждения, клали между двумя обнаженными проститутками. Когда несчастный приходил в сознание, совершался половой акт. Если подопытный человек не демонстрировал реакции, которой от него ожидали, то «сестра Пиа» требовала от женщин, чтобы они не были так «стыдливы» и брали инициативу в свои руки — ведь, в конце концов, это их ремесло! Когда доктор Зигмунд Раsher с согласия рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера перенес свои эксперименты в концлагерь Освенцим, то Элеонора Баур лишилась своих самых любимых развлечений. Она отправилась к профессору доктору Клаусу Шиллингу, который работал в концлагере Дахау над опытами по исследованию малярии, и наблюдала, как это показал один из свидетелей уже после войны¹³, с извращенным любопытством, как русским заклю-

¹²Интервью с Вальтером Нефом от 26.6.1950.

¹³Из выступления Йозефа Пайнтмайера на процессе против Элеоноры Баур.

ченным на гениталии подвешивали коробочки с малярийными комарами¹⁴.

Начиная с 1934 года Элеонора Баур ежегодно устраивала в Даахау рождественские праздники для немецких заключенных, перед которыми она выступала с пламенными речами в поддержку национал-социализма, а затем раздавала всем маленькие коробочки с вкусными подарками — но евреи, поляки и русские, которых она ненавидела, были лишены этой радости. Когда один из заключенных отклонил ее дар, это вызвало ярость «сестры». По ее приказу несчастного выгнали из зала, выбили ему передние зубы и жестоко избили, прежде чем запереть в темном карцере, в котором он оставался на протяжении нескольких недель.

Но иногда у «сестры» бывали и приступы человеколюбия. В такие дни она ухаживала за умирающими католическими священниками, хлопотала о выдаче ризы заключенным-священникам, над которыми она обычно издевалась, или тайком проносила на волю письма родственникам заключенных. Иногда судьба какого-нибудь «расово нейтрального» человека так трогала ее, чтоoberfюрерин СС, как позже свидетельствовали сами участники событий, заступалась перед своим протеже в гестапо и давала денег.

Позже она с гордостью рассказывала в суде о своем самоотверженном участии в судьбе пастора Йохана Хубера из Ландау. Баур решила, что он достоин ее помощи, так как во время Первой мировой войны был награжден Железным крестом. Она добилась его освобождения из концлагеря и на собственной машине отвезла в больницу в Швабинге, где он скончался со словами: «Вы — ангел-спаситель из Даахау».

¹⁴Eugene Ost, Die Malaria-Versuchsstation im Konzentrationslager Dahcau. In: Dachauer Hefte 4, 1988, S. 174 ff.

Эти эпизоды позволили Элеоноре Баур после войны представить свою деятельность в концентрационном лагере Даахау как исключительно бескорыстную, милосердную и жертвенную заботу об узниках лагеря. И в самом деле, только она переступила порог этого ужасного места в ноябре 1934 года, то сразу потребовала личного «отряда Пиа». Он состоял из трех-четырех заключенных, которые на земельном участке в Оберхахинге, который перешел к Элеоноре Баур после развода с первым мужем, занимались принудительным тяжелым трудом. Пленники лагеря для строительства деревянного дома «сестры Пиа» щедро использовали стройматериал из лагеря Даахау, соорудили бункер-бомбоубежище, затем плавательный бассейн и баню, построили гараж. Уже готовясь к окончанию войны, «сестра Пиа» приказала им установить в саду «лампы победы», которые должны были впервые загореться в день победы Германии. Как следует из многочисленных свидетельств очевидцев, полученных уже после Второй мировой войны, рабочие на принудительных работах у «сестры Пиа» находились в лучших условиях, чем заключенные в концлагере, но им приходилось заниматься работой, которая вызывала у них отвращение, их унижали и, возможно, применяли меры физического воздействия.

Так, все заключенные «рабочей команды Пиа» показали, что каждые две недели они должны были чистить отхожее место, причем соблюдая ритуал, продуманный до мелочей. В одном из таких сообщений говорится: «...после этого мне приходилось мыть стены и пол ямы щеткой, водой и тряпкой, пока яма не выглядела так, как будто ее только что зацементировали...» Элеонора Баур в легкой одежде стояла рядом с выгребной ямой и контролировала все действия рабочих. Затем рабочий мог помыться — при этом она, несмотря на строжайший запрет, наблюдала за ним и даже мыла ему спину. Свою пищу

узники получали в кадке, которая прежде использовалась для чистки выгребной ямы.

Вскоре по Дахау распространился слух, что «сестра Пиа» набирала себе в дом молодых мужчин в свою «осоюзную команду» вовсе не из-за работы. Один экс-заключенный писал об этом в своих воспоминаниях: «Когда она шла по лагерю, то часто случалось, что как раз в это время политзаключенные мылись. Она никогда не упускала случая зайти в купальню, выбирала кого-нибудь, кто ей нравился, узнавала у него его лагерный номер, и на следующий день он уже поступал в распоряжение «команды Пиа»... и если он добровольно соглашался на все и смог удовлетворять ее извращенные потребности, то на пару месяцев он становился ее фаворитом... горе было тем, кто отказывался от этого»¹⁵.

В течение всего существования Третьего рейха Элеонора Баур становилась все более властолюбивой, пока наконец, в кругах СС не сталходить такой афоризм: «Есть только один Фридрих Великий, один фюрер и одна сестра Пиа!» Ее поведение в Дахау было в тягость даже руководству концлагеря и даже самому рейхсфюреру СС Гиммлеру. «Гиммлер встретил ее в высшей степени дружелюбно, — сообщал шофер Элеоноры Баур Рудольф Вирт на процессе по делу Баур в земельном суде, — внимательно выслушал все ее пожелания и за нехваткой времени проводил ее до двери. Не успела обвиняемая выйти, как Гиммлер повернулся к своему адъютанту и сильно отругал его, потому что тот впустил эту уродливую старуху. При этом он пригрозил ему, если такое повторится, серьезным наказанием...»¹⁶ С этого момента Гиммлер начал искать причину, чтобы отделаться от оберфюрерин СС. Предлогом

¹⁵Показания Рудольфа Вирта от 21.2.1950.

¹⁶Ebd.

стал один из тех редких жестов человечности, которые она проявляла — с 1943 года Элеоноре Баур был запрещен вход в концентрационный лагерь Дахау из-за того, что она проносила письма для женщин-заключенных лагеря.

После этого вся активность «сестры Пиа» была направлена на соседей по ее мюнхенской квартире, а также на владельцев соседних участков ее имения в Оберхахинге, за которыми она вела слежку и которым при любой удобной возможности грозила заключением в концлагерь. Она донесла в гестапо на одну знакомую, которая заявила о предстоящей речи Гитлера: «Сейчас будет выступать убийца сотен тысяч людей!» Обладательницу ордена Крови боялись так, что немедленно исполнили ее желание и убрали распятие, установленное у входа в Оберхахинг.

После окончания войны Элеонора Баур была арестована, но вскоре отпущена на свободу. 12 июля 1945 года она вновь была взята под стражу американской службой контрразведки¹⁷. Для нее началась многолетняя одиссея по различным лагерям Германии. Вначале она была помещена в рабочий лагерь в Эйхштэтт в Баварии, затем в больничный лагерь в Гармише и наконец в лагерь для интернированных в Людвигсбурге (Баден-Вюртемберг). Летом 1947 года она была переведена в лагерь для интернированных в Гёггингене (Бавария), затем перевезена в Нюрнберг-Лангвассер и, наконец, в марте 1949 года — в неврологическую клинику Мюнхена. Психиатрическая экспертиза должна была дать заключение о душевном состоянии бывшейoberфюрерин СС. После того как Элеонора Баур показала хотя и очень низкий, но все же коэффициент интеллекта, и было доказано, что она абсолютно вменяема, ее вновь отправили в рабочий лагерь Эйхштэтт. В это время в Мюнхенской судебной палате

¹⁷Counter Intelligence Corps (CIG).

шел процесс по денацификации, на котором 44 свидетеля давали очень противоречивые показания. 26 августа 1949 года был вынесен приговор: «основная степень вины», десять лет рабочих лагерей и конфискация имущества. Кроме того, суд распорядился об особых взысканиях в пользу Фонда возмещения в размере 10 процентов всех будущих доходов, а также ограничил свободу перемещения и выбора жилья в будущем. После этого судебное преследование «сестры Пиа» начала прокуратура Мюнхена с целью взыскания штрафа. Судебный следователь доктор Николаус Нааф провел для того времени очень точное и подробное расследование преступлений, которые вменялись обвиняемой. Процесс продолжался год. Более сотни свидетелей были найдены с помощью объявлений по радио – заключенные из Дахау, домашняя прислуга, соседи, знакомые. К большому удивлению суда, они давали иногда совершенно противоположные показания. В конце концов следователь смог выделить три категории свидетелей: одна группа обвиняла «сестру Пиа» в пособничестве убийствам, в преступлениях против человечества и извращениях сексуального характера. Причем, однако, было установлено, что никто не мог свидетельствовать о лично наблюдаемых сексуальных извращениях Элеоноры Баур – вся информация исходила из вторых рук. Бывший шофер Баур выразился по данной теме следующим образом: «...то, что обвиняемая имела отношения сексуального характера с заключенными лагеря, я отрицаю по той причине, что у нее никогда не было возможности оставаться дома одной. В доме всегда кто-то был еще: или повариха, или я... кроме того, заключенные всегда мне все рассказывали...»¹⁸ Вторая группа называла Элеонору

¹⁸Показания Рудольфа Вирта от 21.2.1950.

Баур «ангелом Дахау». Среди них были католические пасторы, которые во времена нацистского режима находились в заключении в Дахау и которым она иногда помогала, несмотря на то что в 1938 году официально вышла из церкви. Так отец-бенедиктинец Салес Гесс показал следующее: «Я прекрасно знаю, что сестра Пия была представителем Третьего рейха, но также и то, что она наотрез отклоняла преступления системы, что она помогала смягчать жестокости и сделала заключенным много хорошего. Я от всего сердца благодарю ее за то, что она способствовала моему освобождению и тем самым дала мне много часов, полных счастливого ожидания и надежды»¹⁹. Сестра пастора Йохана Губера также засвидетельствовала, что Элеонора Баур «по-настоящему по-матерински» заботилась о ее брате. Третья группа свидетелей – в основном политические заключенные из Австрии, а среди них и будущий министр внутренних дел Франц Ола, – не заметили в деятельности «сестры Пия» ни хорошего, ни плохого.

Так как виной обвиняемой во всех преступлениях, которые ей вменялись, не могла быть однозначно доказана, а при экспериментах доктора Зигмунда Рашира она была лишь визуальным свидетелем, а не активным их участником, то первая Судебная палата земельного суда Мюнхена пришла к выводу, что доказательства пособничества убийствам, нанесения тяжких телесных повреждений, приведших к смерти, являются недостаточными. Высказывания бывших заключенных, данные под присягой, которые пострадали от наказаний побоями, которые ввела Баур, или от продолжительного заключения в темноте, остались неучтенными. Безнаказанным осталось также то, что она обогащалась за счет использова-

¹⁹Sales Hess, O.S.B., Dachau – Welt ohne Gott, Nürnberg 1946.

ния бесплатной рабочей силы из числа заключенных концентрационного лагеря. Процесс был остановлен, все расходы понесла государственная казна.

15 сентября 1950 года Элеонора Баур была освобождена в зале суда и вернулась в свое поместье в Оберхахинге. В 1957 году она подала в Земельный совет Мюнхена заявление на компенсацию, как военнопленная, — но получила ли она ее, остается неясным. Из документов, по крайней мере, это не следует. Элеонора Баур, которую правосудие так и не смогло обвинить и приговорить к наказанию, продолжала жить как ни в чем не бывало в своем комфортабельном доме, построенном заключенными концентрационного лагеря Дааху. Ее избегали соседи, дети обзывали ее «злой старухой», дом ее всегда охраняла немецкая овчарка. Так Элеонора Баур дожила до преклонных лет. Ее бывшие партайгеноссе не забыли ее. К 90-летнему юбилею Элеоноры Баур в праворадикальной газете появилось поздравление, облаченное в осторожные слова: «Сегодня в своем доме в Оберхахинге близ Мюнхена она вспоминает всю свою прожитую жизнь. Она ни о чем не сожалеет и сделала бы это еще раз»²⁰. 18 мая 1981 года «сестра Пия» умерла в возрасте 95 лет. «Товарищество Оберланд / Союз Оберланд» заказало для бывшейoberfuererin СС некролог. Он заканчивался словами: «Ее честью была верность — ее жизнью была Германия»²¹. Даже надгробие ее могилы долгое время украшала надпись: «Жизнь, прожитая за Германию». Эта надгробная плита была убрана совсем недавно. Сейчас сестра Пия покоятся в анонимном склепе с урнами, местонахождение которого известно лишь администрации кладбища.

²⁰ Цит. по: Holzhaider, «Schwester Pia», a.a.O., S. 114.

²¹ Ebd.

Источники

«Вольф» к «Мицци» письма Адольфа Гитлера к Марии Рейтер

*Почтовая открытка с видом и надписью:
Bad Homburg v.d.H. Molkenanstalt u. Rosengarten
Почтовый штемпель Бад Хомбург 21.11.26*

Кому:
Фрл.
Мицци Рейтер
Берхтесгаден
Максимилианштрассе (модный магазин)
Бавария

Любимое дитя!
Огромное спасибо за твое последнее письмо и сердечный привет от твоего Вольфа.

Передай привет фрл. сестре.

*Почтовая открытка с видом и надписью:
Paderborn Marienplatz
Почтовый штемпель 25.11 (неразборчиво)*

Кому:
Фрл.
Мицци Рейтер
Берхтесгаден
Максимилианштрассе (модный магазин)
Бавария

Мое дорогое дитя!
Шлю тебе сердечный привет! Я, как всегда, думаю о тебе! Твой Вольф.

25 ноября 1926.

*Письмо
Мюнхен 22 декабря 1926*

Мое дорогое дитя!

Во-первых, прими огромную благодарность за два твоих последних письма и прости, что я так задержался с ответом. Как ты знаешь, я уезжал на несколько недель, и за это время в Мюнхене накопилось много работы, что по возвращении мне пришлось очень многое сделать. Не сердись на меня. Кроме того, я надеюсь, что смогу сам приехать к тебе. Сейчас я не могу этого сделать. Отчасти оттого, что выпал этот ужасный снег. В мыслях я всегда с тобой. Ты не знаешь, кем ты стала для меня! Я бы так хотел увидеть твоё прелестное лицо, чтобы высказать тебе все то, что твой верный друг вынужден сейчас только написать.

23 декабря у тебя день рождения. Я прошу тебя — прими же и мой сердечный привет вместе с теми поздравлениями, которыми тебя осыпят твои друзья и родные. Я искренне желаю тебе здоровья, дитя мое, и всего самого наилучшего! Прими от меня эти книги... и когда у тебя будет время и желание, прочитай их, и тогда ты сможешь лучше понять меня, чем прежде.

Хочу присоединить к этим поздравлениям с днем твоего рождения и поздравления с Рождеством. Мой маленький рождественский подарок расскажет тебе о том, как я радуюсь, когда моя дорогая любимая пишет мне. Ты себе не представляешь, как я счастлив сейчас, когда получаю от тебя письмо, которое говорит со мной твоим

дорогим голосом. Я всегда слышу его в тишине. И тогда меня вновь охватывает тоска по тебе. Ты думаешь обо мне? Знаешь, Мицци, когда я сержусь или когда у меня проблемы, то тогда мне очень хочется очутиться рядом с тобой, увидеть твои милые глаза и забыть обо всех неприятностях на свете. Да, дитя мое, ты не знаешь, что ты для меня на самом деле и как я тебя люблю. Но прочитай же книги, и ты сможешь тогда понять меня лучше. И еще раз прими самые теплые поздравления ко дню рождения и к Рождеству от своего Вольфа.

Передай, пожалуйста, твоей сестре привет и мои поздравления с Рождеством!

*Почтовая открытка с видом и надписью:
Bayreuth-Regierung*

Байройт, 25 января 1927 года

Мое дорогое дитя!

Мое дорогое дитя! Огромный привет из Байройта, где я сейчас нахожусь, с надеждой на скорую встречу.

Твой Вольф.

Большой привет твоей сестре.

*Почтовая открытка из Детмольда. С видом
и надписью: Hermannsdenkmal im teutoburger Wald
(Памятник Герману в Тевтонском лесу)*

Почтовый штемпель неразборчив: Detmold 25...

Кому:

Фрл.

Мицци Рейтер

Берхтесгаден

Максимилианштрассе (модный магазин)

Бавария

Мое дорогое дитя!

Я сегодня в Детмольде, был у Arminiusdenkmal. Несмотря на плохую погоду, памятник произвел на меня очень глубокое впечатление. Я очень хочу, чтобы ты была со мной. А сейчас мне только и остается, что думать о тебе и написать тебе пару строчек.

Мои сердечнейшие приветы.

Твой Вольф

Письмо

Мюнхен, 8 февраля 1927

Мое дорогое, дорогое дитя!

Из твоих до боли любимых строк я только что узнал, как это было несправедливо, что я не сразу ответил тебе после моего возвращения. Но ты должна меня простить, я надеюсь, что в один прекрасный день я смогу обрадовать тебя неожиданным визитом. Каждый день я надеюсь, что на следующий день смогу это сделать, но снова обстоятельства не позволяли мне это сделать. Ты не можешь себе представить, сколько у меня работы, когда я возвращаюсь из такой длительной трехнедельной поездки. Возникает уйма вещей, которые я должен сделать. (Я как раз прервался на один час!)

Прежде чем я перейду к содержанию твоих последних писем, я хочу поблагодарить тебя за милый подарок, который был сюрпризом для меня. Я был действительно счастлив получить этот знак твоей нежной дружбы ко мне. В моей квартире нет ничего, что радовало бы меня больше! Я все время думаю о твоей прелестной головке и твоих глазах. О чём ты думаешь, я узнал только после моего возвращения, потому что мне не персылали твоих писем. Значит, твой зять собирается перевестись в Мюнхен. Разумеется, что я всегда готов помочь. Смогу

ли я быть полезен и в какой мере, я в данный момент сказать не могу. Мне нужно сначала переговорить с самим господином Гелем. До воскресенья я еще в Мюнхене, а потом опять уезжаю. Я сообщу тебе тогда мой новый адрес. Я буду очень рад познакомиться с господином Гелем. Тогда я смогу определить, могу ли я помочь ему в чем-либо. К сожалению, сейчас у меня нет таких связей, как в 1923 году, скорее наоборот. Моя неуклюжая рекомендация скорее повредит ему, чем поможет. Но думаю, что что-то все-таки смогу для него сделать.

Ты пишешь о своей боли, верь мне, я чувствую ее. Но тебе не нужно печалиться из-за этого, ты должна прежде всего верить: иногда даже отцы не понимают своих повзрослевших детей, но дело не в годах, а в чувствах, отцы все равно желают детям только хорошего. Каким бы счастливым ни делала меня твоя любовь, я прошу тебя ради нас слушать только твоего отца!

Дорогое, прелестное дитя, сердечный привет тебе от всегда думающего о тебе Вольфа.

Передай сердечный привет и огромную благодарность за подарок также твоей уважаемой сестре и ее мужу, хотя я и не знаком с ним пока.

Поздравительная открытка (без даты)

Счастливого Рождества

Желаю тебе от всего сердца

Твой Вольф

Мое любимое дитя!

Прими от меня этот маленький рождественский подарок с уверениями, что мои мысли будут с тобой!

Твой Вольф

*Почтовая открытка из Веймара (без даты).
С видом и надписью:
Веймар, памятник Гёте и Шиллеру*

Фрл.
Мици Рейтер
Берхтесгаден

Мое дорогое дитя!
Прими от меня сердечный привет с заверениями моей
верности.

Твой Вольф!

*Почтовая открытка с видом и надписью:
Вартбург в вечернем освещении*

Мое дорогое дитя!
Огромный привет
От твоего Вольфа

Большой привет твоей сестре

Поздравительная открытка без даты

Веселого Рождства

Мое дорогое дитя!
Поздравляю тебя с днем рождения и с Рождеством и
благословляю тебя! Шлю тебе открытку, чтобы ты зна-
ла, что я помню о тебе!
С сердечным приветом

Вольф

Пожалуйста, передай мои сердечные поздравления
сестре и ее мужу!

Почтовая открытка без даты

Мое дорогое дитя, в спешке я забыл приkleить марку.
Прости меня, пожалуйста.
Мой привет госпоже сестре!

Твой Вольф

Почтовая открытка без марки

Мое дорогое дитя!
Прими от меня этот рождественский подарок и при-
ми мои уверения, что мои мысли будут с тобой!

Твой Вольф

Письмо

Мюнхен, 4 марта 1927

Мое дорогое дитя!
Прими от меня сердечную благодарность за оба твоих
письма и прости меня, что я редко пишу тебе, так как
сейчас у меня очень много дел и у меня нет настроения
писать. Но не думай, что это мешает мне быть с тобой!
Совсем наоборот! Часто в моем воображении я вижу пе-
ред собой твою головку, и мне кажется, что я смотрю в
твои голубые глаза, мое любимое дитя! Большое тебе
спасибо за твои фотографии. Надеюсь, что они тебе тоже
очень нравятся!

Я высылаю тебе свои снимки, также сделанные Гоф-
фманом.

Я буду рад увидеть тебя и прощаюсь с тобой.

Твой Вольф

Наилучшие пожелания госпоже сестре

Письмо, датированное: Мюнхен, 23 декабря 1930

Прости меня за то, что я пишу тебе такое короткое письмо, но я хочу наконец сделать то, что я из-за работы так долго собирался. Я желаю тебе счастья в день твоего рождения, а также веселых праздников! Благословляю твой брак!

Вольф

Поздравительная открытка без даты

Веселого Рождества

Желает тебе, дорогое и любимое дитя, а также твоему супругу от всего сердца

Вольф

Оглавление

Предисловие к немецкому изданию	3
Мария Рейтер. «Мицци» (Киска) —	
неизвестная возлюбленная Гитлера	7
Илзе Гесс. Супруга «заместителя фюрера»	63
Аннелиз фон Риббентроп.	
«Леди Макбет» Третьего рейха	127
Теа фон Харбоу. Королева национал-социалистской	
кинодраматургии	196
Зара Леандер. Дива Третьего рейха	256
Элеонора Баур. «Сестра Пиа» —	
кавалер ордена Крови	324
Письма Адольфа Гитлера к Марии Рейтер	344

Анна Мария ЗИГМУНД

Женщины Третьего рейха

М. Рейтер, И. Гесс, А. фон Риббентроп,
Т. фон Харбоу, З. Леандер, Э. Баур

Зав. редакцией *О. В. Сухарева*

Ответственный редактор *К. А. Залесский*

Технический редактор *Т. П. Тимошина*

Корректор *И. Н. Мокина*

Компьютерная верстка *И. Г. Денисовой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл
ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса: www.ast.ru
[e-mail: astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном
Московском предприятии «Первая Образцовая типография»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
115054, Москва, Баловая, 28

Шесть захватывающих женских портретов дают глубокое представление о Третьем рейхе: Мария Рейтер, неизвестная широкой публике возлюбленная Гитлера, мечта которой стать женой фюрера так и осталась всего лишь мечтой. Илзе Гесс была верной помощницей своего будущего мужа уже в годы становления «движения». До самого последнего момента она боролась за освобождение своего мужа из Шпандау. Аннелиз фон Риббентроп, «леди Макбет» Третьего рейха, превзошла по степени своего политического влияния всех женщин режима. Высокоодаренная Теа фон Харбоу стала «королевой сценариев национал-социализма», создавая фанатичные сюжеты для пропаганды Геббельса. Зара Леандер дала режиму свой голос, получив за это хорошие деньги. А жестокая сестра Пия издавалась над заключенными в концентрационном лагере Даахау.

ISBN 5-17-031598-8

9 785170 315987

интернет-магазин
OZON.ru

19721000